

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2013

№ 2 (114)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2013

№ 2 (114)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
Л. С. Соболева
- Заместитель главного редактора
Д. А. Редин
- Заместитель главного редактора
по международным связям
Т. С. Кузнецова
- Ответственный секретарь
Н. В. Мосеева
- Ответственные
за направления
- История
Н. Н. Баранов
Е. М. Главацкая
Ю. А. Русина
А. В. Шаманаев
- Филология
О. В. Зырянов
А. В. Маркин
Ю. В. Матвеева
А. М. Плотникова
- Искусствоведение
и культурология
Е. П. Алексеев
Л. А. Будрина
Г. В. Голынец
Л. С. Лихачева

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Галян С. В.* Несобранные лирические циклы Г. Р. Державина и Ф. И. Тютчева 7
- Пяткин С. Н.* Роман Б. А. Садовского «Пшеница и плевелы» как мифологическая биография Лермонтова 18
- Зиятдинова Д. Д.* Эволюция представлений о России в творчестве Дины Рубиной 1990-х гг. 30
- Ванюшев М. В.* Формирование повествовательных жанров удмуртской литературы в трудах Г. Е. Верещагина 39
- Григорьев Г. А.* Эпистолярное наследие П. П. Бажова 51
- Хоруженко Т. И.* Жанр современного российского женского фэнтези 61

Лингвистика

- Купина Н. А.* Разноязычие и многоречие в социокультурном пространстве России 68
- Упоров А. А.* Классы слов с модальной семантикой в лексической системе русского языка 76
- Бугрова Е. Д.* Эволюция жанра аннотаций к переводной массовой литературе 82
- Сидорова О. Г., Берчатова И. С., Конторовских А. И., Харлов И. Е.* Иноязычные элементы во внешней рекламе уральского мегаполиса 88

ИСТОРИЯ

- Чернышова Н. К.* Житие святого Иннокентия Иркутского в контексте агиографической традиции 2-й половины XIX в. 97
- Ганиев Р. Т.* Хивинская проблема Российской империи в 1-й половине XIX в.: амбиции и реальность 107
- Эркинов А.* Религиозная политика Российской империи в Туркестане: «Очерк о хутбе за русского царя» Н. П. Остроумова 123

- Коновалов Н. А.* Деятельность пароходного общества «Дружина» (1850—1860-е) ... 133
- Поршнева О. С.* Западная историография о взаимоотношениях власти и рабочих в условиях Гражданской войны 142
- Суровень Д. А.* Сведения японских источников о подготовке правительницей Дзингу корейского похода в Силла 346 г. Окинага-тараси-химэ в Юго-Западной Японии 150

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Иордан А. С.* Опыт книжной иллюстрации Алексея Бродовича 168

РОССИЙСКАЯ СУДЬБА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ Д. ДИДРО К 300-летию со дня рождения философа

- Бугров К. Д.* «Петровская» и «екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. 179
- Приказчикова Е. Е. Д.* Дидро и искушение русского Просвещения 189
- Рабинович В. С.* Наш современник Дени Дидро, или Просвещение продолжается 200

К ЮБИЛЕЮ ТАТАРСКОЙ КНИЖНОСТИ

- Миннегулов Х. Ю.* Из истории татарской книги 205
- Исхаков Р. Л.* Роль книгопечатания в татарской культуре Урала 212
- Татарская книжная культура: современный взгляд. Круглый стол, посвященный 290-летию первой печатной татарской книги в России (*Р. Л. Исхаков*) 224

РЕЦЕНЗИИ

- Приказчикова Е. Е.* К юбилею Г. Р. Державина 230

<i>Бедель А. Э.</i> Границы безопасности и безопасность границ	238
<i>Бугров К. Д., Киселев М. А., Соколов С. В.</i> Нормативно-юридический подход к изучению дворянского сословия в России середины XVIII – 1-й по- ловины XIX в.	240

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Работа диссертационного совета Д. 212.285.22 в 2012 г. (<i>Л. А. Назарова</i>)	245
Новые публикации	250
Сведения об авторах	257
Summary	261

CONTENTS

PHILOLOGY

Literary Criticism

- Galyan, S. V.* Uncollected Lyric Poetry
Cycles of G. R. Derzhavin and
F. I. Tyutchev 7
- Pyatkin, S. N.* *Wheat and Weed* by
B. A. Sadovskoy: Lermontov's
Mythological Biography 18
- Ziyatdinova, D. D.* The Concept of Russia:
Evolution in Dina Rubina's Works
of the 1990s 30
- Vanyushev, M. V.* Udmurt Prosaic Genres
Formation in G.E. Vereshchagin's Works ... 39
- Grigoryev, G. A. P. P.* Bazhov's Epistolary
Legacy 51
- Khoruzhenko, T. I.* Female Fantasy: a Con-
temporary Russian Literary Genre 61

Linguistics

- Kupina, N. A.* Multilingualism and Multi-
dialectalism in Russia's Socio-cultural
Space 68
- Uporov, A. A.* Word Classes with Modal
Semantics in the Russian Lexical
System 76
- Bugrova, E. D.* The Evolution of Blurbs
for Translated Mass Literature 82
- Sidorova, O. G., Berchatova, I. S.,
Kontorskikh, A. I., Kharlov, I. E.* Foreign
Elements in the Outdoor Advertising
of a Ural City 88

HISTORY

- Chernyshova, N. K.* The Life of St. Innocent
of Irkutsk in the Hagiographic Tradition
(2nd ½ of the 19th Century) 97
- Ganiev, R. T.* The Khivan Problem of the
Russian Empire in the 1st ½ of the 19th
Century: Ambitions and Reality 107
- Erkinov, A.* Russian Empire's Religious
Policy in Turkestan: An Essay on
Khutbahs for the Russian Emperor
by N. P. Ostroumov 123
- Kononov, N. A.* The Work of the Druzhi-
na Steamship Company (1850–1860s) ... 133
- Porshneva, O. S.* Western Historiography
on the Authorities-Workers' Relations
during the Russian Civil War 142

- Suroven', D. A.* Japanese Sources on Empress
Jingū's Preparations for the Invasion
of Korean Silla in AD 150

ARTS AND CULTURAL STUDIES

- Jordan A. S.* Book Illustration Experience
of Alexey Brodovitch 168
- D. DIDEROT AND THE RUSSIAN FATE OF
HIS ENLIGHTENMENT IDEAS. Towards
the 300th anniversary of the philosopher
- Bugrov, K. D.* Petrine and Catherinean
Concepts of Political Liberty in
Late 18th Century Russia 179
- Prikazchikova, E. E.* Diderot and the
Temptation of the Russian Enlighten-
ment 189
- Rabinovich, V. S.* Our Modern Denis
Diderot, or Enlightenment Continued ... 200

TOWARDS THE ANNIVERSARY OF TARTAR BOOK CULTURE

- Minnegulov, Kh. Yu.* On Tartar Book
History 205
- Iskhakov R. L.* Book Printing in Ural
Tatar Culture 212
- Tartar book culture: a contemporary view.
A round table of Izvestia's Editorial
Board for the 290th anniversary of the
first printed Tartar book in Russia
(*R. L. Iskhakov*) 224

REVIEWS

- Prikazchikova, E. E.* Towards the Anniver-
sary of G. R. Derzhavin 230
- Bedel, A. E.* The Limits of Safety and
the Safety of Limits 238
- Bugrov, K. D., Kiselev, M. A., Sokolov, S. V.*
A normative legal approach towards the
study of Russia's nobility of mid-18th –
1st ½ of the 19th centuries 240

ACADEMIC CURRICULUM

- On the work of D. 212.285.22 Dissertation
Council in 2012 245
- New publications 250
- On the authors 257
- Summary 261

Литературоведение

УДК 821.161.1-14 Державин + 821.161.1-14 Тютчев

С. В. Галян

НЕСОБРАННЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА И Ф. И. ТЮТЧЕВА

Рассматриваются новые (экспериментальные) формы объединения стихотворений в поэтических сборниках конца XVIII — начала XIX в., когда на смену жанровому мышлению приходит индивидуально-творческое. Первые попытки преодолеть жанровые рамки принадлежат Державину, в творчестве которого некоторые произведения собираются в серии — т. н. несобранные циклы, поскольку при этом образуется смысловой контекст, обусловленный единством темы и/или лирического объекта и возникновением сквозного лирического сюжета, имеющего межтекстовую природу. Сравнительный анализ несобранных циклов Державина и Тютчева позволяет сделать вывод о том, что процессы циклизации в лирике Тютчева являются продолжением державинской традиции.

Ключевые слова: Г. Р. Державин; Ф. И. Тютчев; несобранный лирический цикл; процессы циклизации в поэтических сборниках.

Стремление русских поэтов выразить свои взгляды на мир, связав между собой несколько произведений по ряду принципов, отмечается уже в конце XVII—XVIII в. Барочная архитектура первых сборников стихотворений воплощала представление авторов о книге как мире, некоей духовной целостности. Так, «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого демонстрировал читателю «концепцию христианского миропорядка» [Дарвин, 1997, с. 11]. В XVIII в. в русской поэзии общепризнанные правила составления сборников по жанровому принципу, казалось, не предоставляли авторам возможности в полной мере проявить в этом процессе свою индивидуальность, однако неслучайное расположение произведений внутри жанрово-тематических разделов книги стихов говорило о потребности поэтов создавать контекст. М. Н. Дарвин указывает, что

лирическая циклизация у российских поэтов XVIII в. носила «подражательный характер», а «творческое намерение авторов в аспекте циклизации реализовывалось прежде всего в выборе образца» [Там же, с. 13]. Поэты ориентировались на определенный набор мотивов, считающихся каноническими в рамках определенного жанра. Процесс циклизации, таким образом, ограничивался исчерпанностью этих мотивов в пределах книги. Таковы, например, сборники анакреонтической лирики А. Д. Кантемира и М. М. Хераскова [см.: Дарвин, 1983, с. 46–47].

В конце XVIII — начале XIX в., когда жанровое мышление сменяется индивидуально-творческим, появляются новые, экспериментальные, формы объединения стихотворений. Первые попытки преодолеть жанровые рамки при составлении сборников стихотворений принадлежат Г. Р. Державину. Например, изданные в 1776 г. отдельной книгой «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае» объединены не только по жанровому признаку: в них уже присутствует характерное для всего творчества Державина сочетание гражданственности и сатиры, обусловленное сознанием противоречивости человека, его «великости» и ничтожности [см.: Алексеева, с. 317–319].

Прижизненные издания свидетельствуют о том, что Державину было не безразлично, как расположены стихотворения в сборниках. Например, в издании 1795 г. (так называемый «екатерининский» том — рукопись, преподнесенная Державиным Екатерине II в 1795 г.) анакреонтика еще не составляла цикла, хотя этот том можно считать жанрово-тематической подборкой. Г. Н. Ионин полагает, что уже через год поэт делает попытку упорядочить расположение произведений: «...в архиве имеются листы, где поэт собственноручно нумеровал стихотворения, а затем переделывал их нумерацию» [Ионин, с. 318]. Избранность и неслучайность расположения текстов в сборнике объединяют их в ансамбль, который воспринимается как прообраз лирического цикла.

В творчестве Г. Р. Державина нет авторских циклов в строгом смысле этого слова, однако некоторые произведения собираются в серии или т. н. н е с о б р а н н ы е ц и к л ы, поскольку при этом образуется смысловой контекст, обусловленный единством темы и/или лирического объекта и возникновением сквозного лирического сюжета, имеющего межтекстовую природу.

Признаки циклизации обнаруживают державинские стихотворения, посвященные Суворову: «На победы в Италии», «На переход Альпийских гор», «Орел» и «Снигирь». Эти тексты не исчерпывают «суворовскую» тему в творчестве Державина, однако именно они образуют вполне очевидное тематическое и композиционное единство. Три первых произведения написаны в 1799 г., а «Снигирь» — в 1800 г., после кончины Суворова. Во второй части «Сочинений Державина», изданных в 1808–1816 гг. в Санкт-Петербурге, эти стихотворения следуют одно за другим: «Орел» (с. 97), «На победы в Италии» (с. 99), «На переход Альпийских гор» (с. 101), «Снигирь» (с. 117).

В конце XVIII в. многие русские поэты избирали А. В. Суворова в качестве объекта лирического воодушевления. Например, Е. И. Костров создал несколько произведений, посвященных победам русской армии, однако, по справедливому замечанию Д. В. Ларковича, образ Суворова в этих стихотворениях «вели-

чественный и художественно-выразительный, но в то же время достаточно обобщенный и поэтически-условный» [Ларкович, с. 271]. Оды Кострова не образуют общего сюжета: лирический объект от текста к тексту не приобретает новых черт, неизменными остаются и субъектно-объектные отношения. Суворов у Кострова не имеет признаков характера, поскольку авторская характеристика героя сводится к рефрену «Велик, велик Суворов» [Костров, с. 173].

В творчестве Г. Р. Державина образ Суворова складывался постепенно, на его формирование оказывали влияние конкретные события биографии, индивидуальные черты характера полководца. Несомненно, эти факторы «снижают общий уровень поэтической условности и существенно сближают образ с его реальным прототипом» [Ларкович, с. 273]. Определенная степень свободы отношения автора к лирическому объекту позволила Державину ассоциировать образ Суворова с интересующими поэта проблемами. Так, горацианская тема конечности бытия человека, равенства всех перед смертью, пронизывающая все творчество Державина, развивается в указанных «пьесах» о Суворове, которые являют два состояния великого человека — силу и брэнность. В одах «На победы в Италии» и «Орел» Суворов — в зените славы: «Князь славы! — Се, Суворов, ты!» [Державин, т. 2, с. 274].

Ода «На переход Альпийских гор» описывает «труды и дни» великого полководца, приведшие его к победам:

Несется в бездну по вервям,
По камням лезет вверх из бездны,
Мосты ему — дубы зажжены,
Плывет по скачущим волнам.
Ведет под снегом, вихрем, градом,
Под ужасом природы всей.

[Там же, с. 282]

В последнем стихотворении («Снигирь») жанровые акценты смещены с оды (в ее стансовом, «непарящем» виде) на эпитафию:

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снигирь!

[Там же, с. 348]

Интимное переживание исторического события и личное отношение к герою, которые Н. Ю. Алексеева отмечает уже в «Читалагайских одах» Державина [см.: Алексеева, с. 318], размывают жанровые границы: индивидуальное содержание оказывается важнее жанровой формы. Именно этот процесс М. Н. Дарвин справедливо считает основной предпосылкой лирического циклообразования, поскольку «с потерей жанровой определенности лирических произведений тенденция к их взаимопротяжению, к объединению в целостные контексты... возрастает» [Дарвин, 1983, с. 52].

Эти стихотворения образуют сквозной единый сюжет: описываемые события следуют одно за другим, авторская мысль идет вслед за историческими

событиями. В серии текстов, таким образом, появляется нарративность, отсутствующая в каждом из них по отдельности. То, что «за цепью лирических стихотворений угадывается история, которая могла бы быть рассказана эпически» [Тюпа, с. 53], позволяет считать «суворовские» оды Державина с у м м а т и в н ы м ц и к л о м.

Межстихотворный контекст в этом цикле основан, однако, не только на событиях биографии лирического объекта. Образ Суворова создается Державиным при помощи системы аллегорических мифологических образов, которые, разумеется, не являются признаком индивидуального стиля поэта, однако образуют особый семантический контекст, объединяющий разные стихотворения. В «суворовских» текстах Державина античные Язон, Медея, Марс, Алкид соседствуют со скандинавскими «валками» (валькириями), и «Рюрик торжествует / В Валкале звук своих побед» [Державин, т. 2, с. 271]. Такая мифологическая «география», от юга до севера, распространяет значение побед Суворова и русской армии почти на всю Европу.

Связи стихотворений укрепляют также различные лейтмотивные образы и повторы. Такие повторы в лирическом цикле В. А. Сапогов именуется «межстихотворными скрепами» [Сапогов, с. 176]. Например, акустические образы (звучание лиры, «серебряного» щита, флейты, «ста арф», пение барда) создают эмоциональный пафос оды как хвалебной песни.

Лейтмотивными являются и аллегорические образы грома и орла, с помощью которых формируется представление о Суворове как о могучем витязе: «Куда паришь, Орел полночный» [Державин, т. 2, с. 240]. А в оде «На переход Альпийских гор» аллегии «орел» и «гром» сливаются в один «громокипящий» образ:

Ты грянул наконец! — И свет,
От молнии твоей горящий,
Сердца Альпийских гор потрясший,
Струей вселенну пролетел;
Через неприступны переправы
На высоте ты новой славы
Явился, северный орел!

[Там же, с. 279–280]

В «Снигире» эти образы уже не аллегии, а эпитеты, т. е. являются средствами создания характера: «Львиного сердца, крыльев орлиных / Нет уже с нами!» [Там же, с. 348].

Знакомство Державина с Оссианом (в переводе Е. И. Кострова) и скандинавской поэзией отразилось в нескольких «суворовских» текстах. Я. К. Грот писал: «Исполинские подвиги Суворова... сами по себе вызывали такое обращение к миру древней северной поэзии» [Там же, с. 271].

Но что! не дух ли Оссиана,
Певца туманов и морей...

[Там же, с. 287]

Ударь во серебряный, священный,
Далекозвонкий, валка, щит!
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.

[Державин, т. 2, с. 270–271]

Для Державина большое значение имело сознание того, что слава и победы русского оружия в суворовских походах — это звено в общей цепочке побед в истории России. Суворов в стихотворениях — наследник славы Петра, чей образ повторяется в нескольких текстах:

Носитель молнии и грома
Всесильного Петрова дома!

[Там же, с. 239]

Трепещет в скорби Петр Великий:
«Где росс мой?» — след и слух исчез.

[Там же, с. 286]

Кроме того, Суворов предстает как проводник политики Павла, спаситель европейских монархий; эта мысль, являясь сквозной, образует политическую тему цикла:

Меч Павлов, щит царей Европы...

[Там же, с. 274]

...Пред Павла знаменами
Ты с русскими летишь полками
Престолы падши возносить.

[Там же, с. 240–241]

Слух пройдет в позднее потомство:
«Тобой стер Павел вероломство
И скиптры возвратил царям».

[Там же, с. 242]

Скиптры давая, зваться рабом...

[Там же, с. 348]

Таким образом, «суворовские» стихотворения Державина демонстрируют тенденцию к циклообразованию благодаря таким факторам, как тематическое единство, наличие общего героя и сквозного сюжета, нарративность, разнообразные логические связи, общий историко-литературный контекст, система мифологических персонификаций, повторы различной типологии и т. д.

В 20–30-е гг. XIX в. процесс лирического циклообразования становится фактом литературной жизни. Индивидуализация эстетического мышления поэтов-романтиков приводит к тому, что жанровый принцип формирования сборников сменяется «художественным беспорядком», нарочитой небрежностью

(в большинстве случаев, впрочем, кажущейся) расположения текстов. Появляются лирические циклы, в которых стихотворения объединяются не по жанрам, а вокруг одной темы. М. Н. Дарвин выделяет несколько тематических принципов циклообразования, ориентированных на романтические жанры: 1) «ориенталистские» циклы, связанные с восточной тематикой («Подражание Корану» А. С. Пушкина, «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова и др.); 2) циклы, связанные с перемещениями в пространстве, путешествиями, дорогой («Картины» Ф. Н. Глинки, «Зимние карикатуры» П. А. Вяземского и т. д.); 3) любовные циклы, представляющие «жизнь души» как «историю любви» [Дарвин, 1983, с. 52–53].

Наряду с тематическим в лирике этого времени получает развитие иной принцип циклообразования, связанный с державинской традицией, — объединение нескольких стихотворений вокруг одного героя с образованием лирического сюжета-жизнеописания. Например, пушкинский цикл «Подражания Корану» — лирическая интерпретация жизни пророка Магомета от его бегства из Мекки в Медину до момента осознания им собственного избранничества. Сюжет цикла напрямую связан с биографией героя, но, как и в «суворовском» цикле Державина, к ней не сводится, поскольку поэты в некоторой степени сопоставляют свою жизнь с судьбой своих героев. Подобные ансамбли в русской лирике имеют, по-видимому, общий источник — агиографическую модель, с привнесением, однако, индивидуальной оценки (в отличие от канонической в древнерусской литературе) деяний и личности героя.

Для цикла важно, чтобы отдельные произведения оставляли впечатление некоторой незавершенности темы, что приводит к ощущению необходимости ее продолжить. Продолжающаяся жизнь героя, новые ее обстоятельства, изменение авторского отношения к герою не позволяют автору поставить точку и побуждают его возвращаться к теме вновь. Несколько по-иному обстоит дело с циклами, в которых автор пишет о событиях, уже ставших историей. В этом случае лирический сюжет может развиваться не «вслед» за реальными событиями; ретроспективный взгляд позволяет охватить жизнь героя или проблему в целом.

Такие циклы не всегда образуют лирико-биографический сюжет. Например, «наполеоновский» цикл стихотворений М. Ю. Лермонтова, создававшийся с 1829 по 1841 г., формировался под влиянием романтического мировоззрения автора. Л. И. Вольперт указывает, что «в восприятии Лермонтова Наполеон — вариация байронического бунтаря» [Вольперт, с. 250]. Высокая степень избирательности фактов биографии Бонапарта обусловила отсутствие в цикле нарративности. Отношение автора к Наполеону от начала к концу цикла остается неизменным: это восхищение героем. Лермонтов видит в нем человека, «отмеченного божественным перстом», «мужа рока», облачившего свой народ в «ризу чудную могущества и славы» [Там же, с. 250–251]. Цикл Лермонтова, таким образом, формировался под влиянием не столько истинной биографии героя, сколько уже в основном сформированного наполеоновского мифа.

В русле державинской традиции следует рассматривать некоторые лирические циклы в творчестве Ф. И. Тютчева. «Фрагментарность» [см.: Тынянов, с. 414] тютчевских текстов, выраженная в краткости формы, открытых зачинах

и нарочито «незавершенных» концовках, усиливает роль контекста и придает ансамблю стихотворений необходимую для лирического цикла нарративность.

В поэзии Тютчева есть произведения, которые, по нашему мнению, обладают признаками несобранного цикла. Например, это стихотворения, героем которых является Наполеон. Сравнивая оды Державина о Суворове с «наполеоновскими» стихотворениями Тютчева, можно говорить об их преемственной типологической связи как несобранных лирических циклов. При этом мы имеем в виду не только обстоятельство, что в центре обоих циклов — один герой, но прежде всего открытые Державиным принципы объединения разных стихотворений.

У Тютчева несколько стихотворений о Наполеоне: «Могила Наполеона» (1829), «Из Мандзони» («Высокого предчувствия...»), датированное концом 20-х гг. [Тютчев, т. 1, с. 293], небольшой цикл «Наполеон» (1850), состоящий из трех стихотворений, и «Неман» (1853). Формальным основанием для того, чтобы считать «наполеоновские» произведения Тютчева не просто тематической «подборкой», а несобранным циклом, служит тот факт, что в издании произведений Ф. И. Тютчева 1886 г. «Стихотворения и политические статьи» эти тексты, написанные в разное время, напечатаны на страницах 145–150 под рядом стоящими номерами: 1) «Сын революции! Ты с матерью ужасной»; 2) «Два демона ему служили»; 3) «Проезжая через Ковно» («Ты ль это, Неман величавый?»); 4) «И ты стоял, перед тобой Россия!»; 5) «Из Мандзони» («Высокого предчувствия») [Там же, с. 293–294]. Редактором этого издания был А. Н. Майков, который, по-видимому, осознал потенциально возможные контекстные связи стихотворений и объединил их. Указанные произведения можно, таким образом, считать редакторским циклом, поскольку именно А. Н. Майков впервые представил их как художественное целое. Целью объединения редактором нескольких текстов являлось стремление «представить творческую индивидуальность писателя с определенных идейно-эстетических позиций» [Дарвин, 1983, с. 19].

«Наполеон» — центральное произведение цикла, так как в нем сосредоточились все мотивы других стихотворений: стремление героя к самовластью, в котором крылась его погибель; безверие, выразившееся в безмерной гордыне. Главная мысль, которая объединяет все четыре произведения, — человеческая история склонилась перед великим человеком, но Судьба (Рок, Десница, Рука — в разных текстах эти слова выступают как синонимы) человеку неподвластна, какими бы смелыми ни были попытки ее обуздать:

И ты стоял — перед тобой Россия!
И, вещей волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы!..»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой!..
Но новую загадкой в изгнанье
Ты возразил на отзыв роковой!..

[Тютчев, т. 1, с. 104]

Несмотря на то, что «Наполеон» имеет архитеконику авторского цикла, И. В. Козлик считает, что это произведение «по своим объективным характеристикам является не циклом, а просто лирическим стихотворением» [Козлик, с. 237], поскольку его части, не обладая «идейно-эстетической самостоятельностью» [Там же, с. 246], являются строфами одного стихотворения.

Это весьма спорное суждение, поскольку фрагментарность присуща не только частям цикла «Наполеон», это вообще особенность лирики Тютчева, и то, что «каждая последующая часть «Наполеона» непосредственно продолжает предыдущую» [Там же, с. 246], как раз является доказательством циклической природы тютчевского «Наполеона». Этот триптих, согласно теории В. И. Тюпы, следует классифицировать как *м о н т а ж н у ю к о м п о з и ц и ю*: «В рамках такой ансамблевой формы лирическое высказывание, не сводясь к строфе единого текста... утрачивает свою художественную идентичность. Вне жестко заданного контекста оно воспринимается неполноценно... как незаконченное стихотворение» [Тюпа, с. 54].

В первой части задается тема всех трех стихотворений цикла: двойственность Наполеона, чей гений был порожден революцией:

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе...

[Тютчев, т. 1, с. 101]

Вторая часть триптиха («Два демона ему служили...») конкретизирует смысл первой: причина того, что гений «изнемог в борьбе», — гордыня, отсутствие веры:

Он был земной, не Божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн, —
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый чёлн.

[Там же, с. 102]

Третья часть присоединяется ко второй по принципу «общее — частное»: именно Россия стала тем «камнем веры», который не смог одолеть «гений самовластный» владыки полумира:

И ты стоял — перед тобой Россия!
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся её судьбы!..».

[Там же, с. 102]

«Наполеон» неправомерно считать одним стихотворением еще и потому, что каждая его часть имеет вполне законченный вид и заканчивается афористической сентенцией. М. Н. Дарвин пишет: «Известная “извлекаемость” отдельного произведения из контекста цикла не менее важный его признак, чем целостность или “неделимость”» [Дарвин, 1997, с. 101].

Для «наполеоновского» цикла Тютчева характерно наличие «начала» и «конца» (правда, хронологически данных ретроспективно), т. е. композиционной и тематической завершенности. Ретроспекция в данном случае — это принцип разворачивания лирического сюжета.

Могила великого человека заставляет задуматься о его жизни, в которой было все:

Все испытал он! — счастье,
Победу, заточенье,
И все судьбы пристрастие,
И все ожесточенье! <...>
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистовой,
Преданности слепой.

«Могила Наполеона» [Тютчев, т. 1, с. 67]

И «двойная» ноша оказалась непосильной:

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось.
«Из Мандзони» [Там же, с. 69]

Далее в триптихе «Наполеон» раскрывается противоречивая природа гения Наполеона как источник и его взлета, и его падения. В стихотворении «Неман» говорится о безверии «могучего южного демона», которое стало причиной его поражения в войне с Россией. Он возомнил себя богом и был наказан за гордыню:

И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...

[Там же, т. 2, с. 60]

Россия же была избрана на роль карающей Десницы:

Один лишь раз, по воле Бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...

[Там же]

Цикл, таким образом, имеет кольцевую композицию: разные события — смерть (могила) Наполеона и его поражение в войне с Россией — приобретают одинаковое символическое значение. Лирический сюжет строится на событиях жизни героя: смерть, возвышение на волне революции, победы, переход с армией через Неман, поражение и ссылка.

Между стихотворениями, развивающими общую тему, возникают и множественные логические связи: причина — следствие, сопоставление — противопоставление, действие — результат, общее — частное.

Циклизирующим фактором служат также повторы. Например, картины движущегося войска:

Он зрел в уме подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев...

«Из Мандзони» [Тютчев, т. 1, с. 69]

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели...

«Неман» [Там же, т. 2, с. 60]

Следует отметить и другие, более тонкие связи стихотворений этого несобранного цикла. Тень великого императора из «Могилы Наполеона» («А тень его, одна, на бреге диком...») и Наполеон в позе мертвеца, лежащего в гробу, в стихотворении «Из Мандзони» («крестом сложивши руки») — это образ не только императора в его любимой, всеми узнаваемой позе, но и человека, окончившего свои «труды и дни». «Кончина дня» («Из Мандзони») — это метафора свершившейся духовной кончины Наполеона задолго до его физической смерти.

Таким образом, «наполеоновские» стихотворения Тютчева в читательском восприятии объединяются в некое сложное целое — цикл, состоящий из нескольких произведений, одно из которых («Наполеон»), в свою очередь, представляет собой монтажную композицию из трех стихотворений.

«Суворовский» цикл Державина и «наполеоновский» Тютчева, по нашему мнению, следует квалифицировать как с у м м а т и в н ы е ц и к л ы, представляющие собой «открытые множества текстов, сплавиваемых “общей идеей”» [Михайлов, с. 639]. Именно в творчестве Г. Р. Державина «господствовавший прежде в стихотворных сборниках поэтов XVIII века жанрово-тематический раздел начинает уступать место циклу, главным структурообразующим моментом которого становится принцип выведения “внутреннего” человека» [Дарвин, 1983, с. 52]. И Державин, и Тютчев формируют корпус произведений с одним лирическим объектом в виде ряда фрагментов его биографии, которые связаны авторским представлением о жизни как диалектическом единстве противоречивых начал.

Таким образом, в творчестве Державина складываются объективные тенденции к циклизации отдельных поэтических текстов, что дает основание рассматривать их как ранние образцы несобранных лирических циклов, а сравнительный анализ несобранных циклов Г. Р. Державина и Ф. И. Тютчева позволяет сделать вывод о том, что процессы циклизации в лирике Тютчева являются продолжением державинской традиции.

Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. [Alekseeva N. Yu. Russkaya oda. Razvitie odicheskoy formy v XVII—XVIII vekakh. SPb., 2005.]

Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. М., 1998. [Vol'pert L. I. Pushkin v roli Pushkina. Tvorcheskaya igra po modelyam frantsuzskoj literatury. M., 1998.]

Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово, 1983. [Darvin M. N. Problema tsikla v izuchenii liriki. Keмеровo, 1983.]

Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирических произведений. Кемерово, 1997. [Darvin M. N. Khudozhestvennaya tsiklizatsiya liricheskikh proizvedenij. Keмеровo, 1997.]

Державин Г. Р. Сочинения / объяснит. примеч. Я. Грота : в 9 т. СПб., 1865—1866. [Derzhavin G. R. Sochineniya / ob'yasnit. primech. Ya. Grota : v 9 t. SPb., 1865—1866.]

Ионин Г. Н. Творческая история сборника «Анакреонтические песни // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М., 1986. С. 296—378. [Ionin G. N. Tvorcheskaya istoriya sbornika «Anakreonticheskie pesni // Derzhavin G. R. Anakreonticheskie pesni. M., 1986. S. 296—378.]

Козлик И. В. В поэтическом мире Ф. И. Тютчева. Ивано-Франковск, 1997. [Kozlik I. V. V poeticheskom mire F. I. Tyutcheva. Ivano-Frankovsk, 1997.]

Костров Е. И. Ода его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому // Поэты XVIII века : в 2 т. Т. 2 : Поэты 1780—1790-х годов. Л., 1972. С. 173—175. [Kostrov E. I. Oda ego siyatel'stvu grafu Aleksandru Vasil'evichu Suvorovu-Rymnikskomu // Poety XVIII veka : v 2 t. T. 2 : Poety 1780—1790-kh godov. L., 1972. S. 173—175.]

Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург, 2011. [Larkovich D. V. G. R. Derzhavin i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya. Ekaterinburg, 2011.]

Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гете: смысл и форма // Гете И. В. Западно-восточный диван. М., 1988. С. 600—681. [Mikhajlov A. V. «Zapadno-vostochnyj divan» Gete: smysl i forma // Gete I. V. Zapadno-vostochnyj divan. M., 1988. S. 600—681.]

Сапогов В. А. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А. Блока // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Калуга, 1968. С. 174—189. [Sapogov V. A. Liricheskij tsikl i liricheskaya poema v tvorchestve A. Bloka // Russkaya literatura XX veka (dooktyabr'skij period). Kaluga, 1968. S. 174—189.]

Тура В. И. Градация текстовых ансамблей // Европейский лирический цикл : материалы междунар. науч. конф., 15—17 ноября 2001 г. М., 2003. С. 50—63. [Tura V. I. Gradatsiya tekstovykh ansamblej // Evropejskij liricheskij tsikl : materialy mezhhdunar. nauch. konf., 15—17 noyabrya 2001 g. M., 2003. S. 50—63.]

Тунянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Ф. И. Тютчев: Pro et contra. СПб., 2005. С. 408—424. [Tunyanoв Yu. N. Vopros o Tyutcheve // F. I. Tyutchev: Pro et contra. SPb., 2005. S. 408—424.]

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. М., 2002. [Tyutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma : v 6 t. M., 2002.]

Статья поступила в редакцию 22.01.2013 г.

УДК 821.161.1-31 + 821.161.1-14 Лермонтов + 82.091

С. Н. Пяткин

**РОМАН Б. А. САДОВСКОГО «ПШЕНИЦА И ПЛЕВЕЛЫ»
КАК МИФОЛОГИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ЛЕРМОНТОВА***

Анализируется роман русского писателя первой половины XX в. Б. А. Садовского (1881—1952) в контексте художественной мифологии автора, его православно-христианских воззрений на мир и место и роль в нем человека, который, актуализируя смыслы, восходящие к семантике евангельского текста о пшенице и плевелах, создает мифологическую биографию М. Ю. Лермонтова, качественно отличающуюся от сложившегося литературного канона судьбы и личности поэта.

Ключевые слова: Садовской; Лермонтов; притча; евангельский текст; мифологическое пространство и время; биография.

«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление» [Лермонтов, с. 229]. Эти памятные всем строки из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» вполне могут служить эпиграфом к роману о самом Лермонтове, написанному Б. А. Садовским и носящему название «Пшеница и плевелы». В произведении, оконченном в столетнюю годовщину со дня смерти великого русского поэта, как-то удивительно тонко и, кажется, совершенно непреднамеренно сходятся ключевые смысловые единицы хрестоматийной цитаты. Вопреки читательским ожиданиям, сложная, противоречивая личность Лермонтова предстает у Садовского мелкой (едва ли не мелочной) и заурядной. И рождается она из-под пера поистине зрелого художника, и внешне, и внутренне отрешившегося от суеты и соблазнов сущего мира. И вряд ли здесь стоит искать даже слабое подобие «тщеславного желания» автора, который пять лет работал над своим сочинением безо всякой надежды увидеть его опубликованным.

Роман «Пшеница и плевелы» является итоговым произведением Б. А. Садовского, относящимся к тому роду литературных созданий, что нередко называют духовным завещанием писателя. Оно в полной мере свидетельствует о состоявшемся акте кардинального творческого «переустройства» художественного мировоззрения автора романа, начавшегося на рубеже 1910—1920 гг. и несколько позднее продекларированного им самим изящной афористической формулой: «Мой путь — от Фета к Филарету» [цит. по: Шумихин].

Это изречение приводится практически во всех биографических очерках о Б. А. Садовском, предваряющих или заключающих публикации его художественных произведений, мемуаристики, переписки, дневника. Публикаций, кстати говоря, редких, «порционных», что отчасти объясняет и только еще зарождаю-

* Статья написана в рамках проекта РГНФ № 12-34-10207.

щийся научный интерес к творчеству писателя. А столь частое — почти обязательное — цитирование его афоризма публикаторами происходит конечно же не от скудности биографии Садовского, напротив, она наполнена множеством самых необычных сюжетов. Здесь, быть может, тот самый редкий в истории русской литературы случай, когда художнику самому удается такой резкий перелом в собственном сознании — добровольный уход с обжитых творческих территорий, традиционных и признанных, в область духовной поэзии и религиозного мирозерцания и ясное осмысление и лаконичное выражение этого емким словесным образом.

А путь в большую литературу Б. А. Садовского, уроженца провинциального Ардатова Нижегородской губернии, был стремительным и по-своему ярким даже на звездном фоне Серебряного века русской культуры. Сделавшись, по собственному признанию, в начале творческого поприща «ярким и убежденным “декадентом”» [Садовской, 1994, с. 149], сблизившись с кругом московских символистов, заслужив за свои острые и бескомпромиссные рецензии репутацию «цепного пса “Весов”» и активно публикуясь в других символических изданиях, Садовской вместе с тем причислял себя «к поэтам пушкинской школы» [Садовской, 1909, с. 2].

С 1909 по 1917 г. Б. А. Садовской издал шесть книг стихотворений. Отмеченные вполне благожелательными отзывами критиков той поры, они, однако, не принесли автору славы поэта. Известность и признание Садовской получил за свою необычную прозу, которую отличал изящный синтез языковой и тематической стилизаций, вобравших в себя практически весь жанровый диапазон малого эпоса русской литературы начала XIX в.

Особо стоит сказать о литературно-критических статьях Садовского, высоко оцененных современниками и опубликованных в трех сборниках («Русская Камена», 1910; «Озимь», 1915; «Ледоход», 1916), на каждом из которых лежит отчетливая печать приверженности автора «золотому веку» отечественной словесности. Показателен отклик А. Блока на сборник «Русская Камена», запечатленный в его письме Б. Садовскому 6 декабря 1910 г.: «...Ваша книга, при всей своей целомудренной сдержанности (или, скорее, именно потому, что она этим целомудрием исполнена), — входит прямо в жизнь; оценки Ваши в большинстве случаев должны стать “классическими”» [Блок, с. 322].

Садовской становится заметной фигурой в богатой событиями литературной жизни обеих столиц (Москвы и Петербурга), но его восходящее движение оборвет в 1916 г. страшная болезнь. И он, разбитый параличом, до конца своих дней (треть века!) окажется прикованным к инвалидному креслу. Мучительное болезненное состояние писателя усугубляли следовавшие вскоре революционные события, которые он воспринял как катастрофу русской цивилизации.

Пережив на рубеже первых десятилетий XX в. ужасающий по своей силе духовный кризис, ища «спасения у мудрецов» — то у Канта, то у Шопенгауэра, пытаясь то покончить жизнь самоубийством, то получить испанское подданство, Садовской найдет приют своей измученной душе в ортодоксальном православии. А его больное тело в 1929 г. обретет приют в подвальном помещении

Успенской церкви упраздненного большевиками Новодевичьего монастыря. Именно здесь и состоится окончательное отречение Садовского от искусства в его традиционном для культуры значении во имя православно-религиозной аскетики, «на пробном камне» которой «даже Пушкин оказывается так себе. Поэт — и только» [цит. по: Шумихин]. И свой последний роман «Пшеница и плевелы» создает уже не писатель Садовской, что важно подчеркнуть, а «православный монах эпохи “перед Антихристом”» [Садовской, 1992, с. 184].

Эпиграф к роману, взятый из Евангелия от Луки («Ему же лопата в руку его и отребит гумно свое и соберет пшеницу в житницу свою: плевелы же сожжет огнем неугасающим» [Садовской, 1993, с. 95]¹), выступая поясняющим текстом к потенциально многозначному названию, изначально определяет аксиологические доминанты авторской мысли, располагающиеся в сфере христианско-символических значений единого словообраза «пшеница и плевелы». В самом романе Садовской неоднократно в качестве констатирующей (или предваряющей) ремарки к изображенным событиям использует парафразы молитв, библейских изречений и наставлений пастырей христианской церкви — Иоанна Крестителя, Иоанна Златоуста, Фотия, Филарета.

Нечистота от множества и смешения. Полстакана чистой и полстакана нечистой воды дают стакан нечистой. <...> Для того, кто положился на волю Божию, прошедшее безопасно, будущее верно. <...> В скорбях помни: за пустыней ждет земля обетованная.

Этот фрагмент располагается в тексте романа между описанием «последствий разгульной жизни» Юрия Петровича и сценой его смерти. Тематически приведенный эпизод связан с притчей о пшенице и плевелах, а также с другими подобного рода «авторскими отступлениями» и является духовно-религиозным назиданием, адресат которого, что очевидно, располагается не только в романном сюжете, но и за его пределами. Можно сказать, назидание это, подобно евангельскому посланию, обращено к миру, стоящему на пороге апокалипсического катаклизма. Вместе с тем, на страницах романа не раз звучит прямая речь персонажей духовного звания (монаха, священника, митрополита), напоминающих своим собеседникам о судьбе «ядовитых плевел» и о необходимости «развития доброго семени». Все это вкуче свидетельствует о том, что изображенный у Садовского мир самым отчетливым образом ценностно ориентирован и уже в этом качестве является художественным воплощением мифологической модели мира [см. подробнее: Мелетинский, с. 31].

К такому же выводу мы приходим, исходя из наблюдений над пространственно-временной структурой текста романа, который состоит из шести частей, каждая из них носит название знака зодиака: «Дева», «Весы», «Скорпион», «Водолей», «Рыбы», «Лев». Как видим, несмотря на то, что из двенадцати зодиакальных знаков у Садовского использованы для заголовков ровно поло-

¹ Далее по тексту роман цитируется по этому изданию без отсылок.

вина, их последовательность в композиции романа не нарушена. И, что важно отметить, первая и последняя части произведения — «Дева» и «Лев» — озаглавлены соседствующими друг с другом в зодиакальном цикле знаками. Таким образом, на композиционном уровне время в романе оказывается цикличным и потенциально возвратным, что служит одной из устойчивых характеристик мифологического времени.

Историческое время в романе развивается вполне сообразно мифологическому, однако указание на него в тексте всегда подчеркнуто автономно, отдельным «лоскутком»², стилизованным под документ деловой хроники, в котором сообщается о событии, произошедшем с конкретными лицами в конкретное время и конкретном месте. Например, в главе «Водолей» читаем: «В приказе по кавалергардскому Ее величества полку от 1 января 1837 года отдано о разрешении поручику Георгу-Карлу Дантесу вступить в брак с фрейлиной Высочайшего двора Екатериною Николаевной Гончаровой». А вот финальные строки романа: «Из метрических книг Пятигорской Скорбященской церкви видно, что Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьевич Лермонтов убит на дуэли 16, погребен 17 июля 1841 года. Погребение пето не было».

Однако и объявленное историческое время в романе не свободно от мифологических интенций автора. Так, в начале первой главы все в той же стилевой манере делового письма засвидетельствовано: «Гвардии поручица Елизавета Алексеевна Арсеньева с внуком и пятью дворовыми людьми сего августа 13 числа 1832 года остановилась в Нижнем Новгороде в доме отставного полковника и кавалера Соломона Михайловича Мартынова».

Садовской был прекрасно осведомлен обо всех перипетиях недолгой жизни М. Ю. Лермонтова и, разумеется, знал, что в это самое время Лермонтов вместе с бабушкой выезжает из Москвы в Петербург, где поэт в течение трех лет будет учиться в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерских юнкеров. Писателю, в общей сложности почти тридцать лет прожившему на нижегородской земле, конечно же было хорошо известно, что никогда и ни при каких обстоятельствах Лермонтов не бывал в Нижнем Новгороде. И не мог он в 1832 г. ни в этом городе и ни в каком другом встречаться со своим отцом, как это описано в романе, поскольку Юрий Петрович Лермонтов умер годом ранее.

В. Э. Вацуру в объемном и аналитически тонком послесловии к единственной на сегодняшний день публикации романа Б. А. Садовского отмечал, что «в большинстве своем эти отклонения сознательны» и обусловлены они тем, что автору романа «нужна была художественная достоверность, вступающая в сложный симбиоз с эмпирической истиной» [Вацуру, с. 147]. По существу дела, «сложный симбиоз» и представляет собой одну из умозрительных форм творческой мифологии Садовского. В романе создается особая реальность, находящаяся в прямом соподчинении с изображенным временем и преобразующая историческую реальность в мифотворческое сюжетное пространство,

² В письме К. Чуковскому (декабрь 1840) Б. Садовской сообщал ему о романе, «состоящем из 150 лоскутков» [Садовской, 1992, с. 192]. Нет никаких сомнений в том, что речь шла о романе «Пшеница и плевелы».

которое только в таком виде и на таких условиях входит в онтологически заданный текст, повторяющийся во времени [см. подробнее: Успенский, с. 66–84].

Несуществующий в реальности факт пребывания Лермонтова в Нижнем Новгороде в доме Мартыновых, равно как и большинство других «отклонений» в романе, является отражением мифологической концепции личности Лермонтова у Садовского, заданной в системе аксиологических координат евангельского сюжета о пшенице и плевелах.

Сюжет нельзя сводить только к притче о пшенице и плевелах, он открыт для многих смыслов Божьего Слова (о сеятеле и семени, о зарытых талантах, о добрых и худых плодах), актуализируемых по большей части в подтексте романного повествования. В мифологической проекции этого сюжета и происходит авторское осмысление судьбы Лермонтова. Садовскому важно намного раньше, нежели это состоится в реальной биографии, свести своего героя с Николаем Мартыновым, чтобы дать некий изначальный образ единого поля, взрастившего таких разных людей и вместе с тем словно обреченных к встрече друг с другом, как пшеница и плевелы до срока жатвы в евангельской притче. Автор уравнивает героев во многих правах, для чего и продлевает на один год жизнь Юрия Петровича и как бы совершенно «забывает» (в «нижегородских» главах) о существовании Елизаветы Михайловны — матери Николеньки Мартынова. Для мифотворческой оптики романа существенно и значимо отличие в судьбах и образах жизни отцов, предопределивших пути и нравственный выбор детей, подобно тому как в Нагорной проповеди Христа отличаются два дерева, дающие столь разные плоды.

Садовской насыщает мифологическое пространство романа событиями, располагающимися на периферии сюжетного действия и по своей морфологии и семантике ориентированными на жанр притчи. Таков, например, эпизод с рябым мужиком, который в доме своем «икону снял», желая по-настоящему «уверовать». Или рассказ о листочке со странными рисунками, подаренном печерским старцем Ивану Ивановичу Эгмонту.

Изображенный мир в романе предстает как замкнутое пространство духовного бытия, в котором человек постоянно вовлекается в сакральную сферу нравственно-религиозного самоопределения. Поступок рябого мужика заставляет Эгмонта-младшего глубоко задуматься над возможным несовпадением ритуала и его сущности — «уметь молиться» и «истинно уверовать». А рисунки старца, истолкованные сыном, становятся для Эгмонта-отца решающим побудительным мотивом к переходу из католичества в православие. Посредством этих событий в романе реализуется один из ключевых смыслов евангельского текста о пшенице и плевелах, который акцентирован в святоотеческой литературе, составляющей основной круг чтения Садовского в тридцатые годы: «Не будем же беспечны, пока мы находимся на гумне, мы еще можем из плевел обратиться в пшеницу» [Иоанн Златоуст, с. 23].

При всей удаленности фигуры Лермонтова от названных событий (а это, разумеется, не единственные примеры подобного рода) опосредованно их духовно-назидательное значение характеризует и авторскую идею личности поэта в мифотворческом пространстве романа.

В этом пространстве особая роль принадлежит Нижнему Новгороду. Не случайно сюжетное действие первых трех частей произведения, вопреки биографическим фактам жизни Лермонтова, происходят именно здесь. Образ Нижнего Новгорода в локусе романного повествования предстает как точка слияния исторического и мифологического времени, запечатлеваясь замысловатым узором реальных топонимических знаков и вековых легенд («Под Коромысловой башней на счастье живую заложена девушка с ведрами и коромыслом»), деталей быта и символов священного бытия («...купцы после молебна на пристани угощают бурлаков водкой, потчуют пирогами и отплывают с песнями...»).

Нижегородская земля — духовное пространство родовой памяти автора романа, объединяющее многие его произведения и актуализирующее высшие потенции провинциального мира [см. об этом: Пяткин, с. 384—390]. Нижний Новгород и является у Садовского «столицей» русской провинции, населенной простыми и добродушными обывателями, которые только по ложному предубеждению предстают для «прогрессивного человечества» людьми с «косными мещанскими взглядами». Таким «предубеждениям» Садовской, ярый противник всякого прогресса, противопоставляет в романе одухотворенный образ провинциального обывателя:

Ну, а жители? Этот раздобревший красноносый городничий, должно быть, только и знает брать взятки, закусьвать да разъезжать по частям; нет: в городе каждому известно, что уже много лет толкует он Апокалипсис и ведет глубоко-мысленный дневник. Долговязый смеющийся юноша в халате вечно торчит с шестом на голубятне; наверное, какой-нибудь Митрофанушка; не тут-то было: он сочиняет стихи и состоит в переписке с самим бароном Брамбеусом. А толстый купец? что у него за душой, кроме самовара да кулебяки с сомовым плесом? Но и купец не чужд церковной учености: он разрисовывает заставки в книгах, выводит лебяжьим пером на пергаменте икосы и кондаки, читает за обедней Апостола. А слышал ли кто, о чем беседуют эти люди с женою и детьми, с друзьями и знакомыми, как молятся и как веселятся, никому не зримые, укрытые от посторонних и чуждых глаз?

Взгляд православного обывателя, истинного хранителя святой Руси, и является субъектной оптической осью, внутренним зрением в художественной аксиологии романа, что подчеркнуто антитетичен сложившемуся литературному канону в осмыслении и изображении личности и судьбы Лермонтова. В уже приводимом нами письме К. Чуковскому Садовской, поясняя авторский замысел своего романа, особо выделяет как несомненное право художника смотреть «на мир не только с литературной стороны, а и с человеческой, не с лица, а изнанки» [Садовской, 1992, с. 192].

Такой взгляд становится в «Пшенице и плевелах» идейно-художественной основой в авторском построении мифологической биографии Лермонтова.

В 1912 г., почти за четверть века до начала работы над своим романом, Б. А. Садовской опубликовал в журнале «Русская мысль» эссе «Трагедия Лермонтова», которое с небольшими изменениями и под заглавием «М. Ю. Лермонтов»

вошло в книгу писателя «Ледоход». Это литературно-критическое исследование Садовского появилось, что называется, по горячим следам знаменательной для истории русской словесности полемики между Вл. Соловьевым и Д. Мережковским относительно религиозно-философской сущности творческой личности Лермонтова.

Сознательно уходя от напрашивающегося здесь сопоставительного анализа (все-таки это тема отдельного разговора), лишь подчеркнем, что эссе Садовского, содержательно соприкасающееся с некоторыми наблюдениями и выводами Соловьева и Мережковского, в самой идее принципиально расходится с их хрестоматийными работами. В них авторы, по большому счету, размышляют на тему, какой в силу различных обстоятельств получился из Лермонтова поэт. Иную картину мы наблюдаем в статье Садовского. Вот ее один из начальных тезисов, подчеркнута не оригинальный, почти ходульный: «Поразительна лермонтовская цельность, гармоничность его природы, самобытность колоссального его таланта» [Садовской, 1916, с. 9]. А вот парадоксальное утверждение, завершающее эссе: «Полное собрание его сочинений являет собой огромную грудку сменявшихся беспрестанно черновиков; перебелить их окончательно не дала смерть» [Там же, с. 30].

По сути, Садовской, не сомневаясь в поэтическом даре Лермонтова, пишет о том, как из него не получилось поэта. Да и, собственно, поэтический дар его, в версии Садовского, — «один демонический аккорд» [Там же], обладающий мощной магнетической силой и полностью стерший границу между творчеством и жизнью Лермонтова.

Думается, уже в эссе Садовского содержатся истоки мифологической биографии Лермонтова, получившей целостный и законченный вид в романе «Пшеница и плевелы». Здесь полностью исчезает «различение между миром непосредственного бытия и миром опосредствующего значения» [Кассирер, с. 237], а образ главного героя создается при помощи сложного парафразного синтеза избранных воспоминаний о Лермонтове и произведений самого Лермонтова. Несмотря на то, что в романе явлены основные вехи его реальной биографии — отъезд в Петербург, стихотворение на смерть Пушкина, «кавказская ссылка», ссора с Мартыновым, дуэль и смерть, событийный мир поэта выстраивается по большей части из сюжетов, а иногда из небольших эпизодов его произведений.

В. Вацуро, отмечая ряд мест романа, в котором Лермонтов «прямо и грубо» соотнесен со своими героями (из поэмы «Сашка», романа «Герой нашего времени», повести «Штосс»), аттестует это как не свойственное Садовскому «рабское переписывание слов и фраз из недосягаемого высокого образца» [Вацуро, с. 148].

Действительно, ученический пересказ произведений Лермонтова просто не совместим с репутацией изощренного стилизатора, каким и являлся автор романа «Пшеница и плевелы». Однако нужно принимать во внимание, что изначально «высокого образца» лермонтовской поэзии в романе Садовского не существует. Автор идет по пути осмысленного травестирования литературного канона, соотнося то или иное событие романа с его художественным выражением в творчестве Лермонтова. В объективе повествования, образно говоря, сходятся взгляд православного обывателя, носителя духовно-религиозных норм, и

взгляд условного читателя, носителя канона, хорошо представляющего себе биографию и творческое наследие Лермонтова. Схождение и взаимодействие этих оптических линий в сюжетных точках романа не только обнаруживает комический эффект, но и «ставит» знаки вопроса в очевидных и бесспорных сферах литературного канона. Так, к примеру, посещение Мишелем печерского старца закончилось в его пересказе тем, что старец его избил палкой («отколо-тил, да и вышвырнул за дверь»). Лейтмотив изображенной ситуации (старец, не принимающий поэта и побивающий его) в несколько измененном виде воплощен в лермонтовском «Пророке». А это в итоге вынуждает в другом свете прочесть «Пророка» и, быть может, усомниться в Божьей избранности его автора. Мишель пересказывает случившееся у старца как сугубо бытовую, в чем-то даже абсурдную историю, но никак не пророческое указание, призванное переосмыслить собственный образ жизни, достойный палки, а не благословения.

В отличие от других символических знаков и наставлений печерского старца, обращенных в романе к Николеньке Мартынову, Ивану Ивановичу Эгмонту, полковнику Древичу, случай с Мишелем лишен каких бы то ни было пояснений. И причина, на наш взгляд, в том, что высокое призвание поэта обязывает его самого, без чьих-либо подсказок, прозревать тайный смысл в словах и поступках духовного проводника Божьего Промысла в человеческом мире. Пророческий дар — как доминанта литературного канона творческой личности Лермонтова — не только не находит своего художественного воплощения у Садовского, но и становится объектом комического переосмысления.

В этой связи любопытна и функция эпитафий в романе, где каждой части предпосланы цитаты из программных стихотворений Лермонтова. К первой части («Дева») эпитафией стала строка из лермонтовской «Молитвы» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», 1837) — «Окружи счастьем счастья достойную»³. Само по себе это стихотворение является одной из ярчайших поэтических иллюстраций особого религиозного чувства Лермонтова, ведущего его к пониманию истинного содержания красоты и добродетели, жертвенно-смирненного отношения к любимой женщине. Однако изображенные события в первой части полностью противоречат одухотворенному смыслу великих строк. В фокусе цитаты оказывается судьба простолюдинки Мавруши, некогда соблазненной Мишелем и без памяти любящей его, но вынужденной выйти замуж за бывшего крепостного Лермонтовых, художника Апофродита Егорова. В данном контексте «Молитва» Лермонтова получает едва ли не циничное звучание, и ей, совершенно бесплодной, в тексте противостоит искренняя и простая молитва «в Крестовой церкви» самой Мавруши, просящей «у Владычицы помощи и прощения».

³ В собраниях сочинений М. Ю. Лермонтова эта строка, как известно, выглядит так: «Окружи счастьем душу достойную». В эпитафии Б. А. Садовской приводит ее по первой редакции стихотворения (в письме М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г.; текст письма на фр. яз.), носящего название «Молитва странника» [см.: Лермонтов, с. 395–397]. В этой же редакции строка звучит и в популярном музыкальном произведении М. П. Мусоргского (1865).

Остановимся подробнее и на эпитафии ко второй части («Весы»), которым послужила строка из стихотворения «Желание» (1831) — «Последний потомок отважных бойцов», запечатлевшем в себе семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

В этом стихотворении выражается несказанная тоска по свободе лирического героя, его стремление преодолеть строгие «законы судьбы» и наслаждаться вольной жизнью на земле предков. Свое же настоящее положение лирический герой, говоря о себе в третьем лице, передает живописным романтическим образом: «Увядает средь чуждых снегов». В сюжетном действии второй части стихотворные мотивы высокой мечты и душевного увядания находят подчеркнута сниженное выражение в образах отца и сына Лермонтовых, ничем не напоминающих своих предков — «отважных бойцов». «Последствия разгульной юности» превратили еще вполне молодого Юрия Петровича в беспомощного, опустившегося старика. «По кабакам, по балаганам, по трактирам» расточает свои дни Мишель, садясь за карточный стол с шулерами, проигрывая им двадцать тысяч и страстно желая отыграться. Да и сам предок появляется во сне Мишеля демоническим призраком, чтобы, подобно пушкинской графине из «Пиковой дамы», назвать выигрышную ставку в карточной игре. Фрагмент предания о шотландце Фоме Лермонте, «певце-прорицателе», присутствующий в романе «лоскутком» авторского повествования, образует отчетливый контраст с повествованием о наследниках великого рода, которым не открылись «тайны грядущего» и для которых оказались невостребованными высшие истины настоящего.

В целом, все эпитафии соотносятся с содержанием «своих» частей романа похожим образом. Непосредственно же в повествовании присутствуют только два стихотворения Лермонтова. Одно из них — это эпитаграмма 1841 г. «Куда, седой прелюбодей...» (с изменениями во второй строке), которое цитируется Владимиром Эгмонтом в заключительной части романа и служит его укором Мишелю за то, что он «не различает, с кем можно и с кем нельзя шутить». В четвертой части («Водолей») приводятся фрагменты самого известного и резонансного произведения Лермонтова «Смерть поэта» (1837). Неожиданная форма подачи этих фрагментов, сопровождающихся критическим комментарием к избранным строкам, который принадлежит Николаю I. «Критический разбор» самодержца полностью лишен каких бы то ни было рассуждений о поэтическом слого и эстетическом совершенстве/несовершенстве стихотворения. На первый план выходят размышления высокого «критика» о вопиющем, с его точки зрения, противоречии содержания лермонтовских строк как реалиям пушкинской жизни, так и здравому смыслу:

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет...

Вот уж подлинно: зачем? И кто, кроме беса, мог толкнуть Пушкина в этот мелкий искусственный мирок? А ведь он был человек обеспеченный, молодой, здоровый. Мог поселиться у себя в деревне и творить на досуге; конечно, и за границу бы его отпустили. Жена мешает? оставь ее, оставь все на свете; беги с котомкой куда глаза глядят. А уж в конце прямая ахинея:

...Надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов...
...Жадною толпой стоящие у трона
Свободы, гения и славы палачи...

Что за потомки подлецов, какие палачи? Ведь русский Государь самодержавен: у трона его не стоит никто. Тогда выходит, что поэта погубил царь. Вам смешно, и я смеюсь; да что говорить: такой подлой глупости даже во сне не придумаешь.

Известно, что Николай I с детских лет Садовского оставался идеальным воплощением русской самодержавной власти. Таков он, монументальный и человечный, предстает и в романе «Пшеница и плевелы». И не случайно именно ему доверяет Садовской в качестве высшей инстанции объявить приговор великому лермонтовскому творению. Обращает на себя внимание лексико-стилистический регистр, избранный для «критических возражений» и служащий сознательному умалению царя до обывателя, что едва ли не преобразует (а скорее всего и призвано автором к этому) суждение самодержца во «мнение народное». В этом отношении показательно, что легендарная фраза Николая I, сказанная якобы при получении им известия о смерти Лермонтова, в перефразированном виде «перепоручается» пушкинскому лакею и становится оценкой смерти Пушкина: «Жил как пес и подох как пес». Симптоматично и побуждение к весьма жуткой оценке: по словам лакея, смертельно раненный Пушкин «ни единого разу имени Божия не вспомянул и лба не перекрестил. Поп, что приобщал его, весь бледный вышел, трясется».

Итак, Садовской отказывает Лермонтову в праве считаться великим русским поэтом, обнажая и детализируя в его романном жизнеописании изначально заявленную сущность — я д о в и т ы й п л е в е л. Собственно, как и предначертанность судьбы Мартынова — быть орудием Провидения, исторгающего в «вертограде Христовом» «ядовитые плевелы из Его пшеницы».

Особо подчеркнем, что фамилия *Лермонтов* встречается в романе только в указаниях на авторство цитат, вынесенных в эпиграфы к частям, и в хроникальных авторских вставках. В самом повествовании герой зовется только *Мишелем*, в отличие от других персонажей. Садовской ни разу не использует прозвище Лермонтова *Маёшка*, данное поэту в юнкерской школе и вполне способное оправдать себя в некоторых эпизодах романа. Автор, отказывая Мишелю в фамилии, лишает его тем самым поэтического имени.

Соблазнитель, неблагодарный сын, картежник, кутила, насмешник, в конечном счете нечистый на руку дворянин — вот из чего складывается общая репутация Мишеля в романе. Примечательны и характеристики героя, данные у Садовского тремя рассказчиками (автором-повествователем, Эгмонтом-младшим и Николенькой Мартыновым), но не отличающиеся многоплановостью и имеющие отрицательные коннотации.

Однако есть в романе по крайней мере два эпизода, исподволь снимающие такую одномерность в изображении Мишеля. Так, в пятой части Владимир Эгмонт, наблюдая за злыми «до неистовства» остротами своего друга в кругу сослуживцев перед отъездом на Кавказ, подмечает: «По беспокойным глазам Мишеля я

угадывал, до какой степени ему тяжело; видел, что сидевший в нем демон заставляет бедняжку ломаться против воли, мстить за унижение свое и оттого страдать. Когда мы с Ламбертом вышли, граф заметил: «Он борется с собой».

Действие второго эпизода происходит накануне дуэли, когда герой случайно встречается на узкой горной дороге со священником: «Мишель посторонился и нерешительно двинулся, будто собираясь принять благословение; священник, не заметив его, прошел».

В первом случае приоткрывается завеса во внутренний мир героя, двойственный и противоречивый, являющийся в таком качестве одной из значимых характеристик литературного канона личности Лермонтова и не имеющий в данном фрагменте повествования «встречного движения» иной точки зрения. Во втором — робкий шаг навстречу священнику, не замеченный тем, оставляет за Мишелем глубоко спрятанную в душе потребность в покаянии. Но не более. Герою романа не суждено «из плевел обратиться в пшеницу». И в этом, пожалуй, главный идейный смысл мифологической биографии Лермонтова, написанной «православным монахом эпохи “перед Антихристом”».

В. Вацуро справедливо видел в романе «Пшеница и плевелы» «пародийную», «почти кощунственную» идею [Вацуро, с. 149]. Исходя из наших наблюдений, оценку ученого можно дополнить и еще одним компонентом — «ритуальной» идеей.

Миф о Лермонтове используется Садовским «как инструмент разрешения фундаментальных противоречий сознания, неразрешимых в рамках иных, немифических, его форм» [Маркович, с. 178]. И это противоречие, судя по содержанию «Дневника» писателя 1931–1934 гг., имело сугубо «гоголевское свойство: между православно-христианской аскетикой и светской литературой и, шире — религией и искусством»⁴. Ярко выраженное демоническое начало в художественном сознании Лермонтова, само по себе обладающее мифологическими потенциями, делало фигуру поэта той самой ритуальной жертвой, что принесена Садовским во имя обретения душевной гармонии, внутренних сокровищ, «о каких и мечтать не смел» [Садовской, 1992, с. 192].

Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8. М. ; Л., 1963. [Blok A. A. Sobranie sochinenij : v 8 t. T. 8. M. ; L., 1963.]

⁴ Это, в частности, в романном повествовании подтверждается судьбой вымышленного героя Апофродита Егорова, художника, бывшего крепостного Е. А. Арсеньевой, выпускника Ступинской школы (реально существовавшей Арзамасской школы живописи, основанной академиком А. В. Ступиным и действовавшей в г. Арзамас Нижегородской губернии с 1802 по 1862 г.). Его жизненный путь в основных своих событиях полностью совпадает с судьбой безымянного автора портрета ростовщика из повести Н. В. Гоголя «Портрет» (1842). Оба эти героя — живописцы, взыскующие о «высоком создании искусства» и стремящиеся «к чистоте души своей», после долгих мытарств удаляются в монастырь, становясь иконописцами. Справедливости ради нужно сказать, что глава «Близнецы», где рассказывается о монастырской жизни Апофродита Егорова, в основную редакцию романа «Пшеница и плевелы» не вошла. И этот факт, кажется, тоже служит отражением все того же противоречия в сознании Б. Садовского между духовно-религиозным и светским в осмыслении самого явления искусства автором романа.

Вацуро В. Э. [Послесловие к роману: Садовский Б. А. «Пшеница и плевелы»] // Новый мир. 1993. № 11. [Vatsuro V. E. [Posleslovie k romanu: Sadovskij B. A. «Pshenitsa i plevely»] // Novyj mir. 1993. N 11.]

Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 т. Т. 2. М.; СПб., 2002. [Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form : v 3 t. T. 2. M.; SPb., 2002.]

Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 5 т. Т. 5. М.; Л., 1937. [Lermontov M. Yu. Polnoe sobranie sochinenij : v 5 t. T. 5. M.; L., 1937.]

Маркович В. М. Миф о Лермонтове на рубеже XIX—XX веков // Russian Literature. XXXVIII. Amsterdam, 1995. [Markovich V. M. Mif o Lermontove na rubezhe XIX—XX vekov // Russian Literature. XXXVIII. Amsterdam, 1995.]

Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М., 2000. [Meletinskij E. M. Ot mifa k literature. M., 2000.]

Пяткин С. Н. Об одном нижегородском сюжете в творчестве Б. А. Садовского // Карповские чтения : сб. ст. Вып. 4. Арзамас, 2012. [Pyatkin S. N. Ob odnom nizhegorodskom syuzhete v tvorchestve B. A. Sadovskogo // Karpovskie chteniya : sb. st. Вып. 4. Arzamas, 2012.]

Садовской Б. Записки (1881—1916) / публ. [вступ. ст. и примеч.] С. В. Шумихина // Рос. архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. : альманах. М., 1994. [Sadovskoj B. Zapiski (1881—1916) / publ. [vstup. st. i primech.] S. V. Shumikhina // Ros. arkhiv : Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII—XX vv. : al'manakh. M., 1994.]

Садовской Б. А. М. Ю. Лермонтов // Садовской Б. А. Ледоход : статьи и заметки. Пг., 1916. [Sadovskoj B. A. M. Yu. Lermontov // Sadovskoj B. A. Ledokhod : stat'i i zametki. Pg., 1916.]

Садовской Б. А. Позднее утро. М., 1909. [Sadovskoj B. A. Pozdnee utro. M., 1909.]

Садовской Б. А. Пшеница и плевелы / публ. и вступ. ст. С. Шумихина ; послесл. В. Э. Вацуро // Новый мир. 1993. № 11. [Sadovskoj B. A. Pshenitsa i plevely / publ. i vstup. st. S. Shumikhina ; poslesl. V. E. Vatsuro // Novyj mir. 1993. N 11.]

Садовской Б. Заметки. Дневник (1931—1934) / [публ. И. Андреевой] // Знамя. 1992. № 7. [Sadovskoj B. Zametki. Dnevnik (1931—1934) / [publ. I. Andreevoj] // Znamya. 1992. N 7.]

Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений : в 12 т. Т. 7, кн.1 : Почаевская лавра, 2009. [Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij : v 12 t. T. 7, kn.1 : Pochaevskaya lavra, 2009.]

Успенский Б. А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Труды по знаковым системам. Вып. 23. Тарту. 1989. [Uspenskij B. A. Istoriya i semiotika (vospriyatie vremeni kak semioticheskaya problema) // Trudy po znakovym sistemam. Вып. 23. Tartu. 1989.]

Шумихин С. В. Практика пушкинизма (1887—1999) // Новое лит. обозрение. [Электрон. журн.]. 2000. № 41. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/41/shumih.html> (дата обращения: 17.10.2012). [Shumikhin S. V. Praktika pushkinizma (1887—1999) // Novoe lit. obozre-nie. [Elektron. zhurn.]. 2000. N 41. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/41/shumih.html> (data obrascheniya: 17.10.2012).]

Статья поступила в редакцию 22.10.2012 г.

УДК 82.01 + 821.161.1 Рубина

Д. Д. Зиятдинова

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДИНЫ РУБИНОЙ 1990-х гг.

Рассматривается своеобразие репрезентации «русского текста» в творчестве Д. Рубиной постсоветского периода; анализируется процесс перехода от точки зрения «своего» к точке зрения «чужого» в восприятии и оценке России и выявляется отражение этого процесса в текстах произведений через специфику трансляции авто- и гетеростереотипов, трансформацию русской культурной концептосферы в культурную стереотипизацию.

Ключевые слова: интеллигентский дискурс; самоидентификация; выбранная идентичность; авто- и гетеростереотипы; культурные стереотипы, авторская маска.

Репрезентация России в творчестве Д. Рубиной имеет динамический характер и переживает своеобразную эволюцию, трансформируясь от почти непрописанного образа России в ее ранних рассказах до концепта «Россия» в более позднем творчестве («Синдикат», 2004; «На солнечной стороне улицы», 2006), с промежуточной дискурсивной формой репрезентации («Во вратах твоих», 1993; «Вот идет Мессия!», 1996; «Последний кабан из лесов Понтеведра», 1998). Э. Ф. Шафранская, говоря о первом этапе творчества писательницы, отмечает: «Пространство прозы Рубиной доэмигрантского периода не имеет собственно географического концепта. Оно обретает черты “топо-текста” в эмигрантскую пору писателя: израильское пространство, ташкентское, российское. Видимо, опосредованность и остраненность — необходимые составляющие для рождения собственно “географического текста”» [Шафранская, 2008, с. 14].

Перелом в изображении России происходит в рассказе «Яблоки из сада Шлицбутера», одном из рубежных произведений, входящем в первый «израильский» сборник писательницы [Рубина, 1994], где начинает создаваться оппозиция метрополия — периферия, которая будет структурировать «русский текст» в произведениях 2000-х гг. Изменение характера репрезентации России на этом этапе становится знаком завершения процесса авторской самоидентификации, определяющего собой специфику прозы Д. Рубиной 1990-х гг. Для писательницы все большую роль начинает играть этническая линия, а условно «русская» самоидентификация утрачивает свою значимость.

Следствием этого становится изменение характера художественной репрезентации России, превращение ее в концепт, структурируемый оппозицией «метрополия — периферия», которая практически никогда не представлена в полном объеме: при наличии полностью прописанного одного ее элемента другой всегда подразумевается. Так, в «Синдикате» доминирующую роль играет негативная — имперская — составляющая концепта «Россия». В романе «На солнечной стороне улицы» главной становится «периферийная» часть русского текста — ташкентский мир. При этом вторая часть оппозиции, хоть и в значи-

тельно редуцированном виде, представлена в романе темой имперской агрессии, сводимой к упоминанию изменений в облике города после землетрясения 1966 г. Подобная характеристика «братской помощи» страны разрушенному Ташкенту возникает из-за временного сдвига, благодаря которому фикциональность образа Ташкента в настоящем («город, которого нет больше ни на одной карте» [Рубина, 2012, с. 812]) мотивирована не только ситуацией эмиграции (образ Ташкента возникает из хора «голосов унесенных ветром» [Там же, с. 806]) или природного катаклизма, но во многом является результатом имперской агрессии метрополии.

Объектом нашего исследования становится наименее изученный дискурсивный характер репрезентации «русского текста» Рубиной. В произведениях 1990-х гг. он реализуется темой Русского Израиля, структурирование которой происходит в рамках интеллигентского дискурса¹.

В произведениях первых лет жизни в эмиграции тема Русского Израиля открыто связывается с проблемой национальной самоидентификации. Одним из вариантов трансляции данной проблемы на этом этапе оказывается авторская маска, представляющая собой «персонификацию» интеллигентского дискурса. Устойчивой становится констатация двойной — культурной (российской) и этнической (еврейской) — самоидентификации повествовательницы

¹ Возникновение и выстраивание интеллигентского дискурса происходит во второй половине XIX в. [см.: Броувер; Лотман; Успенский], продолжаясь до первых десятилетий XX в. В советской России при тоталитарном режиме происходит «маргинализация» интеллигенции («Старая интеллигенция рассматривалась как некий тип вредных животных, подлежащих уничтожению, и все помыслы строителей нового общества были направлены к тому, чтобы истребить ее если не физически, как в 1917–1922 гг., то как социальной слой» [Волков]), с последующим культивированием ее аналога, «советской» интеллигенции, многочисленность которой должна была вскоре разрушить само существование интеллигенции как особой группы. Вследствие этого интеллигенция в 30–50-е гг. была лишена возможности реализовывать интеллигентский дискурс. Его реанимация происходит лишь в конце 50-х гг., но не в том виде, в каком он существовал раньше. Во второй половине XX в. интеллигентский дискурс утрачивает единую форму репрезентации, что во многом связывается с процессом «дробления» самой интеллигенции, когда возникают «гуманитарная», «техническая» и «творческая» интеллигенция (М. Ю. Лотман). В результате этого интеллигентский дискурс распадается на несколько типов, каждый из которых наследует его отдельные черты. Возникает диссидентский дискурс [Большев; Даниэль; Синявский; Соколов], связанный с репрезентацией таких традиционных категорий интеллигентского дискурса, как «альтруистическая озабоченность будущим русского народа», «оппозиционность господствующей власти» [Соколов]. Оформляется дискурс технической интеллигенции, или ИТР-дискурс [Липовецкий], с «просветительским... пафосом, основанным на вере в прогресс, обеспечиваемый силами разума, науки и технологий», ставившим «носителей этого дискурса в позицию двойного противостояния... абсурду системы, а с другой, — идиотизму “темной массы”», с обостренным чувством «своего круга» (что было свойственно любому интеллигентскому дискурсу), приводившим к «противостоянию “своего круга”... и “толпы”», с восприятием «своего круга» как модернизированного общества будущего в миниатюре, стремящегося втянуть в себя новых соратников», с ощущением своего «“духовного” превосходства» и «миссионерством» [Там же]. Одновременно с ними продолжает существовать, хотя и в значительно трансформированном виде, собственно интеллигентский дискурс (связанный с трансляцией таких инвариантов интеллигентского дискурса, как «антимещанские, антибуржуазные установки, презрение к корысти, стяжательству, материальным благам и удобствам; приоритет духовных, а не материальных потребностей» [Соколов], культуросоцентричность). Основной формой бытования интеллигентского дискурса становится московская повседневность, состоявшая из «оттепельной» мифологии и реконструкции дореволюционной ментальности (через обращение к национальным автостереотипам, возникшим в русской культуре XIX в.). О значении интеллигентского дискурса в процессе нациомоделирования в русской литературе XX — XXI веков см.: [Бреева, 2010б].

и преодоление ее через движение от культурной к этнической идентичности, отражением которого выступает замещение автостереотипов России гетеростереотипами: «Когда-то, до Шестидневной войны, во дворце размещалось посольство то ли Эфиопии, то ли Зимбабве, а после начала войны эта самая то ли Нигерия, то ли Тунис разорвали дипотношения с нами (с нами? с этими, здесь, ну, с Израилем) и посольство в полном составе драпануло из дворца, оставив фонтан и пальму — на редкость крупный, можно сказать, кинематографический экземпляр, высоченная прямая пальма с мощным волосатым стволом, а вот породу — не скажу, не знаю, в нашей стороне (в нашей? в тамошней, в российской) такого не росло...» [Рубина, 2011а, с. 273].

На персонажно-образном уровне проблема национальной самоидентификации трансформируется в проблему выбранной идентичности. Возникают три варианта решения этой проблемы. Доминирующей может быть культурная идентификация, несмотря на заявленность этнической (Катя в повести «Во вратах твоих»), возможно их гармоничное сосуществование (Гриша Сапожников из той же повести) или же приоритет будет отдаваться этнической идентичности (наиболее ярким примером этого решения является образ Зямы в романе «Вот идет Мессия!»). При этом обнаруживается тенденция сближения национальной и культурной самоидентификаций. Происходит это через констатацию тождественности механизма конструирования идентичности: так же как интеллигентом может стать любой «порядочный» человек, обладающий присущей этой среде ментальностью, вне зависимости от национальной принадлежности (М. Ю. Лотман), так и в отношении иудаизма (особенно в произведениях этого времени) идентификация происходит не через этническую принадлежность, а через культурную (примером такой выбранной идентичности становится история Юрия Баранова (Ури Бар-Ханина) в романе «Вот идет Мессия!»).

На этом этапе принципиальной становится возможность окончательного решения проблемы выбранной идентичности для героев рубиновских произведений и обязательная проблематизация процесса самоидентификации относительно повествовательницы, традиционно для писательницы приобретающей черты авторской маски. Наложение советской повседневности на израильскую, когда сквозь реалии израильского мира начинают просвечивать советские знаки, на наш взгляд, выступает именно результатом включенности нарратора в две культурные системы, а не следствием общего трагизма жизни, как это объясняет Э. Ф. Шафранская: «Много схожего в израильском и российском пространстве, — возможно, в этом и есть феноменальное открытие Рубиной: не в стране дело, а в людях: и там и здесь героиню сопровождают покойники, изуродованные тела — беззащитный человек — такими сторонами поворачивается жизнь и в Израиле, и в России — повсюду» [Шафранская, 2008, с. 14].

Повествовательница неоднократно отмечает возникающую переключку советской и израильской повседневности: реалий (Матнас — Дворец культуры и спорта), лозунгов, клише («Мы говорим “город” — подразумеваем “Матнас”, а говорим “Матнас” — подразумеваем “город”!») [Рубина, 2011б, с. 241]; «те слова, которые ухо улавливало, вырывало из водопада речи, напоминали со-

ветские пионерско-лагерные речевки сороковых годов» [Рубина, 2011б, с. 284]), форм деятельности (демонстрации, КВН, самодеятельность).

Необходимость снятия проблематизации вопроса о национальной самоидентификации мотивирует появление внутренних механизмов трансформации авторского отношения к «русскому тексту». Так, например, в романе «Вот идет Мессия!» знаками дистанцирования от России, кроме травестирования советских реалий, становится трансформация системы автостереотипов русского мира (утопизм, мессианство, пьянство как свидетельство широты души) в гетеростереотипы (агрессия, экспансия, воровство, пьянство) и культурной концептосферы в культурную стереотипизацию («русская женщина»).

Возможность подобных трансформаций поддерживается сложностью нарративной организации произведения, создающей каскадную модель точек зрения. Первая точка зрения — это система представлений «русской алии», сохранившей прежнюю идентичность и воспринимающую новый мир как чужой. Вторая точка зрения, острающая предыдущую, — это точка зрения писательницы N, причем остраение связывается здесь не с изменением национальной идентичности, а является следствием ее творческого взгляда, воспринимающего происходящее как потенциальный сюжет для своего романа. Третья точка зрения, собственно авторская, заявляет о себе неизменностью иронического контекста описания всего происходящего на Шхуне. Благодаря этой каскадной модели точек зрения первоначальная трансляция автостереотипов русского мира на авторском уровне оказывается трансформирована в систему гетеростереотипов, культурная концептосфера сменяется культурной стереотипизацией; взгляд «чужого» (нового мира Израиля) сменяет точку зрения «своего» (русского мира).

Одним из лейтмотивов романа «Вот идет Мессия!» становится постоянное упоминание стремления русской алии потеснить коренных жителей страны, захватить как можно больше власти (показателен в этом отношении образ Миши, бывшего актера Новочеркасского ТЮЗа, с его планами создания русской партии, призванной защитить интересы «дискриминируемой русской общины» [Рубина, 1999, с. 250]; деконструкция данного проекта происходит через утверждение его связи с обществом распространения сомнительного продукта «Группенкайф»). Кульминацией этого становится проект освобождения Израиля от коренных израильтян, предложенный одним из пациентов Доктора. Знаками этого русского «экспансизма» становятся и проекты самих обитателей Шхуны: создание русской партии, захват газеты «Полдень». Важна и оценка возможностей русско-израильского культурного взаимодействия Зямой, реализующей точку зрения «чужого»: «...в потайной комнате взаимодействий уже заморены голодом несколько разных культур. Зяма тогда начала догадываться не только о существовании подобного тайного склепа — она поняла, что в нем хватит места для новых и новых жен Синей Бороды...» [Там же, с. 31].

Воровство, включенное в неожиданный контекст (так как связывается с топосом Духовного центра русской диаспоры) и приобретающее семантику бессмысленности, также оказывается одной из примет русского мира в романе: «ДЦРД — Духовный Центр Русской Диаспоры — посещали люди не только духовные... не было в Духовном Центре такой вещи, которую не сперли бы

многократно. Каждые три дня крали дверной крючок в туалете... Примерно раз в пять дней выкручивали лампочку над лестницей, ведущей на второй этаж. Это можно было осуществить только с риском для жизни, сильно перегнувшись через перила второго этажа, и чтобы кто-нибудь держал за ноги, иначе можно разбиться к лебедям. (Тут необходимо добавить, что в супермаркете лампочка стоит два шекеля восемьдесят агорот...)» [Рубина, 1999, с. 21].

Деконструкция русской культурной концептосферы происходит через образы Ангела-Раи, Тани Гурвич и Сева. Образ Ангела-Раи, цель жизни которой приносить счастье окружающим, напрямую соотносится с семантикой бескорыстного служения народу, традиционно присущего русской интеллигенции, и вместе с тем ассоциируется с русским мессианством. Однако стремление героини к безграничной власти и использование любых средств (пусть и не аморальных) для достижения цели проблематизирует ее позитивное восприятие.

В отношении Тани Гурвич происходит обыгрывание концепта «русская женщина». Знаком ее связи с ним становятся имя героини, кроме того, в одном из эпизодов (свадьба в «Ковчеге Завета») героиня одета в сарафан, однако традиционное семантическое наполнение этого концепта (чистота, невинность, жертвенность) получает неожиданное решение: «Танька Гурвич, которую все обитатели квартала «Русский стан»... называли Танька Голая, была женщиной в высшей степени порядочной и даже... высоконравственной. То, что она порой появлялась в местах скопления публики не одетой или, скажем мягче — мало одетой, шло от внутренней ее чистоты и младенчески ясного восприятия жизни... во всех иных аспектах различения добра и зла ориентировалась безукоризненно. Никогда не лгала. На чужую копейку не посягала. Чистейшая душа — никому не завидовала. Более того, не прелюбодействовала!.. Танька Голая была далека от малейшего, даже невинного флирта» [Рубина, 1999, с. 161–162].

Сева же представляет собой воплощение загадочной русской души, тоскующей, мятущейся, совершенно алогичной и иррациональной: каждая удача в бизнесе заставляет его думать о бессмысленности жизни, ее неизбежном конце и ведет к бесконечным попыткам самоубийства.

Авторская игра с точками зрения «своего» и «чужого» с наибольшей полнотой реализуется через бинарный сюжет романа. Зяма и писательница N, Караван (Неве-Эфраим) и Шхуна (Маханэ Руси/Русский Стан) — все они на образном и топонимическом уровне реализуют эмигрантский дискурс, но представляют собой различные его модели. Караван и Шхуна противопоставлены друг другу уже на номинативном уровне (как топонимическом, так и антропонимическом). Само название поселения русской алии (Маханэ Руси/Русский Стан/Шхуна) актуализирует семантику пути и дистанцированности от окружающего пространства (воспринимаемого в этом контексте как море, т. е. чужое, не свое, пространство), обуславливая восприятие израильтян как «аборигенов». Знаком отчужденности от израильской повседневности становится также нееврейские имена обитателей Шхуны: Рая, Роксана, Таня, Сева.

Караван, на первый взгляд также связывающийся с семантикой пути, временности, оказывается не отдельным элементом окружающего его пейзажа, а его составной частью, гармонично в него вписанной, неразрывно связанной

с самой землей этих мест (караваны — как традиционная примета этой земли): «...Вагончик этот назывался по здешнему “караван” — как-то странно, не по делу. Но если взглянуть отсюда, сверху, на спускающиеся под гору однообразные ряды вагончиков, в воображении и впрямь возникал караван, медленно вползающий в лысое мшистое ущелье. Вагончик, где жила ее семья, стоял у подножия горы, на самом краю поселения. Дверь распахивалась в захватывающее дух пространство далеких и близких холмов, долин, ущелий, которые видны были разом все, — эффект здешней топографии» [Рубина, 1999, с. 66].

В целом, идея своей земли становится одной из основополагающих в романе, противопоставляясь чужой земле, отвергающей еврейский народ: «Ты знаешь — чем отличается наша жизнь на землях гоев от нашей жизни здесь?.. Тем, что твоя фамилия может прожить там тысячу лет, и полить ее кровью, и удобрить прахом своих поколений. Но все равно придет день, когда та земля крикнет тебе: “Грязный вонючий жид! Убирайся с моего тела!”... А твоя земля... Ты мог болтаться вдали от нее тысячу и две тысячи лет, но когда ты все-таки вернешься сюда из прекрасного города своего детства и своей юности, от любимых друзей и возлюбленных (обаяние чужой расы!), которых ты так умело ласкал... когда ты все-таки вернешься... она отверзает для тебя свое лоно и рождает тебе, и рождает — дважды в год... Ты не успеваешь снимать плоды с деревьев... А когда ты умираешь, она принимает тебя в последнее объятие и шепчет тебе слова кадиша — единственные слова, которые жаждет услышать твоя душа... Вот что такое эта земля — для тебя. И только для тебя...» [Там же, с. 294—295]. В контексте этого становится вполне понятным желание Зямы перевезти останки деда в Израиль, вернуть его на свою землю, перенести «свое» в исконно свое пространство. Своеобразным антиподом этого проекта в рамках Шхуны становится мечта об израильском мавзолее Ленина, не только демонстрирующая утопизм проектов обитателей Шхуны, но и их желание внести «чужое» в свой мир).

Включение Каравана в израильский мир происходит также и через антропимы: Наоми, Нехам, Хана, Арье, Хаим. Для обитателей Каравана земля, на которой расположен их поселок, священна и является объектом особой заботы (свидетельством этого становится сцена митинга, вызванного решением отдать эту территорию арабам): «Знаешь, что здесь было четырнадцать лет назад? Голое пусто. Два “каравана”, военный пост. Мы ставили флаг, а они его снимали, мы ставили опять, они опять снимали... Здесь в войну Иом Кипура мой брат погиб, Эфраим, ишув в его честь назвали... Мы спали в палатке. А стирать белье и готовить еду ездили домой, в свои квартиры. Газа не было, света не было... Все мои дети здесь родились. Смотри, сколько мы деревьев насадили!.. неужели собственное правительство выгонит нас из наших домов? Или бросит здесь, на глумление арабам!» [Рубина, 1999, с. 193]. Обращение к архаической культуре (связь поселения с родными могилами), к образу земли, орошенной кровью, в очередной раз подчеркивает глубинную связь Каравана с израильским миром.

В отличие от Каравана и его обитателей, Маханэ Руси не имеет столь глубокой связи с израильской землей, корабельная образность, предполагающая

семантику пути, проблематизирует ее отношения с окружающим миром. Русский Стан связывается с семантикой театрализации, когда сами дома напоминают декорации в театральной постановке: «ряды строящихся коттеджей этого шумевшего кооператива и впрямь были вылитые декорации... Сашка же Рабинович, привыкший к условиям сцены, бродил меж фанерных щитов радостно возбужденный, ему нравилось, что на второй этаж будет вести деревянная лестница (тоже по виду и цвету подозрительно смахивающая на фанеру), что во внутренних стенах легко будет вырезать окна разных форм и размеров, и, наконец, ему нравилось то, что окружать коттедж будет полоска земли, на которой он собирался возвести декорации Сада. На завершающем этапе изнурительно долгого (из-за отсутствия нужного числа пайщиков) строительства... эти декорации (как и положено хорошим декорациям) стали удивительно напоминать настоящие дома» [Рубина, 1999, с. 68–69], а жизнь в этих местах, в свою очередь, воспринимается как грандиозная постановка «в природных декорациях Иудейской пустыни»: «ближайшей соседкой Рабиновича оказалась Ангел-Рая, и Сашка сразу сообразил, что рука об руку с этим гениальным режиссером можно закатывать такие грандиозные шоу, гала-концерты и вселенские оперы в природных декорациях Иудейской пустыни, что — согласно пророчествам — расступятся горы, выйдут потоки из Иерусалима и соберутся в долине Иосафата все народы Земли, и будет их судить Великая Русская алия» [Там же, с. 72].

Для Шхуны², с акцентированием ее собственно-миграционного существования, актуально сохранение позднесоветской московской повседневности с последовательным воспроизведением чисто русских автостереотипов (соборность, хлебосольство, пьянство, мечта быстро и «окончательно» разбогатеть, гигантизм, утопизм, русское авось, духовность) и гетеростереотипов (загадочная русская душа, агрессия, экспансия как основная форма взаимодействия с миром). Сложная нарративная структура романа, приводя к актуализации множества точек зрения («аборигены», обитатели Шхуны, писательница Н, Зяма) и обуславливая вариативность оценки одного и того же явления, дает в то же время возможность одновременной их трансляции.

Интеллигентский дискурс, в рамках которого происходит выстраивание темы Русского Израиля и образа Шхуны в данном романе, проявляется не только на уровне авторской маски, но и через ситуацию иронического моделирования «московской повседневности» (части интеллигентского дискурса посттоталитарного периода) в контексте израильского мира. Меняется локализация: действие переносится с московской кухни на израильскую террасу Рабиновича, выступающую ее аналогом, но модели поведения и ментальность остаются прежними, московскими.

² Своеобразным аналогом Шхуны в повести «Во вратах твоих» становится образ поезда: «Первые недели эмиграции показали тяжелой болезнью — брюшным тифом, холерой, с жаром, бредом, да не дома, на своей постели, а в теплушке бешеного поезда, мчащегося черт знает куда» [Рубина, 2011а, с. 275], «Бешеный поезд все мчался, мелькали какие-то пейзажи за окнами — средиземноморские, дивные, картинные — как, вы не были еще на Мертвом море? — вот где потрясающе красиво...» [Там же, с. 276].

Вместе с тем «московская повседневность» становится объектом авторского манипулирования из-за актуализирующегося взгляда «чужого», взгляда извне, возникновение которого становится знаком завершения процесса авторской самоидентификации. Свидетельством манипуляции становится характер трансляции московской повседневности в романе, когда, во-первых, все дается в ироническом освещении (через авторское дистанцирование); во-вторых, происходит не просто воспроизведение, а нагнетение стереотипов «московской повседневности»; в-третьих, каждый из них подвергается деконструкции через доведение до точки экстремума, абсурда. Финальным моментом деконструкции становится дезавуирование ценностей «московской повседневности» через их со- и противопоставление истинному способу обретения духовной чистоты (сцена купания Рабиновича в микве и молитва русских эмигрантов в синагоге).

Абсолютизация автостереотипов обеспечивает их трансформацию в гетеростереотипы. Так, хлебосољство перерастает во «вселенскую пьянку» [Рубина, 1999, с. 260], вершиной утопических проектов становится мечта о мавзолее Ленина в Израиле, кульминацией пьянства становится попытка «возложения грехов» на козла, а небольшая терраса «метришков на сорок» [Там же, с. 69] грозит в любой момент рухнуть в пропасть.

Таким образом, центральной в раннем эмигрантском творчестве Д. Рубиной становится проблема двойной самоидентификации, обуславливающая обращение писательницы к интеллигентскому дискурсу, в рамках которого происходит решение темы Русского Израиля. Знаком завершения процесса авторской самоидентификации становится трансляция интеллигентского дискурса в романе «Вот идет Мессия» как объекта авторской манипуляции, провоцирующая перевод автостереотипов русского мира в гетеростереотипы с фиксацией взгляда «чужого».

Большев А. Диссидентские уроки [Электронный ресурс] // Нева. 2012. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/9/b11.html> (дата обращения: 25.01.2013). [Bol'shev A. Dissidentskie uroki [Elektronnyj resurs] // Neva. 2012. N 9. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/9/b11.html> (data obrascheniya: 25.01.2013).]

Бреева Т. Н. Национальный миф в русском историсофском романе рубежа XX–XXI веков. Казань, 2010а. 272 с. [Breeva T. N. Natsional'nyj mif v russkom istoriosofskom romane rubezha XX–XXI vekov. Kazan', 2010a. 272 s.]

Бреева Т. Н. Образ «воображаемой» России в современном историсофском романе // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2010б. № 1 (72). С. 63–74. [Breeva T. N. Obraz «voobrazhaemoj» Rossii v sovremennom istoriosofskom romane // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2010b. N 1 (72). S. 63–74.]

Броувер С. Парадоксы ранней русской интеллигенции (1830–1850-е гг.): национальная культура versus ориентация на Запад // Россия/ Russia. Новая серия: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология : (материалы междунар. конф., Неаполь, май 1997) / сост. Б. А. Успенский ; под ред. Н. Г. Охотина. Вып. 2 [10]. [Brouver S. Paradoxsy rannej russkoj intelligentsii (1830–1850-e gg.): natsional'naya kul'tura versus orientatsiya na Zapad // Rossiya/Russia. Novaya seriya: Russkaya intelligentsiya i zapadnyj intellektualizm: istoriya i tipologiya: (Materialy mezhdunar. konf., Neapol', maj 1997) / sost. B. A. Uspenskij ; pod red. N. G. Okhotina. Vyp. 2 [10].]

Волков С. Интеллектуальный слой в советском обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.samisdat.com/5/55/554-2gl.htm> (дата обращения: 6.02.2013). [Volkov S. Intellektual'nyj sloj v sovetskom obschestve [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.samisdat.com/5/55/554-2gl.htm> (data obrascheniya: 6.02.2013).]

Даниэль А. Ю. Диссидентство: культура, ускользящая от определений? // Россия/ Russia. Вып. 1 [9] : Семидесятые как предмет истории русской культуры. М., 1998. С. 111–124. URL: <http://www.ec-dejavu.net/d-2/Dissident.html> (дата обращения: 25.01.2013). [Daniel' A. Yu. Dissidentstvo: kul'tura, uskol'zayuschaya ot opredelenij? // Rossiya/Russia. Вып. 1 [9] : Semidesyatye kak predmet istorii russkoj kul'tury. М., 1998. С. 111–124. URL: <http://www.ec-dejavu.net/d-2/Dissident.html> (data obrascheniya: 25.01.2013).]

Липовецкий М. «И бездна ИТР...» [Электронный ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/17365/?attempt=1> (дата обращения: 25.01.2013) [Lipovetskij M. «I bezdna ITR...» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/17365/?attempt=1> (data obrascheniya: 25.01.2013)]

Липовецкий М. Траектории ИТР-дискурса. Разрозненные заметки [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/li16.html> (дата обращения: 6.02.2013). [Lipovetskij M. Traektorii ITR-diskursa. Razroznennye zametki [Elektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas. 2010. N 6 (74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/li16.html> (data obrascheniya: 6.02.2013).]

Лотман М. Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/12.php (дата обращения: 25.01.2013); [Lotman M. Yu. Intelligentsiya i svoboda (k analizu intelligentskogo diskursa) [Elektronnyj resurs] // Tam zhe. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/12.php (data obrascheniya: 25.01.2013).]

Рубина Д. Во вратах твоих // Рубина Д. Полн. собр. повестей в одном томе. М., 2011а. С. 271–331. [Rubina D. Vo vratakh tvoikh // Rubina D. Poln. sobr. povestey v odnom tome. М., 2011а. S. 271–331.]

Рубина Д. Вот идет Мессия! М., 1999. 320 с. [Rubina D. Vot idet Messiya! М., 1999. 320 s.]

Рубина Д. На солнечной стороне улицы : роман // Рубина Д. Полн. собр. романов в одном томе. М., 2012. С. 797–1101. [Rubina D. Na solnechnoj storone ulitsy : roman // Rubina D. Poln. sobr. romanov v odnom tome. М., 2012. S. 797–1101.]

Рубина Д. Один интеллигент уселся на дороге : повести и рассказы. Иерусалим, 1994. [Rubina D. Odin intelligent uselsya na doroge : povesti i rasskazy. Ierusalim, 1994.]

Рубина Д. Последний кабан из лесов Понтеведра : повести. М., 2011б. С. 199–414. [Rubina D. Poslednij kaban iz lesov Pontevedra : povesti. М., 2011b. S. 199–414.]

Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология [Электронный ресурс]. М., 1999. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/06.php (дата обращения: 25.01.2013); [Russkaya intelligentsiya i zapadnyj intellektualizm: istoriya i tipologiya [Elektronnyj resurs]. М., 1999. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/06.php (data obrascheniya: 25.01.2013).]

Синявский А. Диссидентство как личный опыт [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/SINYAVSKY.HTM> (дата обращения: 25.01.2013). [Sinyavskij A. Dissidentstvo kak lichnyj opyt [Elektronnyj resurs]. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/SINYAVSKY.HTM> (data obrascheniya: 25.01.2013).]

Соколов А. Демифологизация русской интеллигенции [Электронный ресурс] // Нева. 2007. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2007/8/so13.html> (дата обращения: 6.02.2013). [Sokolov A. Demifologizatsiya russkoj intelligentsii [Elektronnyj resurs] // Neva. 2007. N 8. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2007/8/so13.html> (data obrascheniya: 6.02.2013).]

Успенский Б. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/01.php (дата обращения: 25.01.2013). [Uspenskij B. Russkaya intelligentsiya kak spetsificheskij

fenomen russkoj kul'tury [Elektronnyj resurs] // Tam zhe. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/01.php (data obrascheniya: 25.01.2013).]

Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX–XXI веков : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2008. 41 с. [SHafranskaya E. F. Mifopoetika inoetnokul'turnogo teksta v russkoj proze XX–XXI vekov : avtoref. dis. ... doct. filol. nauk. Volgograd, 2008. 41 s.]

Шафранская Э. Ф. Поликультурная семантика заглавия романа Д. Рубиной «Вот идет Мессия!» [Электронный ресурс]. URL: <http://science.rggu.ru/article.html?id=51182> (дата обращения: 6.02.2013). [SHafranskaya E. F. Polikul'turnaya semantika zaglaviya romana D. Rubinoj «Vot idet Messiya!» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://science.rggu.ru/article.html?id=51182> (data obrascheniya: 6.02.2013).]

Статья поступила в редакцию 20.12.2012 г.

УДК 821.511.131 + 82.091

В. М. Ванюшев

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРУДАХ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА*

Рассматривается процесс формирования повествовательных форм удмуртской литературы, во многом основывающийся на фольклорно-этнографических сочинениях первого удмуртского ученого и писателя Г. Е. Верещагина, в произведениях которого сочетается научное и художественное повествование.

Ключевые слова: Г. Е. Верещагин; научные исследования, удмуртская литература.

Микросюжеты, иллюстрирующие научные идеи автора

Первые крупные публикации Г. Е. Верещагина (1851–1930) («Вотяки Соновского края», 1886; «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», 1889) представляют собою свод синкретических произведений, в которых сочетается повествование научное и художественное [см.: Верещагин, 1995; 1996]. Первоначальный замысел автора явно тяготеет к научному исследованию. Однако элементы художественно-описательного, образного восприятия отображаемого объекта ощутимо присутствуют во всех частях диалогии. Задуманные как пример, подтверждающий научные размышления автора, они приобретают порой заметные признаки художественных произведений, из которых впоследствии сформировалась удмуртская проза. Таковы легенды, предания, сказки и рассказы, призванные подтвердить размышления автора о мировоззрении удмуртских

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014). Проект № 12-П-6-1011 «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы, исследования».

крестьян, ставших объектом этнографического исследования первого удмуртского ученого и писателя. В качестве примера рассмотрим один из подобных сюжетов («Замечания о Сосновом крае»). Автор-повествователь говорит о географическом положении села Сосновка, этническом составе населения края и его истории. Сюжет о заселении края автор излагает на основе текста, услышанного из уст «престарелого удмурта» из села Сосновка Захара Кондратьева. Этнографическое назначение этого фрагмента в научных размышлениях автора состоит в том, чтобы показать взаимоотношения между удмуртами и русскими в прошлые времена. В микросюжете есть своя завязка. Следуя легенде, автор-повествователь сообщает: «Закамское начальство получило указ о заготовке листовничного леса для сплава по реке Каме; лес этот, говорили, нужен на постройку кораблей». Эту тяжелую работу должны были выполнять удмурты. Но из-за жестокого обращения со стороны начальства они не выдержали и «решили во что бы ни стало бежать, и вот, улучив время, переправились с семьями и рухлядью за реку Каму, скрылись в непроходимых лесах» [Верецагин, 1995, с. 18].

Действующие лица в предании не индивидуализированы. Персонажи сгруппированы по социальному (крестьяне и власти) и национальному (русские и удмурты) типам. Так как русские говорили на официальном государственном языке и принадлежали к поощряемой властями и официальной церковью вере, то они чаще всего в глазах удмуртов представляли власть. Так и в этом отрывке: начальство составляют русские. Пользуясь своим положением, они издеваются над удмуртами («Начальство начало гнать вотяков», «начали там обременять работами», «смотрители обращались жестоко»). Повествователь задает тон осуждения поведения начальствующих русских. Информант, а вслед за ним и автор диалогии противопоставляют бесцеремонной наглости русских религиозность, трудолюбие и терпение удмуртов. Автор выступает на стороне удмуртов, осуждая русское начальство.

Микросюжет служит не только подтверждением факта, откуда и когда пришли удмурты в Сосновский край, но и является частицей зарождавшейся национальной литературы, в частности такого ее жанра, как очерк, отличающийся своей публицистичностью. «Просеивание» жизненного факта, «образа жизни» через эмоциональную оценку — это уже черта художественного творчества. В рамки научного обобщения, в том числе этнографического, оно «не вмещается». Такие «вкрапления» можно встретить в разных частях диалогии Г. Е. Верецагина [см.: Ванюшев, с. 132].

Освоение повествовательных жанров литературы: былички и побывальщины

Среди повествовательных микросюжетов в диалогии преобладают былички и побывальщины. Одни из них включены в ход научных размышлений, другие воспроизведены в разделах «Рассказы» и «Сказки». Так, в разделе «Рассказы» первой книги диалогии оказались главным образом былички — повествования о случаях встречи людей с представителями низшей мифологии: лешими, водяными, домовыми и т. д.

«Языческие представления о мифических существах и людях, наделенных сверхъестественными способностями, отразились <...> в жанре, который народ называет словом “были”, “былички”, “бывальщины”, — писал В. Я. Пропп. — Это рассказы, отражающие народную демонологию. В большинстве случаев это рассказы страшные: о леших, русалках, домовых, мертвецах, привидениях, зачатых кладах и т. д. Уже название их говорит о том, что в них верят. Сюда относятся также рассказы о чертях, об оборотнях, ведьмах, колдунах, знахарях и т. д.» [Пропп, с. 51]. Л. Г. Бараг очерчивает границы жанра повествованиями о таких сверхъестественных явлениях, как «встреча», драматическое столкновение самого рассказчика или знакомого ему человека с олицетворенным духом природы, домашним духом, другим демоническим существом [см.: Бараг, с. 154]. По словам фольклориста Т. Г. Владыкиной, Г. Е. Верещагин тонко подметил стилевые особенности данного жанра и поэтому объединил такие тексты в общем разделе под заголовком «Рассказы». «Вместе с мифологическими сказками <...> былички и побывальщины, включенные Г. Е. Верещагиным в книгу, представляют богатый и добротный материал для исследования генезиса и эволюции жанров устной народной прозы», — заключает исследовательница [цит. по: Верещагин, 1995, с. 218]. Следовательно, использованные Г. Е. Верещагиным в научно-художественных синкретических трудах былички и побывальщины участвовали и в генезисе национальной письменной литературы.

Сюжет «В д. Кыкве», включенный в ход размышлений повествователя, можно отнести к жанру быличек: «Говорило предание, что у ворот двора одного кыквинского вотяка хранится котелок с деньгами. Заветом будто бы требуется одна человеческая голова. Один сосед того вотяка, у ворот которого находится клад, ночью решил копать клад. Это было летом; ночью тогда было не очень темно» [Там же, с. 119]. Так, повествователь знакомит нас с заветом, который должен выполнить Иван, главный герой рассказа, уточняет место и время событий. Мы узнаем, что «это было летом», повествователь уточняет и время суток («ночью») обозначая, что именно это время суток связано с появлением нечистой силы среди людей. О том, что герой встретился с представителем потустороннего мира, можно догадаться, прочитав следующее место из текста: «Явился к нему седой старик». Повествователь мог бы сказать «пришел старик», а он говорит «явился». А потом этот старик исчез как дым.

Иван знает, что по завету надо убить человека, но это невыполнимо для него психологически. Он не решается убить человека. С другой стороны, с целью обогащения он готов выкопать этот клад, минуя заветы предков. Автор раскрывает внутренний мир героя, его неуверенность в действиях, зависимость от потустороннего мира, страх перед неведомой силой. Страстное желание найти клад, с одной стороны, и боязнь убить человека — с другой, вводят его в замешательство, приводя к внутреннему, душевному конфликту: «Вдруг кто-то с крыши кричит ему: “Что ты делаешь?”. Иван испугался и, высыпав гальки обратно в яму, поспешно зарыл и ушел домой». Можно сделать вывод, что внутренне герой был готов к этой встрече. Он был настолько уверен, что это представитель потустороннего мира, что даже не вступил с этим «голосом» в разговор, а поспешно ушел домой. Но и дома Иван все еще продолжает

думать о кладе. Повествователь не раскрывает ход его мыслей. Однако можно предположить, что герой думает о завете, который он не выполнил, поэтому клад ему не дался. Не случайно, что к Ивану, уже у него дома, будто бы явился седой старик и стал упрекать его в том, что он «ходил без подарка», т. е. не выполнив завет. После встречи с мифологическим существом главного героя стала трясти лихорадка — и он пролежал две недели. Это слово является свидетельством завершения конфликта, в котором столкнулись седой старик, хранитель клада, и Иван, посмеявшийся вырыть клад, но не выполнивший завета и впоследствии наказанный за свое непослушание. Таким образом, микросюжет воспринимается как отдельное произведение со своей завязкой, кульминацией и развязкой. Здесь есть конфликт и его разрешение. Характер главного героя самораскрывается не только в действиях, но и в слове. Верещагин использовал для этого внутреннюю реплику героя. «Что за диво! — думает вотяк. — В земле они деньги, а в руках — гальки». В тексте проступают элементы психологизма, изображение движений души удмуртского мужика.

Все события в тексте происходят в течение двух недель. Мы не знаем, что предшествовало этому событию и что будет после этого с Иваном. Небольшой срок действий, как и небольшое количество персонажей, — это тоже одна из стилевых особенностей жанра рассказа.

Автор демонстрирует одно из преданий жителей Сосновского края. Сюжет вполне соответствует такому этнографическому предназначению. Однако он, как и многие подобные фрагменты диалогии, принадлежит не только народоведению, но и зарождавшейся национальной художественной литературе удмуртов. Он может существовать сам по себе как отдельное короткое произведение прозаического жанра.

Во второй книге диалогии также можно встретить рассказы о встрече людей с мифологическими существами. Так, в разделе «Сказки» есть сюжеты, в которых люди встречаются с Кукри баба, нюлэсмуртом, вумуртом. Правда, не все включенные в этот раздел повествования представляют жанр, к которому их относит автор. Сходство с побывальщинами и бытовыми рассказами обнаруживают, например, повествования «Вумурты» (приблизительный перевод «Водяные») и «Нюлэсмуртёнок» (приблизительный перевод «Дитя Хозяина леса»).

Научно-иллюстративное назначение сюжета «Вумурты» заключается в том, чтобы показать читателю, что эти существа, как и другие представители мифологического мира, занимали большое место в сознании удмуртского народа. Считают, что в образах Нюлэсмурта и Вумурта очень много человеческих черт. По представлениям удмуртов, эти божества леса и воды находились с ними в родственных отношениях. Они могли навещать людей, иногда люди попадали к ним в гости. Подтверждение вышеуказанным словам мы находим в сказке «Вумурты», записанной со слов информанта Елизара Евсеева.

Хотя в повествовании «Вумурты» и действуют представители потустороннего мира, мы не можем отнести его к мифологическим сказкам, так как в данном сюжете отсутствует характерная для них главная мысль о превосходстве человека над мифологическими существами. Сюжет по своим стилевым особенностям больше подходит к побывальщинам, которые, будучи записанными и

опубликованными, явились частью зарождавшейся письменной художественной литературы, ступенью на пути формирования рассказа.

Сказки, легенды, предания как прозаические сюжеты, отражающие реальные стороны действительности

Из всех собранных прозаических текстов как самостоятельный жанр Г. Е. Верещагин выделил сказки. По имеющимся произведениям можно судить, что собирателя интересовали различные группы произведений этого жанра. Им опубликовано много коротких мадёсов (мифов) о происхождении, повадках, внешних признаках зверей и птиц. Большинство этих текстов («Ласточка и комар», «Муравей и человек», «Муха и пчела» и др.) включены в раздел «Поверья и предания» первой книги дилогии. Подобно народным легендам, эти тексты дают ответ на вопросы, почему и каким образом на свете появилось то или иное явление. Фольклорист А. В. Западов в комментариях к удмуртским сказкам справедливо отмечает, что такого рода произведения по генезису принадлежат к легендам, объясняющим происхождение домашних животных [см.: Западов, с. 169]. Особый интерес вызывают сказки, раскрывающие взаимоотношения домашних животных и диких зверей. Возьмем, к примеру, сказку «Петух и лисица», записанную со слов крестьянина починка Бызино Сосновской стороны Ивана Данилова. Традиционный сюжет о взаимоотношениях лисы и петуха завершается на этот раз трагически для домашней птицы: петух, оставшись один, без друзей и помощников, оказался легкой добычей хищного зверька.

Из волшебных сказок в центре внимания Г. Е. Верещагина оказались тексты о богатырях, которые вошли в удмуртский фольклор из русского народного творчества («Медвежонок-богатырь» и «Михайло Попов»).

В публикациях Г. Верещагина много текстов, созданных на основе народной мифологии. Некоторые из них по содержанию и композиционной структуре являются сказками, другие — поверьями, устными рассказами. В качестве антиподов положительных героев в них выступают персонажи из удмуртской мифологии — нюлэсмурт (леший), вумурт (водяной), кузьпинёмурт (существо с длинными зубами), искалпыдомурт (существо с коровьими ногами) и др.

Особое место среди прозаических сюжетов Г. Е. Верещагина занимают легенды и предания. Последние из них включены в различные разделы дилогии, главным образом в такие, как «Рассказы», «Поверья и предания», «Сказки». Как пишет фольклорист Т. Г. Владыкина, так случилось потому, что этот жанр удмуртской народной словесности не только во время Г. Е. Верещагина, но и до сих пор недостаточно изучен [см.: Владыкина, с. 13—16]. Нет однозначного определения предания. Выделяя этот жанр, С. Н. Азбелев определяет его как «устное прозаическое повествование о реальных событиях или лицах прошлого, либо реально возможных, но не отобразившихся в дошедших до нас письменных источниках, или даже о несомненно вымышленных; повествование, вошедшее в традицию (а не исходящее непосредственно от очевидца

или участника событий) и по содержанию близкое отображению жизненной реальности» [Азбелев, с. 171].

Рассмотрим предание «Воршуды». Основное этнографическое предназначение сюжета — показать на конкретном примере, какова роль этих добрых духов в жизни удмурта. Не почитать его — значит подвергнуть себя несчастью, говорили в народе. В основе произведения лежит обычай почитания первого и самого близкого божества в удмуртской мифологии. Развитие действия начинается со слов: «Один вотяк, принявший христианскую веру, не стал исполнять никакие старые обычаи» [Верещагин, 1996, с. 162]. Здесь наблюдается двойной конфликт — внешний и внутренний. Удмурт, «принявший христианскую веру» и не признающий старые обычаи, знает, «что за несоблюдение старых, отцовских обычаев он будет жестоко наказан; советовали ему, по крайней мере, забыть обычаи не вдруг. Однако он решил совсем бросить старую веру, как изношенный лапоть». Так и сделал удмурт, совсем бросил старую веру, но куалу, традиционное семейное святилище, не разрушал, потому что не совсем был уверен в себе, не полностью доверял новой, христианской вере. Своим поведением он демонстрирует верность христианской вере, а в глубине души все-таки почитает веру своих предков. За такое дерзкое поведение герой был наказан лютой болезнью (чутьрмон) так, «что он и жизни стал не рад: всего его скорчило». Согласно вере удмуртов, герой мог избавиться от болезни лишь тогда, когда он продаст куалу. Удмурт так и сделал, «стал ходить в церковь, ставить свечи, и с этим здоровье ему возвратилось». Повествование ведется со слов информанта Андрея Кузьмина из села Завьялово. На протяжении всего повествования мы не замечаем автора, который полностью предоставил слово своему информанту. В данном сюжете действуют обобщенные типы: «один вотяк», жрецы, воршуды. В отличие от быличек и побывальщин, в этом тексте автор основательнее раскрывает психологию главного героя, хотя делает это все так же — через его поступки.

В диалогии встречается немало легенд. Некоторые из них включены в ход научных размышлений автора, другие представлены как самостоятельные сюжеты.

Приведем в пример легенду библейского характера «Жена первого человека». Сюжет ее, записанный автором из уст Тимофея Григорьева и Григория Козьмина, повествует о том, как Бог, пожалев первого человека на земле, создал для него жену, товарища. В начале повествования автор обращает внимание на природу, которая окружала человека, описывает его внешний облик и душевное состояние. «Прекрасна была природа, сотворенная Богом, прекрасен был лицом и станом и первый человек, сотворенный им из красной глины». Но человек, «не найдя между сотворенными животными подобного себе товарища, с кем бы можно было вести беседу, скучал. Бог сжалился над ним и сотворил ему товарища, подобного ему же, но женского пола». Он вынул из мужнины ребро («по сказу некоторых, три ребра»), дунул на него и положил «со спящим человеком рядом». Женщина была «красивее мужнины и белее, потому что ребро было белое» [Верещагин, 1996, с. 135].

Немало такого рода повествований присутствует в первой книге четвертого тома шеститомного Собрания сочинений Г. Е. Верещагина. Преимущественно

это апокрифы — легенды на библейские темы. Произведения этого жанра, как отмечают ученые, пользовались большой популярностью на Руси. Под влиянием миссионеров библейские и евангельские сказания проникли и в среду удмуртского народа. Г. Е. Верещагин зафиксировал в своих трудах ряд таких сюжетов.

Апокрифы своим содержанием «производят сильное впечатление на слушателя, но в то же время плохо понимаются первобытным разумом и остаются чуждыми вотяку со стороны глубокого их внутреннего значения... Новые верования, не будучи в состоянии вытеснить старые, перемешиваются с ними, сливают языческие обряды в одно с христианскими и в конце концов является нечто совершенно своеобразное», — писали редакторы «Календаря и памятной книжки Вятской губернии на 1897 год» в своем предисловии к публикации исследовательской работы Г. Е. Верещагина «Образцы произведений устной словесности вотяков» [Верещагин, 2001б, с. 13].

В легендах, преданиях, сказках ярче проявляется образ рассказчика, который подробно останавливается на характерных особенностях своих персонажей, подмечая отдельные детали, присущие им, обращает внимание на их внешность, самобытность одежды и т. п. В отличие от быличек и побавальщин, художественная структура легенд и преданий свободная и довольно неустойчивая, поэтому рассказчик не позволяет себе использовать большое количество традиционных формул, тем самым выражая свое личностное, индивидуальное восприятие мира и приближая сочинения по своим стиливым особенностям к жанру устного народного рассказа.

Устные рассказы

Устные рассказы — это впервые сообщенные, еще очень слабо выраженные в художественном отношении прозаические повествования о реальных событиях, о делах людей, современником или непосредственным участником которых был сам носитель речи. Находясь на границе между сообщением сугубо информационного характера и сказом, устный рассказ представляет собой зафиксированное в момент появления произведение о конкретных фактах, происшедших на глазах повествователя [см.: Морохин, с. 236].

Устные рассказы Г. Е. Верещагина, как правило, представляют собой контаминацию нескольких сюжетов, сложенных по воле информантов. Границы между сюжетами, жанрами народной прозы и даже собственных сочинений сказителей оказываются размытыми. Примером может служить текст, созданный ученым и писателем по рассказу информанта Ивана Чермянина и названный «О двух братьях» [см.: Верещагин, 2001а, с. 136–142]. С точки зрения структуры он подан как сказка, состоящая из двух частей. Первая представляет собой вариант сюжета о спящей царевне и семи богатырях, включающий немало параллелей из других сказок и реалистических деталей современной жизни. Вместо семерых богатырей в лесу оказались двенадцать разбойников, которые тепло приняли дочь богатого купца Алену, брошенную своим братом на погибель. Пройдя через ряд унижений и смертельных страхов от своих родных и

чужих людей, Алена, неузнанная, оказывается в богатом доме своего отца и по просьбе собравшихся, среди которых и были ее мучители, рассказывает «сказку». Здесь появляется «вторичный» субъект речи. Во второй части произведения автор полностью предоставляет слово «работнику» хозяина дома, который к ужасу присутствующих из слова в слово повторяет весь сюжет части первой и открывается, что «он» и есть та самая Алена, которую некогда пытались уничтожить ее нынешние слушатели.

Такие типы рассказов преобладают в репертуаре одного информанта, они невариативны, представляя собой индивидуальные сочинения.

Устные рассказы, записанные Г. Е. Верещагиным, в отличие от других жанров фольклора, наиболее близко стоят к письменным рассказам и представляют собой реальные факты соавторства первого удмуртского ученого и писателя со своими информантами в созидании национальной письменной художественной прозы. Они относятся к такому типу словесного творчества, как *крестьянская литература*, довольно основательно рассмотренная академиком А. А. Шахматовым на примере мордовской письменности [см.: Шахматов].

Г. Е. Верещагин был наблюдателем и свидетелем многих удмуртских обычаев, традиций, иногда сам принимал участие в традиционных праздниках. Все увиденное и услышанное он записывал. Наблюдения подобного рода и стали основой его очерков и рассказов, целенаправленно построенных как литературные сочинения, хотя в них явно чувствуется этнографическая основа.

Портретные очерки «Камай» и «Тукташ»

Среди всех очерков, помещенных в первую книгу третьего тома сочинений Г. Е. Верещагина, особо хочется отметить этнографическое сочинение «Камай». В данном сюжете рассказывается об удмуртском жреце, его быте, занятии, положении в обществе, о его отношении к людям и природе.

Этнографическое назначение данного сюжета состоит в том, чтобы показать, какова роль жрецов среди удмуртов, какими человеческими качествами они обладают. Кроме того, описывая свой разговор со жрецом, автор дает знать читателю о многих традициях, обычаях удмуртского народа.

Очерк начинается с предоставления этнографических данных об именах удмуртов. «Камай — имя человеческое, мужское. Кто знаком с бытом и обычаями вотяков, тому, думаю, известно, что у названных инородцев существуют свои нехристианские имена. Они даются новорожденным повивальными бабками в бане, при особых обрядностях» [Верещагин, 1998, с. 170].

Автор пишет, что удмурты имели и христианские имена, которые давали им при крещении. Но герой данного сюжета имеет три имени: «вотское Камай, русское Иван и церковное Иоанн». Легкая ирония проявляется в том, что повествователь выделяет своего героя (как и он сам себя) среди других людей: «Камай был не из простых смертных. Он нес службу жреца при общественных жертвоприношениях в мирском шалаше. Эта молельня была посвящена имени древнего бога Инву и вверена Камаю, как занимавшему первое место в плеяде жрецов» [Там же].

Второе главное действующее лицо — сам автор, повествующий от первого лица. Он проявляет себя с первых строчек сочинения. «Кто знаком с бытом и обычаями вотяков, тому, думаю, известно...». Дальше, завершая ироническую интонацию, автор пишет: «Камай, который должен быть героем моего рассказа, был один из получивших свое имя от бабки».

Автор подробно рисует черты лица главного героя, одежду, в которую обычно одевался Камай, описывает его привычки.

Помимо двух главных героев, в сюжете представлены второстепенные: молодые женщины, жена Камая — Камаиха, дьячок Степаныч. Камай вступает в разговор со всеми персонажами. Самый насыщенный по содержанию диалог — между ним и автором, предстающим перед нами как любознательный и дотошный краевед-этнограф. Он деликатен со своим информантом, обращается к нему по имени отчеству, хотя это не столь привычно в деревенском общении. В диалоге между автором и Камаем тем не менее возникает конфликт. Главные герои не сходятся во мнении о реальном существовании нюлэсмуртов и других антропоморфных духов природы, каждый настаивает на своем.

Камай предстает как страстный любитель табака. «Свой “тамак” курил он из корешковой трубки собственной работы. Трубка эта почти постоянно находилась в зубах его; в зубах же оставалась она и во время разговора, если только этому разговору не придавалось особенное значение». С трубкой во рту ходил Камай во время пирушек, с трубкой во рту разговаривал с дьячком Степанычем. Но когда жрецу стало нужно показать, что именно он знает не только традиционно удмуртские, но и православные молитвы не хуже Степаныча, «вынимая трубку изо рта, жрец с достоинством подчеркнул: да, знаю, “Я самый, Камай Маматыч”». Вынимая трубку изо рта, Камай показывает свое отношение к собеседнику. С молодыми женщинами и с дьячком Степанычем он может позволить себе разговаривать с трубкой во рту, а с учителем и автором-повествователем — воздерживается. Такая деталь, как неразлучная трубка, раскрывает сущность жреца — его высокомерие, нежелание на равных общаться с людьми, стоящими «ниже» его.

В очерке еще нет ярко выраженной композиционной структуры рассказа — завязки, кульминационного момента, развязки. Однако обозначен четкий круг персонажей, намечены характеры. Перед читателями предстает прежде всего автор-повествователь, которого интересует не только образ деревенского жреца, изображенный иронически, но и народные обычаи, приметы, которые Камай по-своему аккумулирует в себе.

Вторым персонажем, предстающим перед взором читателя, является жрец Камай. В сюжете использован диалог, иллюстрирующий фразеологическую точку зрения его и повествователя. Наряду с ярким образом-деталью (трубка во рту) диалог во многом приближает сюжет в стилевом отношении к художественному рассказу.

Близок к жанру рассказа и другой очерк Г. Е. Верещагина — «Тукташ». Этнографическое назначение данного сочинения — показать жизнь колдунов и ворожей, их место в деревенском социуме. В сюжете с помощью подробного описания деталей быта, поражающих бедностью и неухоженностью обстановки

жилища, создан образ одинокого старика — ворожея Тукташа. Он отшельник, покинутый всеми на произвол судьбы, чужой, отверженный. Тем не менее, чтобы погадать и узнать важнейшую для всего деревенского общества истину, за что Бог наказывает людей сухим холодным летом, уважаемые представители общины пришли именно к нему.

В произведении много характерных черт очерка. Но в нем, как в рассказе, обнаруживается уже и стройное сюжетное повествование.

О сознательной художественной типизации главных героев этих очерков, созданных в первое десятилетие XX в., говорит и то обстоятельство, что образы Камая и Тукташа использованы автором в другом его произведении — «Вуж мыж» («Ранее обещанная жертва»), созданном в самые последние годы жизни и по своим жанровым признакам тяготеющем к форме повести [см.: Верещагин, 2000].

Художественная типизация в этнографической повести «Вуж мыж»

Определив круг действующих лиц и даже назвав их по именам, обрисовав их внешность и в некоторой степени характеры, выстроив сквозной сюжет вокруг одного центрального события (поиски старого места жертвоприношения языческим богам), автор повествует о многих аспектах поверий, обычаев и обрядов двоеверов-удмуртов.

Речь идет о страшной беде, выпавшей на долю жителей удмуртской деревни. С самой весны дуют холодные ветры. Посевы погибают. Грядет голодный год. Что случилось? За что Инмар наказывает людей? Авторитетные мужчины селения, среди которых и жрец Камай, с помощью гадания ворожца Тукташа определили, что у жителей деревни есть долг, «старая жертва», некогда обещанная предками Инмару, но не выполненная.

В композиционном построении текста обнаруживаются все формальные элементы: экспозиция (повествование о сухой и холодной весне, разговор Камай и Алтамышы о причинах неблагоприятной погоды, выбор ворожца); завязка (определение Тукташа в качестве признанного ворожца, повествование о Тукташе); развитие действия (поход Камай и Алтамышы к Тукташу, описание обряда ворожбы); кульминация (заявление Тукташем о старом месте жертвоприношений и мирское собрание по этому поводу); развязка (поиск места жертвоприношений, подготовка к обряду); заключение (обряд жертвоприношения). Такова основная нить сюжетного построения. Однако содержание произведения усложняется за счет многочисленных вставных сюжетов — всякого рода воспоминаний участников событий об услышанном и увиденном, среди которых немалое место занимают нарративы о взаимоотношениях людей, Инмара и потусторонних сил, свидетельствующие о характере духовного облика жителей деревни.

Так, пройдя через непростую фазу формирования жанра рассказа в удмуртской литературе, Г. Е. Верещагин в своих «этнографических» сочинениях пришел к произведению, по своей содержательной форме заметно приближающемуся к среднему жанру прозы, — п о в е с т и. Обилие персонажей, многосубъект-

ность восприятия огромного мира представлений о бытии жителями удмуртской деревни выводят его за пределы жанра рассказа.

Очерк «Встреча Великого князя в Завьялово»

По структурной завершенности выше предыдущего произведения стоит очерк «Встреча Великого князя в Завьялово», хотя он, судя по результатам текстологического исследования творчества писателя, написан значительно раньше, еще в 1880-е гг. Таким образом, сказать, что с течением времени создания произведений в них все богаче становились черты художественности, с абсолютной точностью не можем, хотя такая тенденция в творческом наследии Г. Е. Верещагина просматривается.

Сюжет повествует о встрече удмуртами высокопоставленной особы из царской семьи, проезжавшей через село Завьялово с камской пристани Гольяны на Ижевский завод и обратно. Встреча была обустроена как обряд. Однако это был не традиционный народный обряд, а импровизация местных властей, своего рода суррогат официального этикета и народных обычаев. Тем не менее зарисовка вписывается в общий замысел книги «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии». В ней нашли отражение психология и поведение завьяловских удмуртов, на этот раз в нетрадиционной, необычной, чрезвычайной обстановке. В этом и заключается этнографическое значение сюжета.

Автор открыто проявляет себя лишь в середине сочинения. «Когда приедет Князь? — спрашивали автора сей статьи вотячки, желавшие сильно посмотреть на Его Высочество Великого князя Михаила Николаевича», — пишет он и далее приводит диалог между ним и интересовавшимися женщинами [Верещагин, 1996, с. 125]. Однако присутствие собственно автора в ходе описываемых им событий чувствуется с первых строк.

В отличие от других микросюжетов, таких как «В кабаке», «В церкви», включенных в эту же книгу и рисующих из года в год повторяющиеся картины жизни удмуртов, здесь автор описывает конкретный случай, который служит примером для подтверждения научных обобщений. В тексте указывается число, месяц, год приезда высокопоставленной особы (21 июня 1887), а также название села, через которое проедет князь. Такая конкретность описания случившегося придает повествованию репортажный характер, и личное впечатление автора занимает в нем центральное место.

В рамках статьи нет возможности дать подробный анализ внутренней структуры произведения. Отметим лишь, что в обрисовке события, поведения общей массы людей и отдельных личностей автор немало использует богатые возможности приема временной и пространственной точки зрения повествователя, то укрупняя отдельные детали, то «удаляясь» от них и обозревая более широкие пространства [см.: Ванюшев, с. 143–150]. Здесь автор-писатель существенно «потеснил» автора-исследователя. Эмоционально-художественные приемы характеристики события во многом преобладают над научно-логической стилистикой

изложения. Как и в рассказе, в данном очерке композиция строится с таким расчетом, чтобы от начала к концу читательское напряжение не ослабевало, а усиливалось.

Таким нам видится процесс формирования повествовательных форм удмуртской литературы, во многом базирующегося на фольклорно-этнографических сочинениях первого удмуртского ученого и писателя.

Азбелев С. Н. Предание // Восточнославянский фольклор : словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. [Azbelev S. N. Predanie // Vostochnoslavjanskij fol'klor: Slovar' nauchnoj i narodnoj terminologii. Minsk, 1993.]

Барак Л. Г. Легенда // Восточнославянский фольклор : словарь науч. и народ. терминологии. Минск, 1993. С. 154. [Barag L. G. Legenda // Vostochnoslavjanskij fol'klor : slovar' nauch. i narod. terminologii. Minsk, 1993. S. 154.]

Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья : монография / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1995. [Vanyushev V. M. Tvorcheskoe nasledie G. E. Vereschagina v kontekste natsional'nykh literatur Uralo-Povolzh'ya : monografiya / UIIYAL UrO RAN. Izhevsk, 1995.]

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева; УИИЯЛ УрО РАН. Т. 1 : Вотяки Сосновского края. Ижевск, 1995. (Сер. «Памятники культуры»). [Vereschagin G. E. Sobranie sochinenij : v 6 t. / pod red. V. M. Vanyusheva; UIIYAL UrO RAN. T. 1 : Votyaki Sosnovskogo kraja. Izhevsk, 1995. (Ser. «Pamyatniki kul'tury».)]

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т 2 : Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск, 1996. (Сер. «Памятники культуры»). [Vereschagin G. E. Sobranie sochinenij : v 6 t. Т 2 : Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii. Izhevsk, 1996. (Ser. «Pamyatniki kul'tury».)]

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т 4, кн. 1 : Удмуртский фольклор. Ижевск, 2001б. [Vereschagin G. E. Sobranie sochinenij : v 6 t. Т 4, кн. 1 : Udmurtskij fol'klor. Izhevsk, 2001b.]

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т 4, кн. 2 : Русский фольклор. Ижевск, 2001а. [Vereschagin G. E. Sobranie sochinenij : v 6 t. Т 4, кн. 2 : Russkij fol'klor. Izhevsk, 2001a.]

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3, кн. 1 : Этнографические очерки. Ижевск, 1998. [Vereschagin G. E. Sobranie sochinenij : v 6 t. Т. 3, кн. 1 : Etnograficheskie ocherki. Izhevsk, 1998.]

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3, кн. 2. Вып. 1: Этнографические очерки. Ижевск, 2000. С. 153–191. [Vereschagin G. E. Sobranie sochinenij : v 6 t. Т. 3, кн. 2. Вып. 1: Etnograficheskie ocherki. Izhevsk, 2000. S. 153–191.]

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор. Проблемы жанровой эволюции и систематики : монография. Ижевск, 1998. С. 13–16. [Vladykina T. G. Udmurtskij fol'klor. Problemy zhanrovoj evolyutsii i sistematiki : monografiya. Izhevsk, 1998. S. 13–16.]

Западов А. В. Комментарии // Удмуртские народные сказки / сост. А. Н. Клабуков. Ижевск, 1948. [Zapadov A. V. Kommentarii // Udmurtskie narodnye skazki / sost. A. N. Klabukov. Izhevsk, 1948.]

Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора. М., 1977. [Morokhin V. N. Prozaicheskie zhanry russkogo fol'klora. M., 1977.]

Пропп В. Я. Фольклор и действительность : избр. ст. М., 1976. [Propp V. Ya. Fol'klor i dejstvitel'nost' : izbr. st. M., 1976.]

Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. М., 1910. [Shakhmatov A. A. Mordovskij etnograficheskij sbornik. M., 1910.]

Статья поступила в редакцию 22.01.2012 г.

УДК 821.161.1(470.5) + 929 Бажов

Г. А. Григорьев

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ П. П. БАЖОВА

Рассматривается история публикаций и изучения эпистолярного наследия П. П. Бажова, выделяются основные направления исследований в этой области, а также перспективы дальнейшей работы с данным материалом.

Ключевые слова: П. П. Бажов; эпистолярное наследие; исследовательский дискурс; литература Урала.

Теоретическая и историко-познавательная ценность эпистолярного наследия писателя на современном этапе литературоведения не нуждается в доказательстве. Особо же необходимо подчеркнуть ту многогранность, которая характерна для писем как источника разноплановых сведений. Письмо может сыграть важную роль при изучении как личности автора, так и времени, в котором он жил; как людей, с которыми он общался, так и общественно-значимых процессов, участником которых он являлся. Это тем более актуально, когда речь идет о П. П. Бажове, не только авторе знаменитых уральских сказов, но и общественном деятеле, крупном краеведе и историке Урала, активнейшем участнике литературного процесса 1930—1940-х гг. на Урале, возглавлявшем Свердловское отделение Союза писателей на протяжении почти 10 лет. Его идеи, писательская и социокультурная практика, сформировавшие многие аспекты своеобразия уральской литературы, оказались востребованными не только при его жизни, но и в сегодняшней ситуации развития духовного творчества.

Интерес к частной и общественно ориентированной переписке уральского писателя обнаруживается практически сразу же после смерти П. П. Бажова и сохраняется до сих пор. К каким же результатам привели эти исследования, каковы успехи и явные недоработки в обращении к эпистолярному наследию с позиций сегодняшнего дня?

Эпистолярное наследие П. П. Бажова, к сожалению, до сих пор полностью не собрано. В фондах Объединенного музея писателей Урала (ОМПУ) хранится более девятисот писем писателя, часть из них — письма, написанные П. П. Бажовым в различные инстанции по запросам избирателей в пору его бытности депутатом Верховного Совета СССР [Блажес, с. 496]. Оставляя в стороне депутатские письма, требующие отдельного рассмотрения, обратимся к истории изучения и публикации писем литературного характера, наиболее существенных для анализа литературного процесса на Урале означенного периода.

Изучение эпистолярного наследия П. П. Бажова началось с того, что после смерти писателя его вдова, В. А. Бажова, собрала все письма, хранящиеся в семейном архиве, и выделила в отдельную группу письма П. П. Бажова-депутата; оставшиеся письма она разделила на две части: одна была предоставлена для всеобщего пользования (для хранения в фондах музея, для публикации), а вторая часть оставлена дома. Трудно сказать, чем руководствовалась вдова

писателя. Видимо, она считала, что какие-то письма представляют П. П. Бажова в невыгодном свете, поэтому лучше такие письма пока не вводить в культурный и научный оборот (например, в каких-то из них были резкие оценки еще здравствующих на тот момент писателей). Тем не менее письма, оставшиеся у родственников, постепенно переходили и переходят в фонд П. П. Бажова, их дарят музею обычно по случаю какой-либо юбилейной даты.

В. А. Бажова (видимо, совместно с Л. И. Скорино, первым исследователем творчества и биографии П. П. Бажова) отбирала письма для первой публикации. Такое предположение вполне правомерно, потому что трехтомник сочинений П. П. Бажова выходил в 1952 г. под общей редакцией В. А. Бажовой, А. А. Суркова, Е. А. Пермяка, а Л. И. Скорино была составителем этого издания и автором комментариев. В третьем томе она представила двадцать писем в очень своеобразной форме: письма перемежаются дневниковыми записями Бажова. Открывает публикацию письмо к Л. И. Скорино от 20 сентября 1944 г., далее следуют еще два письма к литераторам, а за ними — дневниковая запись, в которой П. П. Бажов характеризует рассказы одного начинающего писателя (12 августа 1945); затем снова письма к Л. И. Скорино, Е. А. Пермяку, за которыми следуют дневниковые записи 1945 г.: о добром «глядельце» (12 декабря); об огранке изумруда (14 декабря); о знаменитых людях, родившихся на Урале (15 декабря); о русском Спиридоне Солнцевороте (25 декабря); о цикле сказов, связанных с Березовском (31 декабря); далее снова следуют письма к писателям вперемешку с дневниковыми записями, приветствием пионеров из города Нижние Серги, а заключает рубрику выступление П. П. Бажова на 40-летнем юбилее газеты «Уральский рабочий», где он рассказывает, как в 1920-е гг. вокруг газеты группировались все литераторы, поскольку она представляла свои страницы поэтам и писателям и выпускала два приложения — журнал «Товарищ Терентий» и еженедельную восьмиполоску «Веселая кузница».

Объясняя необычность состава при публикации писем, Л. И. Скорино в комментариях пишет, что она следовала принципам П. П. Бажова, который придумал рубрику «Отслоения дней» в своем личном архиве и помещал в нее письма, дневниковые записи, воспоминания и отдельные публичные выступления, причем располагал их по хронологическому принципу [Бажов, 1952, с. 356]. Вероятно, Л. И. Скорино воспользовалась информацией В. А. Бажовой (кто, кроме нее, мог знать про композицию рубрики) и, как ей казалось, по-бажовски выстроила первую публикацию писем писателя. Письма оказались связанными друг с другом, а также с дневниковыми записями и публичными выступлениями не только хронологически, но и через образ автора: в целом возник весьма содержательный текст, освещающий творческую жизнь писателя, его включенность в общественную и литературную работу конкретного исторического периода, ключевого для того времени, 1945 г.

Те же две скрепы (хронология и образ автора) сохраняются в «Отслоениях дней», помещенных Л. И. Скорино в трехтомном собрании сочинений П. П. Бажова (Свердловск, 1976). Кроме того, здесь даны реальные временные рамки. Первой Л. И. Скорино поместила дневниковую запись о творческом вечере А. С. Новикова-Прибоя. И это действительно была первая дневниковая

запись, сделанная Павлом Петровичем под впечатлением от общения со столетним писателем. Бажова поразили главы из его нового романа «Капитан первого ранга», их главное достоинство, на его взгляд, — «яркая простота». Оценил Бажов А. С. Новикова-Прибоя и как рассказчика, выделяя «свежесть слов и деталей». Говоря о мастерстве автора, Бажов подметил, что он «не так прост, как кажется», что это «мастер, который перешагнул в сферу правдоподобной простоты». Замыкает «Отслоение дней» письмо к Ковалевскому, которое датируется сентябрем 1950 г., это последнее письмо, которое писал П. П. Бажов и оставил его на пишущей машинке в незаконченном виде. В нем Бажов утверждает, что начинающему писателю необходимо сначала осваивать жизненную конкретику и малые жанровые формы, а затем уже «браться за большие полотна». Выбор писем диктовался и представлениями Скорино о степени важности изложенных идей.

После Л. И. Скорино к эпистолярному наследию обратился М. А. Батин, который, опять-таки с помощью В. А. Бажовой, подготовил публикацию писем в сборнике «Публицистика. Письма. Дневники», где оба фигурировали как составители. Было отобрано 52 письма, в их число включили ряд писем, «содержание которых с точки зрения общественной значимости не является существенным», но они «интересны по языку и стилю» [Бажов, 1955, с. 4]. Указанный принцип отбора (общественная значимость), очевидно, обусловил и количество опубликованных писем. В статье «От составителей» отмечено, что письма П. П. Бажова к другим писателям и журналистам — «наиболее значительная по содержанию часть его переписки», в ней высказывания о процессе художественного творчества, о классиках русской литературы и современных писателях, о фольклоре и фольклористике, о своих произведениях и пр.

Во вступительной статье к сборнику с характерным названием «Творчество для народа» М. А. Батин размышляет, в частности, и об исследовательской ценности сборника. Анализируя и публицистические выступления, и дневниковые записи, и письма П. П. Бажова как единый корпус текстов, Батин обильно цитирует их, что позволяет вычленив из общего хода рассуждений выводы, касающиеся именно эпистолярного наследия писателя.

В первую очередь М. А. Батин замечает, что в письмах, где П. П. Бажов делится своими воспоминаниями, содержатся «биографические данные», которые дополняют исследования о жизни П. П. Бажова [см.: Бажов, 1955, с. 6].

Далее автор статьи выявляет некоторые важные, на его взгляд, моменты эстетических воззрений писателя, которые подкрепляются цитатами из писем. Так, первое условие художественного творчества — «глубокое изучение жизни» [Там же, с. 7] — Батин обосновывает требованием активного отношения к действительности из письма о писателе Вс. Вл. Лебедеве, который «не собирал сверху, а вгрызался... <...> непосредственно принимал участие в поисковых работах» [Там же, с. 187] в Ильменском заповеднике; о Бальзаке, которому «не просто приходилось “вращаться в жизни”, а вращаться винтом с предельной скоростью» [Там же, с. 177]. М. А. Батин делает вывод, что для Бажова была важна активная жизненная позиция: если писатель хочет изучит жизнь, он

должен «страстно вторгаться в нее, быть участником жизни, а не наблюдателем и тем более не согладатаем ее» [Бажов, 1955, с. 8].

Из текста писем исследователем извлекается связанный с предыдущим эстетический принцип П. П. Бажова: «Художественный вымысел, неизбежный при построении повести, рассказа или романа, может держаться лишь на прочном фундаменте хорошо изученных фактов, явлений, характеров» [Там же, с. 207]. Смыкается с этим принципом, по мнению М. А. Батина, и требование Бажова «цельности психологических портретов» [Там же, с. 12]. «Признаки места и времени в художественном произведении немислимы без исторически точной “детализации”», — обобщает уже сам М. А. Батин [Там же].

Анализируя взгляды писателя на проблему построения художественного образа, исследователь пишет: «Логика развития образа, сколь бы она ни была неожиданна для самого художника, не должна, не может вступить в противоречие с идеей, если идея верна» [Там же].

Нужно отметить, что М. А. Батин не избегает столкновения на первый взгляд противоречащих друг другу эстетических суждений писателя. «Ход от жизни к идее, но не наоборот» [Там же, с. 84] является для Бажова показателем истинного художника-реалиста и высшим проявлением искусства [Там же, с. 16]. В то же время уральский писатель, по мнению Батина, «признавал правомерность следования “внутреннему социальному заказу” и прямо называл отдельные свои сказы откликами на высказывания руководителей Коммунистической партии, иллюстрациями к таким высказываниям» [Там же]¹. Для М. А. Батина в этом вопросе нет «неразрешимого противоречия». «Творческая взволнованность» как «необходимое условие для создания произведений подлинного искусства» [Там же] — основание, на котором держится и «требование жизненной правды» [Там же, с. 15], и «партийная направленность» [Там же, с. 17] сказов. «Откликнуться» произведением на то или иное “высказывание” — вовсе не значит “идти от заранее заданной идеи”, вопреки положению “идти от жизни”, а значит, именно “идти от жизни”, от ее фактов и явлений, но отобранных и осмысленных художником в свете мудрого высказывания [партии]», — резюмирует М. А. Батин, частично воспроизводя в рассуждениях слова Бажова [Там же].

У Батина была важная задача — показать высочайшее писательское мастерство Бажова, и не его вина, если решал он ее в рамках сугубо партийной доктрины художественного творчества. Главными параметрами оценки художника были наличие в его произведениях принципов партийности и народности. И хотя принцип народности был выдвинут еще В. Г. Белинским, но его интерпретация в советском литературоведении сводилась к примитивному требованию отражения в произведении образов из народа, оценки собы-

¹ Батин использует материалы собственной беседы с Бажовым, которая была им записана и подписана самим писателем [см.: Бажов, 1955, с. 122]. Публицистическую составляющую сказов Бажов подчеркивал, кроме того, в письме к Л. И. Скорино от 17 сентября 1946 г.: «“Дорогое имячко” — это Октябрьская революция... “Васина гора” — отражение тех настроений, с какими советские люди приняли пятилетний план... “Гор подаренье” — праздник Победы, и т. д.» [Там же, с. 174].

тий с народной точки зрения, смыкавшейся с классовой борьбой, а также к языку, понятному «простому народу». Еще хуже обстояло дело с принципом партийности, обвинения в его отсутствии могли не только уничтожить произведение, но и невероятно осложнить судьбу писателя. В этом смысле статья Батина оказалась к месту и способствовала окончательному закреплению семантики творчества Бажова как исключительно народного писателя, что положительно сказалось на последующих переизданиях его текстов, хотя существенно исказило философскую глубину его творчества.

Кроме того, на материале писем Батин обращается и к характеристике работы писателя над языком сказов. Рассуждения базируются на отработанном принципе народности, который являлся доминантным для высокой оценки творчества писателя («Народность — вот требование, под знаком которого шла языковая работа Бажова» [Там же, с. 24]). Подходя к языку с позиций народности, «он до конца своей жизни держался сказовой манеры, использовал в сказах довольно значительное количество лексических диалектизмов, но решительно отвергал фонетические диалектизмы, считая их употребление выражением неуважительного отношения к трудовому народу»² [Там же]. Опираясь на слова П. П. Бажова в письме к Л. И. Скорино (18 сентября 1945) о том, что «вся забота здесь сводится к тому, чтобы не выйти за пределы лексического запаса, которым пользуются люди, от лица которых ведется сказ», а также анализируя развитие лексики собственно сказов, М. А. Батин приходит к выводу: «Язык рассказчика — это язык одного из персонажей сказов. И этот язык должен обладать известным единством, определяющимся общественно-политическим “паспортом” персонажа и его характером». Кроме того, «в языке должна обнаруживаться личность героя и в то же время типические черты языка среды, которую он представляет» [Там же, с. 26].

Интересно и то, что М. А. Батин обращается к письмам не только как к источнику мыслей П. П. Бажова по тому или иному вопросу, но и рассматривает эпистолярный язык как самостоятельный объект: «Особенно хорош, порой блестящ язык писем Бажова...» [Бажов, 1955, с. 25—26], отмечает «словесное мастерство», «образность». «Конечно, личный язык Бажова не отгорожен от языка его сказов, от языка деда Слышко и более поздних рассказчиков» — рассуждает М. А. Батин [Там же, с. 27], П. П. Бажов, по его мнению, довольно свободно владел языком населения сказового мира, так как он «писал сказы, думая и “говоря” языком своих героев», так как «без “вживания” в характер их мышления и речи было бы и невозможно создать столь прекрасные художественные произведения» [Там же, с. 28].

В 1957 г. выходит монография А. Саранцева «Павел Петрович Бажов», где ее автор также обращается к эпистолярному наследию писателя. Выводы Саранцева немногим отличаются от вышеизложенных рассуждений М. А. Батина.

² Ср.: «“Огорчительный плакон”, “краеграние” и т. д. кажется мне большим словесным переигрыванием, порой сближает Лескова с Горбуновым, который на потеху публики нарочито преувеличивал речевые и фонетические неправильности и выскивал *garites personelles* (своеобразные словечки, франц.), чтоб посмешнее» — из письма Л. И. Скорино от 20 сентября 1944 г. [Бажов, 1955, с. 140].

В письмах Бажова исследователь находит «яркое отражение» его эстетических взглядов, «в таком виде, как они окончательно сложились в последние годы его жизни и творчества» [Саранцев, с. 341]. «Главные положения эстетического кодекса Бажова», по мнению А. Саранцева, заключаются в «глубоком и всестороннем изучении жизни, ее объективных закономерностей, конкретных проявлений», отражение настоящего в «его исторической перспективе» [Там же, с. 342], «писатель должен иметь, хотя и маленькие, но “свои крылышки”» [Там же, с. 347] (свою хорошо изученную тему, в которой художник имеет свой взгляд), а также обладать «дальномером» («то есть быть хозяином собранного им для произведения материала, осмыслить его с точки зрения марксистской философии, не спускаться до какого-то промежуточного стиля, жительствовавшего где-то между газетной статьёй и художественным произведением» [Там же]).

Коренным принципом эстетики Бажова, по мнению А. С. Саранцева, является принцип коммунистической партийности. «В творчестве он [Бажов] видел не бессознательный процесс, происходящий в уме и сердце писателя по какому-то “высшему”, внезапному наитию, а... процесс с ясно осознанной творческой и политической задачей» [Там же, с. 348]. Пожалуй, именно здесь более всего обнаруживаются расхождения А. С. Саранцева и М. А. Батина. Последний, не отрицая политическую задачу как стимул творческого процесса, все же оценивал ее в качестве сопутствующего, но не решающего фактора. Взгляд А. С. Саранцева тем и интересен, что на материале «около двухсот писем, адресованных писателям и критикам» [Там же, с. 341] (а также и «других устных и печатных выступлений») исследователь выявляет лишь те положения эстетики П. П. Бажова, которые имеют «общеинтересную значимость» [Там же], т. е. продуктивны не только, а пожалуй, и не столько для самого П. П. Бажова, сколько способны дать толчок в общем развитии советской литературы. Не случаен поэтому и общий вывод автора об эпистолярном наследии писателя: «Бажов, как это видно даже из краткого обозрения, проделал значительную работу по организации и воспитанию литературных кадров» [Там же, с. 350].

Бажов провозглашался успешным продолжателем идей «властителя дум» А. М. Горького, сторонником марксистской философии, а его творчество — торжеством метода социалистического реализма. Можно утверждать, что на том этапе исследования писем П. П. Бажова довольно обстоятельно и аргументированно была обозначена «общественно значимая» часть эстетической и общелитературной позиции Бажова в первую очередь как председателя Свердловского отделения Союза писателей, редактора, издателя, депутата Верховного Совета СССР.

Продолжением и переосмыслением характеристики творческой позиции можно считать статью В. П. Лукьянина «Согласно, но вопреки. П. П. Бажов как художник социалистического реализма». В свойственной исследователю парадоксальной манере, обсуждая отношения П. П. Бажова с соцреализмом и его догматами, он пишет: «Что же касается “классовой теории”, то в публицистическом и эпистолярном наследии писателя достаточно много материалов, позволяющих говорить о том, что если Бажов с ней напрямую и не спорил (все

же он был человеком своего времени и дисциплинированным членом партии), то по крайней мере никак не ею руководствовался, осмысляя социально-исторический процесс на Урале. Знания, почерпнутые им из разнообразных архивных и иных достоверных источников, побуждали его к более взвешенному и «объемному» взгляду на события и действующих лиц уральской истории» [Лукьянин, с. 84]. Главным достоинством статьи В. П. Лукьянина является проделанный автором анализ литературоведческих высказываний П. П. Бажова. Основным же источником для них служит уже упомянутое издание материалов в Собрании сочинений 1955 г.

Дальнейшее изучение эпистолярного наследия уральского писателя носит в основном экстенсивный характер. В печати появляются все новые и новые объемные фрагменты и целые письма П. П. Бажова. Особо стоит отметить книгу Е. А. Пермяка «Долговекий мастер. О жизни и творчестве Павла Бажова» (М., 1974), представляющую собой наиболее полную публикацию писем Бажова к автору: цитируются в общей сложности 27 писем. Письма к Е. А. Пермяку печатались и ранее: в первом Собрании сочинений 1952 г. приведено одно письмо (от 27 октября 1947 г.), в сборнике «Публицистика. Письма. Дневники» добавлено еще семь. В сборнике воспоминаний «Павел Петрович Бажов» (1953) в статье «Письма ко всем» сам Е. А. Пермяк дает выдержки из 12 писем. Все упомянутые тексты содержатся в вышеназванной книге.

Не углубляясь в аналитические размышления, автор рисует довольно важный внешний контекст написания этих писем. Как адресат, пожалуй, самых откровенных посланий Бажова, Е. А. Пермяк вносит весомый вклад в воссоздание образа автора. Так, в «Тетради седьмой. Из эпистолярного наследия», в которой приводятся 8 текстов, каждое письмо дается с предварительным комментарием. В нем может описываться ситуация, в которой оно было написано: «Павел Петрович очень много времени уделял общественной деятельности, иногда в ущерб своей литературной работе, и я написал ему об этом и получил такой ответ...» [Пермяк, с. 113]; «Знакомые Павла Петровича всячески старались, оберегая его глаза и время, избавить от технической работы. Но напрасно. У него свои взгляды и суждения...» [Пермяк, с. 109]. Порой такие комментарии содержат характеристику эпистолярной манеры либо штрих к общему облику адресанта: «Как вы заметили, письма Павла Петровича разнообразны по содержанию. Их трудно распределять по тематическим разделам. Тогда бы пришлось чуть ли не каждое письмо резать на куски по абзацам, от этого письма потеряли бы свой аромат букета из разных цветов. Сейчас я предложу вашему вниманию самое пестрое и длинное письмо...» [Там же, с. 115]; «Мне кажется неправильным, когда друзья Павла Петровича в своих воспоминаниях, статьях, обзорах лишают хорошего, и очень хорошего человека присущих ему душевных спадов, сомнений, тяжелых раздумий, рисуя его только в радужных красках...» (далее следует «очень печальное письмо») [Там же, с. 120].

Остальные 19 писем рассредоточены по всему тексту книги и, как правило, вписаны в некую событийную канву жизни писателя. К примеру, рассказывая в «Тетради четвертой. Каслинская табакерка» о том, как во второй половине 1940-х гг. «не без усилий и авторитета Павла Петровича Каслинскому заводу

вернули его художественное литье», Пермьяк приводит письмо Бажова от 2 апреля 1944 г., где описываются главное действующее лицо, Н. Н. Серебренников, и многие подробности этой истории. В этом письме Бажов предстает прежде всего как общественный деятель, озабоченный состоянием культуры и истории своего края [Пермьяк, с. 56–60].

В 1969 г. в книге «Уральская копилка» В. П. Бирюков публикует 9 писем П. П. Бажова, поясняя: «Первые письма Павла Петровича были связаны с работой — моей как составителя, а его как редактора — над этим сборником» [Бирюков, с. 142]. Первые два письма не датированы, остальные выстроены в хронологическом порядке, в соответствии с датировками самого Бажова. Комментарии к письмам, кроме нескольких пояснений, о чем идет речь в письме, Бирюков не дал.

Библиограф А. Шмаков в первом номере журнала «Урал» за 1970 г. (с. 180–181) публикует два неизвестных письма Бажова «людям, тесно связанным с нашим краем по своим служебным обязанностям и творческим привязанностям». Письма эти, вероятно, были найдены в личных архивах адресатов, к сожалению, местонахождение оригинала первого письма и машинописной копии второго библиограф не указывает. Первое письмо (от 6 августа 1940) адресовано Н. Е. Борисову — литератору-прозаику, работавшему в начале 1940-х гг. директором Челябинского государственного книжного издательства. Письмо чрезвычайно интересно для понимания взглядов автора «Малахитовой шкатулки» на рабочий фольклор. «По-бажовски сжато и сочно дана история вопроса и его теоретическая сущность», — пишет А. Шмаков. Второе письмо (от 8 января 1946) адресовано А. В. Астафьеву — краеведу, автору книг по истории города Златоуста. Шмаков комментирует его так: «В это время Павел Петрович работал над сказом “Старых гор подаренье”, и для него переписка с человеком, который хорошо знал прошлое и настоящее города, была чрезвычайно важна. Содержание публикуемого письма подтверждает обоюдную заинтересованность адресатов». В характерной для того времени форме выражена мысль о ценности любого пополнения «творческого наследия» писателя, «ибо оно неотъемлемо от всей активной общественной, государственной деятельности писателя». В целом, комментарии исследователя бесспорны, хотя и нуждаются в небольшом, но, как кажется, существенном дополнении. На фоне всего эпистолярного наследия эти два письма являются весьма характерными: Бажов многогранен в своих интересах, даже в рамках одного письма может предстать не только как писатель, но и как краевед, издатель, журналист.

В 1978 г. выходит сборник воспоминаний о П. П. Бажове «Мастер, мудрец, сказочник», на страницах которого также появляются письма, которые цитируются либо фрагментарно, либо целиком. А. Шарц, Л. Татьяничева, О. Маркова, Б. Михайлов, В. Данилевский, В. Кучерявенко³ пользуются письмами, адресованными им, как подкреплением к своим мыслям о человеческом, профессиональном и писательском облике Бажова.

³ Воспоминания В. Кучерявенко не вошли в это издание, но опубликованы в кн.: [Павел Бажов, с. 335–345].

В «Бажовской энциклопедии» (в статье «Эпистолярное наследие П. П. Бажова») В. В. Блажес дает информативно богатый обзор всей известной нам и дошедшей до нас корреспонденции писателя, в том числе и ранее не опубликованных писем. Работа является, по сути, завершающей и обобщающей на сегодняшний день тему изучения эпистолярного наследия Бажова. Блажес останавливается «на письмах, отражающих наиболее существенные факты творческой деятельности писателя, его историко-литературные взгляды» [Блажес, с. 491]. Перемежая цитирование целых абзацев с короткими выдержками, автор комментирует ситуации, в которых были написаны те или иные письма, а также создает тематические группы текстов, делая логичные и объективные обобщения и выводы: «Он не хотел, чтобы его считали мэтром, поэтому в письмах постоянно оговаривается, что не уверен в своей правоте»; «П. П. Бажов знал, конечно, что поэтом нужно родиться, но как старый газетчик он знал и то, что желающего писать можно обучить литературному ремеслу» [Блажес, с. 495] и пр. Без искажения авторского замысла Блажес начинает выстраивать единую смысловую систему корреспонденции писателя, подчиненную цельному образу, строю мыслей и оценок П. П. Бажова. Статья носит скорее описательный характер, что вызвано прежде всего характером издания.

Подводя итоги всему сказанному, нужно заметить, что систематического, комплексного анализа эпистолярное наследие П. П. Бажова не получило, несмотря на значительный объем введенного в научный оборот материала. Это, как кажется, и создает ситуацию, когда тексты писем в значительной мере известны, цитаты из них прочно вошли в научный оборот, но на деле один и тот же эпистолярный материал может стать аргументом для совершенно противоположных взглядов исследователей (например, в работах М. А. Батина и В. П. Лукьянина). Выборочное цитирование; отсутствие исторического и биографического контекста, в котором была высказана та или иная мысль, произвольно расставленные акценты — подобное использование писем делает их достаточно аморфным материалом, в котором автор попадает почти в полную зависимость от исследователя.

Таким образом, основная проблема эпистолярного наследия П. П. Бажова — это практически полная нереализованность его научного потенциала. Как представляется, переписка такой видной фигуры уральской литературы может внести существенный вклад в исследования литературного процесса на Урале 1930—1940-х гг. как в чисто событийном ключе (письма, в которых П. П. Бажов делится новостями со своими собеседниками), так и в некоем концептуальном, программном плане (П. П. Бажов — один из основных организаторов этого процесса, его мысли и взгляды не могли не влиять на происходящее). Кроме того, в письмах содержится немалое количество рефлексий по поводу собственного творчества: систематическое и последовательное выстраивание позиции автора является ценным источником для исследований литературного наследия писателя.

П. П. Бажов — крупный краевед и знаток истории Урала, и именно в письмах это представлено наиболее ярко. Исторические взгляды писателя, его суждения в тех или иных вопросах истории края, исторические взгляды Бажова как

неотъемлемая составляющая его творческого метода — также важная и на сегодняшний день малоизученная тема. В монографической работе И. Ф. Плотникова «Павел Петрович Бажов как политик и историк» автором оказалось востребованным только одно письмо 1945 г. к А. А. Суркову [см.: Плотников].

Итак, существует целый комплекс материалов с очень серьезным научным потенциалом, исследование которого должно открыть новые аспекты творчества уральского писателя и литературного процесса в крае.

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. 272 с. [Bazhov P. P. Publitsistika. Pis'ma. Dnevniki. Sverdlovsk, 1955. 272 s.]

Бажов П. П. Сочинения : в 3 т. Т. 3. М., 1952. 360с. [Bazhov P. P. Sochineniya : v 3 t. T. 3. M., 1952. 360s.]

Бирюков В. П. Уральская копилка. Свердловск, 1969. 192 с. [Biryukov V. P. Ural'skaya kopilka. Sverdlovsk, 1969. 192 s.]

Блажес В. В. Эпистолярное наследие П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. С. 490—496. [Blazhes V. V. Epistol'yarное nasledie P. P. Bazhova // Bazhovskaya entsiklopediya. Ekaterinburg, 2007. S. 490—496.]

Лукьянин В. П. Согласно, но вопреки. П. П. Бажов как «художник социалистического реализма» // Урал. 2004. № 1. С. 77—96. [Luk'yanin V. P. Soglasno, no vopreki. P. P. Bazhov kak «khudozhnik sotsialisticheskogo realizma» // Ural. 2004. N 1. S. 77—96.]

Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М., 1978. 592 с. [Master, mudrets, skazochnik. Vospominaniya o P. Bazhove / sost. V. A. Starikov. M., 1978. 592 s.]

Павел Бажов. Воспоминания о писателе / сост. Б. Рябинин. М., 1961. 400 с. [Pavel Bazhov. Vospominaniya o pisatele / sost. B. Ryabinin. M., 1961. 400 s.]

Пермяк Е. А. Долговекий мастер. О жизни и творчестве Павла Бажова. М., 1974. 222 с. [Permyak E. A. Dolgovekij master. O zhizni i tvorchestve Pavla Bazhova. M., 1974. 222 s.]

Плотников И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург, 2004. 152 с. [Plotnikov I. F. Pavel Petrovich Bazhov kak politik i istorik. Ekaterinburg, 2004. 152 s.]

Саранцев А. Павел Петрович Бажов. Челябинск, 1957. 372 с. [Sarantsev A. Pavel Petrovich Bazhov. Chelyabinsk, 1957. 372 s.]

Шмаков А. Письма П. Бажова // Урал. 1970. № 1. С. 180—181. [Shmakov A. Pis'ma P. Bazhova // Ural. 1970. N 1. S. 180—181.]

Статья поступила в редакцию 25.01.2013 г.

УДК 821.161.1-312.9 + 821.161.1-311.3

Т. И. Хоруженко

ЖАНР СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЖЕНСКОГО ФЭНТЕЗИ

Рассматривается связь отечественных фэнтези-текстов с дамскими романами. На основе сопоставления двух типов «женских» текстов выделяются отличительные черты женского фэнтези, балансирующего на грани дамского романа, детектива и фэнтези.

Ключевые слова: фэнтези; дамский роман; женское фэнтези; авантюрно-приключенческий роман.

Литература, создаваемая женщинами для женщин, наводнила российский рынок примерно двадцать лет тому назад. Традиционно годом рождения русскоязычного дамского романа считается 1995-й [Черняк, с. 116]. В исследованиях, посвященных изучению феномена дамского романа, отмечается, что условно данную литературу можно разделить на четыре группы:

- 1) женская литература (акцент ставится на пол автора);
- 2) женское чтение (акцент ставится на пол читателя);
- 3) женское письмо (акцент ставится на стиль текста);
- 4) женская автобиография (акцент ставится на содержание текста) [см.: Жеребкина, с. 138].

Нас в первую очередь будут интересовать первые два типа — женская литература и женское чтение, поскольку они тесно связаны между собой: в большинстве случаев романы, создаваемые женщинами, ориентированы на читательниц. В связи с тем, что женская литература в качестве Образцового читателя, если воспользоваться термином У. Эко [Эко, с. 19], изначально не предполагает мужчин, тексты строятся с учетом интересов специфической аудитории. В частности, в текстах актуализируются те ценности, что маркированы культурой как «женские» (например, дом и семья).

Интерес к гендерному анализу литературы и, шире, культуры, оформился к 70-м гг. XX в. Сразу оговоримся, что в определении гендера мы солидаризируемся с Ириной Савкиной и понимаем под ним «социальный пол, который определяется через сформулированную культурой систему атрибутов, норм, стереотипов поведения, предписываемых мужчине и женщине» [Савкина, с. 19]. Наталья Пушкарева, прослеживая зарождение интереса к «женской теме», начинает со статьи американской феминистки Шерри Ортнер «Соотноится ли женское с мужским так же, как природное с культурным», вышедшей в 1974 г. в нашумевшем сборнике «Женщина, культура, общество», собранном и отредактированном М. Розальдо и Л. Ламфер. Примерно в это же время проблематикой женского в литературе занялись А. Рич и Дж. Гейс. «Женский вопрос» также интересовали литературоведов Б. Хелд, Д. Грин, Т. Климан, К. Келли. Н. Пушарева отмечает, что именно эти исследовательницы сделали многое для

изучения «женского мировидения» и «женского письма» в России [см.: Пушкарева, 2002, с.100].

В России интерес к гендерным вопросам возник после «перестройки», при этом «...идеи гендеристок и либеральных феминисток постепенно вводились в оборот с середины 1970-х гг., хотя и не артикулировались в научной литературе» [Пушкарева, 1998, с.76]. «Гендерный подход к исследованию — это учет многовариативного влияния фактора пола. Пол как категория состоит, таким образом, как бы из двух важнейших компонентов: пола биологического (sex) и пола социального (gender)», — уточняет Н. Пушкарева [Там же]. Отметим, что социальный пол — это «культурная маска пола» в границах тех или иных социокультурных представлений, закрепившихся в данном обществе» [Охотникова, с. 275]. В рамках гендерных исследований изучается и специфически «женский» тип чтения, и женская литература как таковая.

Доминантой женской литературы традиционно считается дамский, или «розовый», роман — история любви идеальной героини и идеального героя. Рецепт дамского романа не без иронии дает Ольга Валленштейн в своей статье «Российские дамские романы: от девичьих тетрадей до криминальной мелодрамы»: «...в современной массовой культуре на западе розовый роман — абсолютно канонический жанр, структурно определенный и по форме, и по содержанию. Это карманная книжка, оптимальный объем 190 страниц, весь сюжет закручен вокруг любовной интриги с неременной счастливой развязкой, главная цель — утешение и развлечение читательницы, приятное сопереживание женским сердечным горестям, атмосфера розовых романтических грёз. Повествование ведется от лица героини, события разворачиваются на мирном бытовом фоне, причем строго-настрога запрещается изображать насилие, войны, грабежи и прочие негативные вещи, в крайнем случае — стихийное бедствие типа наводнения. В герою не рекомендуется брать алкоголиков, бедняков, наркоманов, а героиня должна быть, естественно, красоткой, умницей и желатель но девственницей. Наконец, эротика в розовом романе подается достаточно дозировано, скромно, через особые риторические формулы или фигуры умолчания» [Валленштейн].

Исследователи отмечают, что при восприятии подобных текстов читательница отождествляет себя с героиней. По мнению И. Жеребкиной, «...женское чтение становится видом автобиографии, или самоконструирования, которое в конечном итоге неотлично от письма» [Жеребкина, с. 148]. Термин «женское чтение» был введен Аннет Колодны, исследовательница предполагает, что восприятие текста зависит от пола, точнее, гендерной принадлежности читателя [Kolodny, p. 451—467]. Оказывается, что «женское чтение менее абстрактно, чем мужское: женщина всегда читает в тексте свой собственный реальный жизненный эксперимент...» [Жеребкина, с. 151]. При прочтении женских романов читательница не просто отождествляет себя с героиней, но и «вчитывает» в ее историю свои чаяния и мечты.

Ю. Ветошкина, анализирувшая восприятие дамских романов целевой аудиторией, подчеркивает, что при чтении романов «...очень важен процесс узнавания читательницей себя в героине. Любовный роман — это средство самоиден-

тификации, пусть эта идентификация и сказочна, иллюзорна, покрыта толстым слоем лака под названием “гламур”» [Ветошкина]. Исследователь В. Г. Иваницкий вообще считает, что корни женской литературы следует искать в фольклоре; его многочисленные формы притч, сказок, мифов и легенд легли в основу дамского романа [Иваницкий, с. 151—163].

Следует отметить, что все исследователи, так или иначе анализирующие современный дамский роман, сходятся во мнении, что этот жанр на русской почве не прижился. Классический «розовый роман», попав в Россию, трансформировался в «розово-черную» к р и м и н а л ь н у ю м е л о д р а м у, как называет его Ольга Валленштейн [см.: Валленштейн], или в дамский детектив. «Любовного романа в чистом виде нет, но есть дамский роман, в основе которого любовный, детективный сюжет, с психологическими и мистическими вкраплениями» [Ветошкина]. На наш взгляд, дамский роман захватил еще одну область массовой литературы — ф э н т е з и.

Попав в жанр фэнтези, дамский роман, уже обогащенный детективным опытом, открыл для себя новые перспективы. Условимся, что в женское фэнтези не входят дамские романы с элементами мистики, поскольку для последних паранормальные явления — это то, что выбивается из привычной, нормальной, обыденной жизни. Для фэнтези же магия — это одна из констант жанра.

Женское фэнтези сегодня — достаточно востребованный поджанр русскоязычного фэнтези. В последние годы в русскоязычном фэнтези появилось большое количество писательниц, адресующих свои произведения именно женской аудитории (Оксана Панова, Ольга Громыко, Кира Измайлова, Наталья Игнатова, Елена Петрова, Юлия Набокова, Елена Никитина и другие). Появление большого количества текстов, в которых главная героиня («человек исторический») проводит самостоятельное расследование, спасает мир, будь то ее личное пространство, город или даже Вселенная, указывает на существование социального заказа на подобную литературу. С нашей точки зрения, причиной подобного заказа является растущая популярность жанра собственно фэнтези.

Традиционное фэнтези представляет собой «мужской» текст, в центр которого помещен герой, воин или приключенец, вокруг побед которого и строится фабула романа. При этом в фэнтези, особенно в героическом, женские персонажи — редкость. Романтическое фэнтези отчасти восстанавливает этот пробел, представляя вниманию читательниц героинь, способных сравниться с героями меча и магии. Интересно отметить, что и в дамском детективе, как отмечает О. Р. Демидова, героиня «ведет “мужской” образ жизни, занимаясь сугубо “мужским” делом профессионально» [Постклассические гендерные исследования, с. 185]. Можно говорить о том, что женское фэнтези — это попытка создать героиню, равную герою по степени своих возможностей: она сражается, ведет расследование, участвует в походах наравне с собственно героями, но при этом оказывается мила и в меру истерична. В качестве примеров женского фэнтези мы рассмотрим два текста — роман Ольги Громыко «Профессия: ведьма», относимый к юмористическому фэнтези, и приключенческое фэнтези Киры Измайловой «Случай из практики».

В женском фэнтези соединяются и причудливо смешиваются штампы, характерные как для дамских романов, так и собственно фэнтези. Таким образом, женское фэнтези балансирует на грани дамского романа с элементами детектива и фэнтези. Отличительными чертами женского фэнтези можно считать следующие.

- Произведение представляет собой рассказ героини о «времени и о себе». Повествование от первого лица сближает женское фэнтези с классическими дамскими романами, для которых, как мы уже отмечали выше, также характерен этот тип повествования: «Зрелище... Да, зрелище. Впечатляющее, что и говорить. Какого-то новобранца до сих пор выворачивало наизнанку за большим камнем, да и мне, хоть видать мне доводилось и не такое, сделалось не по себе» [Измайлова, с. 5]; «Хороший сегодня выдался денек. Теплый. Безветренный. Вторая декада сеностава неспешно сочилась сквозь клепсидру солнечного лета, и голоса зябликов, доносившихся из придорожных кустов, звенели в ушах. Я ехала сквозь их гнездовые уголья, как вдоль пограничной полосы...» [Громыко, с. 5].

- Героиня — девушка умная и миловидная, но не красавица. В большинстве случаев она просто не задумывается о своей внешности («Все попытки облагородить мой милый облик неизменно терпели крах... Единственная девушка на факультете, я обожала штаны и свободные рубашки, с восторгом принимала участие во всевозможных попойках и гулянках по случаю успешной сдачи сессии...» [Громыко, с.128]).

- Героиня волею случая оказывается втянутой в большую игру, в которой ей предстоит сыграть не последнюю роль.

- Действие романа происходит в мире, отличном от повседневного мира читательницы. Наиболее любимы писательницами фэнтези поджанры городского фэнтези или же приключенческого, когда действие происходит в ином мире.

- Для романтического женского фэнтези характерно большее внимание к психологическим аспектам. Героини рассматриваемого типа текстов размышляют о себе, о своем характере и о характере других. Достаточно часто в женском фэнтези создается эффект «эмоционального письма», характерного также и для классических дамских романов: в рассказе героини «вместо временной нарративной последовательности событий реализуется эмоциональная последовательность» [Жеребкина, с. 157]: «Возможно, я описываю эти события несколько сумбурно, но именно так они отложились у меня в памяти» [Измайлова, с. 558].

Чаще всего героини женского фэнтези — маги, обладающие незаурядной силой, но при этом не окончившие специализированного учебного заведения. Так, в «Случае из практики» — Флоссия Нарен, независимый судебный маг, а в «Профессии: ведьма» О. Громыко — Вольха Редная, адептка восьмого курса Старминской школы чародеев, пифий и травниц. Также в текстах встречаются молодые и недоучившиеся Бабы-Яги (в текстах Елены Никитиной) и ведуньи, в чьих жилах течет кровь древних и могущественных существ («Синяя птица» Елены Самойловой). Важно уточнить, что магические способности у девушек

всегда выше среднего: «Такие, как вы, Флоссия, большая редкость» [Измайлова, с. 698]; «Потрясающий дар управления энергией, телекинетические способности — прирожденный Практик» [Громыко, с. 17]. В данном случае намечается противоречие между фэнтези и дамскими романами, поскольку первое представляет девушек, равных героям, в то время как второе, напротив, делает акцент на хрупкости и незащищенности женщин.

В женском фэнтези важную роль играет *случай*: героини случайно могут узнать тайну государственной важности, случайно победить противника и т. д. В качестве «общего места» женских фэнтези рассмотрим ситуацию превращения в ведьму. Ее принимают в школу магии случайно, даже при отсутствии талантов: «Я была диковатым десятилетним подростком с оптимальным количеством прыщей вперемешку с веснушками. И уймой талантов, запрятанных так глубоко, что на собеседовании их не выявили. Да особенно и не пытались» [Громыко, с. 15]. Однако затем Вольха встречает своего наставника, который обнаруживает в ней магические способности. «На мое счастье (или несчастье?), Учитель не числился в составе приемной комиссии, он как раз возвращался из долгосрочной дипломатической командировки, и на его пути сидела я» [Громыко, с. 15]. Таким образом, девушку принимают в школу магии по воле случая. Аналогичная ситуация представлена и в романах Киры Измайловой. Флоссия Нарен, героиня произведения «Случай из практики», изначально готовится стать магом-лекарем, но после гибели своей семьи становится судебным магом. «...А спустя несколько минут наш дом взлетел на воздух, унося жизни моего отца, моей матери, моего нерожденного еще брата и нескольких слуг... Но у него оставалась я, последняя надежда на продолжение “династии”. И дед решил отступить...» [Измайлова, с. 431]. Таким образом, героиня почти всегда случайно становится тем, кем она является.

Отметим, что тот же случай чаще всего вовлекает героинь в серьезные авантюры. В то же время героини Громыко и Измайловой становятся участницами описываемых событий по вине собственного любопытства: они начинают разбираться в том, что кажется им странным. *Расследование*, проводимое героиней, и связывает женское фэнтези с детективом, *а любовная линия* — с дамским романом. Таким образом, женское фэнтези строится на стыке *розового, детективного и приключенческого романов*.

В фабуле анализируемого типа текстов можно выделить ключевые опорные моменты: героиня «вляпывается» в историю, встречает своего возлюбленного, пытается от него уйти, благополучно решает поставленную задачу, воссоединяется с возлюбленным. Важно отметить, что героиня не сразу понимает, что влюблена. Так, Флоссия Нарен, героиня Киры Измайловой, тоже сперва не благоволит возлюбленному: «Но все же я надеялась, что вскоре эта странная блажь у Лауриня пройдет, иначе... Я невольно пожалела его...» [Измайлова, с. 576]. Интимные отношения персонажей подаются через фигуру умолчания: «Я протянула руку и коснулась еще по-мальчишески гладкой щеки. Лауринь перехватил мою ладонь, коснулся губами запястья...» [Измайлова, с. 577].

Исходя из беглого анализа разнообразных текстов, относимых к женскому фэнтези, можно сказать, что дамский роман в варианте фэнтези стремится уйти

от сказочности сюжета: у главных героев обычно напряженные отношения, героиня подчеркнута неженственна, свадьба в конце романа не является обязательным элементом фабулы, хотя герои и воссоединяются. Между тем для женского фэнтези в значительно большей степени, чем для мужского, характерна психологичность: героиня нервничает, скандалит, рефлексировать о своих чувствах («Я чувствовала себя наемным батраком, которому торжественно вручили ржавую мотыгу и царственным жестом указали на сорок акров каменной целины...» [Громыко, с. 184]; «Я разревелась, прижавшись к конской щеке» [Там же, с. 381]). Важно подчеркнуть, что характер у героинь женского фэнтези обычно скверный, что неоднократно подчеркивается («Меня не любят, хоть и уважают; впрочем, я сама даю к тому немало поводов: скверный нрав — это почти визитная карточка судебных магов» [Измайлова, с. 19]).

Можно говорить о том, что фэнтези адаптировало каноны женского любовного романа для своих целей, выдвинув на первый план героиню, которая ведет себя и действует скорее как классический герой-приключенец, нежели как сентиментальная барышня. Внешность и характер должны подчеркнуть мужественность в девушке.

Подводя итоги вышесказанному, подчеркнем, что женское фэнтези сегодня пытается быть альтернативой «мужскому» и представить женский взгляд на авантюрно-приключенческий роман. В своем развитии женское фэнтези соединяет штампы российского дамского романа с фэнтезийными: на их переплетении и возникает новый тип чтения для женщин.

Валленштейн О. Российские дамские романы: от девичьих тетрадей до криминальной мелодрамы [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veinstein1.htm> (дата обращения: 01.11.2012). [Valenshtein O. Rossiiskie damske romanu: ot devich'ih tetradej do kriminalnoj melodramy [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veinstein1.htm> (data obrascheniya: 01.11.2012).]

Ветошкина Ю. В. Иллюзорная самоидентификация читательниц дамских романов [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.pstu.ru/_engine/get_file.php (дата обращения: 01.11.2012). [Vetoshkina J.V. Illuzornaia samoidentifikacia chitatel'nic damskih romanov [Elektronnyj resurs] URL: http://vestnik.pstu.ru/_engine/get_file.php (data obrascheniya: 01.11.2012).]

Громыко О. Профессия: ведьма. М., 2011. 444 с. [Gromyko O. Professiya: ved'ma. M., 2011. 444 s.]

Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000. 256 с. [Gerebkina I. «Prochti mojo gelanije...». Postmodernism. Psychoanalysis. Feminism. M., 2000. 256 s.]

Иваницкий В. Г. От женской литературы к «женскому роману»? : Парабола самоопределения современной женской литературы // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 151–163. [Ivanickij V. G. Ot genskoj literatury k «genskomu romanu»? (parabola samoopredelenija sovremennoj genskoj literatury // Obschestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 4. S. 151–163.)]

Измайлова К. Случай из практики. М., 2012. 736 с. [Izmajlova K. Sluchaj iz praktiki. M., 2012. 736 s.]

Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. Иваново, 2002. С. 273–279. [Ohotnikova S. Gendernye issledovanija v literaturovedenii: problemy gendernoj

poetiki // Gendernye issledovanija i gendernoe obrazovanie v vyshej shkole. Ch 2. Ivanovo, 2002. S. 273–279.]

Постклассические гендерные исследования. СПб., 2011. 204 с. [Postklassicheskiye gendernye issledovanija. SPb., 2011. 202 s.]

Пушкарева Н. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопр. истории. 1998. № 6. С. 76–86. [Pushkareva N. Gendernye issledovanija: rogdienie, stanovlenie, metody i perspektivy // Voprosy istorii. 1998. № 6. S. 76–86.]

Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность : два века изучения “женской темы” русской и зарубежной наукой, 1800–2000 : материалы к библиографии. М., 2002. 527 с. [Pushkareva N. L. Russkaja genschina: istorija i sovremennost' : Dva veka izuchenija “genskoj temy” russkoj i zarubeznoj naukoj, 1800–2000: Materialy k bibliografii. M., 2002. 527 s.]

Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем : автодокумент. женские тексты в рус. лит. первой половины XIX в. М., 2007. 416 с. [Savkina I. Rasgovory s zerkalom i Zazerkal'em : avtodokument. genskie teksty v rus. lit. pervoj poloviny XIX veka. M., 2007. 416 s.]

Черняк М. А. «Новые сказки» о Золушке: типологические черты русского любовного романа рубежа XX–XXI веков // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. № 7. С. 115–130 [Chernyak M. A. “Novye skaski” o Zolushke: tipologicheskiye cherty russkogo ljubovnogo romana rubeza XX-XXI vekov // Izv. RGPU im. A. I. Gercena. 2004. № 7. S. 115–130.]

Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2007. 285 с. [Eko U. Shest' progulok v literaturnyh lesh. SPb., 2007. 285 s.]

Kolodny Annette. A map for Rereading: Gender and the Interpretation of Literary Texts // New Literary History. Vol. 11, №. 3. P. 451–467.

Статья поступила в редакцию 15.02.2013 г.

Л и н г в и с т и к а

УДК 811.161.1'44:316.7 + 81'246.3

Н. А. Купина

РАЗНОЯЗЫЧИЕ И МНОГОРЕЧИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ*

Разграничиваются два дифференциальных показателя российского мультикультурного общества — разноязычие и многоречие. В проекции на категории идентичности и толерантности систематизируются проблемы изучения многоречия.

Ключевые слова: дискурс; идентичность; многоречие; мультикультурное общество; разноязычие; речевая коммуникация; русский язык; субъязык; толерантность.

Российская Федерация — полиэтническое государство. Поскольку граница между диалектом и языком не всегда четко прослеживается, до настоящего времени нет точных данных о количестве живых языков, функционирующих в пределах страны. Кроме того, господствующая в СССР идея «плавильного котла», этнической нивелировки, ярко проявившая себя в формировании новой социальной общности «советский народ» и лингвокультурного типажа «советский человек», не способствовала языковой дифференциации. Советский человек стал носителем русского языка и далеко не всегда владел первым родным языком.

В 2012 г. рабочей группой Совета общественных палат России при Президенте РФ была предложена новая концепция национальной политики, направленной на сохранение культуры и языка каждого народа (по данным Совета — всего 278 языков) и на укрепление единства всех народов, образующих единую нацию [см.: Российская газета]. Разноязычие трактуется как объективная примета полиэтнического мультикультурного общества.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ. Соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России».

В современном русском языке разграничиваются значения понятий *русский*, *российский*, *русские*, *россияне*: русские — «народ, составляющий основное коренное население России» [Толковый словарь русского языка, с. 844]; россияне — «общее название населения России» [Там же, с. 840]. Таким образом, во-первых, в зеркале языка отражается факт соединения разных народов в единую нацию, во-вторых, интегрирующая функция «русского».

Национальное единство традиционно поддерживается русским языком: представители разных народов современной России владеют русским как первым или вторым родным языком. **Разноязычие** — органическая составляющая российской лингвокультуры — уравнивается наличием не менее общей русскоязычной среды обитания.

В XXI в. русскоязычное население страны испытывает влияние языков мигрантов, большая часть которых отделена от российской культурной среды. Внутреннее разноязычие, преодолеваемое с помощью русскоязычия, осложняется языками, пришедшими извне, влияющими на динамику дихотомии «свои» — «чужие». Социальное ощущение внешней угрозы, «опасности для среды обитания» [Карасик, с. 68] делает актуальной проблему интеграции мигрантов в мультикультурное российское общество.

Таким образом, проблема разноязычия оказывается двусторонней. Внутренний аспект проблемы — разноязычие россиян, в той или иной степени интегрированных в доминирующую лингвокультурную среду обитания. Внешний аспект проблемы — разноязычие мигрантов, отдаленных от доминирующей лингвокультуры. В сложившихся условиях возрастает роль взвешенной языковой политики.

Общая задача языковой политики — формирование и регулирование механизмов толерантного сосуществования и взаимодействия разных языков и культур в целях коммуникативной интеграции как необходимого условия национальной идентичности. В ситуации разноязычия возрастает роль государственного официального языка. 1 июня 2005 г. был принят Закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [Акты конституционного права]: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык». В тексте Закона отмечается, что «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного литературного языка...», характеризующегося кодифицированностью, полифункциональностью, гибкостью, вариативностью.

Литературный язык, имеющий статус государственного, представляет собой основную вершинную форму существования общенационального русского языка, «является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса данного народа», средством приобщения «народных масс к достижениям национальной культуры, науки и техники», а также «одним из самых действенных орудий просвещения» [Виноградов, 1978, с. 288—289]. В то же время литературный язык — это сложно структурированное целое. В устной и письменной формах, в отдельных сегментах Интернет-коммуникации

[см.: Интернет-пространство: речевой портрет пользователя] функционируют его основные разновидности — литературно-разговорная и книжная. В процессе речевой коммуникации, направленной на взаимопонимание, проявляется функциональная диглоссия, которая предполагает «умение переключаться с разговорного языка на книжный и наоборот» [Крысин, 2004, с. 336].

Каждая из книжных разновидностей языка (функциональных стилей), в свою очередь, включает подсистемы или подстили. Например, официально-деловой стиль вырабатывает особые группы средств для жанров обиходно-деловой коммуникации и жанров законодательных; собственным набором маркированных средств располагают жанры научно-гуманитарного, научно-естественного, научно-технического подстилей научного стиля речи. Каждый подстиль опирается на собственный код, предполагает наличие особой коммуникативной рамки и может быть интерпретирован как субъязык [Скребнев]. При этом функционально-стилистически отмеченные вербальные знаки (например, узкоспециальная юридическая, техническая, математическая, лингвистическая, медицинская, биологическая терминология) могут быть адекватно восприняты лишь коммуникантами, являющимися носителями данного субъязыка. Так, научно-технические термины в их содержательном наполнении понятны преимущественно специалистам в соответствующей области знаний. Субъязыковым своеобразием обладают и литературно-художественные тексты. Исследование языка писателя остается актуальной задачей филологической науки [см.: Виноградов, 1990; Зубова]. Известно, что декодирование зашифрованных художественных произведений, трактовка авторских преобразований в диапазоне общего языка требуют разработки эвристических исследовательских процедур [см.: Язык как творчество].

В целях достижения кооперативного коммуникативного взаимодействия разрабатываются текстовые жанры, ориентированные на адресата, осваивающего тот или иной субъязык (например, научно-популярные, научно-учебные, религиозно-просветительские жанры). Чтобы установить контакт с адресатом, автор речевого произведения использует регулятивную стратегию, которая складывается из «комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, с. 54]. Регулятивная стратегия отражает «поэтапный процесс регулирования познавательной деятельности адресата средствами текста в целях эффективного общения с адресатом» [Болотнова, с. 164]. Специальные регулятивные средства (регулятивы) способствуют активизации интерпретационных механизмов, необходимых для понимания адресатом речевого сообщения. Цепочка вербальный субъязыковой знак — регулятив и в используется школьным учителем и вузовским преподавателем, журналистом и проповедником, опытным адвокатом и писателем. Из сказанного следует, что участники коммуникации, во-первых, осознают знаковые различия между субъязыками и, во-вторых, стремятся с помощью интерпретационных операций, предполагающих переключение с языка автора на язык адресата, а также переключение с языка адресата на язык автора, добиться взаимопонимания.

Таким образом, в пространстве коммуникации, осуществляемой на основе кодифицированного литературного языка, наблюдается полиглоссия, или м н о -

г о р е ч и е. Вербальные знаки отдельных субъязыков реализуются и в общении членов одной лингвокультурной группы, и в общении членов разных лингвокультурных сообществ. Ср., например, терминологический спор на заседании диссертационного совета и политический спор между коммунистами и либералами. В каждом конкретном случае сигналы многоречия выполняют информационную и/или фатическую функции, осознаются как знаки-идентификаторы, обуславливают конкретный коммуникативный результат.

Различные грани многоречия выступают в пределах оппозиции «литературный язык — некодифицированные страты языка». «Сырой», некодифицированный, русский язык характеризуется неоднородностью. Последнее не приводит, однако, к коммуникативному изоляционизму и разобщению. «Единство и целостность языка, — как отмечает Л. П. Крысин, — не означают его однородности: каждый национальный язык един и целостен в многообразии своих проявлений» [Крысин, 2003, с. 11]. Формы существования русского национального языка — его подсистемы, каждая из которых обеспечивает определенные коммуникативные потребности общества.

Территориальный и социальный факторы определяют выделение диалектов (говоров) русского национального языка. Субъязыковые диалектные различия традиционно фиксируются лексикографами. Например, в словаре В. И. Даля встречаем: *байборить* — ряз. ‘болтать, молоть, пустословить’; *байчуш* — астрах. ‘нищий из кочевых инородцев, обнищавших киргиз’ [Даль, с. 38]. Субъязыковая общность говоров отчетливо прослеживается в пределах одной территории. Например: *гунить* — сев. ‘говорить, сказывать’ [Там же, с. 408]. Языковая общность и субъязыковые диалектные различия детально описаны уральскими исследователями [см., в частности: Словарь говоров Среднего Урала]. Отечественная диалектология накопила богатейший опыт изучения народных говоров. Уникальные картотеки, составленные на экспедиционных материалах, — надежный источник данных о фактах многоречия.

Менее детально изучено социально маркированное городское просторечие [см. об этом: Купина, Шалина]. Записи живой речи малообразованных горожан позволили русистам описать эту лингвоспецифическую систему общенационального русского языка в общем виде [см.: Городское просторечие], предложить интерпретацию просторечия как типа культуры, вырабатывающего определенные правила коммуникации и подчиненные этим правилам культурные сценарии [см.: Шалина]. Ощущается дефицит корпусного текстового материала, на основе которого можно было бы составить представление о степени открытости просторечия, его функциональном диапазоне, наборе техник коммуникативного взаимодействия — конфликтного и кооперативного. В этой связи отметим ценность базы данных, отражающих специфику непринужденного общения жителей городских окраин городов Урала [см.: Диалогические и монологические тексты].

Дефицит корпусного текстового материала ощущается также при интерпретации жаргонов и профессиональных языков. Активный процесс жаргонизации русского языка привел к образованию так называемого *общего жаргона* [см.: Ермакова, Земская, Розина]: вербальные знаки молодежного, криминального

жаргонов, жаргона наркоманов и т. п. проникли не только в литературно-разговорную речь, но и в речь книжную — политическую, публицистическую, художественную. Вхождение жаргонных элементов в литературную языковую среду, с одной стороны, способствует засорению и карнавализации последней, с другой стороны, свидетельствует о принятии сниженного и, следовательно, о толерантном процессе субъязыкового взаимодействия. Лингвоэкологическая квалификация процесса жаргонизации литературного языка и коммуникативно-прагматическая квалификация этого процесса не совпадают: позволительность низкого нередко мотивируется установкой адресанта на контакт с адресатом, коммуникативное сотрудничество. Многогочечие в подобных случаях выступает как стратегически заданный способ «согласования коммуникативных действий» [Борисова, с. 219].

Изучение языкового существования города выявляет феномен «полиглоти́зма горожанина» [Ларин; см. также: Китайгородцева, Розанова; Языковой облик уральского города]. Нередко можно наблюдать, как полуграмотная женщина пытается перейти с одного субъязыка на другой: в тексте заявления она вынуждена употреблять деловую лексику; в разговоре с сыном, служившим в армии, она невольно переходит на жаргон; в беседе с врачом старается говорить «культурно» и поэтому следит за правильностью собственной речи.

Соединение вербальных и невербальных сигналов разных субъязыков в одном речевом произведении следует изучать с учетом критерия преднамеренности/непреднамеренности. Важно выявить функциональный диапазон многогочечия, его связь с феноменом коллективной идентичности — формированием, сохранением и кризисом последней. Объектом анализа могут стать дискурсы разных типов. При исследовании многогочечия целесообразно оттолкнуться от понимания дискурса как коммуникативного пространства, которое «в совокупности и взаимодействии всех своих аспектов образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [Гаспаров, с. 297]. Можно предположить, что «совокупность ориентиров общения», или коммуникативные нормы, окажутся разными в разных типах дискурсов и в разных жанрах [см.: Карасик, с. 36]. Представления коммуникантов о целесообразности и необходимости переключения с одного субъязыка на другой, нормативность такого переключения зависят от степени открытости дискурса, степени жесткости наполняющих его текстовых и речевых жанров. Проблема многогочечия оказывается, таким образом, частью общей проблемы коммуникативной ортологии.

В процессе диагностики многогочечия вслед за Ю. М. Скрёбневым целесообразно разграничивать три группы языковых средств: абсолютно специфические единицы разных уровней, присущие только одному субъязыку; относительно специфические единицы, присущие двум и более субъязыкам; неспецифические единицы, являющиеся принадлежностью общенационального языка [см.: Скрёбнев]. Третья группа средств, в отличие от двух первых, не может использоваться для диагностики многогочечия.

Многогочечие сегодня проникает не только в неинституциональные дискурсы, но и в дискурсы институциональные. Как свидетельствуют специальные

исследования [см.: Чудинов, с. 94–103], в политическом дискурсе — в границах устных высказываний политиков — активна «криминальная метафора» (*политические шестерки, нами правят паханы, чиновники начинают крысятничать* и др.). Вряд ли подобные образные средства возможны в тексте программы политической партии. Следовательно, в разных сегментах одного дискурса наблюдается разная активность многоречия.

В наши дни развиваются дискурсивные практики, предполагающие использование диглоссии и полиглоссии в качестве инструмента коммуникативной кооперации и интеграции. Например, в поисках контакта с адресатом современные проповедники используют разговорные языковые средства, а в отдельных случаях — общежаргонные слова и выражения. Отличающийся консервативностью церковно-религиозный дискурс демократизируется, сближаясь с открытым дискурсом речевой повседневности.

Многоречие нередко способствует созданию коммуникативного конфликта. Об этом, в частности, свидетельствует бурная общественная реакция (июль 2012), вызванная употреблением советского идеологического стандарта *иностраннный агент* в тексте проекта Закона об изменении статуса некоммерческих организаций, получающих финансирование из-за рубежа. Советизм был воспринят как сигнал «чужой» речи, ярлык: в коллективной памяти возник еще не забытый носителями общенародного языка сценарий разоблачения шпиона, врага. Развернувшийся в СМИ лингвистический спор о недопустимости использования идеологем в официально-деловом документе [см.: Купина, с. 47] перерос в нравственно-идеологический конфликт. Финансово-экономическая составляющая законодательной информации была поглощена эмоционально-идеологической. Отсутствие конструктивного коммуникативного результата объясняется тем, что участники конфликта не смогли предложить в качестве аналога специфического словосочетания *иностраннный агент* неспецифическую единицу. Очевидна актуальность оперативной разработки лингвистических технологий использования многоречия в целях достижения внутринационального согласия.

Социально-психологическая значимость многоречия очевидна. Вот почему возникает необходимость тщательного многоаспектного анализа фактов многоречия, форм его реализации в разных сферах коммуникации, разных дискурсах, в жанрово определенной монологической и диалогической, устной и письменной речи, в пространстве Интернета. Чтобы выявить консолидирующий потенциал многоречия, нужно установить направления и причины субязыкового взаимодействия, условия конвенционального отторжения «чужого» слова и конвенционального приспособления последнего к речи «своего» круга, охарактеризовать особенности ролевого поведения коммуникантов в ситуации многоречия. Проекция данных, полученных в ходе семиотического, лингвокультурологического, социолингвистического исследования многоречия, на проблемы коллективной идентичности и толерантности позволит установить связи и отношения многоречия с векторами развития российского мультикультурного общества.

Акты конституционного права [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/12140387/> (дата обращения: 25.01.2013). [Akty konstitutsionnogo prava [Elektronnyj resurs]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/12140387/> (data obrascheniya: 25.01.2013).]

Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурис. Томск, 2008. 384 с. [Bolotnova N. S. Kommunikativnaya stilistika teksta : slovar'-tezaurus. Tomsk, 2008. 384s.]

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001. 408 с. [Borisova I. N. Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika. Ekaterinburg, 2001. 408 s.]

Виноградов В. В. Избранные труды : Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. 388 с. [Vinogradov V. V. Izbrannye trudy : Yazyk i stil' russkikh pisatelej. Ot Karamzina do Gogolya. M., 1990. 388 s.]

Виноградов В. В. Литературный язык // Избр. тр. : История русского литературного языка. М., 1978. С. 288–297. [Vinogradov V. V. Literaturnyj yazyk // Izbr. tr. : Istorija russkogo literaturnogo yazyka. M., 1978. S. 288–297.]

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. 352 с. [Gasparov B. M. Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo suschestvovaniya. M., 1996. 352 s.]

Городское просторечие: проблемы изучения / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1984. 188 с. [Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya / pod red. E. A. Zemskoj i D. N. Shmeleva. M., 1984. 188 s.]

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 7-е изд. М., 1978. Т. 1. 699 с. [Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. 7-e izd. M., 1978. T. 1. 699 s.]

Диалогические и монологические тексты : электронная база данных (на материале уральского городского просторечия). Екатеринбург, 2012. 360 с. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/4452> (дата обращения: 25.01.2013). [Dialogicheskie i monologicheskie teksty : elektronnaya baza dannykh (na materiale ural'skogo gorodskogo prostorechiya). Ekaterinburg, 2012. 360 s. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/4452> (data obrascheniya: 25.01.2013).]

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались : толковый словарь русского общего жаргона / под общ. рук. Р. И. Розиной. М., 1999. 320 с. [Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. Slova, s kotorymi my vse vstrechalis' : tolkovyy slovar' russkogo obschego zhargona / pod obsch. ruk. R. I. Rozinoj. M., 1999. 320 s.]

Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М., 2010. 384 с. [Zubova L. V. Yazyki sovremennoj poezii. M., 2010. 384 s.]

Интернет-пространство : речевой портрет пользователя / под ред. Т. И. Поповой. СПб., 2012. 224 с. [Internet-prostranstvo : rechevoj portret pol'zovatelya / pod red. T. I. Popovoj. SPb., 2012. 224 s.]

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2009. 284 с. [Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. M., 2009. 284 s.]

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Волгоград, 2012. 448 с. [Karasik V. I. Yazykovaya matritsa kul'tury. Volgograd, 2012. 448 s.]

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина : на материале языка Москвы. М., 2010. 496 с. [Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. Yazykovoe suschestvovanie sovremennogo gorozhanina : na materiale yazyka Moskvy. M., 2010. 496 s.]

Крысин Л. П. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике // Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 11–29. [Krysin L. P. Problema sotsial'noj i funktsional'noj differentsiatsii yazyka v sovremennoj lingvistike // Sovremennyy russkij yazyk : sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya. M., 2003. S. 11–29.]

Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое : исслед. по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. 888 с. [Krysin L. P. Russkoe slovo, svoyo i chuzhoe : issled. po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike. M., 2004. 888 s.]

Купина Н. А. Идеологема «иностранный агент»: три дня в июле 2012 года // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 43–48. [Kupina N. A. Ideologema «inostrannyj agent»: tri dnya v iyule 2012 goda // Politicheskaya lingvistika. 2012. N 3 (41). S. 43–48.]

Купина Н. А., Шалина И. В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 23–62. [Kupina N. A., Shalina I. V. Sovremennoe prostorechie: vzglyad iznutri // Russkij yazyk v nauchnom osveschenii. 2004. N 1 (7). S. 23–62.]

Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 175–189. [Larin B. A. K lingvisticheskoj kharakteristike goroda (neskol'ko predposylok) // Istoriya russkogo yazyka i obshee yazykoznanie. M., 1977. S. 175–189.]

Российская газета. 2012. 6 ноября. [Rossijskaya gazeta. 2012. 6 noyabrya.]

Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с. [Skrebnev Yu. M. Ocherk teorii stilistiki. Gor'kij, 1975. 175 s.]

Словарь русских говоров Среднего Урала / под ред. А. К. Матвеева : в 7 т. Свердловск, 1964–1988. [Slovar' russkikh govorov Srednego Urала / pod red. A. K. Matveeva : v 7 t. Sverdlovsk, 1964–1988.]

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008. 1175 с. [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov / отв. red. N. YU. SHvedova. M., 2008. 1175 s.]

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с. [Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale : kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000). Ekaterinburg, 2001. 238 s.]

Шалина И. В. Уральское городское просторечие : культурные сценарии. Екатеринбург, 2009. 444 с. [Shalina I. V. Ural'skoe gorodskoe prostorechie : kul'turnye stsennarii. Ekaterinburg, 2009. 444 s.]

Язык как творчество : сб. ст. : к 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996. 365 с. [Yazyk kak tvorchestvo : sb. st. : k 70-letiyu V. P. Grigor'eva. M., 1996. 365 s.]

Языковой облик уральского города : сб. науч. тр. Свердловск, 1990. 184 с. [Yazykovoј oblik ural'skogo goroda : sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1990. 184 s.]

Статья поступила в редакцию 22.03.2013 г.

УДК 811.161.1'373.4

А. А. Упоров

КЛАССЫ СЛОВ С МОДАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются семантические классы слов, выражающих модальные значения, и определяется их место в идеографической сетке словаря. Анализируются бинарные оппозиции, организующие такие классы слов, как возможность — невозможность, обязательность — необязательность и др. Особое внимание уделено классу «обычность — исключительность», на материале которого показана совмещенная и интерпретационная семантика входящих в этот класс слов, а также градиционные отношения, устанавливаемые между ними.

Ключевые слова: семантика; лексикография; идеография; классы слов.

Формирование теории лексической системности связано в отечественном языкознании с именами В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Ю. Д. Апресяна, Л. М. Васильева, В. Г. Гака, Э. В. Кузнецовой, М. В. Никитина, Л. А. Новикова, З. Д. Поповой, А. А. Уфимцевой и многих других ученых. На современном этапе развития лингвистики представление о лексике как системе классов кажется настолько очевидным, что, казалось бы, уже не требует специальной аргументации. Будучи онтологическим свойством лексики, системность подтверждается многочисленными опытами создания идеографических словарей, в рубриках которых представлены лексико-семантические парадигмы разного типа и объема.

Изучение отдельных классов слов или их совокупностей в семасиологии традиционно проводится на материале тех лексических единиц, которые отображают предметы, их свойства и отношения между ними. Существующие в отечественной и зарубежной лексикографии идеографические словари ориентированы на описание объединений слов по их отношению к той или иной предметной или понятийной области, так как задача идеографического словаря — «возбуждать в сознании пользователя крупные блоки единиц, связанные с отражением действительности» [Караулов, с. 155]. Поэтому такие классы слов, как «Животные», «Растения», «Предметы быта», «Движение», «Речь», «Эмоции», будучи детализированными в языковом сознании, получают подробную лексикографическую параметризацию в идеографическом словаре [см., в частности: Русский семантический словарь]. В то же время в лексической системе языка существуют и другие лексические объединения, обычно не попадающие в поле зрения ученых. Это классы слов, называющие различные типы логических или модальных отношений. Например, отношения равенства выражаются в языке такими лексемами, как *адекватный*, *аналогичный*, *близкий*, *идентичный*, *одинаковый* и др., а отношения возможности представлены словами *вероятный*, *возможный*, *допустимый*, *потенциальный* и др. Подобные классы слов оказываются часто за пределами семантических классификаций и приобретают статус маргинальных в лексической системе.

Поскольку совокупность этих классов слов как отдельного участка лексической системы ранее не становилась предметом исследования, на первом этапе необходимо сформулировать специфику этих лексических объединений в сравнении с денотативными или сигнификативными структурами. Удачным, на наш взгляд, способом определения специфики классов слов является проведение аналогии между типами семантических классов и пропозиций. По концепции Т. В. Шмелевой, все пропозиции разделены на событийные и логические: событийные пропозиции «портретируют» действительность, а логические пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах и отношениях [см.: Шмелева, с. 12]. Например, в предложении *Он следует за ней неотступно* представлена событийная пропозиция движения, а в предложении *За творческим взлетом следует период усталости и разочарования* — логическая пропозиция временной соотнесенности. Точно так же в лексической системе языка присутствуют, наряду с классами слов, называющих объекты, признаки, действия и отображающих объективную форму организации реального мира, такие классы, содержание которых связано с логическими операциями. И если семантические сетки первых классов достаточно хорошо (хотя неединообразно) представлены в идеографических словарях, то вторые на данном этапе развития лексикографии не получили детализированного описания и даже могут быть названы, пользуясь метафорой Ю. Н. Караулова, «белыми пятнами» на семантической карте языка.

Формулируя признаки идеальной таксономии, Ю. С. Степанов считает: «...хорошо построенная таксономия должна быть систематикой слов. Иначе говоря, зная описание слова, мы должны увидеть место слова в системе и, напротив, зная место слова в системе, заключать о содержании описания слова» [Степанов, с. 46–47]. Семиологические классификации естественных классов слов (имен предметов), восходящие к «дереву Порфирия», составляют основную таксономию словаря и хорошо укладываются в различные классификационные сетки. Сигнификативные классы, представленные признаковой лексикой, реализуют в словарях проекцию синтаксических отношений и характеризуются более сложной и разветвленной организацией.

В основе выделения тех классов слов, которые не могут быть отнесены к денотативным или сигнификативным, лежит прообраз логических категорий, однако, ввиду сложности и неоднозначности в определении самих категорий и ввиду изначальной подвижности лексических значений слов, их отнесение к тому или иному классу неизбежно оставляет нерешенным множество вопросов. Например, в идеографических словарях, созданных коллективом под руководством Л. Г. Бабенко, выделяется особый класс слов, объединенный в раздел «Универсальные смыслы, представления и отношения» [СТСРР]; категория «Универсальные смыслы» образуется сочетанием оппозитивных семантических полей: «возможность — невозможность», «обязательность — необязательность», «определенность — неопределенность», «обычность — исключительность», «значимость — незначимость» и др.

Анализ классов слов, которые включены в сферу «Универсальных смыслов» в данном словаре, позволяет говорить о четырех разновидностях семантических классов:

1) классы слов, реализующих фазовые значения (начало бытия, состояния, качества; прекращение действия, бытия, состояния и др.);

2) классы слов с референциальной семантикой (определенность — неопределенность);

3) классы слов с семантикой модальных значений (возможность — невозможность, обязательность — необязательность, обычность — исключительность и др.), при широком понимании модальности к ним можно относить те классы слов, которые связаны с выражением утверждения и отрицания (согласие — несогласие).

4) классы слов, выражающих логические отношения (обусловленность, цель, следствие и др.).

Остановимся на семантических классах слов, выражающих разнообразные модальные значения и образующих в указанном выше словаре зону «Универсальные смыслы». Как известно, в обширной научной литературе, посвященной проблеме модальности, отсутствует исчерпывающий список всех модальных значений, что обусловлено неоднозначностью самой категории модальности и, следовательно, трудностью отнесения того или иного смысла к модальным. При узком понимании модальности как категории, связанной с выражением лишь предикативных значений, модальность выражает необходимость, возможность, оптативность, повелительность, достоверность. При широком понимании, рассматривающем модальность не только как выражение отношения сообщаемого к действительности (объективная модальность), но и как выражение отношения говорящего к сообщаемому (субъективная модальность), в круг модальных значений включается трудно классифицируемое множество разнообразных субъективных смыслов — от модальности оценки до частных модальных значений (например, модальности странного).

Если строить идеографическую классификацию индуктивным способом (как это делают составители словаря-тезауруса), т. е. идти от лексического материала и распределять его по семантическим классам, то система модальных классов ограничивается следующим списком: «возможность — невозможность», «необходимость — случайность», «обязательность — необязательность», «обычность — исключительность», «значимость — незначимость», «интенсивность — неинтенсивность» [см.: СТСПР]. К модальным классам также должен быть отнесен класс оценки, всегда выделяемый в словарях в качестве самостоятельной идеографической сферы.

Структура модальных классов слов отличается от структуры денотативных и сигнификативных классов. Рассмотрим в качестве примера класс слов «обычность — исключительность», куда входят, например, следующие лексические единицы: *обычный, заурядный, нормальный, повседневный* и *исключительный, беспримерный, единственный, неповторимый, особенный, необычный*. Этот класс слов, как и другие модальные классы, построен по оппозитивному принципу. Лексемы со значением исключительности вступают в антоними-

ческие отношения с лексемами, номинирующими обычность, повседневность, постоянство.

Будучи построенными на основе бинарных оппозиций, модальные классы слов редко демонстрируют симметричность организации. Например, по данным СТСРР при сравнении подклассов «Обычность» и «Исключительность» обнаруживается, что подкласс слов со значением исключительности оказывается более объемным в сравнении с классом обычности. Подобная асимметрия объясняется общеизвестной языковой традицией маркирования отклонений от нормы.

Обращает на себя внимание и частеречная структура этого класса, состоящего преимущественно из признаков слов (прилагательные и наречия). По данным словаря в подклассе «Исключительность» 14 синонимических рядов являются адъективными, 5 субстантивными, 4 адвербиальными, один ряд состоит из ограничительных частиц. Адвербиальные и субстантивные ряды являются синтаксическими дериватами по отношению к адъективным рядам (например, *непривычность* и *непривычно* — дериваты от *непривычный*).

Семантические признаки 'обычный' и 'необычный' в этом классе слов имеют статус категориально-лексических сем — это основное условие включения слова в класс. В том случае, если семы 'обычность', 'исключительность' являются дифференциальными, то слово, хотя и содержит названный модальный признак, к рассматриваемому классу слов не относится. Семантический статус того компонента в значении слова, который служит именем класса, представляет собой одну из основных проблем лексикографической параметризации. Дело в том, что признаки 'обычность' и 'исключительность', как любой другой модальный компонент значения слова, могут занимать разное положение в семной структуре слова. Например, сема 'выдающийся' оказывается дифференциальной в структуре значений слов *ас*, *виртуоз*. Следовательно, данные слова не должны относиться к семантическому классу «Исключительность» в словаре. Однако лексикографическая практика свидетельствует, что ввиду пересекаемости классов слов этот классификационный принцип не всегда выдерживается последовательно составителями идеографических словарей. Например, в группу «Исключительность» отнесены существительные *редкость*, *раритет*, *уникум*, *диковина*, так как дифференциальный компонент 'исключительность, необычность' входит в интенционал значения (*раритет* — очень редкая вещь, явление; *диковина* — странная, удивительная вещь, явление), а категориальная сема 'вещь' характеризуется крайней степенью обобщенности.

В составе класса слов «обычность — исключительность» оказываются единицы комплексной (совмещенной) семантики. Например, значение исключительности регулярно совмещается со значением нормативной оценки (т. е. оценки с точки зрения оппозиции «норма — отклонение от нормы»): обычное рассматривается как нормальное, а необычное — как отклоняющееся от нормы. Происходит также регулярное совмещение семантики исключительности с семантикой редкости (малой частотности) предметов или явлений: *малоупотребительный*, *единичный*, *индивидуальный*, *один*, *одионый* и т. д. В некоторых единицах исключительность совмещается с семантикой времени (динамической

семантикой), при этом исключительным оказывается все, что не относится к настоящему времени — как старое, так и новое: *внове, в новинку, антик, новость, ново, новизна, новый* и т. д. Совмещенные лексические единицы оказываются на периферии данного семантического класса, так как, помимо рассматриваемого модального значения, реализуют комплекс иных значений, однако в класс «Исключительность» они также включаются.

Важным признаком модальных классов слов является наличие градационных отношений, пронизывающих всю систему этих лексических объединений. Например, в классе «значимость — незначимость» градационные отношения возникают между единицами *большой, великий, величайший, грандиозный, титанический, важный, знаменательный, исторический, судьбоносный, эпохальный*. В классе «обычность — исключительность» значение исключительности может также проявляться в большей или меньшей степени интенсивности, что позволяет говорить о наличии градационных отношений между ними. Стоит заметить, впрочем, что обнаруживаемая градация носит преимущественно интуитивный характер, т. е. ее очень трудно восстановить, опираясь на информацию, предоставляемую словарем. Например, слова *исключительный* и *особенный, экстраординарный* и *единственный* имеют близкие, почти синонимические толкования, однако анализ контекстов свидетельствует, что слова данного класса способны употребляться в конструкциях с восходящей градацией: *Он обладал исключительной интуицией, каким-то особенным внутренним зрением; Не сразу они уразумели, что перед ними личность экстраординарная, единственная* (Д. Гранин).

Интерпретирующий характер значений слов, входящих в модальные классы, зависимость значения такого слова от контекста, семантическая диффузность — все это является следствием особого когнитивного статуса этих слов. Н. Н. Болдырев пишет о том, что модусные концепты представляют собой особый формат знания и характеризуются «содержательной вариативностью»: «Не обладая собственной информацией о мире, они [оценочные категории] приобретают определенное содержание, только будучи соотнесены с другими концептами или концептуальными структурами в качестве области своего определения. <...> Зависимость от других концептуальных структур, их релятивность являются общей характерной особенностью всех модусных концептов и категорий: не существует отрицания, плохой или хорошей оценки, эвиденциальности, экспрессивности, определенности или неопределенности и т. д. безотносительно к чему-либо, то есть самих по себе. Они приобретают конкретную значимость только на фоне или в контексте того или иного концептуального содержания, и в этом проявляется их модусный, рамочный характер» [Болдырев, с. 112—113].

Поэтому значение слов, входящих в модальные классы, следует определять на фоне той тематической области, в которой эти слова употребляются. Например, *нормальный рост* — это рост не выше и не ниже среднего, *нормальная температура* — это не повышенная температура, *нормальное питание* — это достаточное для человека питание. Контексты, включающие слова с модальной семантикой, как показывают наблюдения, часто содержат мотивировку модаль-

ного признака (например, в приведенном ниже контексте объясняется проявление недюжинных способностей): *Человек недюжинных способностей, несомненно одаренный, образованный значительно выше той нормы, которой обычно не перерастало казачье офицерство, Изварин был заядлым казаком-автономистом* (М. Шолохов). В другом примере мы видим, как комментируется словосочетание **особенная красота**: *Брови придавали особенную красоту глазам: они не были дугообразны, не округляли глаз двумя тоненькими, нащипанным пальцем ниточками — нет, это были две русые, пушистые, почти прямые полоски, которые редко лежали симметрично* (И. Гончаров). Итак, по своей сущности модальные классы слов являются интерпретационными: оценивая человека, предметы, явления как обычные или исключительные, человек опирается на индивидуальную шкалу этих признаков, строит субъективную картину объективного мира. По словам Н. Д. Арутюновой, «для того чтобы оценить объект, человек должен “пропустить” его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [Арутюнова, с. 58].

Таким образом, на основании анализа класса слов со значением «обычность — исключительность» можно сделать выводы о следующих принципах его организации: 1) данный класс строится по принципу бинарной оппозиции, члены которой находятся в несимметричных отношениях; 2) ядро класса составляет лексика, в которой семантические признаки «обычный» и «исключительный» имеют статус категориальных; на периферии класса оказываются единицы с совмещенной семантикой; 3) между лексическими единицами в составе класса существуют градационные отношения, которые наиболее ярко проявляется себя в контекстах; 4) слова, входящие в модальный класс, обладают признаком «содержательной вариативности», т. е. их значение зависит от референциальной отнесенности; 5) по своим когнитивным особенностям исследуемый класс слов относится к категориям интерпретационного типа.

Безусловно, чтобы распространить выделенные признаки на все классы слов с модальной семантикой, необходимо тщательное исследование каждого из этих классов. Однако и на данном этапе исследования можно утверждать, что сложность и разветвленность отношений, которые связывают лексические единицы, обуславливает существование в лексической системе таких классов слов, которые, являясь вторичными по отношению к денотативным и сигнификативным, не только «надстраиваются» над ними, но и обеспечивают антропоцентричность лексической системы, поскольку отображают знания человека о разнообразных концептуально значимых свойствах объектов. Анализ принципов организации классов слов с модальной семантикой позволит исследовать семантический ландшафт русской лексики в сложном взаимодействии и взаимобусловленности образующих его семантических объединений.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М., 1988. [Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znachenij : Otsenka. Sobytie. Fakt. M., 1988.]

Болдырев Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. 10 : Категоризация мира в языке. Тамбов, 2012. С. 17— 120. [Boldyrev N. N. Kategorial'naya

sistema yazyka // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 10 : Kategorizatsiya mira v yazyke. Tambov, 2012. S. 17– 120.]

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. [Karaulov Yu. N. Obschaya i russkaya ideografiya. M., 1976.]

Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : [в 6 т.] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998–2007. [Russkij semanticheskij slovar' : tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij : [v 6 t.] / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN ; pod obsch. red. N. Yu. Shvedovoj. M., 1998–2007.]

СТСРР – Словарь-тезаурус синонимов русской речи : 600 ключевых понятий, 8000 синонимических рядов, 47 000 слов-синонимов / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., [2008]. [STSRR – Slovar'-tezaurus sinonimov russkoj rechi : 600 klyuchevykh ponyatij, 8000 sinonimicheskikh ryadov, 47 000 slov-sinonimov / pod obsch. red. L. G. Babenko. M., [2008].]

Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: (семиологическая грамматика). М., 1981. [Stepanov Yu. S. Imena, predikaty, predlozheniya: (semiologicheskaya grammatika). M., 1981.]

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис : текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994. [Shmeleva T. V. Semanticheskij sintaksis : tekst leksij iz kursa «Sovremennij russkij yazyk». Krasnoyarsk, 1994.]

Статья поступила в редакцию 18.12.2012 г.

УДК 81'255.2:81-25 + 81.255.4

Е. Д. Бугрова

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА АННОТАЦИЙ К ПЕРЕВОДНОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анализируются изменения в речевом жанре аннотации на примере аннотаций к переводной массовой литературе. Особое внимание уделяется характерным признакам современной аннотации, а также роли зачина как важнейшего элемента привлечения внимания читателя. Проведенный анализ позволяет обозначить общее направление эволюции жанра аннотации, связанное со снижением информативности аннотаций и усилением речевого воздействия, и наметить дальнейшие пути исследования данной проблемы.

Ключевые слова: речевой жанр; аннотация; вторичный текст; массовая литература.

Аннотация представляет собой речевой жанр, эстетические функции которого заключаются в том, чтобы раскрыть особенности книги (первичного текста), определить ее место на книжной полке читателя (и на книжном рынке), показать самобытность автора в раскрытии определенной темы.

Понятие речевого жанра, активно разрабатывающееся в лингвистике в последние годы, было предложено М. М. Бахтиным, отмечавшим, что в понятии воедино связаны три момента: «тематическое содержание, стиль и композиционное построение... Каждое отдельное высказывание... индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы

таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин, с. 250]. Проблеме речевых жанров посвящены работы А. Г. Баранова, В. Е. Гольдина, В. В. Дементьева, В. А. Салимовского, К. Ф. Седова, Т. В. Шмелевой и др.

Сегодня исследователей интересуют теоретические проблемы жанроведения. Приоритетным является описание конкретных речевых жанров: жалоба, просьба, проповедь, объяснение и пр. В частности, выявлены семантические особенности разработанных жанров, описаны такие параметры, как образ автора, образ адресата, образ прошлого и образ будущего, рассмотрены особенности речевого воплощения.

Несмотря на сложившиеся в последние годы в лингвистике модели описания различных речевых жанров, жанр аннотации пока не получил освещения. Безусловно, аннотация относится к вторичным речевым жанрам и сочетает в себе информативные, императивные и оценочные признаки.

Эволюция жанра аннотации в конце XX — начале XXI в. вызвана сменой эстетических направлений. Стираются границы между «высокими» и «низкими» стилями и жанрами, элитарной и массовой литературой, между критикой и беллетристикой. Сам термин «произведение» уступает место термину «текст».

Представление об аннотации как вторичном жанре невозможно вне контекста современной массовой литературы (и шире — культуры). Глобальные перемены произошли в способах контакта писателей и читателей.

Пропорция между «серьезной» и «массовой» литературой сложились безусловно в пользу второй. Развлекательная беллетристика потеснила серьезную литературу. Реагируя на приливы и отливы читательского спроса, издатели быстро насытили книжный рынок тем, что приносит коммерческий успех, — детективами, фантастикой, дамскими романами.

Произошла тотальная переориентация аудитории на зрелищные формы художественной информации. Телевидение и видеопродукция в 1990-е гг. заняли лидирующее место на рынке информационных услуг, а шоу-бизнес потеснил традиционные искусства — литературу, изобразительное искусство, классическую музыку.

В 90-е гг. XX в. отечественный книжный рынок столкнулся с колоссальным ростом объемов массовой литературы. Аннотации этого времени представляют любопытную картину постепенного «привыкания» отечественного книгоиздательства к реалиям жесточайшей конкуренции «на всех фронтах».

Для современных аннотаций к произведениям массовой литературы характерны оригинальность, доходчивость, экспрессивность, ассоциативность, призывность, стилевое смешение. Реже встречаются такие признаки, присущие классической аннотации, распространенной в 1970—1980-е гг., как концептуальность и энциклопедичность.

Цель аннотации как жанра — предельно кратко и обобщенно представить некоторые важные сведения о существующем крупном тексте, дать читателю возможность быстрого предварительного ознакомления с ним.

Целесообразно выделить два основных принципа аннотации:

- 1) установка на привлечение внимания читателей;
- 2) особая форма построения (динамичность, яркость, точность).

Аннотация может быть построена по-разному, для этого часто используется такой выразительный прием, как звучная, броская фраза или рекламный девиз (слоган): *Волшебники живут среди нас! Не веришь? Прочти книгу о Гарри Поттере!* [Ролинг]; *Как проще всего изменить будущее? Конечно — изменив прошлое! <...> Итак — вперед в прошлое!* [Асприн, Эванис]; *Опасность — это игра. Гибель — это игра* [Гамильтон]; *Бунт, месть и победа толпы!* [Хоум].

Другое важное решение — описание (создание) картинки: *Эта история произошла давным-давно, когда по пустыне еще бродили горящие кусты и разговаривали со случайными прохожими... А вообще, эта история про черепах и орлов, а также про то, почему черепахи не умеют летать* [Пратчетт].

Аннотация имеет, как правило, следующую композицию: 1) зачин, содержащий начало мысли, формулирующий ее тему; 2) средняя часть — развитие мысли, темы; 3) концовка — своеобразная синтаксическая (композиционная) точка, подводящая итог микротеме аннотации и подчеркивающая это не только в смысловом, но и в синтаксическом отношении.

Первое предложение аннотации (зачин) нередко заключает в себе краткое содержание всей аннотации. Зачин не только обозначает тему текста, но и служит своего рода камертоном, определяющим стилистическое единство аннотации.

Зачин аннотации должен привлечь и удерживать внимание читателя, но не раскрывать собственно предложение продажи.

Здесь используются разнообразные интригующие приемы, такие как вопрос или анекдот, что должно заставить читателя продолжить чтение: *Кто он — галактический герой, кумир школьников и летчиков?* [Асприн, 2004]; *С чем ассоциируется имя Роберта Асприна у каждого любителя фантастики?* [Асприн, 2003]; *Убийство может быть красивым?* [Брайт].

Помимо зачина, аннотация часто имеет отчетливо выраженную концовку, для оформления которой также используются специальные синтаксические средства. Так, широко распространено использование союза **и** в последнем предложении аннотации. В составе предложения союз **и** перед последним из однородных членов замыкает их ряд, означает исчерпанность перечисления. В концовке строфы функция союза **и** в аналогичных синтаксических условиях усложняется: он сигнализирует о завершенности не только перечисления, но и всей аннотации. Значение замкнутости, исчерпанности как бы наслаивается на основные смысловые оттенки союза, становясь среди них преобладающим.

Способы синтаксического оформления концовки многообразны. Кроме союза **и**, используются союзы **а**, **но**, **да**. Средствами завершения аннотации могут служить восклицательные или вопросительные предложения, прямая речь и вводные слова. Общим для всех этих средств является изменение синтаксического облика концовки по сравнению с предшествующим текстом: изменение порядка слов, структуры предложения, характера синтаксической связи с предшествующим предложением, изменение модального плана повествования.

Следует также отметить, что описанная композиция аннотации (зачин — средняя часть — концовка) — характерная, типовая, но отнюдь не обязательная. В зависимости от структуры целого произведения или его фрагментов

возможны аннотации без зачинов, без концовки, аннотации-предложения. Композиционно-тематическое многообразие аннотаций определяется задачами, содержанием первичного текста. Однако все это разнообразие основывается на типовом — «идеальном» — виде аннотации, состоящей из трех отмеченных нами частей.

Аннотация может содержать в себе характеристику как непосредственно автора произведения, так и его творчества или манеру в целом и тяготеет к заметной клишированности. Так, можно проследить некоторые устойчивые сочетания, меняющиеся вместе со временем написания аннотации. В аннотациях 1970-х и начала 1980-х гг. используется сочетание прогрессивный писатель: *Современный прогрессивный американский писатель Клиффорд Саймак в романе «Город», получившем премию имени Хьюго, рассказывает об исканиях, ошибках, надеждах, свершениях Человека, о создании им новой цивилизации на Земле — цивилизации разумных Псов [Саймак]; В сборник вошли лучшие фантастические рассказы современных прогрессивных писателей США... [И грянул гром...]*

В 1980-х гг. широкое распространение получает сочетание **крупнейший писатель**: *Роман-антиутопия крупнейшего американского писателя-фантаста раскрывает уродливые стороны жизни современного капиталистического общества, предупреждает людей от опасных последствий ее дегуманизации и милитаризации [Брэдбери]; В сборник крупнейшего западногерманского фантаста Герберта Франке наряду с небольшим романом «Игрек минус» вошли рассказы <...> отражающие разные грани творчества этого интересного, но пока мало известного в нашей стране писателя» [Франке], а в 1990-х таким клише становится выражение популярный писатель: *Дэниэл Киз — популярный американский писатель-фантаст [Киз]; Первый роман научно-фантастической трилогии одного из самых популярных сегодня американских писателей-фантастов, написанных по сценарию широко известного фильма и посвященный теме внеземных форм жизни [Фостер].**

До середины 1990-х гг. авторами аннотаций уделяется особое внимание широкой известности писателя во всем мире, при этом оценка в аннотации не является новаторской, зачастую читатель уже знаком в той или иной мере с автором произведения, аннотация своеобразно подтверждает и одобряет выбор читателя. Так, например, при огромной популярности Урсулы Ле Гуин в период выхода ее трилогии «Маг Земноморья» нельзя не учитывать то, что аудитория ее почитателей была многочисленна, а сама писательница широко известна и за пределами своей родины. Автор аннотации обязательно упоминает об этом факте в своем тексте, чтобы читатель (а он же и покупатель) был твердо уверен в том, что он приобретает качественную, интересную литературу: *Урсула Ле Гуин — прогрессивная американская писательница, творчество которойнискало широкую известность не только у нее на родине, но и за пределами страны; Многочисленные любители фантастики с интересом познакомятся с ее произведениями, отличающимися гуманизмом и уверенностью в счастливом будущем человечества [Ле Гуин].*

Редкое исключение составляют аннотации в основном к тематическим сборникам, в которых, помимо мэтров жанра, называются авторы, еще не получив-

шие широкой известности в нашей стране в то время, — своеобразная попытка открыть читателю новое имя: *В сборник вошли рассказы как хорошо известных советскому читателю авторов — Джона Уиндема, Уильямса Тэна, Фредерика Брауна, Сирила Корнבלата, так и писателей, пока еще у нас не получивших широкой известности, — Джона Кристофера, Кита Ломера, Говарда Шенфельда, Эдварда Уэллена и др. Сквозная тема большинства рассказов — возможные последствия воздействия технического прогресса на общество [Освобождение Земли].*

Однако постепенно акцент в текстах аннотаций смещается: чем позже издана книга, тем больше внимания в аннотации уделяется именно произведению, а не его автору. Так, в аннотации к «Войне миров» Герберта Уэллса, переизданной специально к выходу на экраны фильма Стивена Спилберга (2005), автор назван **научно-фантастическим писателем**. *Внимание читателей представляются романы научно-фантастического писателя Герберта Уэллса «Война миров» и «Первые люди на Луне». «Война миров» — один из величайших в мире романов о смертельном противостоянии человечества и захватчиков — «чужих», само название которого стало определением жанра [Уэллс, 2005], тогда как еще десять лет назад автор аннотации обязательно включил бы такое оценочное высказывание, которое относилось бы непосредственно к автору первичного текста, например такие формулы, как *классик жанра* или *знаменитый фантаст*: *В настоящий сборник произведений Герберта Уэллса (1866—1946), знаменитого английского писателя-фантаста, вошли романы...* [Уэллс, 1987]. Зато сам роман назван *величайшим*, т. е. ранее (1960—1980-е) было важно, что автор книги — Герберт Уэллс, один из основателей современной научной фантастики; априори считалось, что из-под пера великого автора выходит великий роман. Сегодня же автор аннотации считает не менее важным сделать указание на классичность самого произведения, классичность в такой степени, что его название стало определением жанра. При всей огромной массе выходящих сейчас книг автор значительно обезличивается, на первый план выходит произведение, и нередко оно затмевает собой имя автора. Сегодня читателя в меньшей степени интересует, *кто* написал книгу, главное — ее содержание и популярность. Аннотация призвана помочь читателю сориентироваться в окружающей его массе литературы и сделать правильный выбор, купить и прочитать то, что он хочет и ожидает прочитать. Поэтому современные аннотации к переводной массовой литературе, несмотря на более гибкую по сравнению с аннотациями второй половины XX в. структуру, вбирают в себя все возможные клише: *Читайте «Куджо» — бестселлер короля триллеров Стивена Кинга!* [Кинг]; *Впервые на русском языке публикуется мистический триллер «Убийственная тень», принадлежащий перу итальянского романиста Джорджо Фалетти — автора знаменитых бестселлеров «Я убиваю» и «Нарисованная смерть»* [Фалетти]; *Роман «Перекрестный огонь», по которому в Японии снят художественный фильм «Пирокинез», — один из самых ярких бестселлеров королевы японского детектива Миюки Миябэ, впервые публикуемый на русском языке* [Миябэ].*

Итак, можно утверждать, что аннотации к современной массовой литературе присущи, с одной стороны, постоянные характеристики:

- небольшой объем;
- информация об авторе и жанре книги;
- информация о других произведениях этого автора;
- информация о похожих произведениях других авторов.

А с другой стороны, можно выделить вариативные черты, которые и обусловили изменения жанра аннотации, произошедшие в последнее время.

Все это позволяет сделать следующие выводы относительно общего направления эволюции жанра аннотации:

1. **С н и з и л а с ь** информативная насыщенность высказывания в аннотации.
2. **У с и л и л а с ь** коммуникативная цель аннотаций — мысленное предвосхищение автором аннотации желательного для него результата. В сегодняшних аннотациях преобладают императивные и оценочные речевые жанры. Информативный жанр отходит на второй план. Автор аннотации часто оказывает на читателя воздействие, навязав ему те или иные оценки, не имеющие прямого отношения к данной книге с целью заставить читателя купить книгу, т. е. довести покупателя до кассы.
3. Заметно **у ч а с т и л а с ь** сверхсильная иллокуция в утвердительных предложениях (вместо совета — приказ, требование): *тогда обязательно... читайте...; прочтите; тогда — читайте; не пропустите*. Использование инфинитива глагола в императивных речевых жанрах с целью вызывать осуществление именуемого в них события.
4. Функция воздействия, важнейшая для аннотации, обуславливает острую потребность в оценочных средствах выражения. Можно отметить перигергию — **перенасыщение текста экспрессией**.
5. **У с и л и л а с ь** графическая составляющая аннотации: использование разных типов шрифта, варьирование размеров, многоцветная печать, обилие авторских знаков препинания (тире и многоточий).

Асприн Р., Эванис Л. За короля и отечество. М., 2005. 496 с. [Asprin R., Evanis L. Za korolya i otechestvo. M., 2005. 496 s.]

Асприн Р. Жуки, финансы и все, все, все. М., 2003. 652 с. [Asprin R. Zhuki, finansy i vse, vse, vse. M., 2003. 652 s.]

Асприн Р. Шуттовская рота. Шуттовской рай. М., 2004. 572 с. [Asprin R. Shuttovskaya rota. Shuttovskoj raj. M., 2004. 572 s.]

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с. [Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1986. 445 s.]

Брайт П. Изысканный труп. М., 2005. 288 с. [Brajt P. Izyskannyj trup. M., 2005. 288 s.]

Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту. Ростов н/Д, 1985. 160 с. [Bredberi R. 451° po Farengejtu. Rostov n/D, 1985. 160 s.]

Гамильтон Л. Жертва всеожжения ; Голубая луна. М., 2005. 800 с. [Gamil'ton L. Zhertva vsesozhheniya ; Golubaya luna. M., 2005. 800 s.]

И грянул гром... : антология американского фантаст. рассказа / сост. Ю. Зарахович, В. Скурлатов. М., 1976. 464 с. [I gryanul grom... : antologiya amerikanskogo fantast. rasskaza / sost. Yu. Zarakhovich, V. Skurlatov. M., 1976. 464 s.]

Киз Д. Цветы для Элджернона. М., 1990. 214 с. [Kiz D. Tsvety dlya Eldzhernona. M., 1990. 214 s.]

- Кинг С.* Куджо. М., 2004. 400 с. [King S. Kudzho. M., 2004. 400 s.]
- Ле Гуин У.* Планета изгнания : сб. науч.-фантаст. произв. М., 1980. 396 с. [Le Guin U. Planeta izgnaniya : sb. nauch.-fantast. proizv. M., 1980. 396 s.]
- Миябэ М.* Перекрестный огонь. М., 2012. 416 с. [Miyabe M. Perekrestrnyj ogon'. M., 2012. 416 s.]
- Освобождение Земли* : сб. повестей и рассказов английских и американских писателей-фантастов / сост. В. П. Ковалевский. М., 1990. 254 с. [Osvobozhdenie Zemli : sb. povestej i rasskazov anglijskikh i amerikanskikh pisatelej-fantastov / sost. V. P. Kovalevskij. M., 1990. 254 s.]
- Пратчетт Т.* Мелкие боги. М., 2006. 432 с. [Pratchett T. Melkie bogi. M., 2006. 432 s.]
- Роллинг Д.* Гарри Поттер и философский камень. М., 2002. 399 с. [Roling D. Garri Potter i filosofskij kamen'. M., 2002. 399 s.]
- Саймак К.* Город. М., 1974. 240 с. [Sajmak K. Gorod. M., 1974. 240 s.]
- Уэллс Г.* Война миров. Когда спящий проснется. М., 1987. 464 с. [Uells G. Vojna mirov. Kogda spyaschij prosnetsya. M., 1987. 464 s.]
- Уэллс Г.* Война миров. М., 2005. 393 с. [Uells G. Vojna mirov. M., 2005. 393 s.]
- Фалетти Дж.* Убийственная тень. М., 2008. 448 с. [Faletti Dzh. Ubijstvennaya ten'. M., 2008. 448 s.]
- Фостер А. Д.* Чужой. М., 1994. 320 с. [Foster A. D. Chuzhoj. M., 1994. 320 s.]
- Франке Г.* Игрек минус. М., 1986. 454 с. [Franke G. Igrek minus. M., 1986. 454 s.]
- Хоум С.* Красный Лондон. М., 2006. 288 с. [Khoum S. Krasnyj London. M., 2006. 288 s.]

Статья поступила в редакцию 13.12.2012 г.

УДК 81'24 + 811.161.1'27 + 811.111'27

О. Г. Сидорова
И. С. Берчатова
А. И. Конторских
И. Е. Харлов

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВО ВНЕШНЕЙ РЕКЛАМЕ УРАЛЬСКОГО МЕГАПОЛИСА

Рассматривается присутствие иностранных языков в рекламном пространстве Екатеринбурга. Исследуются лингвистические и экстралингвистические причины появления иноязычных элементов в городе. Иноязычные надписи на вывесках, табличках, рекламных щитах анализируются с точки зрения их распределения в городском пространстве, способа их репрезентации, целевой аудитории. Анализ формы присутствия иностранного, в основном английского, языка подтверждает его неупорядоченное использование и недостаточный уровень освоения в столице Урала.

Ключевые слова: глобализация; межкультурные контакты; иностранный язык; современный русский язык.

В современном глобализованном мире крупные города не могут оставаться в стороне от процессов «перемешивания» народов, культур, языков. С этой точки зрения судьба Екатеринбурга представляет особый интерес. До начала 1990-х гг. город и область были полностью закрыты для живых контактов с иностранцами, но сегодня положение резко изменилось. Екатеринбург конца XX — начала

XXI в. стал центром проведения международных мероприятий самого высокого уровня. Кроме того, в город приезжают или проживают в нем носители разных языков, и их количество ежегодно увеличивается. Агентство «Новый регион» сообщало:

Ожидается, что в 2010 году в уральской столице побывают 539 тысяч иностранцев — это на 27 тысяч человек больше, чем в прошлом году. При этом 48 % иностранцев прибывают в Екатеринбург для работы по найму, 31 % — с частными визитами. Еще 19 % зарубежных гостей преследуют деловые цели, 2,6 % приезжают в качестве туристов, и 2 % — на учебу... В Екатеринбурге действуют 270 представительств иностранных компаний, 20 консульских представительств, три бизнес-миссии и т. д. Стоит отметить, что в 2009 году в Екатеринбурге с разными целями побывала 401 тысяча человек из других государств, и в общей сложности прошло 110 бизнес- и 55 официальных визитов [Екатеринбург стали чаще...].

Именно эта ситуация лежит в основе того, что иностранные языки начали активно появляться в разных сферах жизни города и его жителей. Поясним, что в пределах данного исследования мы не касаемся профессиональной, официально-деловой сферы функционирования иностранных языков в Екатеринбурге. Нас интересует прежде всего их внешнее присутствие в пространстве города: на табличках, щитах с названиями, рекламных щитах, растяжках с названиями банков, магазинов, кафе, клубов и других общественных заведений. Мы также не касаемся других форм присутствия иностранных языков в Екатеринбурге, таких как двуязычная печатная продукция (листовки, брошюры, проспекты, меню, театральные программки и т. д.), двуязычная пресса (ряд местных «глянцевого» изданий печатают материалы на русском и английском языках параллельно, например издание аэропорта Кольцово «АвиаТерминал»), граффити и т. д. Очевидно, что изучение этих форм могло бы стать предметом отдельного исследования.

Используя метод полевого сбора материала, мы собрали более 300 различных примеров, в которых тем или иным образом используются иноязычные элементы. Сбор материала проводился с ноября по декабрь 2012 г. Полагаем, что материал для анализа интересен с разных точек зрения, от орфографической до социологической. Выяснилось, что распределение табличек с иностранными элементами в пределах города неоднородно: они локализованы в пределах административно-культурного центра (улицы Ленина, Малышева, 8 Марта и некоторые другие), в пространствах около и внутри крупных торгово-развлекательных центров, в районе рынка «Таганский ряд». В районах, отстоящих от центра, так называемых «спальных» зонах города, внешнего присутствия иностранных языков почти не отмечено. Оговоримся, что рынок «Таганский ряд» и прилегающие к нему кварталы и улицы представляют отдельный материал для исследования, в том числе и филологического: будучи самым крупным так называемым «азиатским» торговым комплексом региона, этот район является прежде всего территорией проживания и трудовой деятельности выходцев из азиатских стран.

Все собранные нами примеры можно классифицировать по нескольким основаниям. Во-первых, среди них выделяется группа официальных топонимов, зафиксированных на табличках в центральной части города на двух языках, русском и английском, обозначающих, как правило, названия улиц и остановок общественного транспорта. Очевидно, что инициаторами их появления выступили городские власти. Целевая аудитория пользователей этих двуязычных табличек — гости города, иностранные туристы и специалисты. Отметим попутно, что карты центральной части города, появившиеся в местах популярных прогулок, не последовательно оснащены подписями лишь на русском языке. Вторая группа, представленная наибольшим количеством примеров, — вывески и реклама частных организаций торговли, общепита, предприятий сферы услуг.

С точки зрения формы (способа репрезентации) все примеры распределяются на несколько групп, которые приводятся ниже.

- Латиница

Фитнес-клубы *MaxFitness*, *Fitness.ru*, *Sparta*; гостиницы *Angelo*, *Tea Rose*; магазины *Bershka*, *M. Shoes*, *Komandor*, *Nysense Evona*, *ACM Electronics*, *Marshal*, *C&A*, *H&M*, *Femita*, *For Men*; кафе *T. J. I. Fridays*, *Ping Pong*, *Crepe de Chine*, *Times Cafe*, *Burger King*; кофейня *Cup2go*; латинобар *Havana Club*, бары *New Bar*, *Pub & Whisky Bar "The Rosy Jane"*; рестораны *Zeppelin*, *De Ville*, *Rats Keller*, *Ben Hall*, *BarBQ*; пункт проката велосипедов *Board Zone*; салоны красоты *Unique*, *Beauty Place*; компании *Afalina*, *Vision International People Group*, *Taxi Pegas* и др.

- Кириллица

Иностранные названия передаются на русский язык разными способами:

1) транскрипцией: рестораны *Сандей* (англ. *Sunday*), *Фиш Хаус* (англ. *Fish House*); банк *Сосьете Женераль Восток* (франц. *Societe General*); турагентства *Дримтрэвел* (англ. *Dream travel*), *Дискавери* (англ. *Discovery*); мебельный магазин *Айленд* (англ. *Island*); магазин свадебной одежды *Флер д' гламур* (франц. *fleur de glamour*); магазин для охотников *Хантер* (англ. *Hunter*); сэндвич *Биг Тейсту* (англ. *Big Tasty*); кафе *Мамас Биг Хаус* (англ. *Mamma's Big House*), а также кафе *Тануки*, *Аль-Кух*, *Заравшан*. В последней подгруппе примеров кириллицей передаются слова неевропейских языков («тануки» — японский зверь-оборотень; «аль» — определенный артикль, «кух» — местное название горы в таджикском и афганском языках; Заравшан — город в Узбекистане).

2) транслитерацией: магазин *Хумек* (от англ. *Hi-tech*), детский клуб *Перфект* (от англ. *Perfect*), паб *Гордон'с* (от англ. *Gordon's*), торгово-развлекательный центр *Гринвич* (англ. *Greenwich*); парковка *Гринвич-паркинг* (от англ. *Greenwich Parking*), кафе *Поль Бейкеру* (от англ. *Paul Bakery*).

- Комбинация элементов кириллицы и латиницы

1) комбинация целых слов:

магазин детских товаров *Гулливер Kinder*; магазин *VIP-салинг*; итальянский ресторан *Moretto Italiano Ristorante (Seafood and Wine)*; ресторан *Райсан Palace*; магазин штор *Fashion Портъера*; кафе *Япона Pub*.

2) комбинация элементов внутри слова:

магазины *ЭльDOPADO*, *5 КармаНов*, *S класс*, *БереЗкаZ*, салон красоты

Вернисаж, бар *ПоDЗЕМКА*, турагентство *Иностранка*, свадебный салон *АЛЖК-САНДРИЯ*; магазин компании *VIP-силлинг*.

- Дублирование (рядом с названием, написанным латиницей, присутствует вариант на кириллице)

Магазины *Sela / Села*, *Collin's / Коллинз*, *Bao / Баон*; ресторан *Il Patio / Иль Патио*; кафе *Sbarro / Сбарро*, *Elzace / Эльзас*; клиника *Academie / Академи*; банк *Хоум Кредит / Home Bank Credit*; названия косметических фирм *Oriflame / Орифлейм*, *Faberlic / Фаберлик*.

- Перевод слова или словосочетания

Магазин *Monarch – Монарх*, остановка автобуса *Уральский федеральный университет – Ural Federal University*; табличка *Улица Ленина – Lenin pr.*; кафе *Русская и европейская кухня – Russian and European Kitchen*; надписи *Тяни – Pull* и *Толкай – Push* на дверях кафе; раздевалка в ТРЦ *Мега: Гардероб – Wardrobe*.

- Написание русского слова латиницей (реже – иностранного слова кириллицей) с целью создания игрового эффекта

- 1) система банковских переводов *BeGom* – английский глагол со сходной семантикой выделяется внутри слова графически; студия загара *Sun Dali*; магазин, специализирующийся на продаже ветровок, *VETRANET*; кафе *EDA!*

- 2) обратным случаем можно представить название автомагазина *ГУДзон*, а также магазина дверей *Дверсаче*, в котором обыгрывается название знаменитого модного дома *Versace* (очевидно, таким образом продвигается идея о качестве предлагаемого продукта) и одновременно обозначена сфера продаж.

Очевидно, что во внешнем визуальном пространстве современного Екатеринбурга преобладают европейские языки (английский, французский, немецкий, итальянский, испанский) с явным лидированием английского, что отражает его роль глобального языка международного общения. Кроме перечисленных выше, найдены единичные случаи присутствия других языков, таких как белорусский (сеть магазинов «Беларусски трыкатаж»), сербский (ресторан «Српска кафана») и некоторые другие. Доминирование европейских языковых элементов в визуальном поле города характеризуется отчетливым несовпадением с теми иностранными языками, которыми владеют реально проживающие или приезжающие в город иностранные граждане: известно, что английский служит для них иностранным языком (как, например, для студентов вузов) или они не владеют им вообще (как подавляющая масса трудовых мигрантов).

Любопытно, что надписи, выполненные латиницей, далеко не всегда представляют собой надписи на иностранном языке, среди них присутствуют транскрипция русских названий: отель *Onegin*, *Taxi Pegas* (при корректном переводе на английский язык фирма должна была бы носить название *Taxi Pegasus*).

Среди названий, выполненных латиницей, выделяется группа, в которой активно используются сокращения и аббревиация: магазины *C&A*, *H&M*, *АСМ Electronics*, ресторан *T. G. I. Fridays* и др. Вышеуказанные магазины принадлежат знаменитым во всем мире компаниям по продаже одежды (*C&A* и *H&M*) и электроники и известны покупателям именно под такими названиями. Расшифровка аббревиатур, представляющих собой имена основателей и полное

название фирмы-производителя (например, *ACM Electronics: Atlantic Coast-Marine Electronics*), массовому потребителю неизвестно.

Отдельного комментария заслуживает название известного американского сетевого ресторана *T. G. I. Fridays*:

«Слава богу, сегодня пятница», — любим повторять мы, закрывая двери дома или работы. Это значит, что теперь можно как следует отдохнуть! *S. T. G. I. Friday's* беззаботную пятницу себе можно устроить в любой день недели, даже в понедельник!

В названии всемирно известного сетевого ресторана и зашифрована американская поговорка *Thanks God It's Friday*. Это как нельзя лучше отражает его характер: здесь царит атмосфера беззаботного веселья, официанты шутят и общаются с гостями, а бармены готовят известные на весь мир коктейли [Ресторан *T. J. I. Friday's*].

Представляется, однако, что, если для англоязычного мира смысл американской поговорки понятен, то для жителей Екатеринбурга и гостей города название ресторана остается невнятным. Впрочем, это не единственный вариант названия, представленный «на русской почве». М. В. Кронгауз пишет:

Есть у меня в Москве нелюбимая вывеска. Это ресторан «Т. Ж. И. Фрайдис». Сначала, глядя на нее, я не испытывал особых отрицательных эмоций. Думал, ну открыл некий Томас Жан Ингеборга Фрайдис ресторан и назвал своим именем, что ж в этом худого, не всем же быть Обломовыми да Пушкинными. Но когда мне объяснили, что за этой надписью скрывается английское выражение *Thanks God Its Friday!* (в традиционном, несколько вольном переводе «Слава Богу, сегодня пятница!»), я расстроился, потому что перестал понимать что бы то ни было [Кронгауз, с. 265].

Рискнем предположить, что критика известного лингвиста могла заставить владельцев сети отказаться от использования неуклюже звучащей транслитерированной версии (в которой *G* — *God* почему-то передается на французский манер) в пользу сохранения исконного английского названия для уральского ресторана: избежав одной крайности, кинулись в другую.

Использование английского языка отражает прежде всего мировую тенденцию, а также связанную с ней языковую моду. Любопытно, что восточные языки (японский и китайский) представлены в основном в виде декоративных орнаментальных элементов: так, пространство различных кафе и суши-баров украшают иероглифы, смысл которых непонятен даже работникам заведений.

Насколько правильно употребляется английский язык в визуальном городском пространстве Екатеринбурга? Отвечая на этот вопрос, приходится с сожалением констатировать, что ошибок избежать не удалось, причем ошибки присутствуют и на официальных, и на частных табличках и объявлениях. Ошибки касаются сферы перевода (неверное употребление лексики), сферы грамматики и даже орфографии. Так, при переводе на английский язык названия кафе «Русская и европейская кухня» выбран неверный вариант: *Russian and European Kitchen* вместо *Russian and European Cuisine* (англ. *kitchen* — поме-

щение для приготовления пищи, *cuisine* — подбор кушаний, например национальных). Над гардеробом в ТЦ «Мега» («Гардероб — помещение в общественном здании для хранения верхней одежды посетителей» — второе значение по «Словарию русского языка» С. Ожегова — соответствует англ. **cloakroom**) размещена табличка: «Гардероб — **Wardrobe**» (англ. *wardrobe* — шкаф для одежды). Не вполне понятно, что означает сокращение *Lenin pr.*: для русскоязычных граждан на этих же табличках есть надписи по-русски, английское же слово *prospect* имеет значение «шанс, перспектива». Название остановки транспорта «Дом музыки» передается на английский язык St. Music Holl со всеми возможными ошибками — орфографической (*holl* вместо *hall*), лексической (неверный перевод), а также совершенно непонятным сокращением, которое в английском языке чаще всего означает «святой». Таким образом, с сожалением приходится констатировать, что даже екатеринбургские официальные надписи на английском языке выполнены в традиции «Английский путешествует по миру», примерами которой заполнен Интернет и специальная литература, или, как определяет ситуацию С. Г. Тер-Минасова, «глобальный язык в Глобальной деревне: Глобальная проблема» [Тер-Минасова, с. 299].

Грамматические ошибки касаются в своем подавляющем большинстве передачи формы английского притяжательного падежа как в английском, так и в русском вариантах: магазин «Цветочный клуб — *Flower's Club*», а также названия «Гордон' с», «Коллинс — *Collin's*», «*Mamma's Big House* — Маммас Биг Хаус». Некоторое время назад в одном из туристических агентств красовалась английская вывеска «*Traveling Agency*» (досл. «Путешествующее агентство») вместо грамматически правильного варианта «*Travel Agency*».

В ряде случаев при передаче иностранных слов кириллицей наблюдается неустойчивость в написании слова, например англ. *house*: Авто Хаус, Маммас Бисвит Хаус, Нобл Хаус, но: Кофе Хауз; англ. *sandwich* транскрибируется в *сэндвич* в кафе сети Subway и транслитерируется в *сандвич* в сети McDonalds. Автостоянки также обозначаются по-разному: «*Парковка* магазина Komandor», но «Гринвич-паркинг».

Любопытным образом обыгрываются присутствующие в иностранных языках артикли (рестораны «*Das Kolbas*», «*Il Patio*», «*Аль-Кух*») и обращения (ресторан «*Гер Браконьер*»). Кроме того, среди собранных примеров наблюдается целая группа названий с суффиксом **-off / -офф**: рестораны *Тинькофф*, *Шустофф*, пивной гриль-бар *Kolbasoff*, кафе *Блинофф*, магазин *Шапкофф*, оптика *Очкофф*. Все названия образованы от русских фамилий на -ов (реальных или сконструированных). При создании этих названий использовалась традиционная модель перевода русских фамилий на английский или, чаще, французский язык, популярная в XIX — начале XX в.: см. формы *Koutouzoff*, *Bezouhoff*, *Rostoff* в тексте романа Л. Н. Толстого «Война и мир». С другой стороны, именно этот суффикс активно используется в так называемом «олбанском йязыке» — сленге активных интернет-пользователей — для создания ников — интернет-имен, согласно правилам которого в написаниях фамилий **-ин** меняется на **-енг**, а **-ов** — на **-офф** (например, *Миронофф*, *Иванофф*). Таким образом, названия подобного типа удовлетворяют

двум требованиям: с одной стороны, привлекают посетителей иностранным флером, с другой стороны, апеллируют к острой современности сообщества пользователей Интернета.

Присутствие среди найденных иностранных элементов особенностей интернет-сленга не ограничивается использованием суффикса *-off / -офф*. Другими примерами являются названия *Cup2go* и *BarBQ*, где сокращение слова и словосочетания (*cup to go, barbeque*) при сохранении их фонетического облика производится графическими средствами. Подобные сокращения, появившиеся в СМС-переписке и объясняющиеся ограниченным объемом допустимого пересылаемого сообщения [см.: Crystal], позднее вошли в активный словарь пользователей Интернета.

Анализируя активные процессы в орфографии русского языка в начале XXI в., Н. Юдина отмечает «трансформированность орфографической нормы и появление орфографической вариативности в заимствованных словах» [Юдина, с. 120] — явление, которое ярко проявляется в корпусе собранных примеров: *house — хаус — хауз; парковка — паркинг — parking; VIP — ВИП — вин*. Последний пример в английском языке представляет собой инициальную аббревиацию выражения *very important person* («очень важная персона»), что делает его русский транслитерированный эквивалент семантически полым. Неясными, по нашему мнению, являются надписи на рекламном щите «Вип-силинг» и вывеска магазина «VIP0-силинг». Элемент «вип» означает здесь, очевидно, «превосходный, качественный», тогда как «силинг» (англ. *ceiling*) — «потолок». По своей невнятности и экстравагантности «силинг» может соперничать разве что с неоднократно встреченным на рекламных щитах Екатеринбурга «сайдингом» (англ. *siding* — обшивка, наружная облицовка здания).

Причины активного использования иностранных языков во внешнем городском пространстве Екатеринбурга разнообразны. Во-первых, как отмечалось выше, это отражение мировой тенденции глобализации. Кроме того, ряд названий кафе, магазинов, фирм носит иностранное название исключительно по причине давления языковой моды: например, компания «Поль Бейкери»:

Формально «Поль Бейкери» — обычная российская компания. Даже на вывесках иностранную надпись *Paul Bakery* встретить сложно. И нет действительно никакого серьезного повода упрекать владельцев и технологов бренда в какой-то нечистоплотности. Нет, вовсе нет. Название «Поль Бейкери» даже французским не назовешь: *bakery* — слово не французское, и во французских словах ударения находятся на последнем слоге. Тем не менее бренд *Paul Bakery* задуман с целью возбуждения ассоциаций с классической Европой, ее уютными традициями [см.: Стружкин].

Bakery — слово действительно не французское: в переводе с английского оно означает «булочная, пекарня». Таким образом, кроме ассоциаций с Европой, налицо языковая игра, которая, однако, далеко не всегда понятна российскому человеку.

Иностранный язык используется в вывесках и рекламе не только для того, чтобы сделать товар или услугу более привлекательной, но и чтобы некоторым образом завуалировать истинное положение вещей, облагородить простое (как

с установкой потолков) или не вполне приличное действие, как в найденных нами многочисленных объявлениях: «Men-of-Relax Салон: массажи, общение, чаепитие». Функцию сокрытия выполняют и многочисленные вывески магазинов поношенной одежды: «Second-hand» или «Секонд-хенд» / «Секонд хэнд» (встречаются оба варианта). Среди найденных примеров присутствуют следующие: «Секонд-хэнд отменного качества», «Секонд-хенд (Second hand) одежда», «Секонд Хенд Сток — оптом — Екатеринбург», а также тавтологическое «Поношенная секонд-хенд обувь» (англ. second-hand — «поношенный, бывший в употреблении, вторичный»).

Названия и внешняя городская реклама Екатеринбурга, передаваемая с помощью иностранных языков и их элементов, служит площадкой для языковой игры. В ней отчетливо реализуется еще один активный процесс современной орфографии русского языка, отмеченный многими исследователями, — «стремление к свободе использования экспрессивных возможностей графики и орфографии для привлечения внимания читающих, в частности потребителей» [Юдина, с. 121]. Автор также указывает на следующую характерную особенность современного русского языка, ярко представленную в корпусе примеров, — чрезмерное увлечение латиницей, необоснованное чередование латиницы и кириллицы в одной лексической единице или номинации» [Там же, с. 122].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что внешнее присутствие иностранных языков в Екатеринбурге отличается стандартным набором черт, характерных для состояния современного русского языка и общества. Стандартизованность применения иноязычных языковых средств сочетается с индивидуальным творчеством (креативностью, используя модное слово) авторов. Сама форма присутствия иностранного языка подтверждает низкий уровень его освоения в уральской столице. Любопытно, что приемы, отмеченные нами в корпусе найденных примеров, описаны в литературе еще в середине 1990-х гг. [см.: Николаева, Коршунков; Костомаров; Тер-Минасова]. К сожалению, на данном этапе не наблюдается стандартизации и упорядочивания использования иностранного (прежде всего английского) языка в глобализованном пространстве уральского мегаполиса даже в сфере его официального применения.

Екатеринбург стали чаще посещать иностранные туристы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/tourism/300114html> (дата обращения: 10.02.2013). [Ekaterinburg stali chasche poseschat' inostrannye turisty [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.nr2.ru/tourism/300114html> (data obrascheniya: 10.02.2013).]

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой массмедиа. М., 1994. 320 с. [Kostomarov V. G. Yazykovoј vkus epokhi: iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj massmedia. M., 1994. 320 s.]

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3Д. М., 2011. 480 с. [Krongauz M. A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. 3D. M., 2011. 480 s.]

Николаева Т. Н., Коршунков В. А. Новые названия в старой Вятке // Рус. речь. 1997. № 4. С. 85–92. [Nikolaeva T. N., Korshunkov V. A. Novye nazvaniya v staroj Vyatke // Rus. rech'. 1997. N 4. S. 85–92.]

Ресторан Т. J. I. Friday's [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fridays.relax.by/> (дата обращения 05.02.2013). [Restoran T. J. I. Friday's [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.fridays.relax.by/> (data obrascheniya 05.02.2013).]

Стружкин С. Компания «Поль Бейкери» [Электронный ресурс] // Энциклопедия потребителя. URL : <http://truebrands.ru/brand/paul-bakery> (дата обращения: 10.02.2013). [Struzhkin S. Kompaniya «Pol' Bejkeri» [Elektronnyj resurs] // Entsiklopediya potrebitelya. URL : <http://truebrands.ru/brand/paul-bakery> (data obrascheniya: 10.02.2013).]

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М., 2007. 288 с. [Ter-Minasova S. G. Vojna i mir yazykov i kul'tur. M., 2007. 288 s.]

Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке : Кризис? Эволюция? Прогресс? М., 2010. 293 с. [Yudina N. V. Russkij yazyk v XXI veke : Krizis? Evolyutsiya? Progress? M., 2010. 293 s.]

Crystal D. Txtng the gr8 db8. N. Y., 2008. 235 p.

Статья поступила в редакцию 22.01.2013 г.

ИСТОРИЯ

УДК 811.161.1:82-97 + 82.091

Н. К. Чернышова

ЖИТИЕ СВЯТОГО ИННОКЕНТИЯ ИРКУТСКОГО В КОНТЕКСТЕ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ 2-й половины XIX в.

Рассматривается эпизод из истории русской агиографии Нового времени, демонстрирующий переход рукописной традиции в книжную. Анализируется проблема сочетания традиционных агиографических приемов при создании житий святых с попыткой научной критики источников.

Ключевые слова: Иннокентий Иркутский; житие; агиографическая традиция; критика источника.

В последнее десятилетие появились серьезные исследования по истории русской агиографии XVIII — начала XX в., однако многие агиографические особенности данного этапа до сих пор остаются малоизученными и даже невыявленными. Так, практически не изучено агиографическое наследие духовных писателей XIX столетия, в том числе крупнейших — А. Н. Муравьева, архиепископа Филарета (Гумилевского); слабо выявлены агиографические памятники, возникавшие в это время в русской провинции; не поставлен вопрос о влиянии социокультурных факторов, обусловленных реалиями Нового времени, на развитие жанра.

В данной статье на примере Житий святителя Иннокентия Иркутского рассматривается характер взаимодействия книжной и рукописной традиций бытования агиографических памятников.

В 1887 г. в православном журнале «Русский паломник», издававшемся богословом и публицистом А. И. Поповицким, была напечатана статья С. С. Попова «Св. Иннокентий Иркутский» [см.: Попов, 1887а]. Статья представляла собой первое исследование истории возникновения агиографических и гимнографических

сочинений о святом и их издания. Помимо уникальных фактов, отражающих бытование указанных сочинений на территории епархии, в первой части статьи автор представил читателям журнала текст Жития святого Иннокентия, предварив его следующим замечанием: «Сказание о житии иже во святых отца нашего Иннокентия 1-го епископа Иркутского Чудотворца», хотя и было напечатано в Иркутске около 1817 года, но в настоящее время не только составляет чрезвычайную редкость, но сделалось почти неизвестным, по содержанию своему, даже людям сведущим, а потому мы решились с имеющейся у нас старинной и точной копии с этого Сказания напечатать его вполне...» [Попов, 1887а, с. 304]. С. С. Попов, таким образом, первым засвидетельствовал также и существование рукописной традиции бытования данного памятника житийной литературы.

Упомянутое С. С. Поповым «Сказание» напечатано в книге под названием «Житие и чудеса святителя Иннокентия первого епископа Иркутского чудотворца» (Иркутск, не ранее 1822 г.). История создания текста и его роль в становления агиографии св. Иннокентия уже были нами рассмотрены [см.: Чернышова, с. 15–76], уточнена также датировка памятника. Единственный выявленный экземпляр этого весьма редкого издания находится ныне в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского [Там же, с. 63]. В состав книги, кроме текста «Сказания о житии», вошли описания чудес, тропарь, кондак и молитва святому.

В статье «Русского паломника» приведены, хотя и весьма скудные, сведения, характеризующие рукопись, послужившую основой для публикации Сказания. С. С. Попов называет следующие статьи, входившие в состав рукописи: кроме Сказания, это «приложенные к нему в копии указ Св. Синода» о причтении иркутского епископа к лику святых и «описания и объявления о чудесах и видениях сего святителя-чудотворца» [Попов, 1887а, с. 304, 316]. Подчеркнем, что в состав «Жития и чудес...» текст указа включен не был. С. С. Попов не приводит сведений ни о том, входили ли в состав рукописи какие-либо статьи, кроме упомянутых выше, ни о ее владельце, ни о каких-либо других ее особенностях. Таким образом, С. С. Попов опубликовал не всю рукопись, а лишь фрагменты из нее — текст Сказания и указ Святейшего синода. Описания чудес в публикацию «Русского паломника» не вошли.

Сведения о приемах работы С. С. Попова над текстом публикуемого Сказания содержатся в самой его статье, главным образом в подстрочных примечаниях. Содержание примечаний позволяет скорректировать утверждение о публикации текста по «точной» копии издания и увидеть некоторые особенности рукописи.

Вот что писал публикатор о тех принципах, которыми он руководствовался при работе с рукописью: «Помещая здесь это Сказание вполне, мы для сохранения исторической точности исправили замеченные в нем главнейшие ошибки, остальные оговорили подстрочно» [Там же, с. 304]. Стремление сохранить историческую точность в данном случае не предполагало обращения к печатному экземпляру текста или сравнения рукописных и печатных вариантов между собой, но сводилось к корректировке Сказания в соответствии с разысканиями

новейших агиобиографов святого [Попов, 1887а, с. 303, 304; см. также: Громов; Модест (Стрельбицкий), 1873; 1883].

Необходимо отметить, что в настоящее время выявление рукописных сборников, содержащих Сказание, еще далеко от завершения¹ и указать конкретный источник, который был в распоряжении С. С. Попова, пока не представляется возможным. Мы попытаемся сравнить текст С. С. Попова со Сказанием в составе «Жития и чудес...», обращаясь в ряде случаев к имеющимся в нашем распоряжении спискам памятника, проследим сходство и различия, что позволит говорить о некоторых приемах работы публикатора. Рассмотрение этих вопросов явится шагом в изучении рукописной традиции почитания святого Нового времени.

Сравнение текстов показывает, что Сказание в публикации «Русского паломника» имеет значительное число как стилистических, так и смысловых отличий от текста в составе «Житий и чудес...». Обращение к выявленным нами рукописям частично позволяет ответить на вопрос, что именно является результатом работы переписчика (или переписчиков) рукописи, которой располагал С. С. Попов, и что привнесено им самим (см. табл. сравнений на с. 100).

Часть отличий Сказания в «Русском паломнике» от «Жития и чудес...», как видим, встречается в известных нам списках памятника, следовательно, они не принадлежат С. С. Попову, но попали в текст журнала из рукописи, которой он пользовался, будучи привнесены в нее переписчиками на более раннем этапе — при возникновении списка с издания. Так, в «Житии и чудесах...» необходимость отправки духовной миссии в Пекин сформулирована следующим образом: «Правительство встретило надобность следующую...». В известных нам списках и в публикации «Русского паломника» эта фраза выглядит совершенно иначе: «случися (или случилася) безотменная потреба сицевая» [Житие и чудеса..., с. 1; РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, л. 3; д. 163, л. 1 об.; Попов, 1887а, с. 304].

В известных нам рукописях подверглась сокращению фраза «Жития и чудес...» о церкви, в которой почивают мощи святителя: «А ныне же сей святитель покоится в нововыстроенной каменной церкви в серебрянной раке» [Житие и чудеса..., с. 3]. Отсутствует этот фрагмент и в публикации «Русского паломника». В ряде случаев отмечается различие в одном слове («тамошнее правительство» — в «Житии и чудесах...», «китайское правительство» — в рукописях и «Русском паломнике» и др.).

В публикуемый текст С. С. Попов внес также стилистическую правку двоякого характера. Во-первых, он счел нужным дать в круглых скобках разъяснение некоторых устаревших слов и выражений. Например, во фразу «и прешедшу некоему времени» вставлено пояснение — «по прошествии некоторого»; для пояснения слова «сицевая» в круглых скобках приводится слово «следующая»; после слов «дабы в поспешество» разъясняется: «для успешного» [Попов, 1887а, с. 304]; и др. Вторая группа стилистических поправок С. С. Попова также касается

¹ Основные выявленные списки см.: [РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, 163; ОР РГБ, ф. 310, д. 1114; ОР НБ ТГУ, В-3928]; см. также: [Пивоваров, Павлова, с. 720].

Сказание о житии иже во святых отца нашего Иннокентия первого епископа Иркутского чудотворца [Житие и чудеса..., с. 1–4].	Сказание о житии угодника Иннокентия [РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, л. 2–9об.].	Сказание жития иже во святых отца нашего Иннокентия первого епископа Иркутского чудотворца [РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 163, л. 1, 7об.].	[Попов, 1887а, с. 304–306].
<p><i>правительство встретило надобность следующую...</i>²</p> <p>Для исполнения сего важного <i>намерения</i> избран был...</p> <p>Принять его в Пекин <i>тамошнее</i> правительство не согласилось</p> <p>Положив святые его мощи под олтарем Тихвинской церкви того монастыря, в нем же почивали его мощи, <i>а ныне же сей святитель покоится в нововыстроенной каменной церкви в серебрянной раке</i></p> <p>По сем <i>разнесшемся</i> повсюду слухе об открытии мощей святителя Иннокентия</p>	<p><i>...Случися безотменная потреба сицевая</i></p> <p>для исполнения сего важного <i>предприятя</i> избран был...</p> <p><i>Китайское</i> правительство <...> принять его не согласилось</p> <p>и положили святые его мощи под алтарем Тихвинской церкви того монастыря, в нем же почивают его мощи.</p> <p>По сем <i>разнесшийся</i> повсюду слух об открытии мощей святителя Иннокентия</p>	<p><i>случися безотменная потреба сицевая...</i></p> <p>для исполнения сего важного <i>предприятя</i> избран был...</p> <p>Китайское правительство... <...> принять его не согласилось</p> <p>Под алтарем Тихвинской церкви того монастыря в нем же почивают его мощи</p> <p>по сем <i>разнесшийся</i> повсюду слух об открытии мощей святителя Иннокентия</p>	<p><i>Случилася безотменная потреба сицевая (следующая)</i></p> <p>Для исполнения сего важного <i>предприятя</i> избран был...</p> <p><i>Китайское</i> правительство <...> принять его не согласилось</p> <p>под алтарем Тихвинской церкви того же монастыря, в нем же и почивали оные</p> <p>Посем <i>разнесшийся</i> повсюду слух об открытии мощей святителя Иннокентия</p>

обновления языка житийного памятника: в текст Сказания, напечатанного в «Русском паломнике», внесены незначительные изменения в написание отдельных слов (возможно, также с целью устранения некоторых архаизмов). Так, слово «богорастенную» передано в публикации С. С. Попова как «богорасленную», «светильника пресветла» — как «светильника пресветлаго», «случися» — «случилася». При этом из двух вариантов написания («католические» и «католиц-

² Курсивом выделены слова и отдельные выражения «Жития и чудес...», подвергшиеся в рукописях и публикации «Русского паломника» изменениям.

кие») был выбран более архаичный вариант. В выявленных рукописных списках Сказания встречаются и то и другое написание. Вероятно, в рукописи, которой пользовался С. С. Попов, использовано написание «католицкие». Во фрагменте, где кратко сообщается о миссионерской деятельности св. Иннокентия, слова «преподаваше тамошним иноверцам и идолопоклонникам» заменены оборотом «преподавал тамошним инородцам идолопоклонникам» [Житие и чудеса..., с. 3; РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, л. 6–6 об.; Попов, 1887а, с. 305]. В названии месяца вместо «генварь», как в «Житии и чудесах...», С. С. Попов использовал форму «январь».

Внес С. С. Попов и некоторую правку в отдельные фразы: в «Житии и чудесах...» и рукописях — «по преданиям также нас ни кто не известил» [РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, л. 2], «ни ин кто по нем предал нас³ известил» [Там же, д. 163, л. 1; ОР НБ ТГУ, В-3928, л. 1], в публикации С. С. Попова — «никто по нем не предал и нас не известил» [Житие и чудеса..., с. 1; Попов, 1887а, с. 304].

В «Житии и чудесах...» и рукописях РГАДА описание эпизода с отказом епископу Иннокентию во въезде в пределы Китайской империи содержит цитату из письма китайских чиновников, уведомляющих русскую сторону: «...такую превеликую особу, каков Иннокентий Кульчицкий, на м не надобно» (в цитатах выделено нами. — Н. Ч.). С. С. Попов заменил местоимение в 1-м лице «нам» на третье лицо — «им», устранив, таким образом, цитирование [Житие и чудеса..., с. 2; Попов, 1887а, с. 305].

К числу исправленных неточностей исходного текста следует отнести замену словосочетаний «губернии Суздаль и Тобольск», использованных в «Житии и чудесах...» и встречающихся в большинстве выявленных нами списков текста, соответствующим реальности выражением «города Суздаль и Тобольск» [Попов, 1887а, с. 304].

Внесены были С. С. Поповым в текст сказания и некоторая смысловая правка и дополнения, сделанные, как упоминалось выше, на основании агиобиографических сочинений протоиерея П. В. Громова и архимандрита Модеста (Стрельбицкого). Вот как писал об этом сам публикатор: «Исправлено, во-первых, что Св. Иннокентий был не викарным (как говорится в этом Сказании), а самостоятельным епископом Иркутским, и две-три явные неточности в годах, затем несколько описок. Пропуски восполнены, а именно: упущенные в рукописи, по смыслу ее, слова, что по случаю истребления пожаром многих монастырских дел “составить полное о святителе сем сказание трудно”, что он скончался “по продолжительной болезни”, а не по возвращении из поездки по епархии, как можно думать, читая рукопись, и что он “причтен к лику святых по многократном освидетельствовании его мощей”, о чем в рукописи не договорено. Все это сделано по вышеупомянутым печатным сочинениям» [Там же, с. 305]. Подчеркнем, что выделенные нами фразы отсутствовали как в «Житии и чудесах...», так и в выявленных нами рукописях Сказания, так же как и в источнике, которым пользовался С. С. Попов, и принадлежат последнему.

³ В последнем списке перед словом «нас» стоит союз «и».

Кроме отмеченных публикатором, упомянем еще одно важное дополнение, внесенное им в текст сказания. Во фрагмент, где рассказывается об обучении св. Иннокентия в Киевской духовной академии, вставлены слова «греческому, латинскому» [Там же], отсутствующие в «Житии и чудесах...» и в выявленных нами списках текста. Отметим, что данное дополнение логично, поскольку фраза «другим иностранным языкам», перед которой были вставлены приведенные выше слова, выглядит как вырванная из контекста. Это ощущали и некоторые из переписчиков, которые вносили в рукописные тексты свои исправления. Так, в одной из рукописей данная фраза выглядит следующим образом: «...богословии и другим иностранным наукам и языкам...» [ОР НБ ТГ, В-3928, л. 1 об.]. Нельзя, впрочем, исключить, что в распоряжении С. С. Попова был список Сказания, имевший дополнение, воспроизведенное в публикации «Русского паломника».

Еще один пример смысловой правки, внесенной С. С. Поповым в текст Сказания, относится к фрагменту, где речь идет о возвращении св. Иннокентия из путешествия по епархии с целью ее обозрения. В «Житии и чудесах...» и упоминавшихся здесь рукописях сообщается об одном событии, завершившемся болезнью и смертью епископа, публикатор «Русского паломника» превращает этот эпизод в многократное действие: если составитель «Жития и чудес...» пишет о том, что святитель «предпринимал дальное и многотрудное путешествие», «откуда... возвратясь в монастырь...», выявленные нами рукописи содержат тот же оборот, то «Русский паломник» говорит о «дальних и многотрудных путешествиях», откуда «возвращался...» [Житие и чудеса..., с. 3; РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, л. 7; д. 163, л. 2 об. — 3; Попов, 1887а, с. 305].

Отметим единственный выявленный нами случай, когда С. С. Попов подверг с о к р а щ е н и ю имевшийся у него текст. В сообщении об установлении памяти св. Иннокентия во всех выявленных нами источниках содержится фраза «...по причтении в число святых 28 октября 1804 года Святейшим Правительствующим Синодом...», в публикации «Русского паломника» фраза отсутствует [Житие и чудеса..., с. 4; РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, л. 9 об.; д. 163, л. 4—4 об.; Попов, 1887а, с. 306].

Наконец, С. С. Попов, как он отмечал сам, внес некоторые исправления в хронологию событий. При этом часть исправлений он представил в качестве подстрочных примечаний. Так, примечание к фразе Сказания: «по окончании учебного курса пострижен был в иноческий чин в Киево-Печерской лавре, но кем и в какое лето, неизвестно» — сообщает: «Епископ Модест полагает, что Св. Иннокентий (Иоанн Кульчицкий) принял монашество в 1708 году» [Попов, 1887а, с. 304]. К кратким сведениям о преподавательской деятельности в московской Славяно-греко-латинской академии в примечании добавлено: «В Московской Академии он был сначала преподавателем словесности с 1710 до 1714 года» [Там же, с. 304]. Кроме того, в примечаниях приведены также сведения, почерпнутые из сочинения архимандрита Модеста о мирском имени епископа Иннокентия и дате его рождения, а также упоминается о том, что в 1720 г. он был первым обер-иеромонахом при флоте в г. Або и заместителем Александро-Невской лавры [Там же]. Еще одно примечание содержит факт, от-

носящийся к сибирскому периоду жизни святого, а именно время служения епископом Иннокентием последней литургии, и впервые упомянутый П. В. Громыным. Объяснение имеющихся в разных источниках расхождений относительно точной даты кончины св. Иннокентия (26 или 27 ноября 1731 г.) заимствовано С. С. Поповым из книги этого же автора [Попов, 1887а, с. 304].

Однако часть хронологических уточнений С. С. Попов внес прямо в текст. Так, в «Житии и чудесах...» эпизод открытия мощей святителя в связи с производством ремонтных работ в Тихвинской церкви датирован 1766-м г., в известных нам рукописях также. В публикации С. С. Попова указан 1764-й г. [Житие и чудеса..., с. 3; РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, л. 7 об.; д. 163, л. 3 об.; ОР НБ ТГУ, В-3928, л. 7; Попов, 1887а, с. 305]. Источником для данного исправления скорее всего послужило «Начало христианства в Иркутске...» П. В. Громова [см.: Громов, с. 335]. Нам не известен источник, которым воспользовался о. Прокопий. Несколько ранее эту же дату привел архиепископ Нил (Исакович) [см.: Нил, с. 248]. При этом в напечатанный далее текст указа Святейшего синода о канонизации святого, где также содержался рассказ об этом событии, С. С. Попов исправления не мог внести и оставил 1766-й г., не прокомментировав возникшее расхождение [см.: Попов, 1887а, с. 316].

Один фрагмент Сказания вызвал затруднение публикатора. В «Житии и чудесах...» сообщается: «От хиротонии епископствовал всех десять лет без трех месяцев и 8 дней. Иркутскую епархию управлял три года пять месяцев без 18 дней» [см.: Житие и чудеса..., с. 3]. Одна из упоминавшихся выше рукописей приводит несколько отличающиеся сведения о времени управления св. Иннокентием Иркутской епархией: три года 11 месяцев [РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 163, л. 3]. С. С. Попов опубликовал этот эпизод согласно рукописи, указав, что «Иркутскую же епархию управлял три года 11 месяцев без 18 дней», а в примечании привел другие данные: «По печатным жизнеописаниям Св. Иннокентия, епископствовал он 10 лет, 8 месяцев и 21 день (с 5 марта 1721 года по 26 ноября 1731 г.), из коих управлял Иркутскую епархию, считая даже со дня получения об этом указа, т. е. с 26 августа 1727 года, 4 года и 3 месяца» [Попов, 1887а, с. 305].

Во второй части статьи «Русского паломника» опубликован указ Святейшего синода о канонизации святого, а также подробно описывается торжество открытого чествования мощей св. Иннокентия 9-го февраля 1805 г., перечисляются святые Вознесенского монастыря, связанные с первым Иркутским епископом, приводится текст тропаря и молитвы святителю, хотя не сообщается о том, были ли они в составе рукописи, которая использовалась при публикации.

Третья часть статьи С. С. Попова приближается к житийному жанру. В ней содержатся описания некоторых сибирских эпизодов жизни св. Иннокентия (отношения святителя с иркутской администрацией, а также с архимандритом Вознесенского монастыря Антонием Платковским и чрезвычайным посланником графом Саввой Владиславичем), приводятся сведения о деятельности на Иркутской архиерейской кафедре, а также подробности духовной жизни, заимствованные из «Начала христианства в Иркутске...» П. В. Громова;

уделяется внимание православным традициям, возникшим в связи с почитанием св. Иннокентия.

Рассмотрим вопрос о возможном источнике, который С. С. Попов положил в основу публикации Сказания. Анализ выявленных к настоящему времени рукописей не позволяет однозначно указать наиболее вероятный список, использованный С. С. Поповым для опубликованного в «Русском паломнике» текста. В качестве возможного источника мы в первую очередь обратились к рукописям, принадлежащим собранию В. Н. Баснина (1800–1876) [РГАДА, ф. 183, оп. 1, д. 72, 163]. Между двумя рукописями В. Н. Баснина существуют некоторые отличия. В состав рукописи (дела) 72, кроме Сказания, входят описания чудес, текст указа о канонизации святого Иннокентия, тропарь, кондак, копии документов, подписанных св. Иннокентием (грамоты, паспорта, письма), запись воспоминания иркутского купца Я. П. Донского об одном из эпизодов прижизненных чудес святого, надпись о времени построения деревянной церкви Вознесенского монастыря. Рукопись (дело) 163 включает лишь тексты Сказания и упомянутого указа.

Проведенный выше в таблице сравнительный анализ текстов показал близость публикации «Русского паломника» к спискам Сказания в составе рукописей В. Н. Баснина, однако некоторые отличия позволяют предположить существование самостоятельного списка, использовавшегося С. С. Поповым.

Затронем вопрос о личности публикатора текста сказания в «Русском паломнике». Никакими биографическими сведениями о С. С. Попове мы в настоящий момент не располагаем и можем лишь высказать два предположения. Во-первых, корреспондент «Русского паломника» — известный в Сибири публицист-областник, чья личность стала сегодня объектом внимания историков. Слабая изученность творческого наследия этого писателя не позволяет полностью исключить такую возможность [см.: Шиловский, с. 235]. Но мы склоняемся к другой гипотезе. В трехтомном «Сводном каталоге сибирской и дальневосточной книги» (Новосибирск, 2004–2005) под именем С. С. Попова или просто С. Попова указано 13 изданий. 5 из них — медицинского содержания, однако значительная часть приведенных в каталоге публикаций относится к деятельности православной церкви [см., например: Попов, 1886а; 1888; 1892; 1886б; 1887б]. В монографии Л. Н. Харченко, посвященной исследованию вклада Русской православной церкви в различные сферы культуры Сибири, упоминаются несколько изданий и публикаций на страницах периодической печати, принадлежащих представителям духовенства Восточной Сибири — С. или С. С. Поповым. Среди членов Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО) в 1862 г. назван протоиерей С. Попов [см.: Харченко, с. 405, 413, 425]. Наше второе предположение заключается в том, что автор статьи «Русского паломника» был духовным лицом, чья служебная деятельность была тесно связана с Иркутском, ему принадлежал и ряд других текстов по близким сюжетам.

В заключение рассмотрим вопрос о характере публикации С. С. Попова и ее месте в развитии агиографии святого. Сделанные выше наблюдения над Сказанием «Русского паломника» и сравнение его с другими текстами позволили проследить процесс работы публикатора. Вставки, сокращения и исправле-

ния, внесенные в текст Сказания, свидетельствуют о том, что статью «Русского паломника» нельзя рассматривать в качестве «точной» копии издания «Жития и чудес...», потому что, во-первых, переписчики, прежде чем рукопись попала в руки публикатора, вносили в текст свою правку; во-вторых, потому что точно так же подошел к имевшемуся у него рукописному Сказанию и С. С. Попов. В целом ряде случаев он прямо указывал на это обстоятельство. Многочисленные, хотя и достаточно мелкие стилистические изменения, внесенные им в текст, незначительные дополнения и смысловая правка, использование дополнительных источников приближают текст «Русского паломника» по приемам работы к списку традиционной древнерусской агиографии.

На возможность такой интерпретации печатного текста, как нам кажется, указывал Д. С. Лихачев: «По существу, всякое издание текста, которое используется в дальнейшей работе (для публикации или для его исследования), следует рассматривать как новый список произведения; издание должно быть подвергнуто обычному текстологическому изучению прежде, чем быть использовано» [Лихачев, с. 454].

Сам публикатор видел свою задачу в ознакомлении православных читателей с начальным этапом агиографии сибирского святого, т. е. смотрел на нее скорее как на научную статью. Таким образом, своеобразие статьи «Русского паломника» обусловлено обстоятельствами ее возникновения. Печатный текст, легший в ее основу, был почти неизвестен читателям, но Сказание достаточно активно распространялось в рукописном виде. В условиях преимущественного функционирования печатной книги возникла потребность опубликовать данный текст заново, поэтому в публикации сочетались черты уходящей рукописной традиции с элементами научной критики исторического источника.

Громов П. В. Начало христианства в Иркутске и Святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление. Иркутск, 1868. [Gromov P. V. Nachalo khristianstva v Irkutске i Svyatyj Innokentij, pervyj episkop Irkutskij. Ego sluzhenie, upravlenie, konchina, chudesa i proslavlenie. Irkutsk, 1868.]

Житие и чудеса святителя Иннокентия первого епископа Иркутского чудотворца [Иркутск, не ранее 1822]. [Zhitie i chudesa svyatitelya Innokentiya pervogo episkopa Irkutskogo chudotvortsya]. Irkutsk, ne ranee 1822.]

Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. [Likhachev D. S. Tekstologiya na materiale russkoj literatury X–XVII vekov. L., 1983.]

Модест (Стрельбицкий). Жизнь св. Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотворца. 3-е изд. Иркутск, 1883. Modest (Strel'bitskij). [Zhizn' sv. Innokentiya, pervogo Irkutskogo episkopa i chudotvortsya. 3-e izd. Irkutsk, 1883.]

Модест (Стрельбицкий). О проповедничестве св. Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотворца : исследование ректора Иркутской духовной семинарии архимандрита Модеста с присовокуплением поучений и слов, известных с именем св. Иннокентия. Иркутск, 1873. [Modest (Strel'bitskij). O propovednichestve sv. Innokentiya, pervogo Irkutskogo episkopa i chudotvortsya : issledovanie rektora Irkutskoj dukhovnoj seminarii arhimandrita Modesta s prisovokupleniem pouchenij i slov, izvestnykh s imenem sv. Innokentiya. Irkutsk, 1873.]

Нил (Исакович). Краткое сказание о святителе Иннокентии чудотворце, первом иркутском епископе // Ярослав. епарх. ведомости. 1860. Ч. неофиц. № 27. С. 248–249. [Nil (Isakovich).

Kratkoe skazanie o svyatitele Innokentii chudotvortse, pervom irkutskom episkope // Yaroslav. eparkh. vedomosti. 1860. Ch. neofits. N 27. S. 248–249.]

ОР НБ ТГУ. В-3928. [OR NB TGU. V-3928.]

Пивоваров Б. И., Павлова О. А. Иннокентий (Кульчицкий Иоанн) // Православ. энцикл. 2009. Т. 22. С. 716–725. [Pivovarov B. I., Pavlova O. A. Innokentij (Kul'chitskij Ioann) // Pravoslav. entsikl. 2009. T. 22. S. 716–725.]

Попов С. С. Его Высокопреосвященству архиепископу Иркутскому и Нерчинскому Вениамину на отъезд его из Иркутска в Санкт-Петербург : стихотворение. Иркутск, 1886. 3 с. [Отт. : Иркут. епарх. ведомости. 1886а. № 38 (СК. № 1555)]. [Popov S. S. Ego Vysokopreosvyaschenstvu arkhiepiskopu Irkutskomu i Nerchinskomu Veniaminu na ot'ezd ego iz Irkutsk v Sankt-Peterburg : stikhotvorenije. Irkutsk, 1886. 3 s. [Ott. : Irkut. eparkh. vedomosti. 1886a. N 38 (SK. N 1555)].]

Попов С. С. Его Высокопреподобию ректору Иркутской духовной семинарии архимандриту Григорию на отъезд его из Иркутска в феврале 1888 года : стихотворение. Иркутск, 1888. 2 с. [Отт. : Иркут. епарх. ведомости. 1888. № 6 (СК. № 1948)]. [Popov S. S. Ego Vysokoprepodobiyu rektoru Irkutskoj dukhovnoj seminarii arkhimandritu Grigoriyu na ot'ezd ego iz Irkutsk v fevrale 1888 goda : stikhotvorenije. Irkutsk, 1888. 2 s. Ott. : Irkut. eparkh. vedomosti. 1888. N 6 (SK. N 1948)].]

Попов С. С. Заметки о путешествии члена-сотрудника Общества для распространения книг Священного Писания в России И. К. Голубева. Иркутск, 1892. 3 с. [Отт. : Иркут. епарх. ведомости. 1892. № 18 (СК. № 3059)]. [Popov S. S. Zametki o puteshestvii chlenasotrudnika Obschestva dlya rasprostraneniya knig Svyaschennogo Pisaniya v Rossii I. K. Golubeva. Irkutsk, 1892. 3 s. Ott. : Irkut. eparkh. vedomosti. 1892. N 18 (SK. N 3059)].]

Попов С. С. Извлечения из отчетов Общества распространения Священного Писания в России за 1884 и 1885 годы. Иркутск, 1886. 41, 33 с. [Отт. : Иркут. епарх. ведомости. 1885. № 45–47, 50; 1886. № 50–52 (СК. № 1556)]. [Popov S. S. Izvlecheniya iz otchetov Obschestva rasprostraneniya Svyaschennogo Pisaniya v Rossii za 1884 i 1885 gody. Irkutsk, 1886. 41, 33 s. Ott. : Irkut. eparkh. vedomosti. 1885. N 45–47, 50; 1886. N 50–52 (SK. N 1556)].]

Попов С. С. Св. Иннокентий Иркутский // Рус. паломник. 1887а. № 25. С. 303–306; № 26. С. 316–320 ; № 27/28. С. 334–336. [Popov S. S. Sv. Innokentij Irkutskij // Rus. palomnik. 1887a. N 25. S. 303–306; N 26. S. 316–320 ; N 27/28. S. 334–336.]

Попов С. С. Старинные рукописи об освидетельствовании и открытии святых мощей преподобного Феодосия Тотемского чудотворца и о пожертвованиях Императора Павла I Спасо-Суморину Тотемскому монастырю, где сии мощи почивают. Иркутск, 1887. 29 с. [Отт. : Иркут. епарх. ведомости. 1887б. № 10–12 (СК. № 1747)]. [Popov S. S. Starinnnye rukopisi ob osvidetel'stvovanii i otkrytii svyatykh moschej prepodobnogo Feodosiya Totemskogo chudotvortsia i o pozhertvovaniyakh Imperatora Pavla I Spaso-Sumorinu Totemskomu monastyryu, gde sii moschi pochivayut. Irkutsk, 1887. 29 s. Ott. : Irkut. eparkh. vedomosti. 1887b. N 10–12 (SK. N 1747)].]

РГАДА. Ф. 183. [RGADA. F. 183.]

Харченко Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. — 1917 г.) : очерк истории. СПб., 2005. [Kharchenko L. N. Pravoslavnaya tserkov' v kul'turnom razvitii Sibiri (vtoraya polovina XIX v. — 1917 g.) : ocherk istorii. SPb., 2005.]

Чернышова Н. К. Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919). Новосибирск, 2009. [Chernyshova N. K. Pochitanie svyatitelya Innokentiya Irkutskogo v dukhovnoj kul'ture Rossii: knizhnaya i rukopisnaya traditsiya (1805–1919). Novosibirsk, 2009.]

Шиловский М. В. Купец, областник, секретный агент С. С. Попов (1830–1896) // Шиловский М. В. Судьбы, связанные с Сибирью : биограф. очерки. Новосибирск, 2007. С. 227–235. [Shilovskij M. V. Kupets, oblastnik, sekretnyj agent S. S. Popov (1830–1896) // Shilovskij M. V. Sud'by, svyazannye s Sibir'yu : biogr. ocherki. Novosibirsk, 2007. S. 227–235.]

Статья поступила в редакцию 01.02.2013 г.

УДК 94 (47) + 94(57)+ 94(5-191.2)

Р. Т. Ганиев

ХИВИНСКАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1-й половине XIX в.: АМБИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ*

Анализируется внешняя политика Российской империи в отношении Хивинского ханства, ключевого фактора центральноазиатской политики России в первой половине XIX в. Рассматриваются предпосылки англо-русского соперничества второй половины XIX в. («большая игра») в Центральной Азии, впервые проявившегося в хивинском вопросе. В качестве источников использованы материалы фонда канцелярии оренбургского военного губернатора Государственного архива Оренбургской области, многие из которых публикуются впервые.

Ключевые слова: Хивинское ханство; Центральная Азия; Российская империя; англо-русское соперничество.

Несчастный поход в Хиву в 1717 году князя Бековича-Черкасского, погибшего со всем своим отрядом, и почти столь же несчастная участь отряда генерал-адъютанта В. А. Перовского в 1839 году сделали Хиву как бы заколдованною и недоступною для русского оружия. В правящих сферах Петербурга явилось убеждение, что взять Хиву военной силою очень трудно и почти невозможно...

Н. В. Захарьин

Хивинское ханство, в силу удаленности и безводности окружающих его земель, долгое время стояло особняком в российско-центральноазиатских отношениях вплоть до 1873 г. К северу от современной Хивы находится Республика Каракалпакстан, являющаяся зоной экологического бедствия и безжизненных пустынь. Из Бухары до Хивы немногим более 500 километров, путь этот занимает около 8—9 часов езды на автомобиле по занесенному песками Кызылкума шоссе под палящим солнцем летом и обжигающим холодом зимой. Можно вообразить, каким сложным и непредсказуемым, в силу климатических особенностей региона, являлся путь от Оренбурга до Хивы в середине XIX в. Кроме того, следует добавить и беспокойную в то время военно-политическую обстановку в регионе.

Тем не менее с конца XVIII в. между Россией и Хивой наметился активный виток дипломатических обменов, посольства следовали одно за другим как со стороны России, так и из Хивы [см.: Гуломов].

20 апреля 1793 г. в Орск из хивинских владений прибыли вместе с пришедшим оттуда небольшим купеческим караваном хивинцы Искендер Аллабердиев и Рахимбай Достмуратов с четырьмя служителями. По приезде из Орска

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.A18.21.1993.

в Оренбург хивинцы объявили, что присланы они «Хивинской области от ханского в делах сопровителя Авязь-бека к главному пограничному начальству оренбургскому с листом». В «листе» этом Авязь-бек, извещая наместника уфимского генерал-поручика Неутлинга, что дядя его, Авязя, Мухаммед-Фазыл бий ослеп, просил для излечения его от слепоты прислать, во изъявление дружества, искусного лекаря, так как до слуха его, Авязя, дошло, что в России есть такие искусные лекаря, которые могут оказать помощь в подобном случае. Неутлинг довел об этом немедленно до сведения императрицы. В Петербурге были весьма рады случаю послать в Хиву умного и наблюдательного человека, который бы мог на месте собрать достоверные сведения об этой малоизвестной стране. Высочайшим повелением от 14 июля 1793 г. Неутлинг был уведомлен, что, снисходя на просьбу Авязь-бека, посылается в Хиву майор Бланкеннагель, «многими опытами доказавший искусство свое во врачевании глаз»; а вслед за тем, в начале августа, прибыл в Оренбург и сам Бланкеннагель [см.: Замечания майора Бланкеннагеля ..., с. 24].

Что же собой представляло Хивинское ханство к началу XIX в. и какие интересы преследовали Россия и Хива в выстраивании долгосрочных отношений друг с другом?

В начале XIX в. Средняя Азия слыла загадочным краем, о котором ходило много слухов и легенд. Достоверной информации было немного. Основными источниками о Хивинском ханстве к началу XIX в. являлись записки миссии Гладышева и Муравина 1740 г., поездки в Хиву майора Е. И. Бланкеннагеля от 1793 г., позже добавились наблюдения Н. Н. Муравьева 1819 г. Пользуясь этими данными, Россия и выстраивала дальнейшие стратегии взаимодействия с Хивой в первой половине XIX в.

По описанию Е. И. Бланкеннагеля, «хивинское владение границами своими имеет: с северной стороны Аральское озеро, с восточной — горы и песчаные степи, лежащие между Хивою и Бухариею, с южной — песчаные степи между Хивою и Трухменцами, а к западной — каменистую степь между Хивою и Мангислаком» [Там же, с. 9].

Главной в повестке взаимоотношений между Хивой и Россией вплоть до 1873 г., которая была озвучена еще Е. И. Бланкеннагелем в конце XVIII в., была проблема русских невольников. «Хивинские невольники суть российские и персидские подданные; российских обою пола число простирается до двух, а персидских более двадцати тысяч. Киргизцы пленных россиян продают на хивинских и бухарских базарах: мужчин — от 40 до 50, а женщин — от 50 до 100 червонных тамошних» [Там же, с. 12].

Интересные и ценные замечания Е. И. Бланкеннагеля касаются также торговых отношений между Хивой и Россией. «Хивинцы и Бухарцы ныне привозят в Оренбург и Астрахань ежегодно товаров, — когда избавятся на проезде своем от грабежей Киргизцев, — по цене на два миллиона или около того; а наших товаров вывозят меньше, нежели на один миллион. Сия несоразмерность привоза против вывоза товаров оттого происходит, что при нынешнем положении и образе жизни тамошних народов пребывают они в беспрестанной взаимной друг от друга опасности, а сия опасность запрещает им и

думать о товарах к удовольствию служащих; для чего они и не выменивают таковых товаров, а выменивают только такие, которые на необходимые потребности им нужны; но сих последних не более им надобно, как на миллион или меньше. Итак, на остающуюся сумму товаров выменивают они наличные золотые и серебрянные деньги во всякой монете; укрыть же от правительства вывоз их находят они великую удобность через надежных себе киргизцев, и сего рода бухарцы охотнее приезжают в Оренбург, нежели в Астрахань, ибо провезти тайно не так удобно на кораблях, как сухопутно. От таковой же несоразмерности привозимых к нам их товаров и произведений против вывозимых от нас происходит и унижение цен наших товаров. ...Зло сие умножается год от году к великому государственному убытку» [Замечания майора Бланкеннагеля ..., с. 18].

Русским купцам долгое время путь в Центральную Азию был закрыт по двум причинам. Во-первых, они имели статус «неверных» в глазах местного населения, а во-вторых, своими действиями они угрожали всей транзитной торговле азиатских купцов с Россией. «...Купцы тамошние, которые в Россию выезжают, очень недовольны, если к ним приезжают российские подданные для закупки их произведений и товаров; для отчуждения российских купцов от торговли в их земле причиняли им всевозможные притеснения. Пред сим торговали в Хиве и Бухарии из российских подданных: россияне, армяне и татары; ныне ездят туда одни только татары, которые, по согласию с тамошними купцами, старались и тех и других отдалить. Если хивинский купец захочет российского купца в большие ввести хлопоты, то подговаривает одного из наших татар, чтобы он объявил россиянина лазутчиком, и жизнь его тогда подвергается крайней опасности» [Там же, с. 18].

Уже в конце XVIII в. Бланкеннагель предвидел тщетность всех дипломатических усилий Российского государства и предлагал быстрое и действенное решение для защиты российских интересов в Хиве: «Но когда удобно будет нашим купцам с товарами своими самим ездить к ним, тогда последует все противное, и из малейших выгод наших будет то, что сей миллион рублей, вывозимый из России наличными деньгами, оставаться будет ежегодно в нашу прибыль; но до сего дойти посредством договоров был бы труд тщетный и невозможный; и нет к сему другого способа, как овладение Хивою» [Там же].

В торговле с Хивой и всей Средней Азией ситуация, описываемая автором, сохранилась без изменений вплоть до 1873 г. Ценность замечаний Е. И. Бланкеннагеля состояла именно в том, что он отметил главные пункты, требовавшие внимания со стороны российского правительства. Его наблюдения составили готовый план действий, но их реализация растянулась на долгие годы. Были и некоторые заблуждения, сыгравшие впоследствии роковую роль в зимнем походе 1839 г. Е. И. Бланкеннагель считал, что Хиву можно завоевать без особых трудностей. «...Нет нужды вооружать флота, посылать большие войска, употреблять великие издержки и проливать кровь; словом — овладение Хивою не будет стоить нам почти ничего, а сие ничего доставит России великие сокровища и, что лестнее, доставит народам тамошним безмятежность и спокойствие. Главнейшее затруднение в овладении Хивинскою областью состоит в том, чтобы туда

пробраться; но если надлежащие меры приняты будут, то проход туда делается весьма удобным. Я осмеливаюсь утвердительно сказать, что с пятью тысячами человек можно без затруднения взять все хивинские владения, хотя осбеки и прочие народы и стали в том препятствовать; но для безопасности и к лучшему всех тамошних стран в спокойствии и тишине удержанию можно бы туда переселить еще несколько тысяч казаков, а после того уже нечего будет опасаться» [Замечания майора Бланкеннагеля ..., с. 20].

В конце сочинения автор резюмировал свои идеи относительно Хивы:

Не исчисляя подробно всех величайших выгод от завладения Хивою, полагаю:

1) Что меньшая Киргизказацкая орда, между Оренбургом и Аральским озером находящаяся, могла бы быть совершенно покорна России.

2) Что приобретением Хивы и в теперешнем положении торговли, которое есть только тень того состояния, до какого она доведена быть может, — Россия выиграла бы ежегодно до миллиона рублей, которая сумма ныне наличными деньгами из государства выходят.

3) Что, по овладении Хивою, может установлен быть торг прямо с Индией.

4) Что приобретением Хивы были бы освобождены из плену несколько тысяч российских подданных [Там же, с. 21].

К середине XIX в. с переменным успехом была достигнута лишь цель, обозначенная четвертым пунктом: большая часть русских пленных была отпущена на свободу и возвращена в Россию, но запретить Хиве вновь захватывать в плен русских так и не удалось вплоть до 1873 г.

Спустя более 20 лет в Хиве побывал российский посланник Н. Н. Муравьев, написавший книгу о своем путешествии [см: Путешествие в Туркмению и Хиву...]. В ней он дополнил сведения своего предшественника, подробно описал схему торговых операций и проблемы, существующие в российско-хивинских отношениях, а также впервые уделил внимание нарастающему противостоянию России и Англии в Центральной Азии. Автор оценивал Хиву с точки зрения усиления влияния России в Центральной Азии — регионе, в котором, по его мнению, Хива играла ключевую роль.

Если же бы Хива была в наших руках (что весьма не трудно исполнить), тогда кочующие народы Средней Азии опасались бы нашей власти и торговые пути учредились бы через Инд, Амударью в Россию. Тогда бы все сокровища Средней и Южной Азии обратились бы в наше отечество и тем исполнилось бы славное предприятие Великого Петра; владея же в Хиве, зависели бы от нас и многие азиатские державы. ...Хива есть теперь передовой караул препятствующий торговле Бухарии и Северной Индии с Россией; будучи же под влиянием нашим, земля сия делается охранным караулом торговли сей от нападений кочевых народов, рассеянных в степях Средней Азии между державами, ищущими оной. Остров сей среди песчаного океана сделался бы средоточием всей азиатской торговли и поколебал бы сильное торговое преимущество властителей морей в самой Индии [Путешествие..., с. 102].

Хива была заинтересована лишь в транзитной (односторонней) торговле с Россией, так как свои товары она не производила, а на юге и востоке грани-

чила с Ираном и Бухарским эмиратом. Хивинцы являлись поставщиками восточных товаров для россиян, поэтому объемы, стоимость и правила этой торговли диктовали они. Допустить русских купцов на азиатский рынок означало бы конец транзитному владычеству хивинцев и всех среднеазиатских торговцев. К тому же правители Хивы, в силу своего менталитета, не оценивали торговые возможности с Россией с точки зрения долгосрочной перспективы. Они поступали с позиции сиюминутной выгоды, не соблюдая договоренности, достигнутые ранее в ходе дипломатических миссий.

Е. И. Бланкеннагель и Н. Н. Муравьев рассматривали Хивинское ханство как преграду для всей торговли России с Азией, а также ключевым фактором на транзитных путях из Европы в Азию. Идея достижения загадочной и богатой Индии отражена в обеих работах, поэтому непременно высказывалась мысль о завоевании «хивинского оазиса» Россией. В этом и была главная ошибка посланников и принимавшего к сведению эти данные российского правительства, рассматривавшего Хиву в качестве единственного верного направления для контроля над Азией. Долгое время этот постулат отвлекал Россию от реальной оценки всего региона и роли Хивы и других ханств в Центральной Азии до появления в регионе англичан.

Несмотря на активизацию обменов, отношения между Хивой и Россией складывались не самым лучшим образом. Дипломатическое влияние Российской империи, договоренности и клятвы между Хивой и Россией за четверть века не смогли улучшить отношения двух государств как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Хивинцы старались держаться на безопасной дистанции от России, но время от времени напоминали о себе. После визита Н. Н. Муравьева хан Муххамед-Рахим в декабре 1819 г. отправил письмо главнокомандующему на Кавказе о развитии торговых связей между Хивой и Россией, которое не соответствовало реальному положению вещей. «...Усердное письмо об обращении по дружбе и знакомству, присланное с Н. Н. Муравьевым, предстоящие при дворе нашем чиновники получили, и содержание оно стало известно. Что касается до писания твоего, чтобы основание дружбы было возобновлено и утверждено через продолжение между нами сношений и старанием обеих сторон, купцы имели бы открытые пути и спокойно пользовались бы торговлей, то по сему делу будь известен, что ныне караваны и купцы безопасно и спокойно ездят в сторону крепости Янгийской [Гурьев] и астраханского владения. А как йомудские и гокленские народы некоторые служат нам, а другие каджару, то когда по воле Божьей поступят и они под власть нашу, тогда может исполниться то, что угодно будет Богу... [Акты..., с. 710–711].

Но в препроводительной записке, приложенной к этому документу, а также в прошении йомудов генералу Вельяминову от 4 марта 1820 г. о принятии их в подданство России отмечается, что в своем письме хивинский хан «извещает, что он ни в какие особенно дружественные связи с русскими входить не желает» [ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 70].

Из письма явствует, что хан довольствовался существующим положением дел в торговле между Хивой и Россией и не задумывался о перспективах и увеличении оборотов этой торговли. Он старался не накалять конфронтацию

с Россией, но и проявлять дружественный настрой по отношению к северному соседу также не намеревался. Кроме того, Хива была в твердом убеждении не пускать на свой рынок русских купцов, которые тем самым могли нанести вред всей транзитной торговле Хивинского ханства, являвшейся основным источником дохода государства. Хан чувствовал свою безнаказанность и потому вел себя как полноправный владетель, не обращая внимания на предупредительный тон со стороны России, а любые снисхождения, на которые шли российские посланники, считались проявлением их слабости, а следовательно, слабости Российского государства.

В Оренбургском архиве (в фонде канцелярии оренбургского военного губернатора под 1819 г.) имеется дело «О враждебном отношении Хивинского хана к России». Автором донесения являлся султан Арунгази Габдул Газизов, шпионивший в пользу России, который писал: «Ширгазы Султан, выйдя из повиновения России и прервав дружбу с Бухарией, передался Хивинскому Мухаммед-рахим Хану, которой, наименовав его, Ширгазы Султана, над Киргизским Народом Ханом, приказал ему построить при Сыр-Дарье крепость и расположиться при оной. ...При сем Вашему Высокопревосходительству донести честь имею, что Ургенчский хан Мухамметрахим нашей Киргизкойсацкой орде чинит вред и разрушает спокойствие. Какими же средствами таковые его поступки отвратить и ордынцам нашим доставить спокойствие, предаю в рассмотрение Вашего Высокопревосходительства» [ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 6669, л. 1–22].

В период с 1819 по 1839 г. в отношениях Хивы и России кардинальных изменений не произошло, как явствует из письма В. А. Перовского хивинскому хану:

...Хива содержит пленников русских в большом количестве, а как войны между Россией и Хивою никогда объявлено не было, то и русских не должно бы находиться в плену. Но Хива промышляет себе пленников воровством и разбоями, сам владелец Хивы поощряет туркмен и кайсаков к увозу мирных жителей и промышленников наших и получает даже от преступной и постыдной добычи этой известную долю. ...Хиве не может быть не известно, что кайсаки эти уже со времен Абулхаир Хана, т. е. уже более ста лет, подданные русских государей, а следовательно, расправе хивинского правительства не подлежат... Ни один купец, ни путник наш не смеет показаться в Хиву, потому что, нарушая народные права, хивинцы встречают гостей своих ножом, ядом или кандалами невольника. Между тем хивинские купцы доселе свободно разъезжали по всему Российскому государству, пользовались покровительством законов — словом, торговали, меняли, приезжали и уезжали по воле своей без малейшего от нас притеснения [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4371, л. 59–61].

В. А. Перовский в своем письме назвал действия Хивы по отношению к России «безрассудною враждою», конец которой могут положить лишь действенные меры, в том числе и военная угроза. «...У России несравненно больше воинов под ружьем, чем жителей в целом ханстве Хивинском, неужели мы не в силах наказать преступные действия владельца Хивы?» [Там же].

Другой мерой, принятой русским правительством, явилось взятие в заложники всех хивинских купцов, находящихся в России, с наложением ареста на их

имущество. Выход из этой ситуации для Хивы предложен был следующий: «Если хотите еще вовремя опомниться, то вышлите немедленно всех русских пленников и дайте слово свое вести себя впредь мирно и дружелюбно, не поощряйте грабежей и разбоев, не мешайтесь в управление кайсацкого народа; дайте подданным императора всероссийского те же права у Вас, какие Он дает у себя Вашим, и старое будет забыто» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4371, л. 59–61].

Таким образом, Россия в очередной раз предприняла попытку договориться со своим восточным соседом, но уже с помощью экономических санкций.

Если же необдуманная самонадеянность и упорное недоброжелательство и теперь еще не уступят гласу благоразумия и справедливости, то пусть хивинцы пеняют на своего хана, а он не призывает своего бога на помощь, когда ему будет худо. Если ваша вера позволяет вам губить невинных, то наша вера разрешает нам наказывать преступных. ...Россия не нуждается в торговле с Хивой, но Хива без торговли с Россией обойтись не может. Хива не может быть без меди, железа, чугуна, юфти и других произведений природы и рук подданных российского государя; хивинцы хлопчатую бумагу свою не повезут ни в Бухару, ни в Персию, ни к туркменам; кроме России, сбыть ее некуда, поэтому у вас без нашей торговли не будет ни денег, ни товаров... [Там же].

Бухара, в отличие от Хивы, первой оценила перспективы долгосрочных отношений с Россией, поэтому способствовала их укреплению на фоне ухудшающихся соседних российско-хивинских. Бухарцы как истинные торговцы подходили к этому со всей строгостью и глубоким расчетом на еще большую выгоду в торговле. При этом им также было невыгодно наличие русских перекупщиков в Азии, но свою политику по противодействию этому Бухара всячески маскировала, чтобы не вызвать тем самым недовольство руководства Российской империи. В этом и проявлялась гибкость бухарских купцов.

В. А. Перовский после письма хивинскому хану изложил российско-хивинские проблемы в письме бухарскому эмиру, в котором, в частности, сообщал:

Между российским и бухарским правительством подпоры приязни и столпы взаимного расположения стоять будут по-прежнему твердо и неизменно. Бухарское правительство, без сомнения, никогда не подаст России повода к неудовольствиям. Я уверен также, что если бы в Бухарии нашлось несколько человек давнишних пленников русских или таких, которые бежали в Бухару из Хивы, то Ваше Высочество, без сомнения, повелите немедленно освободить и представить их в свое отечество. Ко всему этому имею удовольствие присовокупить приятное для Вашего благолепного державного Высочества известие, что посол Ваш, по моему ходатайству, удостоится быть представленным его Императорскому Величеству и что подданные Ваши, торговые бухарцы, имели счастье быть представленными государю императору при проезде его через Нижний; между тем как находившиеся там же хивинцы не удостоились этой чести [Там же, л. 70–71].

Постепенно недовольство Хивой росло в среде гражданской и военной элиты Российского государства по ряду экономических и политических соображений, и в 1839 г. было принято решение о снаряжении военного похода в Хиву.

По мнению Иванина, «поход этот имел целью внушить страх и уважение к имени русскому в отдаленных странах Азии, открыть нам свободный путь в Среднюю Азию, дать другой выгоднейший оборот нашей торговле, расширить ее, ознакомить нас с Аральским бассейном, унять дерзкую Хиву — этот Алжир Средней Азии, — подстрекавшую киргиз к неповиновению нам и побуждавшую их к уводу наших подданных в плен, не допускавшую на свои рынки наших купцов и даже не принимавшую к себе наших посольств; заставить Хиву возвратить всех наших пленных, томившихся там в неволе» [Иванин, с. 156].

Однако Хивинскому походу предшествовали дипломатические консультации между Англией и Россией о разграничении сфер влияния в Средней Азии. В письме (апрель 1840 г.) на имя В. А. Перовского сообщалось:

Вашему превосходительству известно, что англичане, и особенно Главное управление их в Ост-Индии, всегда с недоверчивостью смотрели на всякие наши действия и меры относительно Средней Азии. Таким образом, и хивинская экспедиция должна была обратить на себя внимание английского правительства, тем более что она предпринята была вслед за экспедицией их в Афганистан. Имея в виду уничтожить неосновательные опасения англичан насчет нашего предприятия, государю Императору угодно было лично объявить великобританскому послу настоящую цель отправления отряда против Хивы. Слова его величества послужили к совершенному успокоению английского правительства, которое убедилось и в бескорыстии наших видов, и в необходимости силою оружия укротить наглость хивинцев. Затем посланнику нашему в Лондоне значительно облегчены были дальнейшие объяснения с английским министерством по сему предмету. Объяснения сии постепенно доведены до весьма удовлетворительного доверия и откровенности. Лондонский кабинет, не имея ни малейших сомнений в истине уверений наших касательно цели хивинской экспедиции, не скрыл от нас, что она производит, весьма, вредное влияние на дела в Афганистане... [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5055, л. 1—6].

В письме сообщается о распространившихся в степи слухах, что русская армия идет в Афганистан, тем самым взбудоражив правящие круги Афганистана (Дост Мухаммед-хана) и Бухары (Батыр-хана), которые на фоне этих известий решили объединиться против английского ставленника на афганском престоле — Шуджа Уль Мулька. Англию этот поворот событий не устраивал, поэтому они попросили Россию уведомить бухарского эмира о своих планах, в которые не входят решение афганских проблем. Российский император дал свое согласие англичанам и решил доверить эту миссию В. А. Перовскому, но выполнить свое обещание так и не смог: отряд Перовского не дошел до Хивы.

Опасения англичан не были беспочвенными, так как предысторией этих событий явилось прибытие 18 апреля 1836 г. из Бухары в Орск афганца Гуссейн-Али, посланного кабульским владетелем Дост-Мухаммедом с грамотой к русскому царю, в которой он предлагал «утвердить между двумя державами стезю дружбы и единодушия» и просил защиты от своих недругов, поддерживаемых англичанами [см.: «Я удовлетворю совершенно...»].

Результатом этой просьбы было командирование в конце 1837 г. в Афганистан состоявшего при Перовском поручика Я. В. Виткевича. Однако успешные

переговоры Виткевича в Кабуле были прерваны под давлением правительства Великобритании. Не желая обострения русско-английских отношений, царское правительство отозвало Виткевича из Кабула и отказалось признать заключенный им договор с Афганистаном. Вскоре после этого Великобритания начала первую англо-афганскую войну, целью которой являлось свержение эмира Афганистана Дост Мухаммед-хана (конец 1838), а Российская империя начала подготовку к походу в Хиву (апрель — май 1839).

Таким образом, Россия и Англия разделили сферы влияния в условиях 1838 г.: Россия не вмешивалась в афганские события, а Англия закрывала глаза на захват Хивы русскими. Однако никто из сторон с задачами не справился, поэтому после 1840 г. для русских и 1841 г. для англичан дипломатическая активность в регионе уменьшилась, а условия взаимодействия в Средней Азии требовали новых договоренностей между двумя державами [см.: Данков, 2008, с. 29—58].

Примечательно, что в декабре 1840 г., т. е. во время похода В. А. Перовского, в России вышла книга о Хиве неизвестного автора (очевидно, в пропагандистских целях). Книга предназначалась для широкого круга читателей и объясняла необходимость и важность для России завладения Хивинским ханством, о существовании которого многие россияне даже и не подозревали.

...У нас и теперь найдется людей, даже образованных, читающих журналы, которым до сих пор еще неизвестно, что Россия объявила войну Хиве, что туда послана экспедиция, что эта экспедиция уже два месяца в дороге и теперь, вероятно, пришла к месту назначения; что в эту минуту, когда мы пишем нашу брошюру, может быть, Хива завоевана, освобождены многие тысячи наших несчастных соотечественников, страдавших долгое время в тяжком рабстве у варваров, что нами занята в Азии одна из важнейших для России, военных и торговых позиций. Некоторые, по всей вероятности, даже удивятся, почему мы приписываем такую важность этому событию. «Что такое Хива? Мы почти и не знаем о ней; едва помним из читанных нами географических книг, что это маленькое, ничтожное ханство, населенное небольшим числом каких-то полудиках бородачей, которые разбегутся при первом нашем пушечном выстреле. Трудно разве только добраться до них». Все это правда, господа, да дело в том, что Хива стоит на перекрестках путей во всю Азию; что прямо из ней дорога в Ост-Индию, влево — в Китай, вправо — в Персию; что караваны, идущие из всей Восточной и Южной Азии в Россию, должны проходить чрез Хиву или поблизости от нее, следственно, от этой местности решительно зависит участь всей нашей торговли с Азией, а торговлей этой шутить нельзя... Оно представляет превосходный и единственный передовой пост для наблюдения за всеми переворотами в Азии, за всеми движениями тамошних народов, наблюдения, особенно важного в настоящее время, когда в этой части света готовятся величайшие события; когда английская Ост-Индская компания, не довольствуясь ста тридцатью миллионами людей, покоренных ею в Индии, может распространить свое влияние и на всю Восточную Азию... [Хива ..., с. 4—17].

Таким образом, Хива представлялась традиционно диким, ничтожным варварским государством, как и все остальные государства на территории степной Евразии, с той лишь разницей, что являлась ключевым фактором в русско-английском противостоянии в Азии.

Поход В. А. Перовского начался 14 ноября 1839 г., длился 8 месяцев и закончился 8 июня 1840 г., так и не состоявшись, поскольку до Хивы его армия не дошла из-за непредвиденных обстоятельств: суровая зима, царившая в степи с ноября до апреля месяца, а кроме того, плохая подготовленность армии и излишняя уверенность в своих силах. Несмотря на военный провал миссии, в июне 1840 г. В. А. Перовский пишет краткий отчет в Санкт-Петербург, в котором рассказывает о неудаче, а также и о положительных итогах своей экспедиции. Одним из них явилось обнаружение фирмана (указа) хана Аллакули от 19 июля 1840 г., который, под страхом смертной казни запрещал подданным хивинским впредь навсегда грабить и полонить русских [см.: ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5068а, л. 249–250].

После провала экспедиции и невозможности доказательства военного превосходства русского оружия Российская империя применила по отношению к Хиве также экономические санкции, которые оказались очень чувствительными для хивинской экономики. Прекращение прямых торговых сношений с Россией заставило хивинцев прибегать к посредству бухарских и кокандских купцов для приобретения необходимых товаров. Таким образом, все товары из России доставались хивинцам почти по удвоенной цене, а хивинские подешевели почти вдвое.

Через месяц караван с русскими пленными из Хивы в числе 416 человек прибыл в Н. Александровское укрепление, откуда морем был отправлен в городок Гурьев, а оттуда пленные были препровождены в Оренбург. На пленных были заведены дела и заполнены анкеты, сохранившиеся в Оренбургском архиве по сей день [см.: ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5241, л. 27–48].

После 1839 г. Англия, опасаясь за свои колонии в Индии, проявила еще больший интерес к среднеазиатским делам, несмотря на все заверения русского правительства о незаинтересованности в английских колониях. В день возвращения экспедиции В. А. Перовского в Оренбург в Хиву пожаловали английские агенты Аббот и Шекспир [Narrative of a journey...]. О причинах появления английских шпионов в Хиве в письме В. А. Перовскому сообщается:

Ост-Индское правительство не может равнодушно взирать на экспедицию нашу, которая более или менее должна иметь отголосок в дальнейших азиатских странах, а в особенности в Афганистане, где установленный англичанами с столь значительными жертвованиями порядок вещей еще не совсем упрочен. Сим то самые уважения побудившим пребывающего в Герат английского агента майора Тодта по первому ходатайству хивинского хана о присылке к нему английского офицера решиться на немедленное отправление туда капитана Аббота с целью употребить всевозможные меры к предупреждению нашей экспедиции. Лишь только получено было о том известие в Лондоне: в последних числах марта, министерство Великобритании не замедлило объявить о том нашему посланнику с присовокуплением уверений, что капитану Абботу поручено единственно стараться склонить хана хивинского, чтобы он поспешил исполнить все требования нашего правительства возвратить томлящихся в неволе российских подданных и не позволял бы хивинцам грабить караваны; но что офицер сей отнюдь не имеет поручения содействовать хивинцам в обороне против нашего отряда. Несмотря на все сии уверения, мы не могли отнюдь

согласиться на вмешательство английского агента в дела наши с Хивою, и хотя в то время получено уже было известие о непреодолимых препятствиях, побудивших отряд наш к возвращению, не менее того, с высочайшего соизволения предписано было посланнику нашему в Лондоне настоятельно требовать помянутого офицера из Хивы [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5068].

Таким образом, основная борьба за Хиву после 1839 г. развернулась на дипломатическом поле. В 1839 г. Россия не смогла воспользоваться своим шансом легко и быстро захватить Хивинское ханство. Теперь же Англия готова была на все, лишь бы не допустить сценария 1839 г., но с положительным исходом, поэтому английская дипломатия всеми силами долгие годы отдаляла эту цель российской внешней политики [см.: Данков, 2007, с. 87 – 91].

Следует отметить, что все дальнейшие миссии и дипломатические посольства, отправляемые в Хиву после 1839 г., формировались в условиях противодействия англичан в регионе, и в том числе в Хиве. Одновременно с набором уже привычных инструкций все отправляемые Российской империей в Среднюю Азию лица имели секретные поручения на предмет изучения и наблюдения за английскими агентами и вообще английской политикой в регионе.

Англия впервые оценила потенциал и значение всего Центрально-Азиатского региона. Примерно в это время появляется англоязычная литература о важности региона, его транзитных, торговых и геополитических возможностях. Именно в 1839 г. возникает название «Центральная Азия», авторство которого принадлежит английскому дипломату Д. Уркварту. В своем труде автор специально не останавливается на определении Центральной Азии и не дает какого-либо объяснения своей позиции, но на одной из страниц мы находим примерные географические очертания региона, охватывающего территорию от Каспийского моря до Амударьи и Инда [см.: Urquhart, p. 66].

Излишней активизацией действий и проявляемым интересом к региону Англия подталкивала российское правительство к принятию решительных мер по отношению к Хиве и всей Центральной Азии. Таким образом, поход 1839 г. В. А. Перовского послужил своеобразным катализатором для перемещения региональной среднеазиатской повестки на международный уровень. Дальнейшее стремительное и, как считалось, легкое, без особых затрат продвижение России в Хивинское ханство с этих пор стало практически невозможным по причине появления в регионе новых, более грозных соперников в лице английского правительства. Недооценка русским правительством и всеми предыдущими экспедициями хивинского противника обошлась Российской империи в 1839 г. слишком дорого. После 1839 г. необходимо было начинать практически с чистого листа, но уже в более сложных, непредсказуемых международных условиях. Центральная Азия с этого времени стала органичной частью мировой политики, шахматной доской для двух европейских держав, где любой просчет имел самые тяжелые последствия, поэтому никто из участников долгое время не пытался форсировать и повторять события 1839 г. Россия перешла на осторожное дипломатическое взаимодействие по среднеазиатским вопросам, в том числе и хивинскому, на полях Европы.

В ответ на появление английских агентов Аббота и Шекспира в Хиве, а также для окончательного заключения мирных условий с Хивой Россия потребовала принятия посольства, на что хивинский хан изъявил согласие.

Примечательно, что пойти на мировую и выполнить все требования России советовали хану прибывшие из Герата в Хиву англичане Аббот и Шекспир. Безусловно, англичане отстаивали исключительно свои интересы, поскольку не желали нового похода со стороны российского правительства и окончательного покорения Хивы русскими.

Для переговоров с хивинским ханом русское правительство в августе 1841 г. отправило миссию капитана Никифорова, которая не имела в Хиве никакого успеха отчасти из-за дерзкого обхождения Никифорова с министрами хана, поэтому министры, хотя и приняли предложенные им подарки и вели разговоры с Никифоровым, ни в какие письменные обязательства не пожелали вступить, поэтому он вынужден был уехать из Хивы почти ни с чем [см.: Сборник материалов...]. Впрочем, единственным результатом этой миссии было отправление из Хивы вместе с Никифоровым особого посольства под начальством сановника Вансвая Набиева со свитой в 16 человек [см.: Захарьин, с. 431].

Так как посол Набиев заявил все-таки, что Хива была бы не прочь заключить желаемый Россией формальный договор, то в Министерстве иностранных дел решено было снарядить в Хиву особое посольство с подробными полномочиями для заключения с хивинскими правителями торгового и мирного трактата. Во главе посольства в Хиву был поставлен по рекомендации генерала В. А. Перовского полковник Данилевский. Миссия была отправлена из Оренбурга 1 августа 1842 г. [см.: Посольство в Хиву...]. Отправляя полковника Данилевского в Хиву, правительство поручило ему укрепить нравственное влияние на хивинцев и ослабить влияние Хивы на Киргизскую степь; кроме того, на Данилевского возлагалась обязанность точнее определить южную границу с Хивою (по реке Сырдарье), а также по северному берегу Арала и северному же склону Усть-Урта. В гласной инструкции, данной полковнику Данилевскому, предлагалось также выхлопотать у хана Алла-Кула право держать в Хиве постоянного русского агента и добиться у хивинцев освобождения из плена персидских невольников, число которых доходило в то время до 1500 человек, а главное, составить формальный торговый договор с Хивою, ограждающий русские купеческие караваны от нападений туркмен и предоставляющий русским купцам право свободно торговать по всей Хиве. На Данилевского было возложено и еще одно секретное поручение, выраженное ему словесно в самый день выезда его из Оренбурга: ему поручалось сделать военно-топографическую съемку не только того пути в Хиву, по которому он пойдет, но в возможной мере и самой Хивы и окружающих ее городов и оазисов; для этого в свиту Данилевского были даны топографы — два брата Зеленины [см.: Там же].

Однако пребывание миссии в Хиве совпало со сменой власти, поэтому переговоры Данилевского долгое время не могли увенчаться успехом. Лишь в декабре 1842 г., после угроз в адрес ханских министров от имени российского правительства, Данилевскому была назначена аудиенция у хана.

К 25 декабря 1842 г. акт соглашения с Хивой был окончательно изготовлен. В нем был выговорен беспрепятственный проход в Хиву и обратно русских купеческих караванов, правительство Хивы обязывалось ограждать эти караваны от разбойничьих нападений туркмен-йомудов и хивинских киргизов, а также воспрещать номадам нападать на рыбные промыслы на Каспийском море и забирать рабочих в плен; русским купцам предоставлялось право открытой торговли не в одном лишь городе Хиве, но и в Куня-Ургенчи, Ханки, Хазараспе и др.; равно и хивинские купцы могли беспрепятственно и беспошлинно торговать в наших пределах, а на меновом дворе Оренбурга и в караван-сараях для них отводились особые места и помещения.

Посылая в Хиву своих поверенных, русское купечество узнало лучше потребности хивинцев и местные особенности торговли. Составилось товарищество под названием Хивинской компании, с основанием которого торговля с Хивой сделалась более прибыльной, велась со знанием дела, с изучением потребностей обоих народов, и не с одной Хивой, но вообще с Бухарой и Кокандом, куда по примеру Хивы стало также допускаться русское купечество [см.: Иванов, с. 159].

В том же договоре были ясно и точно обозначены взаимные границы с Хивой — по Сырдарье и Усть-Урту. При составлении окончательной редакции договора полковник Данилевский пытался еще раз склонить министров Хивы на согласие допустить пребывание в их столице если не политического, то хотя бы только торгового агента России, но, несмотря на все настояния и сделанные подарки, этого не удалось добиться.

В целом, миссия Данилевского прекрасно справилась с задачами, возложенными на нее, и благополучно вернулась в Оренбург в феврале 1843 г. Несмотря на это, уже в последующие годы (1844 и 1845) хивинское правительство не постеснялось нарушить только что заключенный им договор, сведя все старания миссии на нет: оно стало явно покровительствовать известному мятежнику, русскому киргизу Кениссаре, и разбойнику Кутебарову, скрывавшимся в пограничных хивинских владениях. По-прежнему продолжался грабеж русских купеческих караванов. Наконец, в 1858 г. хивинские правители прямо объявили полковнику Н. П. Игнатьеву, что содержания акта, заключенного ими в 1842 г. с полковником Данилевским, не помнят и даже не нашли его в своих канцеляриях.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. российско-хивинские отношения оставались актуальной и нерешенной внешнеполитической задачей для Российской империи. Единственный военный поход не оправдал надежд, а дипломатические усилия, предпринимаемые Россией, не принесли ожидаемых результатов. После миссии 1842 г. отношения с Хивой не изменились, и старые проблемы, копившиеся еще со времен поездки майора Е. И. Бланкеннагеля, все больше и больше раздражали русское правительство. Хивинский хан по-прежнему не считался с Россией и вел себя надменно по отношению к ней. Торговые интересы России на рынках Хивы не соблюдались; кроме того, возобновились и участились случаи захвата в плен русских подданных.

О сложностях русской торговли на рынках Хивы и Бухары спустя 16 лет после успеха в переговорном деле миссии Данилевского участник миссии в Хиву 1858 г. М. Н. Галкин сообщал:

Торговля России с владениями Средней Азии находится с некоторого времени в положении совершенно для нас невыгодном: среднеазиатские торговцы почти исключительно овладели как закупкою русских товаров на месте производства и распродажею их в Азии, так закупкою на месте среднеазиатских произведений и распродажею их в России. От этого происходят для нас две невыгоды: во-первых, все купеческие барыши от производства торговли достаются на долю одним среднеазиатским купцам; во-вторых, русские товары обходятся среднеазиатским потребителям по самым низким ценам, тогда как русские потребители приобретают их относительно дорого...

Многие из русских торговцев... выжиты были туземцами со среднеазиатских рынков и больше туда не показываются. Этому были две причины: во-первых, покровительство, оказываемое в России среднеазиатским торговцам; во-вторых, стеснения, коим русские торговцы из христиан подвергаются в Средней Азии от тамошних правительств, и неудобства, терпимые ими там вследствие фанатизма обитателей и происков туземных купцов...

По изложенным обстоятельствам, с 1852 г. русские торговцы-христиане не ездят более в Среднюю Азию и совершенно прекратили торговлю с нею, или ведут ее через комиссионеров-магометан, казанских татар и киргизов Зауральской орды. ...

К изменению такого невыгодного и, можно даже сказать, унижительного для нас положения дел представляются два средства: одно — требовать и настоять, чтобы в Среднеазиатских владениях с русских торговцев-христиан пошлина товарная взималась в таком же размере, как с магометан... другое — привести в исполнение воспрещение среднеазиатцам торговать внутри России и ограничить действия их или меновыми дворами означенных линий, или городами, в состав этих линий входящими, каковы Гурьев, Уральск, Оренбург, Орск, Верхнеуральск, Троицк, Петропавловск...

«Но, — могут возразить на все изложенные соображения, — что станем мы делать, если на требования и угрозы наши среднеазиатские владельцы ответят прекращением всяких с нами торговых сношений?»... Не может этого случиться, потому что не допустят до того свои правительства под угрозой восстания сами среднеазиатские торговцы, превосходно понимающие, что не Россия нуждается в торговле со Средней Азией, а Средняя Азия в торговле с Россией; что для нас временное прекращение этой торговли будет почти не чувствительно, тогда как их разорит оно в конец. Главные статьи привоза к нам из Средней Азии суть хлопок, бумажные изделия и мерлушка. Второе место... занимают в привозе сухие фрукты и марена. Первые такого дурного качества, что не стоят даже издержек доставки... и потребляются единственно низшим классом народонаселения в Оренбургском и соседнем Сибирском краю... Все означенные товары среднеазиатцы не смогут сбывать с выгодой никуда, кроме России: ни в Персию, ни в Афганистан, ни в Индию, ни в Китайский Туркестан... Наоборот, от нас... вывозят преимущественно такого рода товары, которых по ценам, за какие эти товары приобретаются в России, не могут они получить ниоткуда в мире (железо, медь, чугун). ...Сверх сего, сбытом нам хлопка своего и фруктов приобретают они и наличные деньги, на которые покупают потом от персиян и афганцев то немного, что пригодно им из произведений британской

промышленности. Последнее обстоятельство невыгодно для нас в особенности... Вследствие чего в прилинейных городах Оренбургского края ощущается крайний недостаток (в наличности), с большим оттого затруднениями для всех внутренних оборотов. ...И зачем же терпим мы эти затруднения?.. Таким образом, уменьшить означенные пошлины (с русских купцов-христиан) или ограничить права среднеазиатских торговцев требуют и честь и выгоды России [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7359, л. 60–64].

Таким образом, Россия уступала в предприимчивости среднеазиатским купцам, а неоднократные мирные инициативы не оказали никакого воздействия на Хиву.

По мнению того же М. Н. Галкина, ситуация немного изменилась лишь после 1853 г., когда В. А. Перовский штурмом захватил Ак-Мечеть. «В последнее время, с занятия нами Ак-Мечети, Хива, видимо, стала опасаться открытой противу русских вражды. Так, на все приглашения Кокана действовать заодно против нас отвечала она уклончиво и всю в этом случае помощь свою ограничила посылкою 9 верблюдов со свинцом и порохом» [ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7359, л. 2–7].

Однако это не означало, что Хива смирилась со своим положением, поскольку все мероприятия, нацеленные против России, с тех пор хивинцы старались проводить тайно. Хива по-прежнему продолжала посылать в казахские степи своих лазутчиков и сборщиков закята, приветствовало мятежные замыслы И. Кутебарова и других казахских мятежников, поддерживаемая Турцией, где побывали ее посланники в 1853 — 1854 гг.

Интересно, что М. Н. Галкин, анализируя все предыдущие результаты переговоров между Россией и Хивой, уже не верит в их незыблемость и настаивает на более активных действиях и давлении на руководство азиатских государств как с помощью экономических санкций, так и военным путем для защиты интересов России. Майор Е. И. Бланкеннагель еще в далеком 1793 г. высказывал свои опасения об этом свойстве хивинских ханов: «При сем должен я заметить, что хивинцам нельзя ни в чем верить. Вероломства у них обыкновенны, в рассуждении же христиан почитают то и за богоугодное еще дело. А как притом ежедневно должно у них опасаться внутренних беспокойств, то во время оных все приходит в такое замешательство, что нельзя и думать о сдержании учиненных ими обязательств и договоров» [Замечания майора Бланкеннагеля, с. 6].

В связи с этим взятие Ак-Мечети в 1853 г. явилось первым шагом в реализации этой долгосрочной программы, закончившейся в 1873 г. подчинением Хивинского ханства, но уже не только по маршруту 1717 и 1839 гг. (через плато Устюрт), который ранее виделся, как единственно верный путь для нападения, а главным образом обходным путем — через Ташкент и Бухару, потребовавшим от России гораздо большего напряжения сил, времени и средств. В 1840 г. русское правительство ошибочно полагало, что Хива «представляет превосходный и единственный передовой пост для наблюдения за всеми переворотами в Азии» [Хива ..., с. 16]. Несколько лет спустя В. А. Перовский (1853) и М. Г. Черняев (1864) доказали своими действиями, что Кокандское ханство и Бухарский эмират также являются выгодным плацдармом для укрепления

российского влияния в Средней Азии. После их завоевания участь непокорной Хивы была решена, а ее захват являлся лишь вопросом времени для Российской империи.

Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 4, ч. 2. Тифлис, 1875. С. 710–711. [Akty Kavkazskoj arkheograficheskoy komissii. T. 4, ch. 2. Tiflis, 1875. S. 710–711.]

ГАОО. Ф. 6. [GAOO. F. 6.]

Гуломов Х. Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. Ташкент. 2005. 499 с. [Gulomov Kh. G. Diplomaticheskie otnosheniya gosudarstv Sredney Azii s Rossiej v XVIII – pervoj polovine XIX veka. Tashkent. 2005. 499 s.]

Данков А. Британская историография второй половины XIX века об англо-русских противоречиях в Центральной Азии // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2007. № 300 (1). С. 87–91. [Dankov A. Britanskaya istoriografiya vtoroj poloviny XIX veka ob anglo-russkikh protivorechiyakh v Tsentral'noj Azii // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. 2007. N 300 (1). S. 87–91.]

Данков А. Формирование основных концепций британской политики в Азии (первая половина XIX века) // Государства Дальнего Востока: история, политика, культура : сб. ст. Вып. 8. Новосибирск, 2008. С. 29–58. [Dankov A. Formirovanie osnovnykh kontseptsij britanskoj politiki v Azii (pervaya polovina XIX veka) // Gosudarstva Dal'nego Vostoka: istoriya, politika, kul'tura : sb. st. Вып. 8. Novosibirsk, 2008. S. 29–58.]

Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793/94 годах. СПб., 1858. С. 24. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1780-1800/Blankennagel/frametext.htm> (дата обращения: 12.03.2013). [Zamechaniya majora Blankennagelya, vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793/94 godakh. SPb., 1858. S. 24. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1780-1800/Blankennagel/frametext.htm> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Захарьин И. В. Посольство в Хиву в 1842 году // Исторический вестник, 1894. № 11. С. 428. // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Zacharjin/text1.htm> (дата обращения: 12.03.2013). [Zakhar'in I. V. Posol'stvo v Khivu v 1842 godu // Istoricheskij vestnik, 1894. N 11. S. 428. // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Zacharjin/text1.htm> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. [Электронный ресурс]. СПб., 1874. С. 156. URL: <http://kungrad.com/history/pohod/iv/7/> (дата обращения: 12.03.2013). [Ivanin M. Opisanie zimnego pokhoda v Khivu 1839–1840 gg. [Elektronnyj resurs]. SPb., 1874. S. 156. URL: <http://kungrad.com/history/pohod/iv/7/> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник. 1866. № 5. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Danilevskij/text1.htm> (дата обращения: 12.03.2013). [Posol'stvo v Khivu podpolkovnika Danilevskogo v 1842 g. // Voennyj sbornik. 1866. N 5. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Danilevskij/text1.htm> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров [Электронный ресурс]/ М., 1822. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Muraviev/pred.htm> (дата обращения: 12.03.2013). [Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardejskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Elektronnyj resurs]/ M., 1822. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Muraviev/pred.htm> (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края [Электронный ресурс]. Т. 3. Ташкент, 1912. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Serebrennikov_III/index.htm (дата обращения: 12.03.2013). [Sbornik materialov dlya istorii zavoevaniya Turkestanskogo kraja [Elektronnyj resurs]. T. 3. Tashkent, 1912. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Serebrennikov_III/index.htm (data obrascheniya: 12.03.2013).]

www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1840-1860/Serebrennikov_III/index.htm (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. 361 с. [Terent'ev M. A. Rossiya i Angliya v Srednej Azii. SPb., 1875. 361 s.]

Хива, или Географическое и статистическое описание Хивинского ханства, состоящего теперь в войне с Россией. М., 1840. 84 с. [Khiva, ili Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Khivinskogo khanstva, sostoyaschego teper' v vojne s Rossiej. M., 1840. 84 s.]

ЦГИА ГрузССР. Ф. 2. Оп. 1. [TSGIA GruzSSR. F. 2. Op. 1.]

«Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...» [Электронный ресурс] : письма И. В. Виткевича к В. И. Далю // Гостиный двор. 2005. № 16. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Vitkevich/briefe_dal.htm (дата обращения: 12.03.2013). [«Ya udovletvorju sovershenno moyu strast' k priklucheniyam...» [Elektronnyj resurs] : pis'ma I. V. Vitkevicha k V. I. Dalju // Gostinyj dvor. 2005. N 16. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Vitkevich/briefe_dal.htm (data obrascheniya: 12.03.2013).]

Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva, with some account of the court of Khiva and the kingdom of Khaurism. L., 1843. 401 p.

Urquhart D. Diplomatic transactions in Central Asia, from 1834 to 1839. L., 1841. 240 p.

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2012 г.

УДК 94(47 + 57):2 + 94(575.1)

А. Эркинов

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТУРКЕСТАНЕ: «ОЧЕРК О ХУТБЕ ЗА РУССКОГО ЦАРЯ» Н. П. ОСТРОУМОВА*

Написанный Н. П. Остроумовым в 1930 г. очерк сегодня хранится в ЦГА РУз. (Ташкент) и является малодоступным для большинства российских исследователей. В своей работе Н. П. Остроумов описал историю применения молитвы, предназначавшейся для чтения в ташкентских мечетях и в русско-туземных школах Туркестана, в которой восхвалялся российский император, а также проанализировал проблему отношения к ней мусульман. Очерк Н. П. Остроумова занимает важное место в проблеме изучения ислама в Туркестане и позволяет раскрыть способы российского влияния на ислам и мусульманское общество в данном регионе.

Ключевые слова: молитва; хутба; ислам; российский император; Туркестан; религиозная политика России в Средней Азии.

В фонде русского краеведа-историка Н. П. Остроумова в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз) хранится текст «хутбы» на староузбекском языке, написанный им на имя русского царя Александра III

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.1993.

(1881—1894) на бумажном листе размером 180 × 275 мм и приклеенный на деревянную доску размером 195 × 290 мм. В верхней части доска имеет округлую петлю, предназначенную, видимо, для подвешивания на стене [ЦГА РУз, ф. И-1009, оп. 1, д. 34, л. 19]. Этот текст до сих пор не привлекал внимание исследователей. В связи с этим мы проверили весь архив Н. П. Остроумова (194 дела). В одном из дел фонда под названием «Молитва за русского царя в Туркестане» был обнаружен автограф Н. П. Остроумова «Очерк о хутбе за русского царя», в котором автор описал историю чтения, перевода на сартовский (староузбекский) язык и особенности названной хутбы [см.: Там же, д. 88, л. 1—9].

Как известно, хутба — это своеобразная проповедь со здравицей в честь правителя во время пятничных и праздничных молитв. В ней имам-хатиб приветствует собравшихся, воздает хвалу Аллаху, испрашивает благословение пророка Мухаммада, читает отрывок из Корана, молится за верующих и наставляет их в благочестии [см.: Халидов, с. 285]. Иногда она читается в специальных случаях: в целях предотвращения природных катаклизмов (засуха, голод), победы над врагом [см.: Бартольд; Wensinck]. Существуют хутбы различного направления [Hutbe, p. 617—620].

Но важное политическое значение хутба обрела благодаря одному ее свойству: в молитве за верующих полагалось упомянуть имя здравствующего халифа, позднее правителя государства. Во второй половине IX в. отдельные правители добились упоминания своего имени после имени халифа. С тех пор упоминание в хутбе стало одним из основных внешних признаков независимости правителя. Исходя из этого каждый правитель после восшествия на престол старался через хутбу закрепить законную основу своей власти, таким путем поддерживая свой авторитет [см.: Khalid, p. 34]. Кроме этого, он обращал внимание и на сикка (чекан монеты с именем главы государства), так как оба этих компонента являлись инструментами, главными атрибутами легитимности власти главы государства.

Из истории появления хутбы за русского царя в Туркестанском крае известно, что она впервые прозвучала 29 июля 1888 г. во время торжественного богослужения по случаю открытия отремонтированной на пожертвованные царем средства мечети «Ходжа Ахрар» в Ташкенте. За образец была взята молитва за царя из казанского издания книги «Хутбалык» на татарском языке. Имамы сочли возможным произнести молитву в знак благодарности императору за его внимание к нуждам исламской религии. Но туркестанский генерал-губернатор Розенбах неверно истолковал их разовое отступление от догматов веры и распорядился распространить полезный опыт на все ташкентские мечети. Это не имело никакого успеха. Правительство полагало, что мусульманские священники Туркестана без особого сопротивления усвоят практику, давно уже признанную муфтиатским духовенством в России. Однако оно просчиталось. Начальник Ташкента полковник Путинцев, объехав через некоторое время мечети города, докладывал военному губернатору Сырдарьинской области Гродекову, что городское мусульманское духовенство «не придает этой молитве подобающего ей значения и не произносит ее» [Литвинов, с. 72]. Осознав беспочвенность своих притязаний, туркестанская администрация на время отступила,

надеясь на какие-то сроки привыкания исламского духовенства к новым для них общегосударственным установлениям. В 1891 г. преемник Розенбаха барон А. Вревский решил повторить опыты своего предшественника и разослал циркуляр с требованием обеспечить произнесение молитвы за царя во всех мечетях Туркестанского края.

Н. П. Остроумов пишет об этом: «Господин Главный начальник края (барон Александр Борисович Вревский) изволили признать необходимым, чтобы в мусульманских мечетях Туркестанского края, в высокотожественные дни: восшествия на престол Его Императорского Величества, в дни рождений Их Императорских Величеств и Государя Наследника, а также в день Нового года по мусульманскому летоисчислению, прихожанами возносились молитвы о здравии и долгоденствии Их Императорских Величеств и Государя Наследника — Цесаревича» [ЦГА РУз, ф. И-1009, оп. 1, д. 88, л. 2].

Однако вскоре выяснилось, что царская молитва практически нигде не произносится. Отвечая на соответствующий запрос Вревского, областные губернаторы, понимавшие призрачность надежд главного начальника края, не решились, однако, объясниться открыто, а сослались на отсутствие единого текста молитвы. Вревский, судя по документам, был человеком весьма поверхностным и легкомысленным, поэтому поверил таким объяснениям и попросил главного инспектора училищ Туркестанского края Ф. Керенского¹ подготовить единообразный текст молитвы за царя для произнесения таковой не только в мечетях, но и в мусульманских религиозных учебных заведениях — мектебах и медресе. Бывший директор Симбирской мужской гимназии охотно откликнулся на просьбу генерал-губернатора и написал текст молитвы за царя, главсивший:

Боже мой! Помоги, окажи милость Его Величеству Государю нашему... с супругой... наследнику... . Аминь! Боже мой! Сделай царя ко всем подданным милостивым и дай царствовать ему над нами постоянно. Аминь. Боже мой! Сохрани царя и супругу его и... . Боже мой! Продли жизнь царя и дай роду его вечно царствовать над нами! Боже мой! Да будут дни их рождения священными для нас. Аминь. Боже мой! Сохрани также его знатных министров... Аминь. Боже мой! Да действуют выборные его по его повелению. Аминь. Боже мой! Да просвещаются под его разумным правлением большие и малые, мужчины и женщины. Аминь [цит. по: Литвинов, с. 73].

Текст молитвы за царя, сочиненный Главным инспектором училищ края действительным статским советником Ф. Керенским, был утвержден на специально созванном съезде туземных народных судей — казиев и биев. В мае 1892 г. молитва была переведена на местные наречия и отпечатана в типографии в количестве 1500 экземпляров. Они были разосланы по всем уездам Туркестанского края для вручения имамам мечетей, мактабдарам и мударрисам. В случае

¹ Ф. М. Керенский (1849–1912) — действительный статский советник, в 1889 — 1910 гг. был главным инспектором училищ Туркестанского края, известный общественный деятель, отец известного политического деятеля А. Ф. Керенского (1881–1970)

нехватки отпечатанного материала предполагалось переписывать текст молитвы от руки. Однако новый опыт оказался почти безрезультатным. Молитва за царя вынужденно произносилась только в мусульманских учебных заведениях благодаря настойчивости инспектора туземных училищ В. Наливкина, однако далеко не во всех. В мечетях имама произносили молитву лишь по торжественным дням и в присутствии представителей администрации [см.: Там же, с. 74].

В отличие от хутбы Ф. М. Керенского, хутба Н. П. Остроумова не изучена. Автор очерка Николай Петрович Остроумов — педагог, окончил Казанскую духовную академию по противомусульманскому отделению (1866—1870). В 1877 г. он переехал в Ташкент, но здесь миссионерством не занимался, ибо царские власти решили не вести в Туркестанском крае миссионерской деятельности. В качестве краеведа Н. П. Остроумов изучал многие стороны мусульманской жизни [см.: Список печатных трудов ...; Историография ..., с. 259—271]. Он опубликовал ряд трудов по исламу и культуре тюркских народов, в частности узбеков [см.: Остроумов, 1876; 1877; 1883; 1900; 1896; 1910; 1914; 1911; 1899; 1917]. Он не забывал и свою бывшую профессию: в 1885—1886 гг. издал свой перевод Евангелия на староузбекском языке [Историография..., с. 261]. Тогда же он пишет полемическую работу, в которой критикует Коран («Коран и прогресс» [Остроумов, 1901]). Работал учителем, затем директором Туркестанской учительской семинарии одновременно, в 1883—1917 гг., был редактором официальной газеты на староузбекском языке «Туркистан вилайатининг газити» (1870—1917). Газета вначале издавалась в качестве приложения («Иловалар») к «Туркестанским ведомостям» (1870—1917) — официальному изданию царской администрации в Туркестане. С 1883 г. она стала издаваться как самостоятельная газета — «Туркистан вилайатининг газити». Он хорошо знал местные языки и обычаи, поэтому пользовался большим уважением среди местного населения [см.: Эркинов, 2008, с. 55—59]. Одновременно он являлся вице-председателем Туркестанского кружка любителей археологии (1895—1917) [см.: Лунин]. Н. П. Остроумов — фигура сложная и противоречивая. Он был краеведом, а не ученым академического склада. Знаменитый востоковед И. Ю. Крачковский (1883—1951) оценил его как «крупного ученого местного края», а В. В. Бартольд (1869—1930 гг.) назвал «патриархом туркестановедения» [Историография..., с. 260—261].

Н. П. Остроумов провел собственные исследования данного вопроса и собрал в виде очерка прижизненные наблюдения. Он знал нормы ислама, хорошо изучил менталитет местного населения и даже публиковал стихотворения, посвященные русскому государю, составленные местным населением [см.: Остроумов, 1896, с. 119—127].

Н. П. Остроумов имел собственные взгляды по этому вопросу, изучил источники и историю создания молитвы за русского государя в Туркестане. Он писал: «Настоящий очерк составлен в 1930 году на основании записей в моем дневнике и нескольких изданий и статей, написанных в XX столетии» (ЦГА РУз, ф. И-1009, оп. 1, д. 88, л. 1а). Предлагая обзор истории вопроса, он привел некоторые факты об аналогичных хутбах и молитвах в честь правителей со сто-

роны представителей других религий. Например, представители тибетского религиозного учения молились за Чингисхана по его же указу от 1223 г. За чингизидских ханов молились христиане на Руси [см.: Там же, л. 9 а].

Н. П. Остроумов хорошо понимал, что представленный в администрацию текст хутбы Ф. М. Керенского не соответствует ни менталитету местных верующих, ни тем более тому политическому и духовному статусу, каким наделялся русский государь.

Н. П. Остроумов писал:

...Некоторые выражения написанного текста молитвы вызвали недоумения, о которых я сообщил Главному инспектору училищ для доклада генерал-губернатору. Соглашаясь принципиально с основной идеей упомянутого распоряжения, я разъяснил Керенскому, что в Коране вообще не рекомендуется мусульманам доброжелательные и дружелюбные отношения к христианам... и что поэтому необходимо осторожнее относиться к религиозному чувству туземцев, покоренных оружием неверных и уже проявивших свое недовольство продолжением русского господства в Средней Азии, особенно после присоединения Ферганы к России. ...С этой же точки зрения я считал неубедительным принуждать туземцев к молитвенным воззваниям о вечном царствовании над ними русского царя и о постоянной победе его над врагами, в первом ряду которых стояли мусульманские соседние ханства в Средней Азии. ...Я удивлен, как могли официальные представители ислама, кадии, ввести в текст молитвы за русского царя прошение о даровании ему постоянной победы над врагами... [ЦГА РУз, ф. И-1009, оп. 1, д. 88, л. 3].

С помощью своих друзей-мусульман из местной интеллигенции Н. П. Остроумов предложил другой вариант текста, более соответствующий восприятию мусульман, о чем писал:

Сообщенные мной Керенскому сведения доложили барону Вревскому, который согласился на изменение утвержденного им текста молитвы, одобренного кадиями. Керенский поручил мне составить другой текст молитвы, перевести измененный текст и, при одобрении его местными кадиями, представить на распоряжение генерала-губернатора. Составленный мной новый текст молитвы за царя был переведен при участии моего сотрудника по газете, бывшего кадия Саттархана Абдугафарова. Перевод был одобрен ташкентским кадием Мухиддином-ходжой 24 апреля 1892 г. После этого молитва за царя и царствующий дом в новой редакции была напечатана и в отдельных оттисках разослана в туркестанские медресе, должностным туземцам в русско-туземные школы для чтения в соответствующие выходные и праздничные дни [Там же].

Текст хутбы Н. П. Остроумова должен был более соответствовать духу мусульман:

МОЛИТВА ЗА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Спаси, Господи, и помилуй великого государя императора нашего Александра Александровича, дражайшую супругу его императрицу Марию Федоровну и государя великого, императорского наследника престола — Цесаревича Николая Александровича и весь его августейший дом многие года под сенью своей.

Даруй этим миродержцам здравие и спасение, ниспошли благоденствие и во всех делах их благое поспешение.

Ниспошли, Господи, благословение на царствование государя императора нашего, помоги ему побеждать врагов Русского государства и устрашать злодеев, оказывать милости добрым, благодетельствовать бедным и бедствующим, быть отцом, радующимся о благоденствии всех своих подданных.

Даруй, Боже, и всем нам в царствование государя императора нашего здравие и мир, благорастворение воздуха и обилие вод, благостный дождь и плодородие земли и благословение этой и иной жизни.

Аминь, о Боже, Владыка мира!

[ЦГА РУз, ф. И-1009, оп. 1, д. 34, л. 19]

Хутбу принято произносить на арабском языке, но встречается отход от этой традиции среди мусульман за пределами арабских стран [см.: Wensinck, p. 77]. Хутба из фонда Н. П. Остроумова написана на староузбекском языке. Несмотря на сильную религиозность местного населения, люди не понимали религиозные исламские священные тексты на арабском языке. И соответственно не вникали в их смысл. Царская администрация воспользовалась этим религиозно-духовным жанром, создав его на местном языке. Это был текст, посредством которого легче было легитимировать собственное присутствие среди местных мусульман. Кроме того, данный жанр имел прямой политический контекст, ставя вопрос о правящем государе. Именно поэтому «в колониальный период власти косвенно вмешивались в содержание хутбы» [Халидов, с. 285].

Еще одно обстоятельство, являющееся нетрадиционным для этой хутбы, — это ее объект, российский император, который был колонизатором, а самое главное, немусульманином (неверным). Конформистское крыло мусульманского духовенства, создав хутбу с молитвой за русского царя, попало в щекотливую ситуацию, так как мусульманские улемы стали освящать власть иноверцев [см.: Babadžanov, 1998, p. 167]. К тому же в туркестанских хутбах нужно было молиться также и за семью императора — за жену и сына². Таким образом, царские власти хотели воспитать чувство уважения ко всему царскому дому³.

Например, в 1897 г., т. е. за год до Андижанского восстания 1898 г., будущий очаг восстания — местность Минг-типа — посетила комиссия царских властей. Члены комиссии встретились с предводителем будущего восстания Мухаммад' Али халифой (1852 — 1898), известным среди народа под прозвищем Дукчишан [см.: Allworth; Komatsu; Бабаджанов; Эркинов, 2003; Erkinov, 2009]. Его возрастающий авторитет встревожил царские власти [см.: Туркистан вилайатининг газити, 1896]. Интересно то, что присланный для этого чиновник при

² Подобные молитвы были изданы в Казани в 1887 г. Они написаны на тюркском языке на имя российского императора Александра III (1881—1894) и Николая II (1894—1917). В них содержится просьба к Аллаху о здоровье императора и его семьи.

³ Н. П. Остроумов в отчете редакции газеты («Туркистан вилайатининг газити» — «Туркестанская туземная газета»), направленном им в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора, подчеркивал, что газета вполне отвечает своему назначению, т. е. в ней печатались материалы по 10 темам (направлениям). Среди постоянных и главных тем на первом месте стоят «краткие сведения из жизни российского царствующего дома...» [см.: Эрназаров, Акбаров, с. 20].

беседе (допросе) с Дукчи-ишаном говорил о мощи русского царя и пожелал, чтобы ишан и его окружение знали наизусть имена членов семьи императора [Фозилбек Отабек угли, с. 17 — 19].

Не стоит упускать из поля зрения психологические и культурологические аспекты проблемы. Народы Средней Азии веками жили при монархических режимах. И хутба на имя правителя для их менталитета была естественной формой легитимации (или освящения) существующей власти. Новая власть — власть иноверцев. Но даже это обстоятельство не помешало части мусульман (по-видимому, довольно значительному числу) воспринимать русского царя как своего правителя. Другого правителя, собственно говоря, и не было, так как Кокандское ханство перестало существовать в феврале 1876 г.

По поводу практического применения хутбы Н. П. Остроумов писал, что она «читалась только в русско-туземных школах» [ЦГА РУз, ф. И-1009, оп. 1, д. 88, л. 9]. К такому же выводу в своей работе пришел современный исследователь П. П. Литвинов [см.: Литвинов]. Тем не менее Н. П. Остроумов не отрицал факт применения хутбы на татарском языке в мадрасах края [см.: ЦГА РУз, ф. И-1009, оп. 1, д. 88, л. 9].

В 1894 г. после смерти Александра III на российский трон взошел Николай II. Сразу же после этого на страницах вышеупомянутой местной газеты появилась новая хутба Н. П. Остроумова, уже переделанная на имя Николая II [см.: Туркистан вилайатининг газити, 1894]. И после текста приводилась запись о ее назначении: «для обязательного совершения в мечетях Туркестанского края и в русско-туземных школах в высокочтожественные дни» [Там же].

В первой половине 1890-х г. производилась инспекция мусульманских школ, во время которой учебной администрации удалось осуществить только одно изменение — ввести в мадрасах чтение молитвы за царя на староузбекском языке (вместо татарского) [см.: Бендриков, с. 74]. Вероятно, до этого в мадрасах использовалась хутба на татарском языке.

В декабре 1914 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения писал генерал-губернатору Ф. Мартсону, что в ташкентских мечетях, мектебах и медресе молитва за царя не произносится и мусульманское духовенство не усматривает в этом ничего криминального, считая это явление вполне естественным. Документы свидетельствуют, что это было не следствием забывчивости мусульманского духовенства, а скорее результатом осознанного политического поведения. В мае 1916 г. туркестанское районное охранное отделение отмечало, что «муллы отказываются произносить молитву за царя ввиду того, что он является царем только для неверных». Таким образом, в коренных областях Туркестанского края с оседлым, твердым в вере мусульманским населением молитва за царя явно не принималась до самых последних дней Российской империи. Ненамного лучше было положение и в кочевых областях края [см.: Литвинов, с. 74].

В Закаспийской области молитва за царя стала произноситься только при губернаторе Куропаткине (1890—1898), но преимущественно в городских мечетях персов и бабидов, опасавшихся, что их могут в любой момент выселить за непослушание за пределы империи. На произнесении молитвы в сельской

местности не настаивали ни сам Куропаткин, ни его преемники, понимавшие невозможность практической реализации такого мероприятия среди туркмен-кочевников. В Семиреченской области молитва за царя стала внедряться только после ее передачи в состав Степного генерал-губернаторства, администрация которого прилагала к тому немало стараний. Однако последнее мало распространялось на мусульман-кочевников, на которых власти просто махнули рукой. Контроль в основном был сосредоточен за деятельностью городского и сельского оседлого исламского духовенства, которое тоже сознательно саботировало произнесение молитвы. Власти пытались наказывать саботажников. Так, в 1887 г. полицмейстер г. Лепсинска возбудил в Сергиопольском уездном суде дело против муллы Х. Измайлова, открыто отказавшегося произносить в мечети молитву. Но суд отказался рассматривать это дело, сославшись на отсутствие соответствующих законоположений. В 1898 г. за отказ произносить молитву был выдворен на китайскую территорию, в Кульджу, мулла дунганской мечети М. Майманов, однако формальной причиной его выселения было объявлено отсутствие у него российского подданства. Семиреченской администрации удалось частично привить произнесение молитвы среди городского мусульманского духовенства, особенно в то время, когда от нее зависело утверждение городских мулл в должности. Следует особо отметить то обстоятельство, что молитва исправно произносилась в татарских мечетях Туркестанского края, поскольку имамы-татары имели в основном казанскую (муфтиатскую) подготовку и не обостряли отношений с властями по пустякам, а сами верующие татары в большинстве своем усвоили требуемый опыт еще до переселения в Среднюю Азию. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что татары находились в Туркестанском крае в достаточно шатком положении, поскольку власти считали их одним из основных виновников исламизации кочевого населения и нагнетания идей исламского прогрессизма среди оседлых мусульман. Татары были ограничены в правах приобретения недвижимости в крае и могли быть выселены на родину по самому незначительному поводу. Поэтому они старались проявлять исключительную лояльность по отношению к требованиям властей, в том числе и в произнесении молитвы [см.: Литвинов, с. 75].

Таким образом, очерк Н. П. Остроумова является ценным материалом по истории религиозной политики Российской империи в Средней Азии. В дальнейшем предстоит всесторонне изучить вопросы, поднятые в его очерке, на основе новых исследований по истории ислама в Туркестане и особенностям политики России в регионе [см.: Литвинов; Алексеев; Brower; Абашин; Grews; Babadjanov, 2004; Пуговкина].

Очерк Н. П. Остроумова занимает важное место в проблеме изучения религиозной политики Российской империи в Туркестане и методов легитимации власти российского правительства, а также позволяет раскрыть способы влияния на ислам и мусульманское общество со стороны российских властей.

Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...»: Кризис ориентализма в Российской империи? // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 43–96. [Abashin S. N. V. P. Nalivkin: «...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt'; i to, chto neizbezhno dolzhno byt', uzhe ne mozhet ne byt'...»: Krizis orientalizma v Rossijskoj imperii? // Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. Omsk, 2005. S. 43–96.]

Алексеев И. Л. Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сб. Рус. ист. о-ва. М., 2002. № 5 (153). С. 89–95. [Alekseev I. L. N. P. Ostroumov o problemakh upravleniya musul'manskim naseleniem Turkestanskogo kraja // Sb. Rus. ist. o-va. M., 2002. N 5 (153). S. 89–95.]

Бабаджанов Б. М. Дукчи Ишан и Андижанское восстание 1898 г. // Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 251–276. [Babadzhanov B. M. Dukchi Ishan i Andizhanskoe vosstanie 1898 g. // Podvizhniki islama: kul't svyatykh i sufizm v Srednej Azii i na Kavkaze. M., 2003. S. 251–276.]

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966. 780 с. [Bartol'd V. V. Sochineniya. T. 6. M., 1966. 780 s.]

Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924). М., 1960. 512 с. [Bendrikov K. E. Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane (1865–1924). M., 1960. 512 s.]

Историография общественных наук в Узбекистане / сост. Б. В. Лунин. Ташкент, 1974. 386 с. [Istoriografiya obschestvennykh nauk v Uzbekistane / sost. B. V. Lunin. Tashkent, 1974. 386 s.]

Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец, 1998. 319 с. [Litvinov P. P. Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865–1917) (po arkhivnym materialam). Elets, 1998. 319 s.]

Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917). Ташкент, 1958. 358 с. [Lunin B. V. Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arkhologii v Turkestane: Turkestanskij kruzhek lyubitelej arkhologii (1895–1917). Tashkent, 1958. 358 s.]

Остроумов Н. Исламоведение. Ташкент, 1914. 160 с. [Ostroumov N. Islamovedenie. Tashkent, 1914. 160 s.]

Остроумов Н. История текста Корана. Ташкент, 1900. 219 с. [Ostroumov N. Istoriya teksta Korana. Tashkent, 1900. 219 s.]

Остроумов Н. Материалы к изучению наречия сартов Русского Туркестана. Стихи в честь Рамазан (сартский текст и русский перевод). Казань, 1899. 189 с. [Ostroumov N. Materialy k izucheniyu narechiya sartov Russkogo Turkestana. Stikhi v chest' Ramazan (sartskij tekst i russkij perevod). Kazan', 1899. 189 s.]

Остроумов Н. Мухаммеданский пост в месяц рамазан. Казань, 1877. 156 с. [Ostroumov N. Mukhammedanskij post v mesyats ramazan. Kazan', 1877. 156 s.]

Остроумов Н. О мусульманских тайных письменах «камсальятабгиз» // Протокол заседания и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 21. Ташкент, 1917. С. 71–86. [Ostroumov N. O musul'manskikh tajnykh pis'menakh «kamsalyatabgiz» // Protokol zasedaniya i soobsheniya chlenov Turkestanskogo kruzha lyubitelej arkhologii. God 21. Tashkent, 1917. S. 71–86.]

Остроумов Н. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии. Казань, 1876. 236 с. [Ostroumov N. Pervyj opyt slovarya narodno-tatarskogo yazyka po vygovoru kreschennykh tatar Kazanskoj gubernii. Kazan', 1876. 236 s.]

Остроумов Н. Сарты. Ташкент, 1896. 274 с. [Ostroumov N. Sarty. Tashkent, 1896. 274 s.]

Остроумов Н. Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911. 265 с. [Ostroumov N. Sovremennoe pravovoe polozhenie musul'manskoj zhenschiny. Kazan', 1911. 265 s.]

Остроумов Н. Аравия и Коран (происхождение и характер ислама) : Опыт исторического исследования. Казань, 1899. 278 с. [Ostroumov N. Araviya i Koran (proiskhozhdenie i kharakter islama) : Opyt istoricheskogo issledovaniya. Kazan', 1899. 278 s.]

Остроумов Н. Что такое Коран? Ташкент, 1883. 264 с. [Ostroumov N. Chto takoe Koran? Tashkent, 1883. 264 s.]

Остроумов Н. Этимология сартовского языка. Ташкент, 1910. 224 с. [Ostroumov N. Etimologiya sartovskogo yazyka. Tashkent, 1910. 224 s.]

Остроумов Н. П. Коран и прогресс / изд. А. Л. Кирснер. Ташкент, 1901. 248 с. [Ostroumov N. P. Koran i progress / izd. A. L. Kirsner. Tashkent, 1901. 248 s.]

Пуговкина О. История Туркестана в наследии Российской историографии середины XIX — начала XX в. (политические и экономические аспекты) : дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006. 148 с. [Pugovkina O. Istoriya Turkestana v nasledii Rossijskoj istoriografii serediny XIX — nachala XX v. (politicheskie i ekonomicheskie aspekty) : dis. ... kand. ist. nauk. Tashkent, 2006. 148 s.]

Список печатных трудов директора Туркестанской учительской семинарии Н. П. Остроумова за время службы его в Туркестанском крае с 1877 по 1917 г. Сасово, 1920. 42 с. [Spisok pechatnykh trudov direktora Turkestanskoj uchitel'skoj seminarii N. P. Ostroumova za vremya sluzhby ego v Turkestanskom krae s 1877 po 1917 g. Sasovo, 1920. 42 s.]

Туркистан вилайатининг газити. 1894; 1896. [Turkistan vilajatining gaziti. 1894; 1896.]

Фозилбек Отабек угли. Дукчи Эшон вокеаси. Фаргонада истибдод жаллодлари. Ташкент, 1992. 89 с. [Fozilbek Otabek ugli. Dukchi Eshon vokeasi. Fargonada istibdod zhاللodlari. Toshkent, 1992. 89 s.]

Халидов А. Хутба // Ислам : энцикл. слов. М., 1991. С. 285. [Khalidov A. Khutba // Islam : entsikl. slov. M., 1991. S. 285].

ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. [TSGA RUz. F. I-1009. Op. 1].

Эркинов А. Андизанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи // Вестн. Евразии. 2003. № 1(20). С. 111—137. [Erkinov A. Andizhanskoe vosstanie i ego predvoditel' v otsenkakh poetov epokhi // Vestn. Evrazii. 2003. N 1(20). S. 111—137].

Эркинов А. С. Стихотворение-восхваление поэта Урфи на узбекском языке, посвященное Н. П. Остроумову // Востокведческие чтения памяти Н. П. Остроумова : сб. материалов. Ташкент, 2008. С. 55—59. [Erkinov A. S. Stikhotvorenie-voskhvalenie poeta Urfi na uzbekskom yazyke, posvyaschennoe N. P. Ostroumovu // Vostokovedcheskie chteniya pamyati N. P. Ostroumova : sb. materialov. Tashkent, 2008. S. 55—59].

Эрназаров Т. Э., Акбаров А. И. История печати Туркестана (1870—1917). Ташкент, 1976. 201 с. [Ernazarov T. E., Akbarov A. I. Istoriya pechati Turkestana (1870—1917). Tashkent, 1976. 201 s.]

Allworth E. A. The Modern Uzbeks. From the Fourteenth Century to the Present : a Cultural History. California, 1990. 374 p.

Babadjanov B. Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals // Looking at the Colonizer. Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas. Berlin, 2004. P. 75 — 90.

Babadžanov B. Dūkčī Īšan und der Aufstand von Andīžan // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20-th Centuries. Vol. 2 : Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations, Bd 216. Berlin, 1998. P. 167—191.

Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. L. ; N. Y., 2003. 213 p.

Erkinov A. Praying For and Against the Tsar : Prayers and Sermons in Russian Dominated Khiva and Tsarist Turkestan. Berlin, 2004 (=ANOR 16). 112 p.

Erkinov A. S. The Andijan Uprising of 1898 and its leader Dukchi-ishan described by contemporary Poets. TIAS Central Eurasian Research Series. № 3. Tokyo, 2009. 118 p.

Grews R. D. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. L., 2006. 463 p.

Hutbe // Islam ansiklopedisi. 1950. 5(1). [Istanbul], P. 617—620.

Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Oxford, 2000. 335 p.

Komatsu Hisao. The Andijan Uprising Reconsidered // Muslim Societies: Historical and Comparative Perspectives. L., 2004. P. 29 – 61.

Wensinck A. J. Khutba // Encyclopaedia of Islam. Leiden ; London, 2008. P. 75 – 77.

Статья поступила в редакцию 22.01.2013 г.

УДК 629.54(09) + 331.5.024.5

Н. А. Коновалов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРОВОДНОГО ОБЩЕСТВА «ДРУЖИНА» (1850–1860-е)

Анализируется деятельность пароходного общества «Дружина» в бассейне реки Белой на рубеже 1850–1860-х гг. Изучаются успехи и неудачи компании, впервые приступившей к пассажирским и грузовым коммерческим перевозкам по данной водной артерии. Сделана попытка оценить вклад «Дружины» в процесс становления постоянного пароходного сообщения в регионе.

Ключевые слова: общество «Дружина»; общество «Самолет»; Камско-Волжская пароходная компания; грузовые перевозки; инфраструктура компании.

Становление пароходного сообщения в бассейне реки Белой — одна из неисследованных областей исторического знания. Данный процесс необходимо рассматривать как неотъемлемую часть модернизации речного флота, которая началась в России в середине XIX в. Первое паровое судно в Российской империи было построено в 1815 г., однако в 1820 – 1830-е гг. суда на паровой тяге так и не смогли составить достойную конкуренцию бурлакам и коноводным машинам. В 1843 г. в России было законодательно разрешено приобретать пароходы всем желающим, после чего в стране начался «пароходный» бум. Прежде всего он охватил бассейн Волги с притоками. В 1843 г. была создана компания «Пароходство на Волге», в 1846 г. — общество «Пермское», в 1849 г. — общество «Меркурий» (с 1858 г. «Кавказ и Меркурий»), в 1851 г. — товарищество «Нижегородской фабрики и пароходов», в 1853 г. — общество «Самолет», в 1854 г. — Камско-Волжская пароходная компания и товарищество «Польза», в 1858 г. — общества «Нептун», «Дружина» и «Вулкан», в 1860 г. — общество «Ценного пароходства по Шексне». К 1860 г. в стране насчитывалось 25 пароходных обществ, 11 из которых работали на Волге и ее притоках [см.: Мельников, с. 86].

Так как река Белая вплоть до 1857 г. считалась пригодной лишь для барочного сплава, пароходные перевозки по ней не осуществлялись, что приводило к противоречию между экономическим потенциалом региона и уровнем развития его инфраструктуры. По характеру физико-географических условий русло Белой выше Белорецкого завода (современный г. Белорецк) имеет свойства

горной реки, абсолютно не пригодной к сплавной (барочной или пароходной) навигации, в связи с этим территориально-географические рамки исследования охватывают ее судоходную часть от Белорецкого завода до места впадения Белой в Каму (см. карту). В дальнейшем данная территория будет обозначаться как бассейн реки Белой. В данной статье сделана попытка проанализировать деятельность и оценить вклад пароходного общества «Дружина» в процесс становления пароходного сообщения в регионе.

В отечественной историографии существуют две диаметрально противоположные точки зрения на роль общества «Дружина» в создании пароходного сообщения в бассейне реки Белой. Одна группа исследователей связывает с деятельностью компании начало пароходной навигации в бельском бассейне [Листовский; Гурвич; Игнатьев; Аюпов, Дусалимов; Худяков; Роднов], другая же считает деятельность «Дружины» на Белой лишь случайным фактом региональной истории [Нигматуллина; Синенко; Спицкий]. В дореволюционный период доминировала первая точка зрения. А. С. Листовский, Н. А. Гурвич и Р. Г. Игнатьев оценивали деятельность «Дружины» как значительное событие в истории губернии, подчеркивали важность ее работы в процессе становления пароходного сообщения на Белой. Для советской исторической школы исследования роли коммерческих структур в пароходном освоении бельского бассейна были нехарактерны. Лишь в современный период стали появляться работы, посвященные данной проблематике, выявившие противоречия во взглядах на деятельность «Дружины» и ее роль в процессе становления пароходного сообщения на Белой. Так, по мнению В. В. Спицкого, датой установления регулярного пароходного сообщения на Белой «считается открытие компанией купцов Попова, Полетаева и Исаева "Бельского пароходства"» — компании, основанной в 1870 г., через 11 лет с начала работы «Дружины» [Спицкий, с. 81]. 1870-й год как дату открытия «регулярного пароходного сообщения по реке Белой» указывает и С. Г. Синенко [Синенко, с. 67]. Аналогичную информацию можно найти и в монографии И. В. Нигматуллиной [см.: Нигматуллина, с. 166]. При этом данные авторы либо не упоминают о деятельности «Дружины» вообще, либо оценивают ее как малозначительную. Другая же часть исследователей ведет начало постоянного пароходного сообщения с конца 1850-х гг., связывая это с деятельностью «Дружины». К примеру, М. И. Роднов называет 1858-й год. По его мнению, именно с этого времени и вплоть до постройки Самаро-Златоустовской железной дороги «речной транспорт играл самую важную роль в жизни... губернии» [Роднов, с. 96]. В. А. Худяков же вообще не упоминает о «Бельском пароходстве», однако подробно описывает деятельность «Дружины» и датирует начало ее работы на Белой 1859-м г. [см.: Худяков, с. 157]. По мнению Р. А. Аюпова и А. Т. Дусалимова, на пароходах «Дружины» в 1860 г. «...были введены прямые пароходные сообщения из Уфы до Казани и Нижнего Новгорода», что дает право считать, как полагают исследователи, эту дату годом начала постоянного пароходного сообщения в регионе [Аюпов, Дусалимов, с. 112]. Таким образом, налицо отсутствие в историографии единой точки зрения по изучаемому вопросу.

Необходимо отметить, что к 1859 г., когда пароходы общества «Дружина» впервые стали осуществлять перевозки по данной реке, там уже имелся опыт пароходной навигации. Согласно источникам, началом «пассажирского и буксирного пароходства по р. Белой» [см.: Игнатъев, с. 16] считается прибытие в Уфу 11 августа 1858 г. двух кабестанных¹ пароходов «Грозный» и «Быстрый» купца Журавлева из города Углича. Как сообщает А. С. Листовский, прибытие этих пароходов было «более для опыта, чем для торгового оборота; “Грозный” привел с собою 7 подчалков² и на одном из них взял хлеб» [Листовский, с. XLVIII]. 7 сентября 1858 г. в Уфу прибыл третий по счету в истории пароходного сообщения по реке Белой пароход — «Русалка», принадлежащий коммерческому обществу «Самолет» (см. карту). На нем «для гидрографических исследований прибыли контр-адмирал С. И. Мофет и К. А. Котомкин» [Там же]. Возможно, С. И. Мофет, являвшийся отставным контр-адмиралом, был одновременно и директором компании «Самолет», а К. А. Котомкин находился «при нем для статистических исследований» [Там же]. Пароход «Русалка» «сделал пробный рейс... до тех мест, где... река выходит из Уральских гор; конечным пунктом избрана башкирская деревня Псянчина, отстоящая от г. Оренбурга в 120 верстах» [Оренбургские губернские ведомости, 1860, № 25]. В этот период расстояние от Уфы до Псянчиной туда и обратно пароходы проходили в среднем от 6 до 8 суток [Выбор статей..., с. 20]. Все зависело от мощности двигателя парохода, его загрузки и уровня воды.

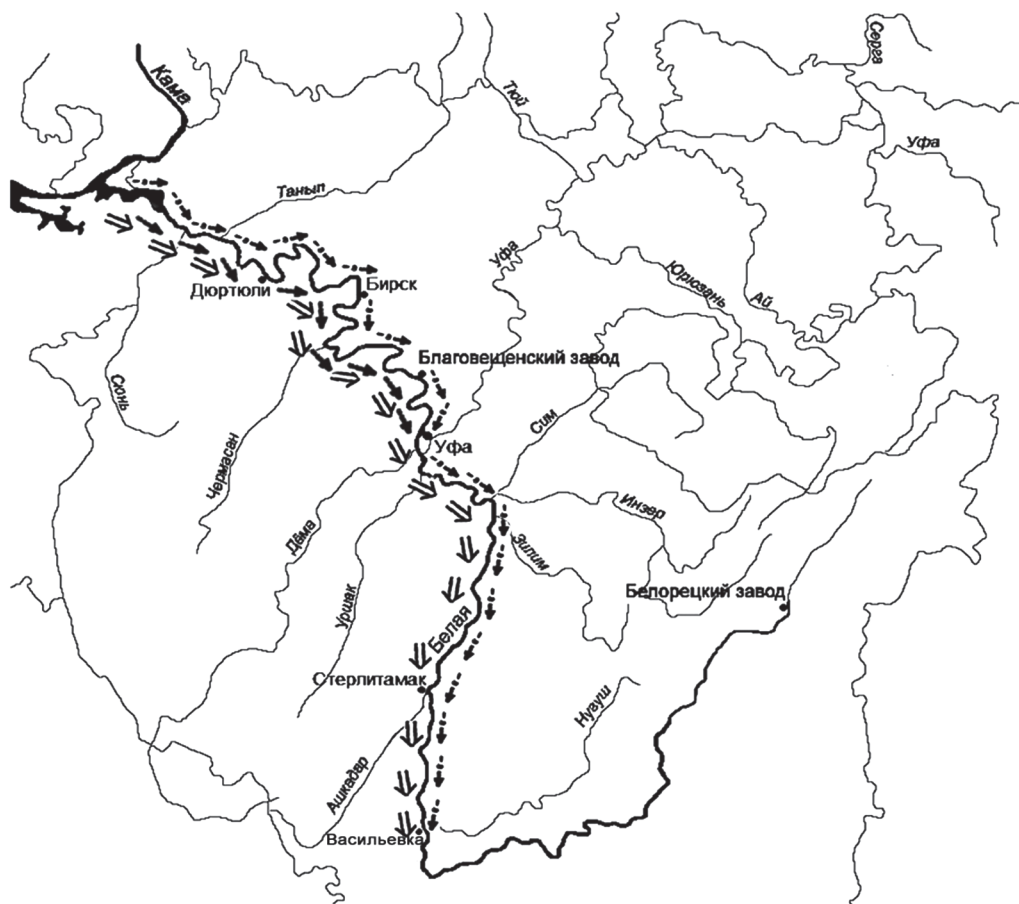
Однако общество «Самолет» не стало продолжать свою деятельность на Белой. Необходимо отметить, что оно пыталось получить от правительства право на монополию пароходных перевозок по данной реке, однако ему было отказано. Возможно, что эти два факта взаимосвязаны. Понимая, что, несмотря на несколько государственных комиссий, исследовавших фарватер реки в 1857—1858 гг., он фактически так и остался малоизученным, что на всем протяжении Белой, пригодной к пароходному судоходству, отсутствует необходимая для судоходной навигации инфраструктура и ее придется создавать за свой счет, что не известен объем спроса на услуги пароходных перевозок, общество «Самолет», возможно, посчитало для себя слишком рискованным осуществление перевозок без гарантии получения прибылей от навигации по Белой. Таким образом, бассейн Белой стал открытым для работы любых пароходных обществ, несмотря на попытки официально монополизировать рынок перевозок.

Следующей пароходной компанией, решившей осуществлять пароходные перевозки по Белой, было пароходное общество «Дружина» основанное в 1858 г. владельцами Костромского механического завода братьями А. П. и С. П. Шиповыми. К 1860 г. общество имело 18 пароходов, которые осуществляли перевозки между Рыбинском и Нижним Новгородом. В планах «Дружины» было сделать по Белой четыре рейса в 1859 г., шесть — в 1860-м, а в дальнейшем увеличить количество рейсов в зависимости от конъюнктуры рынка. Первый

¹ Имеющих лебедку с вертикальным валом (шпиль).

² Подчалок — грузовое прицепное судно, прикреплённое к корме основного с помощью каната.

рейс по Белой обществом «Дружина» был осуществлен в мае 1859 г.: 12 мая пароход «Ольга» достиг Уфы. Как сообщают «Оренбургские губернские ведомости», пароход привез в Уфу несколько пассажиров. Это был первый пассажирский рейс в истории навигации по реке Белой, а 14 мая пароход покинул ее и отправился вверх по Белой, но «не дошел верст 30 до Псянчиной, опасаясь, вследствие значительной и быстрой убыли воды, встретить затруднение в обратном плавании вниз» [Оренбургские губернские ведомости, 1860, № 25]. В этом рейсе «Ольга» достигла устья Нугуша, недалеко от деревни Васильевка (см. карту). Как писали современники, в этом месте под дном было «только около двух вершков воды» [Выбор статей..., с. 59]. Васильевка, как и Псянчина, являлась достаточно важным и удобным с точки зрения речного пароходства

Русло реки Белой и маршруты первых пароходов:

↑ — маршрут пароходов купца Журавлева «Грозный» и «Быстрый»; ↑ — маршрут парохода «Русалка» компании «Самолет»; ↑ — первый рейс парохода «Ольга» компании «Дружина» до д. Васильевка

пунктом, где была бы возможна стоянка судов. Кроме того, «деревня эта [Васильевка] лежит очень близко к почтовому из Оренбурга в Стерлитамак тракту; к ней почти прилегают дороги с нескольких весьма важных заводов» [Там же]. Обратно в Уфу «Ольга» пришла 20 мая, где находилась до 25 мая, после чего пароход отправился вниз по Белой, взяв несколько пассажиров как из Стерлитамака, так и из Уфы. Местная администрация сделала «распоряжение, чтобы прибрежные жители оказывали содействие в снабжении пароходов за денежное вознаграждение дровами и пр» [Там же]. Следует отметить, что рейс был пробным, его главной целью было изучение фарватера, а не перевозка пассажиров, грузов на пароходе не было. Второй рейс парохода «Ольга» состоялся в июле 1859 г. Вердеревский сообщает, что «пароход “Ольга”... пришел... с двумя баржами и привез в г. Уфу пассажиров и кладь, а в обратный рейс вывез из Бирска, на двух баржах, более 17 т. [тысяч пудов] хлопка» [Оренбургские губернские ведомости, 1860, № 25]. Как пишут «Оренбургские губернские ведомости», «доселе были у нас пароходы только для промера и опыта. Пароходу «Ольга» принадлежит честь... им открывается новая жизнь для Белой и для целого края. Нельзя описать того высокого отрядного участия, которое возбудил пароход в местных жителях; и в самом деле, как не сочувствовать этому благовому предприятию, имеющему целью сблизить наш богатый край с местами сбыта» [Там же, 1859, № 33]. Третий рейс на пароходе «Ольга» был осуществлен в сентябре 1859 г. Тогда в Уфу была доставлена баржа с грузом с Нижегородской ярмарки, вес которого составлял около 12,5 тыс. пудов. Стоимость перевозки составляла 25 коп. серебром за пуд [см.: Выбор статей..., с. 203]. Для сравнения, стоимость перевозки гужевым транспортом в данный период из Уфы в Казань составляла «в летнее время от 30 до 40 коп. за пуд» [Оренбургские губернские ведомости, 1859, № 35]. Подняться выше Уфы пароход не смог из-за низкого уровня воды. Пройдя около 80 верст вверх по Белой, «Ольга» вынуждена была повернуть назад около деревни Ширавево. После возвращения в Уфу пароход «Ольга» исследовал фарватер устья реки Уфимки, успешно поднявшись по ней вверх на расстояние около 50 верст, пройдя село Богородское, где в настоящее время находится микрорайон Уфы ИНОРС. 15 сентября 1859 г. «Ольга» вышла из Уфы, «взяв много пассажиров» [Выбор статей..., с. 204]. Этим же рейсом из Бирска было вывезено «на барже... несколько тысяч товару из Троицка, т. е. более всего хлопка» [Там же]. Четвертый рейс был сделан на пароходе «Лебедь». В начале сентября 1859 г. пароход доставил в Бирск около 10 тыс. пудов клади с Нижегородской ярмарки, а из Бирска было вывезено более 12 тыс. пудов хлопка, «доставленного туда ранее из Троицка сухопутным путем» [Оренбургские губернские ведомости, 1860, № 25]. Таким образом, общество «Дружина», как и планировало, осуществило четыре рейса в навигацию 1859 г.

В ноябре 1859 г. правление общества «Дружина» отправило в Уфу своего представителя для открытия там регионального отделения. В «Оренбургских губернских ведомостях» от 6 февраля 1860 г. можно прочитать известие о том, что среди приехавших в Уфу с 25 января по 5 февраля 1860 г. был управляющий пароходною конторою в Уфе губернский секретарь Каменский [Там же, № 6]. По данным Вердеревского, датой юридического открытия конторы общества

«Дружина» в Уфе необходимо считать 1 января 1860 г. Контора эта располагалась в доме купца Короткова [см.: Оренбургские губернские ведомости, 1860, № 25]. А 23 января 1860 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» было дано объявление для всех желающих «отправлять свои клади или быть пассажирами на пароходах Общества» [Там же, № 4]. Аналогичное объявление появилось в «Оренбургских губернских ведомостях» 30 января 1860 г. После этого об услугах общества «Дружина» мы узнаем лишь из газет, вышедших 5, 22, 29 октября 1860 г. По-видимому, либо к этому времени интенсивность перевозок по Белой снизилась, либо объявления были даны с целью показать, что общество собирается продолжить свою работу и в следующем году. Примечательно, что с апреля по октябрь, т. е. в период навигации, «Дружиной» не было подано ни одного объявления. Следовательно, и без рекламы на услуги пассажирских и грузовых перевозок был спрос.

Для привлечения внимания населения к своим услугам руководство «Дружины» практиковало бесплатное катание уфимцев на своих пароходах на небольшие расстояния. Находившийся, к примеру, с 1 по 3 мая 1860 г. в Уфе пароход «Лебедь» совершил прогулочный рейс на 12 верст от Уфы по Белой, а 21 мая 1859 г. «часов в 6-ть вечера уфимское общество по приглашению директора М. Д. Ратькова и офицеров парохода [«Ольга»] собралось на пароход, чтобы прокатиться по Белой... одушевленная веселая беседа, любезность и предупредительность хозяев произвели весьма приятное впечатление. На возвратном пути вниз по Белой пароход, при усиленных парах, летел как на крыльях. Вообще, прогулкой этой были все очарованы» [Выбор статей..., с. 60]. Известен и другой рекламный ход: в мае 1860 г. общество «Дружина» объявило, что готово бесплатно осуществить перевозку из Уфы до Нижнего Новгорода экспонатов, направляющихся на Санкт-Петербургскую выставку Вольного экономического общества, проходившую в сентябре 1860 г. Особо оговаривалось, что невозможна перевозка только тех экспонатов, «которые по своей громадности, неудобны для погрузки на пароход» [Оренбургские губернские ведомости, 1860, № 22].

Следует отметить, что на рубеже 1850—1860-х гг. в Оренбургской губернии не было единого мнения о пригодности реки Белой для пароходной навигации. Как отмечает Вердеревский, такой успех объясняется лишь «исключительным многоводием р. Белой в 1858 г. Один случайно счастливый рейс никак не может доказать возможности постоянно свободного и безопасного плавания. Еще менее возможно взводить... баржи; а без барж — какое значение, в промышленном смысле, может иметь периодическое появление парохода» [Там же, № 25]. Даже к 1860 г., после двух успешных навигаций, осуществленных обществами «Самолет» и «Дружина», оренбургские купцы не спешили пользоваться их услугами, в 1860 г. от них не поступило ни одного заказа. Однако были и другие точки зрения: «Оренбургские губернские ведомости» писали: «Некоторые политико-экономисты... желая прежде всего развития судоходства по р. Белой, считают открытие предположенных [сухопутных] путей... делом настолько не имеющим связи с развитием промышленности края, но даже... вредным, отвлекающим от устройства главного пути, по которому идут от нас все произве-

дения губернии» [Оренбургские губернские ведомости, 1860, № 49]. В «Оренбургских губернских ведомостях» и в «Экономическом указателе» этого периода развернулась бурная дискуссия о возможности пароходного сообщения по реке Белой. Таким образом, первым пароходовладельцам пришлось еще и ломать стереотипы местных обывателей.

В 1860 г. общество «Дружина» «везде, где найдено это нужным» [Там же, № 25] стало создавать на реке Белой дровяные пристани и склады для хранения перевозимых грузов. Этот факт говорит о коммерческой выгодности пароходных перевозок в 1859 г. Первым пароходом, принадлежащим обществу «Дружина» и прибывшим 1 мая 1860 г. в Уфу, был «Лебедь». Судно было того же класса, что и «Ольга», мощность двигателей обоих была 45 л. с. Оба парохода были построены на Шаповском костромском механическом заводе в 1858 г. Рейс был грузовым, 4 мая «Лебедь» ушел из Уфы в Нижний Новгород, взяв на буксир баржу. По другим данным «Ольга» была построена в 1859 г. Вот что сообщают современники: «Пароход “Ольга” построен в сем году на механическом заводе г. Шипова в Костроме. Он 45-ти сильный, 154 фут. длины и 20 ф. ширины по палубе, с гребными колесами, с машинкою высокого давления, с одним паровым котлом; сжигает в час 2/3 саж. дров; по течению идет от 16 до 20 верст в час, против воды от 10 до 13 верст; осадка его в воде с грузом 12 верш. Снаружи пароход весьма красив, внутри отделан изящно» [Выбор статей..., с. 20]. Вердеревский сообщает, что «в первый же месяц с открытия навигации вывезено пароходами общества из р. Белой более 100 т. [тысяч] пуд. груза и сделан один пассажирский рейс до г. Стерлитамака» [Там же]. 7 июня 1860 г. в Уфу прибыли сразу два парохода: «Лебедь» и «Аскольд». «Лебедь» привел в Уфу баржу, а в обратный путь взял около 3 тыс. кулей хлеба. «Аскольд» же доставил из Казани более 50 пассажиров, а обратно увез около 20. Всего же в 1860 г. на пароходах было перевезено около 200 тыс. пудов грузов. Следует сказать, что в этом году на Белой был крайне низкий уровень воды. Как пишет И. В. Нигматуллина, «пассажиров было мало, они пугались возможных аварий в пути, говорили о незнании командой фарватера, о мелководье. Кроме того, их раздражали неблагоустроенные пристани. Обычным делом было высаживать и брать на борт пассажиров посредством лодок, при этом пароходы не останавливались, а лишь замедляли ход. На отмелях и песчаных перекатах пароходы разгружали, пассажиры шли пешком до глубокого места» [Нигматуллина, с. 166]. Как видно из источников, количество рейсов в период навигации 1860 г., осуществленных обществом «Дружина», не только не возросло, но, наоборот, сократилось. Вместо планируемых шести «Дружина» смогла осуществить лишь три рейса.

Интересно отметить, что в 1860 г. в Уфе трижды менялись управляющие пароходным обществом «Дружина». Если 6 февраля 1860 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» фигурирует фамилия Каменского, то уже 18 июня — Вердеревского, а из номера от 23 октября 1860 г. мы узнаем, что, «не желая более управлять делами Пароходного общества “Дружина” в Оренбургском крае» [Оренбургские губернские ведомости, 1860, № 43], Вердеревский передает все дела с 1 ноября 1860 г. Севастьянову. Такая текучесть кадров свидетельствует

о том, что в работе общества были какие-то внутренние проблемы. Возможно, они были связаны с тем, что «Дружина» работала на рынке Оренбургской губернии лишь второй год, а в таких условиях возможна текучесть кадров. Возможно, в условиях нехватки квалифицированных специалистов в только что возникающей отрасли экономики управляющие не могли эффективно справиться со своими обязанностями. Это свидетельствует о том, что данный вид коммерческой деятельности требовал не только организаторских способностей, но и специальных знаний. Неизвестно, были ли они у губернского секретаря Каменского или отставного штабс-ротмистра Вердеревского.

В источниках 1861 г. находим упоминание лишь об одном пароходе общества «Дружина». 13 июня 1861 г. в Уфу прибыл «Лебедь» и ушел вниз по Белой 15 июня, взяв груз. Это была уже вторая навигация по Белой для данной компании, которая оказывалась для нее неудачной. Вместо увеличения объемов перевозок произошло их сокращение. В апреле и июле 1862 г. пароходом «Лебедь» было совершено еще два рейса, во время которых в Уфу были доставлены грузы из центральных губерний России. 1862-й год стал последним годом работы «Дружины» на Белой. В 1863 г. общество полностью отказалось от работы на данной водной артерии.

Таким образом, компании не удалось осуществить планирующееся увеличение рейсов, одна из первых попыток установления регулярного пароходного сообщения по Белой закончилась неудачно. Прежде всего это было связано с тем, что фарватер реки остался малоизученным и отсутствовала необходимая инфраструктура. Создание дровяных пристаней для одного лишь пароходного общества, не имеющего постоянных заказов, также оказалось нерентабельным. В 1859—1862 гг. рейсы по Белой имели нерегулярный характер, а любые трудности навигации наносили ущерб престижу пароходного сообщения, что не способствовало увеличению заказов. Как отмечал А. С. Листовский, «случающиеся мелководья настолько затруднили движение грузов пароходами, что последние часто не успевали вовремя доставлять кладь на место назначения, подрывая к себе доверие» [Листовский, с. XLIX]. Возможно, поэтому и наблюдалась частая сменяемость представителей компании «Дружина» в Уфе. Роль общества «Дружина» в истории пароходной навигации по реке Белой заключается в том, что это первая коммерческая компания, решившаяся предоставлять свои услуги местным потребителям в условиях отсутствия гарантии прибыли. И хотя в результате деятельность общества на Белой была свернута, она еще раз подтвердила техническую возможность пароходного сообщения. Отказ «Дружины» от перевозок по Белой не означал прекращения пароходной навигации в регионе. Сохранялась потребность в транспортировке продукции заводов Оренбургской губернии. С 1862 г. на Белой начала работать Камско-Волжская пароходная компания.

Аюпов Р. А., Дусалимов А. Т. Мчится тройка почтовая. Почтовая связь в Башкортостане. Уфа., 2000. 198 с. [Ayupov R. A., Dusalimov A. T. Mchitsya trojka pochtovaya. Pochtovaya svyaz' v Bashkortostane. Ufa., 2000. 198 s.]

Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859 год. Уфа. 1859. 352 с. [Vybor statej iz Orenburgskikh gubernskikh vedomostej za 1859 god. Ufa. 1859. 352 s.]

Гурвич Н. А Грузы в Уфимской губернии, их направление, движение и численность // Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 2. Уфа, 1876. С. 5–8. [Gurvich N. A. Gruzy v Ufimskoj gubernii, ikh napravlenie, dvizhenie i chislennost' // Ufimskij kalendar' na 1876 god. Вып. 2. Ufa, 1876. S. 5–8.]

Игнатьев Р. Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 год. Уфа. 1873. Ч. 2. С. 1–18. [Ignat'ev R. G. Khronika dostopamyatnykh sobytij Ufimskoj gubernii // Pamyatnaya knizhka Ufimskoj gubernii na 1873 god. Ufa. 1873. Ч. 2. S. 1–18.]

Листовский А. С. Летопись пароходства по реке Белой // Справочная книжка Уфимской губернии за 1883 год. Уфа. 1883. Отд. 2. С. XLVI–LI. [Listovskij A. S. Letopis' parokhodstva po reke Beloj // Spravochnaya knizhka Ufimskoj gubernii za 1883 god. Ufa. 1883. Отд. 2. S. XLVI–LI.]

Мельников С. Л. Речной транспорт Камско-Вятского бассейна во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 201 с. [Mel'nikov S. L. Rechnoj transport Kamsko-Vyatskogo bassejna vo vtoroj polovine XIX veka : dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 1997. 201 s.]

Нигматуллина И. В. Старая Уфа : ист.-краевед. очерк. Уфа., 2004. 224 с. [Nigmatullina I. V. Staraya Ufa : ist.-kraeved. ocherk. Ufa., 2004. 224 s.]

Оренбургские губернские ведомости. 1859; 1860. [Orenburgskie gubernskie vedomosti. 1859; 1869.]

Роднов М. И., Дегтярев А. Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа., 2008. 258 с. [Rodnov M. I., Degtyarev A. N. Khlebnij ryнок Ufimskoj gubernii v kontse XIX – nachale XX veka. Ufa., 2008. 258 s.]

Синенко С. Г. Город над Белой рекой : краткая история Уфы в очерках и зарисовках, 1574–2000. Уфа, 2002. 184 с. [Sinenko S. G. Gorod nad Beloj rekoj : kratkaya istoriya Ufy v ocherkakh i zarisovkakh, 1574–2000. Ufa, 2002. 184 s.]

Спицкий В. В. Из истории развития речного транспорта Республики Башкортостан // Вестн. Башкир. ун-та. 2007. Т. 12, № 2. С. 81–82. [Spitskij V. V. Iz istorii razvitiya rechnogo transporta Respubliki Bashkortostan // Vestn. Bashkir. un-ta. 2007. T. 12, N 2. S. 81–82.]

Худяков В. А. На волне памяти // Бельские просторы. 2008. № 10. С. 156–168. [Khudyakov V. A. Na volne pamyati // Bel'skie prostory. 2008. N 10. S. 156–168.]

Статья поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 930(4 + 7)“19” + 94(470.5)“1918/1920”

О. С. Поршнева

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМАХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И РАБОЧИХ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается эволюция подходов и оценок западной историографии по вопросам взаимоотношений власти и рабочих России в условиях гражданской войны. Показаны новаторские и дискуссионные аспекты исследований социально-политических процессов, в том числе взаимоотношений власти и рабочих, на восточном фронте Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война; западная историография; власть; рабочие; большевики; антибольшевистские правительства; белые.

В западной историографии в течение длительного времени история российской Гражданской войны не была предметом специальных исследований и рассматриваясь как часть революционного процесса 1917–1920 гг. Исключение составляли сюжеты, связанные с иностранной интервенцией. На протяжении более пятидесяти лет единственным комплексным обобщающим трудом оставался выпущенный в 1935 г. двухтомник У. Чемберлина «Русская революция», второй том которого был посвящен гражданской войне [см., например: Фитцпатрик, с. 344; Новикова, с. 142–144].

Ситуация изменилась в 1980-е гг., когда произошла переоценка роли Гражданской войны в советской истории. Этот период превратился в самостоятельный предмет исследования, привлекающий серьезное внимание приверженцев разных методологических подходов. Если в период 1950-е — середина 1980-х гг. в интерпретации событий Гражданской войны господствовала тоталитарная концепция с ее вниманием к политической истории и идеологии, то в конце 1980-х гг. этой концепции был брошен вызов со стороны ревизионистской историографии. Представители этого направления обратились к анализу революционных процессов и событий Гражданской войны с позиций социальной истории, изучали социальное измерение и социальный контекст происходивших перемен [см.: Новикова, с. 142].

Достижения ревизионистской историографии в изучении темы воплотились, в частности, в издании коллективного труда под редакцией Д. Кенкер, У. Розенберга и Р. Суни «Партия, государство и общество в российской гражданской войне. Исследования по социальной истории» [Party, State...]. В этой работе, как и в западной ревизионистской историографии Гражданской войны в целом, по верному замечанию Ш. Фитцпатрик, основное внимание было уделено промышленному рабочему классу и его взаимоотношениям с партией большевиков и советской властью [см.: Фитцпатрик, с. 351]. В сборнике рассматривались также проблемы социальных и демографических изменений, формирования и эволюции социальных идентичностей и социальных практик под влиянием гражданской войны. Так, важное в методологическом отношении положение,

позволяющее осмыслить особенности менталитета уральских рабочих, выдвинул в своей статье Л. Хаймсон. Он обратил внимание на сохранение значительной связи с землей рабочих Центрального промышленного региона и Урала и наибольшую численность потомственных рабочих в двух старейших промышленных районах страны как факторы, обусловившие сочетание «кастовых» и «классовых» характеристик в менталитете и поведении рабочих в этих регионах [см.: Haimson, p. 35].

Авторы сборника обращают внимание на различия в исторической динамике политических и социальных сдвигов периода Гражданской войны. Так, Д. Кенкер подчеркивает определяющую роль Гражданской войны, даже в сравнении с влиянием Первой мировой войны и Революции 1917 г., в укреплении милитаризованной психологии российского общества, роли насилия, произвола, администрирования, углублении гражданского раскола. Однако с точки зрения социальных институтов, отмечает автор, Гражданская война была всего лишь финальной стадией длительного кризиса, начавшегося в 1914 г. При этом целый ряд социальных процессов, происходивших в течение этих семи кризисных лет, должен рассматриваться в контексте еще более длительных социальных изменений, что определяет, по мнению автора, необходимость выявления элементов преемственности при рассмотрении социальной и демографической структуры российского общества в эти годы [Koenker, p. 53–54].

Различные оценки взаимоотношений рабочих и власти в этот период вызвали дискуссию среди историков, материалы которой были опубликованы в журнале «Slavic Review» [см.: Fitzpatrick; Rosenberg; Suny]. У. Розенберг в статье «Русские рабочие и большевистская власть после Октября» показал эволюцию взаимоотношений рабочих и большевиков в конце 1917 — середине 1918 г., природу и масштабы рабочей оппозиции новому режиму [Rosenberg, p. 213–238]. Так, отмечая размах и многочисленность акций рабочего протеста, автор подчеркивает узость их социальной базы: они поддерживались главным образом потерявшими работу металлистами — полуквалифицированными рабочими, географически сконцентрированными в Петрограде [Ibid., p. 234–235]. Кроме того, мотивация протеста, по мнению У. Розенберга, имела сугубо экономическую основу, а политические задачи, такие как восстановление гражданских свобод и прекращение репрессий, имели мало общего с более насущным для рабочих решением проблем продовольственного снабжения, безработицы, налаживания производства или создания эффективного государственного управления. Осмысливая причины пробольшевистских симпатий рабочих, автор выходит на проблему рабочего менталитета, утверждая, что усилия умеренных социалистов по созданию более демократического политического порядка имели незначительную почву в широко распространенных моделях социального протеста [Ibid., p. 237].

У. Розенберг опровергает точку зрения В. Бровкина, что на повестке дня весной и летом 1918 г. стоял вопрос о политической позиции рабочих, так как перевыборы вернули места в Советах меньшевикам и эсерам, а в ряде случаев дали им большинство [Ibid., p. 213, 234–238]. Протестное голосование, подчеркивает У. Розенберг, никогда не было тем же самым, что поддержка оппозиции.

Даже если рабочие и выступали против большевистских руководителей, большевистская партия оставалась рабочей партией: многие, кто голосовал за меньшевиков, и особенно левых эсеров, в действительности искали «более хороших» большевиков. Узость социальной базы рабочего движения (полуквалифицированные металлисты) усугублялась тем, что сами эти металлисты в прошлом имели длительные и тесные связи с большевиками. Их несогласие скорее было направлено на обеспечение эффективных мер по улучшению своего положения, чем на поддержку меньшевиков или других оппозиционных партий [см.: Rosenberg, p. 237–238]. Рабочих волновали главным образом вопросы социальной безопасности и благосостояния — цели, которые не смогла бы достичь ни одна политическая группа в первые месяцы после Октября. По мере углубления экономического кризиса все больше проявлялось стремление рабочих к эффективному государственному контролю, что даже для несогласных металлистов Петрограда оставляло надежду на то, что в длительной перспективе большевистская власть по-прежнему будет выражать их интересы [Ibid., p. 238].

В своей статье У. Розенберг рассматривает также причины роста к осени 1918 г. тенденций локализма и фабричного партикуляризма, когда доверие рабочих к власти и их чувство единства были подорваны, происходило возрождение ремесленной психологии. Если сохранение работы в конкретной мастерской, магазине или на фабрике стало главным источником безопасности, то локализм, заключает автор, естественно возрос [см.: Ibid., p. 224–225]. Другая важная проблема, поднимаемая в статье, — отношение рабочих к органам рабочего самоуправления на предприятиях — фабзавкомам, которые, будучи относительно безвластными, чтобы отстаивать рабочие интересы, стали объектом рабочего недовольства. Отчасти это было результатом новой иерархии и социальной стратификации, возникшей на предприятиях, отчасти обусловлено тем, что задачи фабзавкомов были трудны, а их работа — малоэффективна, особенно на петроградских металлических заводах. Парадоксально, пишет У. Розенберг, но после Октября диктатура пролетариата помогла разрушить элементы рабочей солидарности, что выражалось и в деятельности фабзавкомов), которые сыграли столь важную роль в успехе 1917 г. [Ibid., p. 238].

Параллельно с социальными исследованиями Гражданской войны с 1980-х гг. и до настоящего времени в качественно новой методологической ситуации активно ведутся исследования ее политической истории. Проблема взаимоотношений рабочих и белых правительств рассматривается авторами в контексте анализа внутренней политики антибольшевистских режимов, их политических, социальных программ, методов реализации военно-политического курса, осмысления причин поражения антибольшевистского движения. Как верно отметила в своей историографической работе Л. Г. Новикова, в обобщающем военно-политическом исследовании И. Модсли «Российская гражданская война» (1987) белые предстают не как пассивные жертвы обстоятельств, а как деятельные политические акторы, в значительной мере повинные в собственных неудачах, в том числе в неспособности создать прочную социальную базу [Новикова, с. 144].

Если белые правительства оказались несостоятельными в реализации своих задач, то большевики, по И. Модсли, смогли сформулировать популярные

лозунги, проявили способность к четкой административной организации и дисциплине, эффективно использовали террор, что и стало главными причинами их победы в гражданской войне [см.: Mawdsley, p. 274]. И. Модсли анализирует в своем труде широкий круг вопросов: внутреннюю и внешнюю политику большевиков и их противников с октября 1917 г. по ноябрь 1920 г., ход военных действий гражданской войны, политические процессы в большевистской партии и ее взаимоотношения с другими политическими силами, Советами, массами. В частности, автор касается и вопроса о взаимоотношениях рабочих и правящей партии, обращая внимание на то, что большевики в 1918 г. столкнулись с вызовом даже в среде рабочего класса [Ibid., p. 273] и приложили затем немало усилий для поддержания связей с рабочими массами [Ibid., p. 247]. Важным положением труда И. Модсли является вывод о том, что «гражданская война может быть намного лучше понята, когда будут созданы объективные региональные исследования» [Ibid., p. 274], что, по сути, совпало с направленностью развития современной историографии проблемы, активно разрабатываемой на региональном и локальном уровнях.

Для осмысления проблемы взаимоотношений рабочих и антибольшевистских властей определенный материал дает фундаментальная монография британского историка Дж. Смита о правительстве адмирала Колчака. В ней автор показал, что сибирская власть оказалась неспособной решить ни одну из серьезных экономических, социальных и политических проблем, что, наряду с другими факторами, повлияло на исход борьбы и отношение к Колчаку массовых слоев населения, в том числе рабочих. Смит нарисовал масштабную картину некомпетентности, алчности, своекорыстия, ослаблявших правительство Колчака, доказал, что поражение белых на востоке — результат не столько побед Красной армии, сколько стратегических, тактических и политических просчетов колчаковского правительства [см.: Smele].

Н. Перейра в работе «Сибирь: политика и общество в гражданской войне» (1996), рассматривая причины поражения Колчака, затрагивает обозначенную нами проблему. Автор говорит об откладывании решения не связанных с войной задач до победы над большевиками, концентрации власти над населением в руках полевых командиров, которым рядовые граждане были безразличны, «сползании» правительства Колчака вправо весной 1919 г. В результате, как отмечает Н. Перейра, применение «военного права» стало настолько обычным явлением, что «даже закаленные правительственные чиновники», такие как начальник Уральского края С. С. Постников, стали протестовать [Перейра, с. 108—110]. Н. Перейра показывает также расцвет коррупции и хищений в армии Колчака, финансовый хаос, вызванный неразумной и «слишком решительной» денежной реформой, роль земельной политики, не нашедшей поддержки крестьянства [Там же, с. 111—118] и, добавим от себя, уральских рабочих, имевших земельные владения.

Н. Перейра обозначает и обосновывает эволюцию в отношениях населения и колчаковского правительства: «На ранней стадии было ясно, что в Сибири разгром власти большевиков приветствовали все слои населения, но 2—3 месяца спустя, особенно к зиме 1918—1919 гг., картина резко изменилась» [Там же, с. 116]. Автор обращает внимание на факт, характеризующий отношение

колчаковского режима к рабочим, как в капле воды отражающий особенности политического курса и методы его осуществления: после взятия Сибирской армией под командованием Р. Гайды Перми «победа была омрачена кровавой акцией “умиротворения”»: около 1,5 тыс. рабочих Мотовилихинского завода были брошены в Каму на том основании, что они были большевиками, но ничего не было сделано для выяснения истины — на самом ли деле эти люди были большевиками» [Там же, с. 106].

Современные методологические подходы к изучению темы, в рамках которых практики, а не структуры рассматриваются как главный объект социального анализа, требующего учета субъективности действующих индивидов, были реализованы в ряде основательных работ П. Холквиста, Д. Санборна и др. Как отмечает Л. Г. Новикова, значительное влияние на современные исследования Гражданской войны оказали подходы «новой культурной истории» и «новой политической истории», позволившие создать новаторские интерпретации войны. В сферу рассмотрения приверженцев данных направлений включаются менталитет и массовые представления, идеологии, символы и ритуалы, язык и массовые действия, которые рассматриваются как исторический текст, подлежащий смысловой расшифровке. В центре внимания оказываются не идеологии, как было ранее, а политические практики, причем не столько «верхов», сколько представителей среднего и низших политических звеньев, а Гражданская война изучается как часть общего военно-революционного кризиса, начавшегося с Первой мировой войной [Новикова, с. 152—153].

В фундаментальном исследовании П. Холквиста «Вести войну, ковать революцию: континуум кризиса в России, 1914—1921» возникновение советского государства связывается с практиками мобилизации и насилия, начавшими осуществляться с Первой мировой войны и получившими развитие в условиях Гражданской войны. Применяя, как и царское правительство, политику тотальной мобилизации и массовой пропаганды, порожденную мировой войной, большевики перенесли данные методы в политическую жизнь, а затем инкорпорировали их в послевоенную политическую структуру [см.: Holquist, p. 141—239]. Формулируя методологическое положение, важное для понимания общего фона и контекста действий противоборствующих сил, П. Холквист отмечает, что политические и социальные практики, выработанные имперским государством в ситуации тотальной войны, конструировали общее наследие для всех движений этого периода, и Россия в этом отношении не отличалась от Европы [Ibid., p. 238]. Специфика России в сравнении с Европой заключалась, по мнению автора, в отсутствии сети институтов, которые бы проникали в общество наподобие французской республиканской школьной системы или британской партийной структуры. В результате военные и государственные институты в России стали суррогатами отсутствующих гражданских институтов. «Государственное сознание», характерное для российского общества, проистекало, в частности, из этого упования на государство в отсутствие других гражданских структур [Ibid., p. 238].

В отличие от представителей ревизионистской историографии, П. Холквист призывает выявлять элементы преемственности не только в социальных и

демографических структурах, рассматриваемых в более длительной исторической перспективе, но и в военно-политических. Так, он говорит о преемственности методов управления дореволюционного и постреволюционного периодов, в частности функций политической полиции МВД (милиции Временного правительства) и ЧК по сбору информации о настроениях населения, которые были проявлением практики гражданского управления. Поэтому недостаточно, по мнению исследователя, говорить только о «милитаризации» российской политической жизни в годы Гражданской войны. Необходимо также учитывать, что именно годы мировой войны и революции породили «гибридные» военно-политические структуры в рамках военных и политических институтов, что получило дальнейшее развитие в период Гражданской войны [Holquist, p. 238—239]. Особое внимание в своей монографии, написанной на материалах донского казачества, автор уделяет теме продовольственного снабжения населения, проблеме применения государственного насилия, созданию системы политического контроля, взаимодействию государственной политики и форм ее применения на местах, влиянию политических процессов на жизнь рядовых граждан.

Изучение политических процессов периода Гражданской войны с использованием таких категорий, как политическая культура и политические практики, позволило автору осуществить интерпретацию отношений власти и масс, в том числе рабочих. Так, П. Холквист исследует феномен советской власти как репрезентацию политической культуры массовых слоев населения. Он обоснованно отмечает, что в первой половине 1918 г. широко распространенная приверженность масс революционному порядку проявляла себя в лояльности к Советам как институту в большей степени, чем по отношению к любой конкретной политической партии. Это означало отвержение старого режима и инверсию предшествующей социальной иерархии на локальном и национальном уровнях [Ibid., p. 141—142]. Материалы отечественных исследований в целом подтверждают выводы П. Холквиста о политических настроениях и взглядах рабочих, их отношении к советской власти. В то же время нюансы отношений властных структур и рабочих, их специфические социальные, профессиональные, территориальные вариации могут быть выявлены только на основании региональных и локальных исследований.

Близкий подход к рассмотрению эпохи российской Гражданской войны как части более длительных, имеющих общую логику политических процессов 1905—1925 гг. демонстрирует в своем обширном исследовании Д. Санборн («Мобилизуя российскую нацию: воинская обязанность, тотальная война и массовая политика, 1905—1925») [Sanborn]. Эта логика, по Д. Санборну, порождена появлением феноменов массовой политики, пропаганды и массовой армии как элементов российской социально-политической жизни в период буржуазной модернизации, имеющих общеевропейскую природу. При этом автор выявляет культурную основу и идейно-психологическую составляющую данных феноменов, выражающуюся в формировании концептов, образов, массовых интерпретаций, воплощавших и определявших происходившие перемены. Д. Санборн показывает влияние Первой мировой войны, создавшей тотально мобилизованное общество, а затем революционных процессов и

периода Гражданской войны на ускорение формирования и трансформацию облика и самой идеи российской нации. В частности, автор отмечает, что в годы Гражданской войны большевики создали «классовую» нацию путем объединения в ней различных категорий «трудящихся» и исключения национальных «париев», так же как предреволюционные официальные власти пытались объединить различные этнические группы под «зонтиком» российскости [Sanborn, p. 205]. Автор рассматривает процесс формирования российской нации в связи с конструированием и усвоением гражданской идентичности, принимавшей разные, но во многом преемственные формы. Мировая война, революция, а затем и гражданская война обусловили утверждение идеала гражданина-солдата, но понимание того, что это значит, и того, что значит быть мужчиной, в этот период существенно изменилось. Новое поколение молодых мужчин, вступивших во взрослую жизнь в условиях войны, революции и массового насилия, проявляло качества нового типа — агрессию, соединение силы и дисциплины, инициативы и подчинения. В этой новой социокультурной ситуации вопрос о том, как организовать и дисциплинировать насилие, был, по мнению автора, центральным для большевиков в этот период [Ibid., p. 206–207]. Д. Санборн рассматривает методы политики и пропаганды, применявшиеся большевиками с этой целью, в частности использование ими идентификации концептов трусости и предательства для формирования гражданско-военной этики красных [Ibid., p. 146].

В рамках другого направления западной историографии рассматриваются проблемы элементарного физического выживания и приспособления людей к трудным условиям в годы гражданской войны [см.: Новикова, с. 151]. Их успешное решение, как отмечает Л. Г. Новикова, косвенно способствовало упрочению советского режима [Там же].

Таким образом, в рассмотрении проблемы взаимоотношений власти и рабочих в трудах представителей западной историографии можно выявить ряд общих тенденций. Во-первых, значительный «прорыв» в изучении социальных аспектов проблемы в рамках «ревизионистской» историографии 1980-х гг., выразившийся в изучении параметров, характеризующих социально-экономическое положение, демографические и миграционные сдвиги в рабочей среде в годы Гражданской войны; исследовании форм социального протеста рабочих, путей и характера вовлечения рабочих во властные структуры, проблем их взаимоотношений с большевистской партией, партийной интеллигенцией, различными политическими и социальными группами общества. Во-вторых, значительное продвижение в последнее пятнадцатилетие на пути изучения политических процессов, происходивших в условиях российской Гражданской войны, политической культуры и социально-политических практик власти и массовых слоев населения, в том числе рабочих, предпринимаемого на основе новейшего интеллектуального инструментария социально-гуманитарных наук. В то же время призыв целого ряда западных авторов осуществлять региональные и локальные исследования остается применительно к рассматриваемой теме актуальной научной задачей.

Новикова Л. Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отеч. история. 2005. № 6. С. 142–158. [Novikova L. G. Grazhdanskaya vojna v Rossii v sovremennoj zapadnoj istoriografii // Otech. istoriya. 2005. N 6. S. 142–158.]

Перејра Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. 199 с. [Perejra N. Sibir': politika i obschestvo v grazhdanskoj vojne. M., 1996. 199 s.]

Фитцпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 344–363. [Fitzpatrick SH. Grazhdanskaya vojna v sovetskoj istorii: zapadnaya istoriografiya i interpretatsii // Grazhdanskaya vojna v Rossii: perekrestok mnenij. M., 1994. S. 344–363.]

Fitzpatrick Sh. The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in the Early Soviet Years // Slavic Review. 1988. Vol. 47, №. 4. P. 599–613.

Haimson L. Civil War and the Problem of Social Identities in Early 20th Century Russia // Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. Bloomington, 1989. P. 24–47.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge ; Mass. ; London, 2002. 359 p.

Koenker D. P. Introduction. Social and Demographic Change in the Civil War // Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. P. 51–57.

Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987. 351 p.

Party, State and Society in the Russian Civil War : Explorations in Social History. Bloomington, 1989. 450 p.

Rosenberg W. Russian Labor and Bolshevik Power after October // Slavic Review. 1985. Vol. 44, №. 2. P. 213–238.

Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003. 288 p.

Smele J. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. N. Y., 1996. 759 p.

Suny R. Class and State in the Early Soviet Period : a Reply to Sheila Fitzpatrick // Slavic Review. 1988. Vol. 47, №. 4. P. 614–619.

Статья поступила в редакцию 24.01.2013 г.

УДК 930(520) + 94(519)

Д. А. Суровень

**СВЕДЕНИЯ ЯПОНСКИХ ИСТОЧНИКОВ
О ПОДГОТОВКЕ ПРАВИТЕЛЬНИЦЕЙ ДЗИНГУ
КОРЕЙСКОГО ПОХОДА В СИЛЛА 346 Г.
Окинага-тараси-химэ в Юго-Западной Японии***

Сопоставляются материалы местных источников Юго-Западной Японии и древнеяпонских официальных источников о подготовительных мероприятиях государыни Дзингу перед походом в Силла 346 г.

Ключевые слова: Древняя Япония; Ямато; Тёяй; Дзингү; Окинага-тараси-химэ; Сираги; Силла; Самхан; поход 346 г.; «Кодзики»; «Нихон-сёки»; «Хидзэн-фудоки»; «Сумиёси-ки»; «Сэндай кудзи-хонки»; «Самкук-саги».

Продолжая наши исследования в области истории раннего Ямато [см.: Суровень, 1999; 2012; 2011а; 2011б], мы начинаем серию статей о событиях середины IV в. н. э., связанных с Корейским походом японцев против государства Силла.

После того как на основе сопоставления материалов древнеяпонских источников с корейскими удалось решить проблему точности древнеяпонской хронологии конца царствования государя Тёяя (343–346 гг., испр. хрон.), умершего в год Корейского похода государыни Окинага-тараси-химэ (Дзингү, 347–389 гг. испр. хрон.) в государство Силла, и определить время этого Корейского похода японцев в Южную Корею, который по корейским источникам датирован 346 г. [см.: Суровень, 1998а; 1998б; Ким Бусик, с. 107–108], стало возможным говорить о реальности событий, связанных с подготовкой и организацией данной военной экспедиции в Самхан¹. В последние годы японские исследователи собрали сказания Юго-Западной Японии (прежде всего Северного Кюсю) о деяниях государыни Окинага-тараси-химэ в данном регионе². Поскольку этот вопрос слабо исследован в западной и российской исторической науке, существует необходимость сопоставить материалы местных источников Юго-Западной Японии со сведениями официальных письменных источников о подготовительных мероприятиях государыни Дзингу к походу в Корею.

Подготовка к походу на Силла началась после смерти Тёяя в 346 г. (испр. хрон.) [Суровень, 1998а, с. 161]. В «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги»³ сообщается, что после смерти государя Тёяя «его супруга [государыня] Дзингу, пятнадцатого поколения человеческих повелителей, провозгласила следующее своему министру Такэси-ути [Такэути-но *сукунэ*]: “Санкан (кор. Самхан) —

* Публикуется первая часть исследования. Окончание в следующем выпуске журнала.

¹ 三韓 — кор. *самхан*, др.-яп. *Митсу-но Кара*, совр.-яп. *Санкан* — Три Кара.

² Изучением сказаний о государыне Дзингү занимался Цукагути Ёсинобу [Цукагути, 1981; см. также: Grapard, p. 23, p. 8]. См. карту местностей на Северном Кюсю, связанных с деятельностью государыни Дзингү : [Дзингү-кōгō дэнсэцу].

³ Средневековый источник, формирование которого завершилось в период Эдо.

богатая земля, завещанная покойному императору [Тѳою] божествами, но эта [страна] — враг нам. Хотя я женщина, я сплочу богов Небес и Земли и поработчу ту землю». Растроганный этим государевым намерением министр [Такэути-но *сукунэ*] не отвечал какое-то время; затем он с уважением доложил следующее: «Так как та земля [Силла] — далеко, и так как [первая] половина года [благоприятная для плавания] уже прошла, [и сейчас] время, когда моря трудны для измерения глубины, [то] мы должны решить, без задержки, при помощи предсказания о времени и месте [начала похода] и затем погрузиться [на корабли]» [Rokugō..., р. 27–28].

На основе анализа материалов «Сумиёси-ки» 731 г. и «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги» можно сделать вывод, что государыня Окинага-тараси-химэ из дворца Касихи-но *мия* в Северном Кюсю вернулась во дворец Тоёура (Тоюра) в Анато (в провинции Нагато в Юго-Западном Хонсю) [где во дворце временного захоронения (яп. *могари-но мия*) находилось тело покойного Тѳоя]. Здесь государыня жила до времени похода против кумасо, который состоялся в 3-м месяце 9-го года правления Тѳоя (346 г. испр. хрон.) [см.: Нихон-сёки, 1997, с. 265; Сумиёси-ки]. «В царствование государыни Окинага-тараси-хи[мэ], управлявшей и вскармливавшей страну Восьми великих островов (*бясима-но кун*) из дворца Тоёура-но *мия* в [области] Анато, [до того как государыня] изволила усмирить страну Кумасо-но *кун*...» (Сумиёси-ки, Фунаки-ра-но хонки)⁴. «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги» сообщает: «Вслед за этим в то время, как строительство государевой резиденции шло полным ходом в Тоёура в области Нагато, было проведено собрание божеств Небес и Земли, и великих, и малых. Они (устаи своих жрецов. — Д. С.) представили свою поддержку следующим образом: “Это — подходящее местоположение для [проведения] совета [о] войне и для подготовки флота”. Государыня была чрезвычайно рада, и, хотя она была женщиной, её сердце было полно доблести. Она тогда обнародовала указ для Управления вероисповедания⁵, после чего день и направление [военного похода] были предсказаны» [Rokugō..., р. 28].

Для реализации своих планов государыня Окинага-тараси-химэ в конце 2-го месяца 346 г. (испр. хрон.) из Юго-Западного Хонсю снова перебралась в Северный Кюсю. В связи с этим местный источник Северного Кюсю — «Касихи-но мия энги», цитируемый в «Хатиман Уса-но мия ми-такѳсэн-сѳо»⁶, сообщает, что государыня Дзингѳ (здесь: Отараси-химэ) в качестве резиденции выбрала дворец Касипи-но *мия*⁷.

⁴ 「穴戸、豊浦、宮大八嶋國所知食^を氣長帶比古[女]皇后、御世、熊襲國乎平賜支。」[Сумиёси-ки].

⁵ 神祇官 яп. *дзинги-но цукаса* / *дзинги-кан* — досл. «управление небесных и земных божеств» см.: [Rokugō... р. 28].

⁶ 『香椎宮縁起』«Касихи-но мия энги» («История происхождения дворца Касихи»), цитируемый в «Хатиман Уса-но мия ми-такѳсэн-сѳо» («Собрании священных предсказаний [оракула божества] из дворца Хатиман Уса», 1290–1313).

⁷ 「香椎宮縁起云、『善紀元年【壬寅】從大唐、八幡(傍書、大帶姫也)大菩薩日本還給、不知之間、求^レ御住所給、筑前國、香椎居住給。』» «Касихи-но мия энги» говорит: “1-й год эры *Дзэнки* (досл. «хорошая эра») ([приходится на] год мидзуноэ-тора, 39-й год цикла (342 г. — см.: [Цыбульский, с. 99]). [Когда] из великого Китая (кит. *Да-тан*) [бог войны] Хатиман [др.-яп. *Я-ната*, яп. *Яхата*] (по другой книге — это Отараси-химэ [т. е. Окинага-тараси-химэ]) — Великий бодхисатва (菩薩 яп. *босацу*, кит. *пў’са* — санскрит. *бодхисатва*; *божество*; *святой*, *бессмертный*...) [БКРС, т. 2,

И в этот период наиболее ярко проявился характер власти Окинага-тараси-химэ как верховной жрицы (так как она в это время не могла выступать как правительница — ведь “официально” умерший Тёюай был “жив”). «... Государыня... сама жрицей⁸ стала...» (9-й г. пр. Тёая, 3-й мес., 1-й день). Она строит святилища, устраивает моления, вопрошает богов, приносит жертвы богам [Нихон-сёки, 1997, с. 264]. Местные источники сообщают, что в местности Мии города Курабэ префектуры Фукуока находится камень Сэкурабэ-иси, на котором государыня Дзингу гадала об удаче похода против Силла [см.: Кумасо-сэйхацу (2), там же фото камня].

Так, в селении Воямада-но *мура* в Тикудзэн⁹ государыня Дзингү приказала возвести «дворец для обряда очищения» (в связи со смертью государя Тёая). Как говорится в «Нихон-сёки», «...государь не последовал наставлению божества и оттого рано скончался. Захотела она узнать, что это было за божество, несущее пагубы, и отыскать страну, в которой были сокровища (т. е. Силла. — Д. С.). Потому отдала она повеление придворным вельможам и ста управам вину (яп. *цуми* [см.: Нихон-сёки, 1997, с. 445, п. 2]. — Д. С.) разрешить и ошибки исправить, а также возвести в селении Воямада-но *мура* дворец для обряда очищения» [Там же, с. 264].

Такие постройки, как дворец для обряда очищения, возводились на время, применительно к случаю и носили принципиально иной характер, чем постоянные храмы¹⁰. Далее в «Нихон-сёки» говорится: «В день новолуния *мидзуноз-но сару* (т. е. в 1-й день. — Д. С.) 3-го месяца государыня, выбрав благоприятный день, вошла во дворец для обряда очищения (в селении Воямада-но-*мура*. — Д. С.), сама жрицей стала, Такэути-но *сукунэ* повелела играть на священной цитре *кото*, Накатоми-но Икату-но *оми* призвала и назначила стоять в священном дворе (яп. *санива* — досл. «песчаный дворик» [см.: Ellwood, p. 206]. — Д. С.), слушать слова божества (яп. *юнива*. — Д. С.). И вот, возложила она на переднюю и заднюю часть цитры тысячу [кусочков] ткани, высокой [горкой наложенных кусочков] ткани и стала просить, говоря так: “Что это за божество, давшее недавно наставление государю? Прошу, чтобы имя мне открылось”...» [Нихон-сёки, 1997, с. 264]. Магический обряд испрашивания воли божества происходил под звуки священной цитры *кото* (которая была сама по себе ритуальным средством для привлечения божества) на священном дворе. «...Великий министр Такэсиути-но *сукунэ*¹¹ отправился на “пес-

с. 472]) в Японию изволил вернуться, в какое время — неизвестно, изволил [он] искать место для священного пребывания. [Тогда государыня Отараси-химэ] изволила проживать в [местности] Касихи (др.-яп. Касипи) области Тикудзэн...» [Хатиман Уса-но мия ми-такүсэн-сёб, Касихи-но мия энги].

⁸ 神主 — яп. *каниси*, досл. «распорядитель (хозяин) священной [церемонии]» см.: [Нихон-сёки, 1957, с. 241].

⁹ По сведениям «Вамёсё» [Нихон-сёки, 1997, с. 455, п. 3]; ныне местность Ино городка Хиса-яма уезда Касуя префектуры Фукуока [Кумасо-сэйхацу (1)]; см. фото святилища Ино-но Аматарасу-*миёками* в селении Воямада-но *мура* в: [Кумасо-сэйхацу (1)].

¹⁰ Например, Итуки-но *мия* — постоянный «очистительный храм» в Исэ, в котором поселялась для проведения обрядов очищения жрица богини Аматарасу — как правило, дочь правителя или ближайшая родственница, прибывавшая в храм Исэ из дворца) [Нихон-сёки, 1997, с. 455, п. 3].

¹¹ Такэути-но *сукунэ*.

чанный двор” и [снова] испрашивал повеленья богов...» [Кодзики, 1994, с. 81]. По-видимому, на этом дворе хранился рис, подносимый богам, и предполагалось, что в этом рисе может пребывать душа божества, спускаясь на него во время обряда [Нихон-сёки, 1997, с. 455, п. 4]. Ткани были одним из видов священных даров, подносимых божеству, которые также использовались как магическое средство для призвания божества и установления контакта с ним [Там же, п. 5].

Обряд длился семь суток. «Семь дней, семь ночей прошло, и, наконец, в ответ речено было: “Это богиня, пребывающая в храме Саку-сузу-исузу-но *мия*, в угодьях Ватараци, что простираются стократ¹², в стране Исэ-но *куни*, где дует ветер богов¹³; имя её — Туки-сакаки-иту-но *митама* ама-закару Мукацу-пимэ-но *микото*”» [см.: Нихон-сёки, 1997, с. 264—265] (совр.-яп. Цуки-сакаки-идзу-но *митама* ама-дзакару Мука-цу химэ) [Nihongi, p. 225]. Л. М. Ермакова указывает, что в храме Саку-судзу-исудзу-но *мия* (др.-яп. Саку-сузу-исузу-но *мия*)¹⁴, располагавшемся на берегу реки Исудзу местности Ватараци в Исэ, почитается не сама Аматэрасу, а её так называемая «грубая душа» [Нихон-сёки, 1997, с. 456, п. 8]. Скорее всего в обряде речь шла не об Аматэрасу (культ которой тогда ещё окончательно не сложился), а просто о божестве солнца (*хи-но ками*), почитаемом в Исэ (возможно, это была богиня *О-хирумэ* — старшее солнечное божество, так как далее названа Вака-хирумэ — младшее солнечное божество [см.: Там же, с. 265, 456, п. 9]). Р. С. Элвуд обратил внимание на то, что когда Дзингү получила повеление от *ками* (как предположили составители и комментаторы «Нихон-сёки» — от Аматэрасу [см.: Там же, с. 456, п. 8]), это божество представило себя и как живущее в Исэ, и как знатную женщину (*химэ*) из Мукацу («противолежащей земли», т. е. из Кореи) [Ellwood, p. 207]. В. Г. Астон истолковывает её имя как «Почтенный дух посаженного дерева *сакаки* (*Cleyera Japonica*), знатная женщина удалённой от небес (*ама*) [страны] Мукацу (т. е. Кореи)» [Nihongi, p. 225; 225, п. 7]. Л. М. Ермакова переводит данный теоним как «Госпожа, воткнутая [в землю] ветвь *сакаки*, священная душа (*митама*) — отдалённая от неба (*ама*) Тамошняя дева (Мукату-пимэ)» [Нихон-сёки, 1997, с. 456, п. 8]. Таким образом, подчёркивают исследователи, богиня Мукацу-химэ, как «грубая душа» богини солнца, представляет сама себя как корейское божество [Nihongi, p. 225, п. 7; Ellwood, p. 207]. Кроме того, участвовавшими в обряде были названы бог Кото-сиро-нуси и тройное морское божество Сумиёси (Суминоэ) — Вата-цуми (др.-яп. *Упа-туту-но во, Нака-туту-но во,*

¹² «Что простираются стократ» — постоянный эпитет (*макура-котоба*) к топониму Ватараци (совр.-яп. Ватараци), часто встречающийся в «Манъёсю» [Нихон-сёки, 1997, с. 456, п. 7; Nihongi, p. 225, п. 6].

¹³ «Где дует ветер богов» — постоянный эпитет (*макура-котоба*) к топониму Исэ, часто встречающийся в «Манъёсю» [Там же].

¹⁴ Др.-яп. *Саку-сузу-исузу-но мия*; где *саку* — «открывать», «трескаться», здесь, видимо, отображение звука колокольчиков; *сузу* — «колокольчик»; *и* — обладает разными значениями: «пять десятков», «множество», «священный»; полный перевод названия храма звучит так: «Храм трещащих колокольчиков, пяти десятков колокольчиков» [Нихон-сёки, 1997, с. 455—456, п. 6]. В. Г. Астон перевёл это название как «Святылище треснувшего колокольчика [на берегу реки] Исудзу» [Nihongi, p. 225; 225, п. 6].

Соко-туту-но во) [см.: Нихон-сёки, 1997, с. 265, 456, п. 11]. В «Хатиман гудёкун» (нач. XIV в.) названы Аматаэрасу-ёками и Великое светлое божество Сумиёси [см.: Исора-га саки...]. Р. Эллвуд обратил внимание на то, что большинство божеств периода правления государыни Дзингү, подобно богине солнца (позднее — Аматаэрасу) и Сумиёси-но ками, имеют связь с морем. А именно, религия данного периода государыни-шаманки сконцентрирована на земной космологии, где море играло важную роль [Ellwood, p. 207]. «Тогда, получив речения богов, в соответствии с наставлением этим государыня совершила обряды [в честь вышеназванных богов]...» [см.: Нихон-сёки, 1997, с. 265]. В «Кодзики» раскрывается содержание веления божеств, переданного оракулом: «...“И если нынче, в самом деле, помышлять о завоевании той страны [Силла], то надлежит принести дары всем-всем божествам неба, божествам земли, а ещё божествам гор, а также божествам рек и морей, нашу душу священную (грубую душу божества солнца. — Д. С.) на ладью поместить, в тыкву вложить пепел священного дерева, во множестве палочки для еды и плоские блюда изготовить и пустить всё это плавать по морю великому, а уж после этого переход по морю совершать”, — так рекли. Посему всё это было сделано в точности, как было речено в поучении...» [Кодзики, 1994, с. 82]. Смысл обряда исследователи поясняют так: тыква с пеплом священного дерева внутри, плывущая по волнам, плоские блюда (которые изготовляли из листьев дерева касива — разновидности дуба), с магической целью пущенные по воде вместе с деревянными палочками для еды, — всё это действие как магическое средство должно было по принципу сходства обеспечить военным ладьям благополучный морской переход [Кодзики, 1994, с. 134, п. 101, 102].

Из местных источников Северного Кюсю известно, что во время Корейского похода государыня Дзингү здесь же, в уезде Касуя, совершала моления в расположенном на вершине горы Вакасуги-но яма храме Тайсо-но мия (досл. «храме-дворце великого предка», посвящённом богу Идзанаги)¹⁵.

В Хидзэн (в округе На-но агата) Дзингү создает «поля богов»¹⁶, т. е. храмовое хозяйство. Причём здесь она действует как любой другой древневосточный правитель, создавая систему ирригации этих полей, для орошения которых от реки На-но гава был отведён канал Сакута (2-й, 3-й и 4-й месяцы 9-го года пр. Тюоя [346 г. испр. хрон.]) [Нихон-сёки, 1997, с. 266; Сумиёси-ки]. Следует обратить внимание на то, что ныне в местности Ясутоку городка Накагава уезда Тикуси префектуры Фукуока, рядом с храмом Сакута-дзиндзя (где почитается государыня Дзингү-кёгё) протекает маленькая река, которая называется Сакута-но унадэ (Канал Сакута)¹⁷.

Кроме того, из местных источников известно, что государыня Дзингү для орошения горных полей (яп. *яма-та*) приказала построить запруды (сточные колод-

¹⁵ В землях нынешнего городка Сасагури-мати [Каэри-мити 3].

¹⁶ 神田 — яп. *ками-но та* — «поля богов, священные поля» [Нихон-сёки, 1957, с. 244; см.: Ellwood, p. 206].

¹⁷ См. фото канала Сакута около храма Сакута-дзиндзя [Кумасо-сэйхацу (2)].

цы) для сбора дождевой воды¹⁸. Они ныне находятся внизу от святилища Фусими-дзиндзя (где почитается младшая сестра государыни Дзингү — Ёдо-химэ)¹⁹.

Есть ещё один аспект деятельности верховной жрицы. Мисина Акихидэ обратил внимание на раннюю практику острова Окинава, когда верховная жрица (обычно сестра правителя)²⁰ возглавляла военные кампании. Японский исследователь сравнил эти сведения с сообщением «Хатиман Уса-но мия готакусэн-сё» и «Фусё-рякки» о том, что шаманки святилища Уса Хатиман участвовали в военных экспедициях²¹. Мисина Акихидэ связал вышеуказанные материалы о военно-религиозных функциях верховных жриц Южной Японии со сказанием о государыне Дзингү [Akima, p. 120]. Таким образом, с точки зрения древних японцев, получается, что Окинага-тараси-химэ возглавляла войска прежде всего не как главнокомандующий, а как верховная жрица, служившая проводником воли божества во время военных операций.

Как указывает М. В. Воробьев, в связи с подготовкой к походу на Силла опять возник вопрос о покорении кумасо [Воробьев, с. 107], видимо, для того, чтобы обеспечить надежный тыл войскам Ямато, которые следовали в Корею через Кюсю. Кроме того, А. Р. Мардер считает, что государыне Дзингү стало известно о том, что мятежники кумасо получили помощь от корейского государства Силла [Marder, p. 4]. Поэтому ей в 3-м месяце 346 г. [испр. хрон.] пришлось завершать дело, начатое еще Тёаем, и разгромить кумасо. Войска правительницы действовали в двух направлениях.

Во-первых, собственно поход против Кумасо-но куни (в Южном Кюсю) был поручен Камо-вакэ (предку клана Киби-но оми). «Не прошло и цикла полного дракона (яп. *сё-син*, кит. *цзя-чэнь*; цикл в двенадцать дней), как [кумасо] сами подчинились»²² (9-й г. пр. Тюоя, 3-й мес.) [ср.: Нихон-сёки, 1997, т. I, с. 265]. В «Сумиёси-ки» по этому поводу сказано: «В царствование государыни Окинага-тараси-хи[мэ], управлявшей и вскармливавшей страну Восьми великих островов (бясима-но куни) из дворца Тоёура-но мия в [области] Анато, [государыня] изволила усмирить страну Кумасо-но куни» (Сумиёси-ки, Фу-

¹⁸ 井堰 — яп. *исэки* — плотина [ЯРС, с. 183]; *вм.* 井堰 — кит. *цзин-янь* — * сточные колодцы (место стока... дождевых вод) [БКРС, т. 2, с. 981]; где 堰 — кит. *янь* — сущ. ... *запруда*. [Там же, с. 325].

¹⁹ Ныне местность Ямата городка Нагава уезда Тикуси префектуры Фукуока; см. фото святилища Фусими-дзиндзя, около которого находятся сточные колодцы для сбора дождевой воды, построенные по приказу Дзингү [Кумасо-сэйхацу (2)].

²⁰ 聞得大君 — яп. *кикоэ даими* — верховная жрица на о. Окинава [Akima, p. 119].

²¹ Так, верховная жрица святилища Уса Хатиман по имени Карасима-но маса (*сугури*) Хадзумэ (потомок Карасима-но маса [*сугури*] Отоме, которая, как говорит «Хатиман Уса-но мия готакусэн-сё», вместе со жрецом Фмива-но Хиги основала святилище Хатиман) в 720 г. возглавила военный поход против людей хаято, обитавших на южной оконечности острова Кюсю, которые часто подняли восстания против центрального правительства [Akima, p. 119]. В «Хатиман Уса-но мия готакусэн-сё» сообщается: «Эта жрица, Карасима-но маса Хадзумэ, служила посохом для великого бога [Хатиман]» [цит. по: Akima, p. 120]. В этой цитате слово «посох» («палка») означает «приверженец» или «исполнитель [воли] бога», сам посох был символом религиозной власти.

²² 「未經^レ浹辰、而自服焉。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 242]. То же самое написано в «Сумиёси-ки»: 「未經^レ浹辰、而自服焉。」 [Сумиёси-ки].

наки-ра-но хонки)²³. В тексте «Сумиёси-ки» много раз встречаются упоминания о покорении страны Кумасо-но *куни*. После этого похода, как отмечают исследователи, упоминания о стране и народе кумасо совершенно исчезают из древних японских хроник. Высказывается предположение, что после подчинения кумасо двором Ямато их перестали называть по местности (Кумасо-но *куни*), а стали называть собственным именем этого народа — хаято, которое встречается в записях VI—VIII вв. [Древние фудоки, с. 177]. Однако следует обратить внимание на то, что исходя из содержания «Реестра наместников» (св. 10-го) «Кудзи-хонки», народ *сō* (как часть этноса *кумасо*) и народ *хаято*, хотя и были родственны друг другу, но являлись разными народами (Кудзи-хонки, св. 10-й, *Осуми-но куни-но мяццуко*)²⁴. Народ хаято проживал в Южном Кюсю на землях Сацума и *Осуми*, народ кума — в западной части среднего Кюсю (ныне префектура Кумамото), а народ *со* (*сō*) — в восточной части среднего Кюсю и юго-восточном Кюсю (область Химука и отчасти полуостров *Осуми*). Из этого следует, что кумасо и хаято — близкие этносы, жившие на соседних территориях, но отнюдь не один и тот же народ. В связи с этим в «Сумиёси-ки» сказано: «[В] царствование государя [Тёбая], управлявшего территорией [страны] из [дворца Касихи], покарала [мятежников] в двух странах [народов] кума [и] со»²⁵ (Сумиёси-ки, Санка хō-ки хонки, [Тёбай]).

Главное же направление возглавила сама Дзингū (она действовала в Тикуго против цутикумо, т. е. потомков народа вожэнь на землях бывшего государства Нью-ван-го). Первый удар был нанесён по вождю (?) общины Ноторита-но *мура*²⁶ по имени Хасиро *Кума-васи* (др.-яп. *Пасиро Кума-васи*)²⁷. Исследователи указывают, что он был членом сильного знатного рода на территории нынешнего уезда Асакура и города Амаги, предположительно входившей в состав владения III в., в китайских источниках называемого Ематай-го (яп. *Яматай-но куни*) [Яматай-коку-но кōкогаку]. «Нихон-сёки» и «Сумиёси-ки» рассказывают одинаковую историю о покорении этих земель. «А в деревне Ноторита жил человек по имени Пасиро *Кума-васи*. Этот человек был силен и храбр... Он не подчин[я]лся велению государыни и часто нападал на людей и грабил их. В день цутиноэ-но нэ (17-й день 3-го месяца. — Д. С.) государыня решила расправиться с [Пасиро] *Кума-васи* и соизволила перебраться из дворца Касипи-но *мия* во дворец Матуо-но *мия*. В это время внезапно налетел вихрь и сорвал с государыни шляпу [яп. *микаса*]. Потому люди того времени и наиме-

²³ 「穴戸、豊浦、宮 大八嶋國 所知食^を氣長帶比古[女]皇后、御世、熊襲國乎 平賜支。」 [Сумиёси-ки].

²⁴ 「平隼人、同祖 初小。」 [СКХ]; ср.: 「隼人と同祖の初小」 «[Народ] *хаято* и [имеющий с ним] одинакового предка [народ] *сō*» [СКХ КТ].

²⁵ 「御宇天皇、御世、誅^を於熊襲、二國。」 [Сумиёси-ки].

²⁶ Нынешняя местность Нотори квартала Акидзуки города Амаги префектуры Фукуока [Яматай-коку-но кōкогаку].

²⁷ 羽白熊鷲 — досл. «[человек по имени] Васи (Орёл) [из народа] *кума[со]* (племени) Белых как перо» [Нихон-сёки, 1957, с. 242-243; Сумиёси-ки]. Некоторые исследователи переводят его имя как «Белокрылый Огромный Орёл» [Нихон-сёки, 1997, с. 456, п. 12] или как «Белый как перо медведь-орёл» [Nihongi, p. 226, п. 5].

новали то место Микаса» [Нихон-сёки, 1997, с. 265; Сумиёси-ки]. Исследователи отмечают, что аналогичное предание, объясняющее происхождение названия местности, содержится и в стихотворении «Манъёсё» (№ 561) [Нихон-сёки, 1997, с. 457, п. 13].

В местных преданиях и топонимике местности Ясу сохранились некоторые подробности сражения с Кума-васи. Из местных сказаний известно, что перед боем с ним государыня Дзингү в качестве ставки заняла вершину горы Токамитакэ [Кумасо-сэйхацу (1) (см. там же фото горы)], где её воины накануне битвы затачивали оружие. Отсюда и пошло название горы Токамитакэ (досл. «Горная вершина на точильном камне»). Именно здесь после победы Дзингү и произнесла свою фразу: «Моё сердце спокойно (яп. *ясу*)» [Кумасо-сэйхацу (1)].

Далее в источниках рассказывается: «В день каното-но у (20-й день 3-го месяца. — Д. С.) она прибыла в Сосоки-но, собрала войско, напала на Пасиро Кума-васи и убила его. И рекла приближённым: “Теперь, когда я справилась с Кума-васи, моё сердце спокойно [яп. *ясу*]”. Потому люди того времени и называли это место Ясу²⁸» [Нихон-сёки, 1997, с. 265; Сумиёси-ки] (9-й г. пр. Тюоя, 3-й мес., 17-й и 20-й день)²⁹.

В конечном итоге цутикумо (местности Микаса и Ясу в Тикуго [Nihongi, р. 226, п. 6]) были подчинены. Местные источники уезда Ямато в префектуре Фукуока сообщают, что после покорения равнины Цукуси (др.-яп. *Тукуси*) государыня Дзингү взошла на гору Мэкубари-яма, чтобы полюбоваться покорёнными землями. Поэтому гору и называли Мэкубари-яма (досл. «Гора взгляда на подвластные [земли]») ³⁰.

В «Сумиёси-ки» (в разделе «Изречения Великого божества [Сумиёси]») рассказывается о покорении местного вождя по имени Хавата Кума-васи («Медведя-Орла»), в результате чего его земли перешли под власть завоевателей. Родовое имя *Хавата*³¹, видимо, является ошибочным написанием близкого по начертанию родового имени *Хасиро* (др.-яп. *Пасиро*)³². Поэтому, надо полагать, речь в данном отрывке идёт о покорении предводителя Хасиро Кума-васи, известного по «Нихон-сёки» и более ранним разделам «Сумиёси-ки». «Наказав покорив [врага по имени] Х а в а т а (ошибочно вместо: *Хасиро*. — Д. С.) Кума-васи (Медведя-Орла), получили земли, [которые] называли Кума-тори (“[Земли, которыми] Медведь-[Орёл] обладал”)³³. Где-то в здешних местах останавливалась на отдых государыня Дзингү. «Земли, [где государыня Дзингү] вечером [того] дня (*хи*) изволила августейше ночевать, Хи-нэ (“Сон [того] дня”) называли. Из-за того, что [это место] находится у горы внутри боковой стороны

²⁸ Ныне городок Ясу уезда Асакура префектуры Фукуока [Яматай-коку-но кёкогаку].

²⁹ См. фото святилища Минаги-дзиндзя на месте победы над Хасиро Кумаваси (местность Нинаибара города Амаги преф. Фукуока). Построено при государе Нинтоку (418–425/427 гг. испр. хрон.) [Кумасо-сэйхацу (1)].

³⁰ Ныне местность Курида городка Мива-мати уезда Асакура префектуры Фукуока [Кумасо-сэйхацу (2)] (см. там же фото горы).

³¹ 羽白 — яп. *Хавата* [Сумиёси-ки].

³² 羽白 — др.-яп. *Пасиро*, совр.-яп. *Хасиро* [Сумиёси-ки].

³³ 「羽白熊鷲誅伏、得^レ地、熊取云。」[Сумиёси-ки].

(яп. *ёко-ути-яма*), поэтому [эта гора] Ёко-яма (“Боковая гора”) называется. Расположена на боковой стороне (яп. *ёко*) вершины (яп. *минэ*), поэтому [эта вершина] Ёко-минэ (“Боковой пик”) называется»³⁴. Дальше идёт не совсем ясный абзац: «От [этих] пиков на восточной окраине, [где] предводитель[ница] шест установила (яп. *цуэ-татэ*), есть два места. [В этих двух местах] Короси из местности Нисикори в Исикава (яп. Исикава-но Нисикори-но Короси) [и] Осими-но Тодзи³⁵ и другие спорили (яп. *сёрон*), разделённые водой»³⁶. Поэтому то [место], что местные люди называют “Цуэ-татэ” (др.-яп. Туэ-татэ), стало [называться] Ронги (досл. “Рассуждение, обсуждение, спор”)³⁷»³⁸ (Сумиёси-ки, Санка хё-ки хонки, Хавата Кума-васи).

Но в «Нихон-сёки» и «Сумиёси-ки» сохранилось ещё одно важное свидетельство. После победы над Хасиро Кума-васи, далее, в ходе военной операции, Дзингү двинулась в юго-западном направлении и оказалась в прибрежных к заливу Симабара землях, где захватила округ Ямато³⁹ провинции Тикуго (ныне уезд Ямато префектуры Фукуока⁴⁰, т. е. местность, где исследователи локализуют прежнюю резиденцию правительниц Нью-ван-го III в. во владении Ематай-го). Из местных сказаний известно, что перед сражением войско Дзингү встало лагерем в местности Такано⁴¹. Местными властями здесь были правительница Табура-цу химэ (др.-яп. *Табура-ту нимэ*)⁴², *цуту-кумо* (др.-яп. *тутикумо*) по происхождению [см.: Уэмура, с. 21], и её старший брат (и, видимо, соправитель [?])⁴³ Нацуха (др.-яп. *Натуна*, совр.-яп. *Нацува*) [см.: Нихон-сёки, 1997, с. 265]. Исследователи указывают, что Нацуха и его младшая сестра считались потомками женщины Каму-нацу-со-химэ (др.-яп. *Каму-нату-со-нимэ*, она же — Каму-наси-химэ), которая упоминается в событиях Западного похода государя Ётараси-хико (Кэйкō) [Кумасо-сэйхацу (1)] (около 338 г. испр. хрон.) как «главный предводитель» (яп. *кай-соти*, кит. *куй-шуй*) одного владения (яп. *куни*)» (Нихон-сёки, св. 7-й, Кэйкō, 12-й г. пр., 9-й мес.; см.: Бунго-фудоки, уезд Кунисаки; уезд Кунисаки, село Ими; уезд Хаями [Древние фудоки, с. 123, 121])⁴⁴.

³⁴「日晚御宿賜地日寝云。依有^レ横中山、故横山云。在^レ横嶺、故横嶺云。」[Сумиёси-ки].

³⁵「忍海、刀自^レ家。」— яп. *Осими-но Тодзи-но уз*, досл. «дом Осими-но Тодзи»; в начале раздела упомянут дом Осими-но Тодзи [Сумиёси-ки].

³⁶「水別」 вариант перевода: «[находясь по обе] стороны воды» [Сумиёси-ки].

³⁷論義 *вм.* 論議 — яп. *ронги*, кит. *лǔнь-й* — рассуждать, выступать с рассуждением; рассуждение [БКРС, т. 3, с. 237; см.: ЯРУСИ, с. 551].

³⁸「嶺東方頭杖立^レ在^レ二處。石川、錦織、許呂志、忍海、刀自^レ等、爭論水別。故俗謂^レ杖立爲^レ論義。」[Сумиёси-ки].

³⁹山門縣 — яп. *Ямато-но азата*, досл. «округ Горные ворота» [Нихон-сёки, 1957, с. 243; Сумиёси-ки].

⁴⁰ Земли между городами Ёмута (на юге), Янагава (на северо-западе) и Ямэ (на северо-востоке) в юго-западной приморской части префектуры Фукуока.

⁴¹「福岡県、山門郡、大和町、鷹尾。」; Такано — ныне городок Ямато-мати уезда Ямато префектуры Фукуока [Кумасо-сэйхацу (1)].

⁴² Возможно, *Табура-цу химэ* была преемницей правительниц *Ематай-го* III в. н. э.

⁴³ О правительницах *Ематай-го* III в. н. э. и их соправителях см.: [Суровень, 1995, с. 161–162, 169–170].

⁴⁴「爰有^レ女人。曰^レ神夏磯媛。其徒^レ衆甚多。一國之魁帥也。」[Нихон-сёки, 1957, с. 202; ср.: Нихон-сёки, 1997, с. 237]; подробнее см.: [Суровень, 2002].

Здесь, в округе Ямато, государыня Дзингү убила Табура-цу химэ [Уэмура, с. 21]. А Нацуха вместе с его армией обратила в бегство⁴⁵. «В день хиноэ-но сару (25-й день 3-го месяца. — Д. С.) она перебралась в уголья Ямато и убила там Табура-ту пимэ [из племени] тутикумо. В то время старший брат Табура-ту пимэ, Натупа, собрал войско и вышел навстречу государыне. Но, услышав, что его младшая сестра убита, бежал» [Нихон-сёки, 1997, с. 265; Сумиёси-ки] (9-й г. пр. Тёбая, 3-й мес., 25-й день). В разделе «Санка хё-ки хонки» в «Сумиёси-ки» сказано: «В царствование государыни (*сумэра-микото*) [Окинага-тараси-химэ], управлявшей территорией [страны Ямато], [которая] покарала две страны [народов] кума [и] сё, страну Сираги-но *куни* (кор. Силла-*кук*) и других покорить изволила, установила в западных дальних зависимых землях (западных варваров) [*мия*]кэ (кит. *тунь-цян* — досл. “накопительные амбары”) — в год хиноэ-сару (33-й цикл. знак)⁴⁶, 2-й месяц⁴⁷, день хиноэ-но сару⁴⁸ [эта государыня] прибыть изволила в округ Ямато-но *агата*, покарала цутикумо Нацуха (др.-яп. *тутикумо Натупа*) [и] убила Табура-цу [хи]мэ (др.-яп. Табура-ту пимэ)» [Сумиёси-ки, Санка хё-ки хонки, Дзингү]⁴⁹. Таким образом, вожди местного населения (цутикумо, а М. В. Воробьев полагал, что и кумасо) были разбиты [см.: Воробьев, с. 107].

О реальности данных событий может свидетельствовать следующий факт. Местные сказания уезда Ямато префектуры Фукуока сохранили некоторые подробности этих событий. После боя войны Табура-цу химэ похоронили её в большом кургане. Как отмечает Мураяма Кэндзи, в одном из старых сочинений провинции Тикуго — «Нантику-мэйран» (2-й пол. XVIII в.)⁵⁰ сообщается, что могила Табура-цу химэ находится в большом кургане рядом с входными воротами синтоистского святилища Оимацу городка Сэтака (пров. Тикуго, преф. Фукуока)⁵¹. Ныне это курган Гонгэндзука⁵² местности Ёкуса городка Сэтака уезда Ямато префектуры Фукуока⁵³.

О дальнейшей судьбе бежавшего полководца Нацуха местные сказания говорят, что тот укрылся в доме в местности Нацуёси⁵⁴. Когда сюда прибыла государыня Дзингү с войсками, она приказала своим воинам сжечь дом, в результате чего Нацуха погиб. Позднее, чтобы успокоить дух убитого Нацуха, из святилища Яхата (позднее — Хатиман) в Уса пригласили жрецов для проведения

⁴⁵ См. фото святилища Такао-дзиндзя, построенного по приказу императора Сэйва-тэннб в 869 г. на месте, где стояли лагерем войска государыни Дзингү перед сражением с людьми *цутикумо* округа Ямато [Кумасо-сэйхацу (1)].

⁴⁶ Ошибка: вместо *хиноэ-ума*, 43-го циклического знака — 346 г. (испр. хрон.).

⁴⁷ Ошибка: вместо “3-й месяц”.

⁴⁸ Ошибочно написано: *хиноэ хаба сару*.

⁴⁹ 「御宇天皇、御世、誅^レ於熊襲、二國、新羅國等平賜、成^レ西蕃、屯倉。丙申年、二月、丙申申。至^レ山門縣賜、誅^レ土蜘蛛夏羽、田油津女殺。」[Сумиёси-ки].

⁵⁰ 南筑明覽 яп. *Нантику-мэйран* — «Ясный обзор юга Тику[го]» [Мураяма, с. 102].

⁵¹ 「瀬高町 大塚 老松神社 楼門横。」— цит. по: [Мураяма, с. 102-103].

⁵² См. фото кургана: [Кумасо-сэйхацу (1)].

⁵³ 「福岡県、山門郡、瀬高町、大草」 [Кумасо-сэйхацу (1)].

⁵⁴ Ныне земли города Тагава префектуры Фукуока [Кумасо-сэйхацу (1)].

обрядов. В результате здесь было построено дворце Яхата-но *мия* (ныне святилище Вака-яхата-*дзиндзя*⁵⁵) [Кумасо-сэйхацу (1)].

Таким образом, можно предполагать, во владении Ямато-но *агата* (кит. *Ематай-го*), даже спустя сто лет после смерти государыни Бимиху (которая умерла ок. 247—248 гг.), сохранялась традиция дуализма верховной власти (диархии) [подробнее см.: Суровень, 1995], когда во главе владения стояла верховная жрица-правительница (в данном случае — Табура-цу химэ), а военные функции при ней выполнял мужчина-соправитель, являвшийся родственником верховной жрицы (здесь это был старший брат Нацуха, командовавший войском владения Ямато-но *агата*, кит. *Ематай-го*).

Таким образом, власти Ямато был подчинен последний осколок федерации III в. Нюй-ван-*го* — владение Ематай. В 1929 г. Сиратори Куракити высказал идею, что Ематай был завоёван силами Ямато в период после падения китайского округа Лолан в Корее (в 313 г.) и до вторжения в Корею войск Ямато в 391 г. (описанного в тексте на стеле Квангэтхо-*вана*). Сам Сиратори Куракити считал, что падение Ематай случилось около 370 г. [см.: Young, p. 166—167]. Но, как видно из вышеприведённого материала, это произошло на 24 года раньше — летом 346 г. Видимо, после захвата округа Ямато в Тикуго (резиденции правительниц объединения вожэнь III в.) сопротивление было сломлено [см.: Конрад, с. 37], т. к. был покорён, как можно предполагать, руководящий центр сопротивления вожэнь (цутикумо)⁵⁶ в Северном Кюсю.

«Сумиёси-ки» сообщает, что государыня бывала и в округе Ямэ-но *агата*, расположенном по соседству с Ямато-но *агата*. «На горе Фудзи-*яма* округа Ямэ-но *агата*, “владыка округа” Мидзунума-но *агата-нуси* [по имени] Сарутами доложил [государыне], говоря: “[Здесь] находится богиня, [которая] по имени зовётся Якакимэ-цу химэ (др.-яп. Якакимэ-ту пимэ). Постоянно находится на [этой] горе, [где] проводятся очистительные обряды для Великого божества”. В силу этого государыня [Дзингү] с помощью восьми сановников (яп. *дайбу*) [и] восьми красавиц провела очистительные обряды. Сама [обязанности] главного жреца (яп. *каннуси*) держала. О чём [местные жители] передавали друг другу предание. Ещё начальник государева стола и другие [повара]⁵⁷ оставили [здесь] чашки (яп. *сакадзуки*). Они забыли чашки в месте, [которое] называлось Укиха (др.-яп. Укипа). Ныне называется Мато — это на [местном] диалекте. Местные жители [области] Цукуси чашки называют *укиха*. Затем потомки Тэса-но сукунэ (приближённого государыни Дзингү. — Д. С.) [богу] Яками-во [и богине] Яками-мэ вместе стали служить» (Сумиёси-ки, Яками-во Яками-мэ хō ку-но хонки)⁵⁸.

⁵⁵ См. фото в: [Кумасо-сэйхацу (1)].

⁵⁶ В государстве Ямато потомков народа вожэнь на Кюсю называли цутикумо.

⁵⁷ 「膳夫等」 где 膳夫 — яп. *дзэмбу*, кит. *шань-фү* — 1) стар. повар; 2) ист. шеф царского стола [БКРС, т. 2, с. 465].

⁵⁸ 「八女縣、藤山仁 水沼縣主 猿大海 奏言:『有^レ女神、名曰^レ八神女津媛。常居^レ山中、奉^レ齋於大神』。由此皇后以八大夫、八美女奉^レ齋、自神主支。仍相傳也。又膳夫等遺^レ盞。其忘^レ盞、處曰^レ浮羽。今謂^レ的者、訛也。筑紫、俗、盞曰^レ浮羽也。仍手搓宿禰、子孫、八神男、八神女供奉。』[Сумиёси-ки].

После этого (как сообщает «Нихон-сёки») Окинага-тараси-химэ (Дзингү) из округа Ямато — по заливу Симабара на юг, а затем вокруг полуострова Симабара, по заливу Татибана, проследовала на север — видимо, тем самым традиционным путем, который был описан ещё в «Вэй-чжи» как путь из Идуго (яп. *Ито-куни*) в Ематай-го (яп. *Ямато-куни*) и обратно. Если судить по «Хидзэн-фудоки», она двигалась на кораблях (от земель нынешнего Нагасаки) вдоль северо-западного побережья Кюсю — на юго-западные земли у залива Омюра в селение Сука⁵⁹. «...В древнее время, когда императрица Окинага-тараси-химэ отправилась, чтобы покарать Сираги (кор. *Силла*. — Д. С.), она остановила своё судно в море северо-восточнее этого села [Сука]; нос и корма судна были закреплены за надводный камень высотой 20 цуэ с лишним, окружностью 10 цуэ с лишним, площадью 10 токоро с лишним. [Камень] — крутой и обрывистый, растительности [на нём] нет. К тому же судно приближённых царицы (*омото-бито*) ветром нанесло на этот камень, и оно погрузилось в воду. А в это время тут случился *цутукумо* по имени Уцуиомао (др.-яп. *Утупиомао*. — Д. С.), который и вызволил (*сукуики*) это судно; поэтому село и называли Сукуи. А теперь по-местному называют Сука» (Хидзэн-фудоки, уезд Соноки, село Сука) [Древние фудоки, с. 143—144]⁶⁰.

Далее от залива Омюра корабли государыни проследовали на север в земли Хи-но мити-но кути-но куни (Хидзэн) — в селение Тамасима⁶¹ округа Мацура-но *агата* (др.-яп. Матура) во владении Мацура-но *куни*⁶² (бывшее владение Молу-го III в., упоминаемое в «Вэй-чжи» [Древние фудоки, с. 230, п. 1 к разделу «Уезд Мацура»])⁶³ «Летом, в день *киното-но тацу* (3-й день. — Д. С.) 4-го месяца... государыня достигла угодий Матура на севере провинции [Х]идзэн и села за трапезу у реки *Во-кана* в селении Тамасима» (9-й год пр. Тёбая, 4-й мес., 3-й день) [Нихон-сёки, 1997, с. 266]. То же самое сказано в «Сумиёси-ки». В «Кодзики» также сообщается, что ещё до Корейского похода государыня Окинага-тараси-химэ в первой декаде 4-го месяца 346 г. [испр. хрон.] побывала в селении Тамасима округа Мацура-но *агата* (др.-яп. *Матура-но агата*). «Когда она [государыня] достигла селения Тамасима во владении Матура в Тукуси, то на берегу реки трапезу вкусила, и была первая декада четвёртой луны... (Река эта зовётся Во-гава...)» [Кодзики, 1994, с. 82—83; см.: Акіта, р. 101]. Сходные сведения приведены в «Хидзэн-фудоки»: «В древнее время, когда царица Окинагатарасихимэ направлялась покарать

⁵⁹ Сука — село в уезде Соноки провинции Хидзэн; местонахождение неизвестно; возможно, оно было расположено на юго-западном побережье залива Омюра. Уезд Соноки занимал район современных города Омюра и уезда Хигаси-соноки [Древние фудоки, с. 310, 233].

⁶⁰ 「周賀鄉... 昔者、氣長足姬尊欲征伐新羅行幸之時、御船繫此鄉、東北之海。艦舳之■■化而為磯、高二十丈、周十丈、相去十餘町。充而嵯峨、草木不生。加以階從之船遭風漂沒於茲。有土蜘蛛名儻比表麻呂濟其船。因名曰救鄉。今謂周賀鄉訛之也。」 [Хидзэн-но куни-но фудоки, с. 40, строки 803—807].

⁶¹ Сейчас эта местность относится к префектуре Сага на Кюсю [Нихон-сёки, 1997, с. 457, п. 17].

⁶² 「北到火前國松浦縣。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 243; см.: Нихон-сёки, 1997, с. 266; Сумиёси-ки].

⁶³ Там ныне на месте пребывания государыни Дзингу в селении Тамасима области Мацура-но *куни* установлен памятный знак (в местности Нандзан городка Хаматама уезда Восточный Мацура префектуры Сага) [Кумасо-сэйхау (2)].

Сираги, она прибыла в этот уезд [Мацура] и вкушала пищу около речки [Во-гава], что в [селении] Тамасима...» (Хидзэн-фудоки, уезд Мацура)⁶⁴. Во-гава (досл. «Речка») — это современная река Тамасима, протекающая через Хама-саки-тамасима в нынешнем уезде Хигаси-мацуура («Восточный [уезд] Мацура») и впадающая в море в восточной части округа Мацура-но агата [Древние фудоки, с. 313—314].

Источники связывают возникновение топонима *Мацура* (др.-яп. *Матура*, *Мадура*) с деятельностью Окинага-тараси-химэ. Как сообщается в «Хидзэн-фудоки», после трапезы на берегу реки Во-гава в Тамасима Окинага-тараси-химэ решила совершить здесь местный женский обряд, связанный с ловлей форели на согнутые иголки (Акимото Китирō полагает, что это обряд гадания о будущем урожае [Древние фудоки, с. 231, п. 2]). «Тут же она взяла иголку, согнула её и сделала крючок; затем она взяла зерно варёного риса и насадила его как приманку, а из своего исподнего она выдернула нитку и сделала леску. Потом она взобралась на камень посередине реки, подняла кверху крючок и загадала: “Я хочу наказать Сираги и забрать их богатства. Если этот поход будет успешным и я вернусь с победой, то пусть рыба—форель⁶⁵ попадётся на мою удочку”, — так она изрекла и бросила крючок [в воду]. И вскоре же она поймала рыбу. Тогда царица вымолвила: “Вот удивительно-то (мэдзураси)”. Поэтому местность и назвали Мэдзура, а сейчас по-местному говорят Мацура. Поэтому-то женщины в этой местности в четвёртую луну ловят форель на согнутые иголки. Мужчины тоже пробуют ловить, но ничего поймать не могут» (Хидзэн-фудоки, уезд Мацура, название) [Древние фудоки, с. 137]⁶⁶.

Об этом же рассказано в «Нихон-сёки»: после трапезы на берегу реки Во-гава в селении Тамасима, «...изогнув иглу, государыня сделала крючок, взяла зёрна [варёного] риса, из юбки нить выдернула и сделала лес[к]у, встала на камень посреди реки, забросила крючок и обет-клятву укэпи рекла: “Ныне собираюсь я искать западную страну сокровищ. Если задуманное мне удастся, то речная рыба проглотит мой крючок. Вот, поняла она удилице, а [на крючок] и вправду попалась форель. Рекла тогда государыня: “Вот так чудо [яп. *мэдурасики*]!” Поэтому люди того времени и назвали это место страной Мэдура-но *куни*. Сейчас называют Мадура, но это неправильно. И вот, с тех пор и доныне, без перемен женщины этой страны в первую декаду 4-го месяца всегда ловят на крючок форель в реке. Причём мужчины тоже ловят, но поймать рыбу не могут. Вот, государыня, поняв, что это — знак от богов, снова совершила обряды в честь богов Неба, богов земли...» (9-й г. пр. Тёя, 4-й мес.)

⁶⁴ [Древние фудоки, с. 137]; 「昔者、氣長足姫尊 欲征伐^レ新羅、行^レ於此郡而進^レ食於玉島、小河之側。」 [Хидзэн-но куни-но фудоки, с. 39, строки 403—404].

⁶⁵ 「細鱗之魚」 — досл. «рыба с мелкой чешуёй» [Хидзэн-но куни-но фудоки, с. 39, строка 406].

⁶⁶ 「於茲、皇后 勾^レ針為^レ鉤、飯粒為^レ餌、裳糸為^レ縵、登^レ河中之石、捧^レ鉤、祝曰：『朕欲征伐^レ新羅、求^レ彼財宝。其事成^レ功、凱旋者、細鱗之魚 吞^レ朕鉤縵』、既而 投^レ鉤片時、果得^レ其魚。皇后曰：『甚希見物』 (『希見』謂^レめずらし 梅豆羅志)。因曰^レ希見国。今 訛謂^レ松浦郡。所以 此国婦女 孟夏四月 常以針釣之年魚。男夫 雖^レ釣、不能獲^レ之。」 [Там же, строки 404—409].

[Нихон-сёки, 1997, с. 266]. Эта информация повторена в «Сумиёси-ки»⁶⁷. Такая же, но краткая информация дана в «Кодзики». После трапезы на берегу реки в селении Тамасима, «стоя на скале посреди этой реки, она выдернула нить из юбки, взяла для наживки зёрна варёного риса из своего кушанья и стала ловить в реке форель. (Река эта зовётся Вогава, камень этот зовётся Катидопимэ). Посему без перерывов до нынешних времён дошло обыкновение: женщины в первую декаду четвёртой луны выдёргивают нить из юбки, берут для наживки рисовые зерна и ловят форель» (Тюай, (9-й год пр.), 4-й месяц) [Кодзики, 1994, с. 82–83]. Однако следует обратить внимание на то, что топоним *Мацура-куни* (кит. *Молу-го*) употребляется в китайских источниках III–VII вв. при описании древнеяпонских общин-государств Северного Кюсю [см.: Суровень, 1995]. Следовательно, топоним появился ранее — в период Яматай (I–III вв.). А люди Ямато дали своё толкование происхождению данного топонима.

Из «Хидзэн-фудоки» известно, что Окинага-тараси-химэ поехала далее на северо-восток округа Мацура. Сначала она оказалась в Афука (др.-яп. *Апука*; совр.-яп. *Ока*)⁶⁸. «...Афука... в древние времена, когда царица Окинагатарасихимэ направлялась, чтобы покарать Сираги, она встретила на своём пути оленя (*сика... ахэрики*); поэтому... и назвали Афука» (Хидзэн-фудоки, уезд Мацура, почтовый двор Афука) [Древние фудоки, с. 139]⁶⁹. После Афука государыня со своими людьми поехала далее на север — на северную оконечность полуострова Хигаси-мацуура в местность Томо⁷⁰. «Почтовый двор Томо... в древние времена царица Окинага-тараси-химэ во время своего пути остановилась здесь на ночлег...». (Хидзэн-фудоки, уезд Мацура, почтовый двор Томо) [Древние фудоки, с. 139]⁷¹. Известно, что в Мацура-но куни государыня Окинага-тараси-химэ также занималась храмовым хозяйством и ирригацией.

А после из Мацура-но агата вернулась во дворец Касихи-но мия в округе На-но агата в Северо-Западном Кюсю (Цукуси). Здесь Окинага-тараси-химэ окончательно утвердилась в своём решении «покарать, наказать, завоевать Западную страну (Сираги)». По мнению А. Дж. Мардера, в своём решении Дзингү укрепились после того, как узнала о помощи Силла, оказанной мятежным кумасо [Marder, p. 4]. В «Дай-нихон-си» сказано: «9-й год [правления] императора (микадо) Тюая, 4-й месяц, государыня Дзингү-кōгō отдала приказ [о подготовке к]

⁶⁷ 「夏四、月(壬寅)、朔(甲辰)。北到^レ火前國、松浦縣。而進^レ食於玉嶋里、小河之側。於是皇后勾^レ針爲^レ釣、取^レ飯粒爲^レ餌。抽(取)囊糸。爲^レ緝。登^レ河中石上。而投^レ釣祈所之曰:『因以舉^レ竿乃獲^レ國。若有^レ成^レ事者、河魚飲^レ釣』。因以舉^レ竿乃獲^レ細鱗魚、時皇后曰:『希見物他』。故時人號^レ其處曰^レ梅豆羅國。今謂^レ松浦訛焉。是以其國女人、每(當)四月、上旬、以釣投^レ河中、捕^レ年魚於今不絕。唯男夫雖^レ釣以、不能^レ獲^レ魚。既而皇后則識^レ神教有^レ驗。更祭祀^レ神祇。』[Сумиёси-ки].

⁶⁸ Местность Афука находилась на восточном побережье полуострова Хигаси-мацуура на территории нынешнего города Карацу, где сохранилось название *Ока* (Афука) [Древние фудоки, с. 269].

⁶⁹ 「曩者、氣長足姫尊欲征伐^レ新羅、行幸之時、於此道路有^レ鹿遇之。因名^レ遇鹿...」[Хидзэн-но куни-но фудоки, с. 39, строки 804–805].

⁷⁰ На землях нынешнего города Ёбуко, где сохранились остаточные названия *Отомо* и *Котоми* [Древние фудоки, с. 316].

⁷¹ 「登望駅... 昔者、氣長足姫尊到^レ於此处留為。」[Хидзэн-но куни-но фудоки, с. 39, строки 806–808].

Западному походу [против Силла]» (Дай-нихон-си, св. 232-й, рэцу-дэн, раздел 159-й, сёбан, часть 1-я, Сираги, верхний раздел, Тюай, 9-й год пр.)⁷². В связи с этим, переодевшись мужчиной, государыня произнесла речь. «Завязала она тогда волосы [в два пучка], сделала [мужскую] причёску мидура⁷³ и рекла приближенным вельможам⁷⁴: “Это очень важное событие для страны — собрать войско и повести всех воинов в другое место. От этого будет зависеть — покой ли воцарится или опасные треволения, суждена нам победа или поражение. Сейчас нам предстоит битва. В этом я всегда полагалась на своих министров⁷⁵. Но если дело не удастся — вина (яп. *цуми* — Д. С.) будет на вас. И очень из-за этого болит душа моя. Я всего лишь женщина, и ум мой незрел. Однако хочу я на время принять мужской облик и сама пойти на ратное дело... я подниму войско⁷⁶, поведу его через крутые волны, ладь[и⁷⁷] снаряжу⁷⁸ и отправлюсь искать землю сокровищ [Силла]. Если задуманное удастся, заслуги я поделю с министрами, если же нет, то одна я буду нести вину (яп. *цуми*. — Д. С.)...» [Нихон-сёки, 1997, с. 267; 1957, с. 244; Сумиёси-ки]. В одном толковании (о корейском ване Урю Чобори-чигане), цитируемом в «Нихон-сёки» и в «Сумиёси-ки», также сообщается, что перед походом государыня Окинагата-раси-химэ переделалась в мужскую одежду (9-й г. пр. Тёбая, 4-й мес.) [см.: Нихон-сёки, 1997, с. 270]. То, что перед походом Дзингү переделалась в мужскую одежду, подтверждается сведениями местных источников провинции Хидзэн. «...[Местность] Томо... в древние времена царица Окинагата-раси-химэ... переделалась мужчиной, но уронила в этой деревне свой кожаный налокотник (*томо*); поэтому... (эту местность — Д. С.) и называли Томо» (Хидзэн-фудоки, уезд Мацура, почтовый двор Томо) [Древние фудоки, с. 139, 316]⁷⁹. Видимо, это переодевание имело какой-то сакрально-политический смысл, подобно тому как древнеегипетская правительница Хатшепсут (др.-егип. Хи-шапсау), захватив престол, пыталась придать себе черты мужчины-фараона, тем самым подтверждая свои права на трон [см.: История древнего Востока, с. 425, 426].

После этого сообщения «Нихон-сёки», «Сумиёси-ки» и «Кудзи-хонки» замолкают, и четыре месяца (с 5-го по 8-й) 9-го года правления Тёбая покрыты

⁷² 「仲哀帝 九年 四月、神功皇后 下^レ詔 西征。」 [Дай-нихон-си].

⁷³ 髻 — др.-яп. *мидура*; совр.-яп. *мидзура* / яп. *табуса* — коса, косичка [ЯРУСИ, с. 653]; 髻 — кит. *цзи*, — гл. «завязывать волосы узлом»; сущ. «узел волос» [БКРС, т. 2, с. 463].

⁷⁴ 群臣 (羣臣) яп. *гун-син*, кит. *цюнь-чэнь* — * министры; свита; подданные, слуги [БКРС, т. 2, с. 883]; где 群 вм. 羣 [Там же, с. 877].

⁷⁵ 群臣 (羣臣) — яп. *гун-син*, кит. *цюнь-чэнь* (см. выше).

⁷⁶ 「兵甲」 [Нихон-сёки, 1957, с. 245]; где 兵 — кит. *бйн* — сущ. 1) солдат; воин, боец; рядовой; 2) войска, армия, военная сила... 4) меч; оружие, вооружение...; 兵甲 — кит. *бйн-цзя* — стар. оружие и доспехи (латы) [БКРС, т. 4, с. 627, 628].

⁷⁷ 艫船 комментаторы прочитали как *фунэ* [Нихон-сёки, 1957, с. 245]; где 艫 — кит. *лу* — сущ. «носная часть, нос (корабля)» [БКРС, т. 2, с. 282]; 船 — кит. *чуань*, сущ. 1) лодка; 2) корабль, судно [Там же, с. 532].

⁷⁸ 整 — кит. *чжэн*, гл. 1) приводить в порядок, упорядочивать; налаживать... приготовить; 2) выравнивать, выстраивать; равнять... [БКРС, т. 2, с. 229].

⁷⁹ 「登望... 昔者、氣長足姫尊 ...雄装。御負之鞆落^レ於此村。因号^レ鞆...」 [Хидзэн-но куни-но фудоки, с. 39, строки 806–808].

молчанием. Но, к счастью, местные источники провинции Харима сохранили кое-какие сведения. И самый главный вывод из этого материала: эти шесть месяцев Дзингу провела в Центральной Японии.

БКРС — Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т. 1—4. [BKRS — Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'. M., 1983. T. 1—4.]

Воробьев М. В. Япония в III—VII веках. М., 1980. [Vorob'ev M. V. Yaponiya v III—VII vekakh. M., 1980.]

Древние фудоки. М., 1969. [Drevnie fudoki. M., 1969.]

История древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. [Istoriya drevnego Vostoka. Ch. 2. M., 1988.]

Ким Бусик. Самкук саги. М., 1959. Т. 1. [Kim Busik Samkuk sagi. M., 1959. T. 1.]

Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. 2. СПб., 1994. [Kodziki: Zapisi o deyaniyakh drevnosti. T. 2. Spb., 1994.]

Конрад Н. И. Древняя история Японии // Избр. тр. : История. М., 1974. С. 11—74. [Konrad N. I. Drevnyaya istoriya Yaponii // Izbr. tr. : Istoriya. M., 1974. S. 11—74.]

Нихон-сёки : Анналы Японии. Т. 1. СПб., 1997. [Nihon-syoki : Annaly Yaponii. T. 1. Spb., 1997.]

Суровень Д. А. Влияние китайско-корейских переселенцев *аябито* на государственность и культуру Ямато V в. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011. № 2(90). С. 20—35. [Suroven' D. A. Vliyanie kitajsko-korejskikh pereselentsev ayabito na gosudarstvennost' i kul'turu Yamato V v. // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2011. N 2(90). S. 20—35.]

Суровень Д. А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н. э. — III век н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск, 1995. Вып. 2. С. 150—175. [Suroven' D. A. Vozniknovenie rannerabovladel'cheskogo gosudarstva v Yaponii (I vek do n. e. — III vek n. e.) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. M. ; Magnitogorsk, 1995. Vyp. 2. S. 150—175.]

Суровень Д. А. Китайско-корейские переселенцы *аябито* в Японии начала V века // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011. № 1 (87). С. 169—194. [Suroven' D. A. Kitajsko-korejskie pereselentsy ayabito v Yaponii nachala V v. // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2011. N 1 (87). S. 169—194.]

Суровень Д. А. Корейский поход *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск, 1998а. Вып. 5. С. 160—167. [Suroven' D. A. Korejskij pokhod Okinaga-tarasi-khime (pravitel'nitsy Dzingu) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. M. ; Magnitogorsk, 1998a. Vyp. 5. S. 160—167.]

Суровень Д. А. Период регентства *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск, 1998б. Вып. 6. С. 174—180. [Suroven' D. A. Period regentstva Okinaga-tarasi-khime (pravitel'nitsy Dzingu) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. M. ; Magnitogorsk, 1998b. Vyp. 6. S. 174—180.]

Суровень Д. А. Проблема периода “восьми правителей” и развитие государства Ямато в царствовании *Мимаки* (государя Судзина) // Изв. Урал. гос. ун-та. 1999. № 13. [Сер.] Гуманитар. науки. Вып. 2. С. 89—113. [Suroven' D. A. Problema perioda “vos'mi pravitelej” i razvitie gosudarstva Yamato v tsarstvovanie Mimaki (gosudarya Sudzina) // Izv. Ural. gos. un-ta. 1999. N 13. [Ser.] Gumanitar. nauki. Vyp. 2. S. 89—113.]

Суровень Д. А. Ранние политики Центральной Японии начала IV века и мятеж *Сахобико* // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2012. № 3 (105). С. 6—22. [Suroven' D. A. Rannie politii Tsentral'noj Yaponii nachala IV veka i myatezh Sakho-biko // Izv. Ural. federal. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2012. N 3 (105). S. 6—22.]

Суровень Д. А. Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н. э. в правление *Отараси-хико* (государя Кэйко) // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург, 2002. С. 180—196.

[Suroven' D. A. Ekspansiya gosudarstva Yamato v Yuzhnoj Yaponii v kontse 30-kh godov IV veka n.e. v pravlenie Ōtarasi-khiko (gosudarya Kejko) // Problemy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, teorii i metodiki obucheniya istorii. Ekaterinburg, 2002. S. 180–196.]

Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987.

[Tsybul'skij V. V. Lunno-solnechnyj kalendar' stran Vostochnoj Azii. M., 1987.]

ЯРС – Японско-русский словарь. М., 1984. [YARS – Yaponsko-russkij slovar'. M., 1984.]

ЯРУСИ – *Фельдман-Конрад Н. И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977. [YARUSI – Fel'dman-Konrad N. I. Yaponsko-russkij uchebnyj slovar' ieroglifov. M., 1977].

Akima Toshio. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingy's subjugation of Silla // Jap. j. of religious studies. 1993. № 20 / 2–3. P. 95–185.

Ellwood R. S. The Sujin religious revolution // Jap. j. of religious studies. 1990. № 17 / 2–3. P. 199–217.

Grapard Allan G. Lotus in the mountain, Mountain in the Lotus: Rokugō kaizan Nimmon daibosatsu hongī // Monumenta Nipponica. 1986, spring. Vol. 41, № 1. P. 21–27.

Marder Arthur J. From Jimmu tennō to Perry sea power in early Japanese history // The Amer. hist. rev. 1945, Oct. Vol. 51, № 1. P. 1–4.

Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A. D. 697 / transl. by W. G. Aston. L., 1956. Pt. 1.

Rokugō kaizan nimmon daibosatsu hongī // Lotus in the mountain, Mountain in the Lotus: Rokugō kaizan Nimmon daibosatsu hongī / transl. by Allan G. Grapard [цит. по: Monumenta Nipponica. 1986. Vol. 41, № 1. P. 27–50].

Young John. The location of Yamatai: a case study in Japanese historiography, 720–1945. Baltimore, 1958.

Источники (электронные ресурсы)

Дай-нихон-си (*хон-ки* и *рэцу-дэн* по изд.: Дай-нихон-си / под ред. Ёсикава Хансити, 1900; *си* и *хэ* по изданию: Дай-нихон-си / под ред. Токугава Сёко, 1906–1907). 大日本史 (本紀・列傳 // 主要底本 為 吉川弘文館 徳川家藏版 大日本史 / 吉川半七、明治卅三刊; 志・表 // 要底本 為 源光國編源齊昭補源慶篤校大日本史 / 徳川總子、明治卅九、卅年刊. URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/dainihonsi/dainihon.htm>.

Дзингу-кёё дэнсэцу 神功皇后伝説. URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/densesu.htm> // Jingu01.files/gingu11.htm.

Исора-га саки то Исора-но ками 磯良崎と磯良神. URL: <http://www.k3.dion.ne.jp/~kodaira/hyz1107a.htm>.

Каэри-мити 3 帰路3. URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/densesu.htm> // Jingu09.files/gingu19.htm.

Кумасо-сэйхацу (1) 熊襲征伐 (1). URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/densesu.htm> // Jingu03.files/densesu13.htm.

Кумасо-сэйхацу (2) 熊襲征伐 (2). URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/densesu.htm> // Jingu04.files/densesu14.htm.

Мураяма Кэндзи. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. Токио, 1980. 村山 健二。誰にも書けなかつた邪馬台国。東京、1980年。

Нихон-сёки (из сер. «Кокуси-тайкэй»). Токио, 1957. Ч. 1, т. 1; 日本書紀 (国史大系)。東京、1957年、第一部、第1巻。

Сумиёси-ки // Сумиёси-тайся-синдай-ки-но кэнкё 『住吉大社神代記の研究』田中卓著作集7 図書刊行会 («Исследование Сумиёси-тайся-синдай-ки» / сост. Танака Такаси. Сб. 7, Дзусёканкокай, б. г.). URL: <http://kamnavi.jp/sumiyosi/index.htm>.

СКХ – Сэндай кудзи-хонки. Св. 1 – 10-й. 先代舊事本紀. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~mupyu/kujihonki/kujiki.htm>.

СКХ КТ – Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 : в 10 св. (из сер. «Кокуси-тайкэй» .

国史大系) // 私本 先代舊事本紀 URL: http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaijuji/sendaijuji_top.htm.

Уэмура Сэйдзи. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку // Сигаку-дзасси. 1955. Т. 64, № 12.

С. 19—30. 植村 清二. 邪馬臺国・狗奴国・投馬国 // 史学雑誌. 1955年、第64卷、第12号、

Хатиман Уса-но мия ми-такүсэн-сиō, Касихи-но мия энги『八幡宇佐宮御託宣集』、香椎宮縁起 // *Каваниси Ёсихиро*. Тайхō-идзэн-но ицу нэнгō сирē сјосэй //

URL: <http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm>.

Хидзэн-но куні-но фудоки 肥前國風土記 // Фудоки. Токио, 1958. С. 37—41. (Сер. «Бунгаку-тайкэй»). 風土記. 文学大系. 東京、1958年、37-41頁。

Цукагути Ёсинобу. Дзингү-кōгō-дэнсэцу-но кэнкјō. Токио, 1981. 塚口 義信. 神功皇后伝説の研究. 東京、1981年。

Яматай-коку-но кōкогаку 邪馬台国の考古学. URL: <http://www.inoues.net/yamahonpen19.html>.

Статья поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 002.2:025 + 025:766

А. С. Иордан

ОПЫТ КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ АЛЕКСЕЯ БРОДОВИЧА

Рассматривается книжная графика Алексея Бродовича — русского художника-эмигранта, мало знакомого отечественному читателю, но ставшего примером для нескольких поколений западных графических дизайнеров середины и второй половины XX в., которые учились у него композиции, единству образной и текстовой составляющих книги, мастерству художественной системы издания.

Ключевые слова: Алексей Бродович; книжная иллюстрация; парижские издательства.

Алексей Чеславович Бродович (1898—1972) — русский художник-эмигрант, дизайнер, фотограф, педагог, покинувший родную страну после Революции 1917 г. В России его имя можно услышать гораздо реже, чем за рубежом, где Бродовича по праву называют «пионером дизайна», посвящают ему отдельные главы в книгах по истории графического дизайна [см.: Meggs, Alston; Remington, Hodik; Remington], а также серьезные монографические исследования (диссертация Карима Сидноу «Алексей Бродович, его работа, его влияние» [Sednaoui], труд историка дизайна Керри Вильяма Парселла [Purcell] и др.).

Творчество А. Бродовича было широко представлено на ряде персональных выставок, состоявшихся после его смерти в крупных художественных институциях Америки и Европы. Первая прошла в Филадельфийском колледже искусств (США) в 1972 г. и включала, кроме произведений мастера, работы его учеников, ценные воспоминания которых были опубликованы в каталоге [см.: Brodovitch, 1972].

Большая ретроспективная экспозиция была организована в 1982 г. в Гран-Пале в Париже. Каталог выставки собрал статьи Филиппа Супо, Мишеля Мейн-

гойса, Трумана Капоте и других авторов, дающие представление об эволюции взглядов на творчество Бродовича [Brodovitch, 1982]. Выставка в Европейском доме фотографии в Париже (1998) была посвящена влиянию Бродовича на развитие современной фотографии. На ней были показаны его собственные снимки, вошедшие в прославленную книгу «Балет», а также коллажи, созданные им из фотоматериалов для журнала «Harper's Bazaar», об особенностях которых написал Габриель Боре [Brodovitch, Bauret].

С двумя выставками 1994 г. связано издание «Непреходящее наследие Алексея Бродовича», в котором разностороннее, но очень сжатое исследование творчества художника проводят историки искусства Наталья Каттаруза и Вирджиния Смит [The Enduring Legacy...]. О мастере регулярно появляются статьи в специализированных журналах по дизайну и фотографии на разных языках.

В упомянутых зарубежных исследованиях творчество художника рассматривается с разных позиций, выявляется влияние, оказанное им на американскую визуальную культуру второй половины XX в. через последователей, фактически называется школа Бродовича, сложившаяся из его многочисленных учеников. Однако зарубежный взгляд ограничивается контекстуальным обзором только французской и американской жизни Бродовича, не учитывается его принадлежность к русской культуре, в частности к такому ее феномену, как искусство русского зарубежья.

Впрочем, не пишется об этом и на русском языке, поскольку отечественная литература о Бродовиче ограничивается блоком популярных интернет-публикаций, появившихся после выставки, состоявшейся в 2011 г. в Центре современной культуры «Гараж» в Москве. В ее экспозиции были представлены образцы графического дизайна для журнала «Harper's Bazaar», художественным редактором которого Бродович был четверть века, а также современные фотографические оттиски с авторских негативов, т. е. материалы, традиционно фигурирующие на выставках художника.

Между тем ранний этап творчества художника, а именно его первые опыты создания книжной иллюстрации, начало увлечения которой относится ко времени пребывания в Париже во второй половине 1920-х гг., связан именно с русской художественной традицией. Об этой стороне творческой деятельности мастера западные исследователи упоминают вскользь, лишь иногда перечисляя оформленные им книги. Так, краткая информация об иллюстрированных Бродовичем изданиях дается в трудах М. В. Сеславинского, основанных на его личной коллекции книг 1920–1930-х гг., оформленных русскими художниками во Франции [Сеславинский, 2005; 2010]. Эта коллекция, обладающая несколькими наименованиями книг Бродовича, — крайне редкий, если не уникальный, случай. Почти все издания есть в Национальной библиотеке Франции, редкими экземплярами располагают другие французские собрания, Нью-Йоркская публичная библиотека и др. Труднодоступность книг с иллюстрациями художника усложняет их изучение и, очевидно, является одной из причин отсутствия исследований по этой теме.

Станковые живописные и графические работы мастера до нас не дошли, не считая пары рисунков 1960-х гг., хранящихся в личном архиве Бродовича

в Ротчестере (США, коллекция Кэрри в библиотеке Технологического института). Между тем они были, но существуют сегодня лишь как упоминания в каталогах прижизненных выставок [см.: Alexey Brodovitch...], поскольку в 1959 г. дотла сгорел большой дом на Лонг-Айленде, где Бродович жил с семьей и хранил все свои работы. Поэтому книги, вышедшие с его иллюстрациями, — уникальные примеры авторского рисунка мастера.

Хотя Алексей Бродович не получил специального образования, а прошел лишь «самостоятельное художественное обучение» (так написано в его резюме 1936 г.) [The Enduring Legacy..., p. 23], он имел великолепные способности к графическому творчеству. В юности он поражал друзей меткостью карикатурных изображений. Большое влияние на него оказала мать, которая прививала первые навыки рисования и была, по словам мастера, «талантливым художником-любителем» [см. об этом: Purcell, p. 12], а также обучение в Тенишевском реальном училище¹. Там традиционно хорошо преподавался рисунок, особенно в его народном, декоративном варианте, знание и понимание которого художник сохранил на многие годы. Не случайно его друг художник-эмигрант Александр Алексеев², считал, что «простота и смелость дизайнера Бродовича находилась во многом под влиянием простого, но действенного народного искусства» [Sednaoui, p. 5].

В биографических заметках 1960-х гг. Бродович отмечал, что родители поддерживали его решение поступить в Академию художеств [Brodovitch, 1972, p. 40]. Однако из-за начала Первой мировой войны планы юноши стать художником не осуществились, он вынужден был пойти учиться в Пажеский Его Императорского Величества корпус в Петербурге, а в 17 лет ушел на фронт корнетом 12-го гусарского Ахтырского полка (ил. 1).

Художническая карьера Бродовича началась в начале 1920-х гг., уже в эмиграции. Вместе с женой Ниной (ил. 2) он оказался в Париже и поселился на Монпарнасе — в самом эпицентре культурной жизни мировой столицы искусств [см.: Парижская школа]. Вскоре он попадает в окружение Сергея Дягилева, привлекавшего в это время к работе в Русских сезонах крупнейших русских и французских художников.

Непримечательная исполнительская работа для дягилевских балетов оставила в нем светлые воспоминания, ведь это были первые попытки укорениться в интернациональном художественном сообществе. Бродович вспоминает: «У меня была замечательная работа по росписи задников для “Русских Сезонов” Дягилева. Я встретил множество интересных людей: Пабло Пикассо, Анну Пав-

¹ Вячеслав (1844–1903) и Мария (1958–1928) Тенишевы — общественные деятели, меценаты, коллекционеры. Кроме училища, основали художественную студию в Петербурге, рисовальную школу и Музей русской старины в Смоленске, училище ремесленных учеников в г. Бежица. С благодарностью вспоминают о годах в Тенишевке О. Мандельштам, К. Чуковский, В. Набоков (с последним Бродович учился одновременно). Отсюда вышли художники Е. Чепцов, Н. Куприянов, Б. Арцыбашев и др.

² Александр Алексеев (фр. Alexandre Alexeïeff, 1901–1982) с 1921 г. обосновался в Париже, став учеником и помощником С. Судейкина. С 1925 г. занимается книжной иллюстрацией. Работал в техниках литографии, акватинты, офорта. [см.: Александр Алексеев].

лову, Нижинскую, Анре Дерена, Кристиана Берара³, Стравинского, Александра Бенуа и других» [Brodovitch, 1945, p. 5]. В начале 1920-х гг. для антрепризы работали также А. Матисс, Л. Сюрваж, Х. Грис, Л. Бакст. Фигура самого Сергея Павловича произвела на Бродовича незабываемое впечатление. Он запомнил и часто употреблял в свои преподавательские годы любимое выражение Дягилева «Удиви меня!»⁴.

Бродович становится активным участником художественной жизни Монпарнаса, сближается как с европейскими, так и с русскими мастерами, в частности с членами Союза русских художников. Это объединение проводило благотворительные балы в известном на Монпарнасе зале Bullier, куда привлекались «практически все звезды Парижской школы, независимо от национального происхождения» [Толстой, с. 202]. В разные годы афиши и программки для балов создали М. Ларионов, Н. Гончарова, А. Дерен, П. Пикассо, М. Васильева. В 1924 году Бродович участвует в конкурсе на создание плаката для «Обычного бала» (Le Bal Banal состоялся 14 марта 1924 г., входной билет разработала Н. Гончарова), победил в нем П. Пикассо. По сравнению с афишами других художников предыдущих лет работа Бродовича отличается простотой и одновременно живостью: он заменил типографский шрифт рисованными от руки буквами, линии которых выглядят неуверенными, даже грубоватыми. Но эта шероховатость рисунка и «танцующая» ритмика текста являются художественным решением автора.

После революции в Париж хлынула волна русской художественной эмиграции, и уже в 1921 г. были проведены несколько крупных выставок русского искусства⁵, на которых выделялись художники объединения «Мира искусства», знаменитого еще с дореволюционных времен достижениями в области искусства книги. В условиях эмиграции эта сфера стала для многих русских мастеров своеобразной нишей. Практически весь цвет русских парижан был задействован местными, а также русскими издательствами [Сеславинский, 2010], количество которых в Париже во второй половине 1920-х гг. становится сопоставимым по числу с берлинскими издательствами начала 1920-х гг. Сфера книжного оформления, как и сценография, обеспечивала заказами художников-эмигрантов. Кстати, именно эти две сферы синтетических искусств принято считать самыми яркими воплощениями мирискусничества. В Париже, с одной стороны, русские художники-эмигранты вынуждены были приспособливаться к локальному контексту, с другой — обзаводились связями и стимулировали возникшую моду на «русскость». Бродович также оказался задействованным в этих видах

³ Кристиан Берар (Bebe, 1902–1949) — художник, дизайнер, иллюстратор. В довоенный период работал в журнале «Harper's Bazaar» по приглашению Бродовича [по материалам исследования Карима Седной из Cary Collection, RIT, USA].

⁴ Именно так, “Astonish Me: The Impact of Alexey Brodivitch” (“Удиви Меня: Влияние Алексея Бродовича”), назвали организаторы выставку его работ в нью-йоркской Arthur A. Houghton, Jr. Gallery в 1994 г.

⁵ Например, выставка группы русских художников, действительных членов и участников «Мира искусства» на Осеннем салоне, выставка «47 художников» в Café du Parnasse, выставка русского искусства старого и нового в галерее «Devambez» и другие выставки в галереях и артистических кафе.

искусства. Однако опыт работы в дягилевской антрепризе был для него менее самостоятельным, а вот в области книжной иллюстрации он создал целый ряд оригинальных циклов в конце 1920-х гг.

Графическое мастерство молодой художник сначала оттачивал, работая в области прикладной графики. Он разрабатывал проекты изделий из фарфора, стекла, создавал эскизы для текстиля, «отрисовывал» ювелирные украшения⁶. Подобные рисовальные студии послужили для художника крепкой ремесленной основой в области книжного иллюстрирования.

Первые книги Бродовича имели в своей основе восточные литературные мотивы. В 1927 г. новелла Ф. Туссэна [Toussaint, 1927a]⁷ «Любовь дочери султана» вышла как библиофильское издание небольшого формата (17 × 13 см, тираж 145 пронумерованных экземпляров) с иллюстрациями в технике ксилографии⁸. Художник чутко уловил дух литературной стилизации Туссэна и нашел ей изобразительную рифму. Композиционная разработка не оставляет сомнений в том, что Бродович был знаком с иранской или персидской миниатюрой (среди таких сцен — обращение дочери к отцу, разговор трех мудрецов, спящая дева и др.) (ил. 3), однако не все взято художником из этого источника: встречаются центричные композиции, что не характерно для восточной графики. По сравнению с богатой арабско-персидской традицией декоративности, обозначенной литературным материалом, гравюры «Любови дочери султана» выдержаны в достаточно скромной манере. Художник обрисовывает плоские фигуры и архитектурные формы упругой, плотной линией, выстраивает пространство плоскими и четкими планами, создавая эффектные декоративные композиции с крупными элементами и удачно найденным балансом белого и черного.

В этом же (1927) году выходит в свет еще одно ориентальное издание с иллюстрациями Алексея Бродовича (издательство «G. Briffaut», тираж 115 экз., размер 21 × 15,5 см., переводчик с санскрита на французский Ф. Туссэна [Toussaint, 1927b]) — древнеиндийский эпос Рамаيانа⁹. Бродович сделал для книги несколько страничных иллюстраций, декоративные заставки и обложку (ил. 4).

Иллюстрируя классическое восточное произведение, Бродович целиком отдается формообразованию европейского типа. Так, изображая сцену битвы (ил. 5),

⁶ Бродович выполнял заказы от таких фирм, как ювелирный дом «Cartier», фабрики одежды «Rodier», «Bianchini», «Дом мод Поля Пуаре» (продолжая историю сотрудничества Дома с русскими художниками, начатую Леоном Бакстом в 1910 г. [см.: Беспалова, с 35–62; Лейкинд и др., с. 175].

⁷ Туссен Франц (1879–1955) — известный французский ориенталист, переводчик, его лучшей работой считается перевод «Рубай» Омара Хайяма.

⁸ В некоторых источниках указывается, что Бродович в эти годы также использовал технику резьбы по галалиту. Эта редкая техника упоминается только в связи с именем Бродовича, однако прямых подтверждений его работы с галалитом не найдено. Этот синтетический пластик на основе казеина в больших объемах выпускался до конца 1930-х гг. Он хорошо подвергается резке, просверливанию и сушке, его структура позволяет создавать интересные эффекты. Принято считать, что Габриель Шанель начала первой применять его для производства фурнитуры и аксессуаров. Возможно, Бродович познакомился в галалитной резкой, когда сотрудничал с фабрикой «Rodier», известной разработкой и внедрением новых материалов, а также сотрудничеством с Шанель.

⁹ Рама я на (в пер. «Путешествие Рамы») — древнеиндийский эпос, является важной частью священных писаний индуизма, датируется IV в. до н. э.

в которой сидящий на слоне Рама повергает тигра стрелой из лука, он ссылается на традиционную иконографическую схему, восходящую к христианскому сюжету «Чудо св. Георгия о змие». Такой тип сражения едва ли можно найти в индийских источниках, где художники обычно выбирают многофигурные масштабные изображения битв. Часто используемые элементы индийского декоративного искусства (т. н. «турецкий огурец» во всевозможных вариациях) перерабатываются с добавлением хорошо знакомых русских народных мотивов нижегородской гжели (ил. 6). По принципу русской декоративной росписи, которую он изучал в Тенишевском училище, мастер создает розетки и декоративные композиции, вписанные в прямоугольник или овал (вспоминаются цветочные розетки С. Чехонина и ранние ксилографии Д. Митрохина — младших мирискусников). Такая нетривиальная стилизация не перебивает индусской тональности иллюстраций: в глубине основ народных узоров и орнаментов России и Индии лежит много схожих черт [см.: Лалеков].

В 1928 г. издательство Анри Жонкьера (Henri Jonquières) опубликовало сразу две книги, оформленные Бродовичем. Основатель этого небольшого издательства (1922—1935) был особенно внимателен к качеству перевода и иллюстрациям, за что его книги заслужили любовь библиофилов и стали предметами коллекционирования. С ним сотрудничали П. Пикассо, Э. Бурдель, Ж. Паскин, К. Ван Донген, Г. Мур, Ж. Брассай и другие известные мастера [см.: Essevaz-Roulet].

Художник выполнил большой цикл иллюстраций к новелле «Месье Бугрело» Жана Лоррена [Duval]¹⁰. Интересно, что ровно за год до этого, новелла была выпущена роскошным изданием в Éditions d'art Devambez в сопровождении 16 цветных офортов А.-Э. Дриена (Adrien Étienne Drian) тиражом 407 экз. [Monsieur de Bougreton...]. Книга Бродовича — демократичное черно-белое издание (тираж 1030 экз.), содержащее 12 страничных иллюстраций и сюжетные заставки в одну треть страницы, предваряющие начало каждой главы. Для подобного издания мастер выполнил нетипично много гравюр. В отличие от живописных, чувственных листов французского предшественника, где обильно используется красный цвет, композиции Бродовича то повествовательны, насыщены сложными перспективными построениями, пейзажными сценами, городскими видами, то остраются жесткой активной штриховкой, отсутствием на лицах зрачков.

Действие разворачивается в Амстердаме, где прогуливаются два парижских господина. В трактире они встречают месье Бугрело, который присоединяется к их прогулке в качестве гида и рассказывает довольно личные истории. Иллюстратор несколько раз показывает читателю пустынный Амстердам (ил. 7), создает портреты действующих лиц (ил. 8, 9), воспроизводит сюжеты рассказов Бугрело. В портрете Барбары, где кружева спадают жесткими складками и обрамляют ее лицо, можно заметить черты испанок Н. Гончаровой с их гордым разворотом головы, геометрией лица, рисунком кружев (см. ил. 9). В целом, цикл

¹⁰ Жан Лорран (1855—1906) — французский писатель, романист символистской школы.

иллюстраций к новелле — это совсем другая авторская манера, отличная от интерпретации ориентальных сюжетов, подводящая к трактовке графического листа, воспринятой Бродовичем от наставника и друга Александра Алексеева¹¹.

В парижские годы более опытный и профессиональный Алексеев стал для Бродовича учителем в ремесле печатной графики. Нужно отметить — блестящим учителем. В 1927 г. А. Бенуа писал одному из своих знакомых в СССР, рассказывая о парижских новинках: «Сказать, кстати, сколько здесь вкусных книжек — и, увы, они все недоступны нам. Среди них один русский — Алексеев, изумительно иллюстрировавший “Записки сумасшедшего”» [Бенуа, с. 631]. «Изу-мительно» — таким эпитетом Бенуа одаривал не каждого. Алексеев оказал на Бродовича заметное влияние и, вероятно, именно он инициировал работу Бродовича в области книжной иллюстрации¹². Интересно, что в работах 1920-х гг., когда Бродович работал рука об руку с Алексеевым, это влияние сложно различить, однако легко идентифицировать через 20–30 лет в стилистике, визуальных приемах журнальной верстки и фотографий.

В июне 1928 г. Бродович выставляет вместе с А. Алексеевым в галерее Поволоцкого «La Cible» (на ул. Бонапарта, 13) офорты, ксилографии и литографии. Владелец галереи и издательства Яков Поволоцкий¹³ был заинтересован в представлении «художников, чьи работы не были показаны до этого в Париже» [см.: Cahiers d'Art, p. 354].

В те годы Бродович и Алексеев одновременно работали над книгами для известного издательства «Плеяда», которое выпускало также библиофильскую литературу, переводы русской классической литературы на французский язык. Основателем его был выходец из России Яков Шифрин (1882–1950). В. М. Сеславинский справедливо считает, что «его деятельность внесла существенный вклад в пропаганду русской литературы и русской книжной графики во Франции, приведя последнюю к ее тесному переплетению с французской библиофильской книгой», поскольку «с именем Шифрина во многом связано появление ярких работ русских художников во французском книгоиздании в период с начала 1920-х до начала 1930-х гг.» [Сеславинский, 2010, с. 47]. Шифрин активно привлекал к иллюстрированию как уже известных русских художников (Н. Альтман, А. Бенуа, А. Гриневская, Г. Глюкман, В. Шухаев и др.), так и новые таланты.

Выходом в свет сборника произведений Ф. Достоевского «Вечный муж» с иллюстрациями В. Шухаева издательство открыло серию «Классические русские

¹¹ Алексеева и Бродовича связывала дружба, начавшаяся в первые годы эмиграции и растянувшаяся на всю жизнь. Им удавалось видеться даже тогда, когда Бродович переехал в США.

¹² Самого Алексеева к книжной графике привел Филипп Супо в начале 1920-х гг. [см.: Александр Алексеев...].

¹³ Яков Поволоцкий (1881–1945) — издатель, меценат, общественный деятель. Учился в Киевском университете. В 1908 г. поселился во Франции. В 1910 г. открыл в Париже (с отделами в Москве и С.-Петербурге) издательство и книжный магазин, выпускал русские книги. В 1910–1914 гг. издавал «Библиотеку русских шедевров» (произведения русских писателей на французском языке). В 1920 г. открыл при магазине (13, rue Bonaparte) читальный и выставочный залы, позднее — библиотеку. В 1920-е гг. издал серии «Миниатюрная библиотека», «Библиотека современных писателей», альбомы по искусству, каталоги, детские книги, периодику и другие издания на русском и французском языках.

писатели». Книги этой серии имели скромный декор — шрифтовую двухцветную издательскую обложку, несколько черно-белых заставок и концовок. А. Бродович в этой серии оформил две книги: «Фантастические истории» Ф. Достоевского (1929, включает рассказы «Кроткая» и «Сон смешного человека», впечатляющий для библиофильских изданий тираж 1 600 экземпляров) [Dostoievsky] и «Повести и рассказы» А. Пушкина (1928) [см.: Pouchkine]. Графический декор этих изданий соединил в себе приемы стилизации и художественного обобщения, отработанные в предшествующих иллюстративных циклах.

И л л ю с т р и р о в а н и е П у ш к и н а — очень специальная тема для культуры русского зарубежья, связанная со стремлением сохранить верность национальным ценностям. Пушкина в эмиграции иллюстрировали А. Алексеев, М. Добужинский, И. Лебедев, В. Шухаев, В. Масютин, Н. Гончарова, Б. Зворькин и др. А. Толстой видит «иллюстрации к сочинениям Пушкина, выполненные этими художниками, при всех индивидуальных различиях» неизменно несущими «особую щемяще-элегическую ноту: эмигранты связывали в неразрывное единство понятия “Пушкин — русский язык — Россия”... Подчеркнутый пиетет перед великим поэтом Золотого века русской культуры со стороны адептов века Серебряного отнюдь не случаен. Ведь Пушкин и его творчество издавна были краеугольным камнем той традиции, в которой большинство деятелей “Мира искусства” черпало вдохновение, традиции, приверженность которой наиболее наглядно выражалась в доминировавшем в этом творческом сообществе культе Петербурга XVIII — первой половины XIX столетия.» [Толстой, с. 156; см.: Images de Pouchkine...]. Очевидна близость между тем, как Бродович изображает меланхолические каналы Амстердама в «Месье Бугрело», и настроения пушкинского Нового Амстердама — Петербурга, что проявляет связь мастера с культурой русского зарубежья.

Завершающим цикл книжных проектов Бродовича в Париже, стало оформление книги Джона Милтона¹⁴ «Краткая история Московии»¹⁵, написанной в XVII в. [см.: Milton]. Художник отсылает используемую им гравюрную технику к русскому лубку, но стилизует композиции под иконописные сюжеты. Действительно, что-то взято прямо от иконописи: обратная перспектива, характерные изображения «иконных горок», растительности и композиционное построение города. Бродович вспоминает (скорее — цитирует по фотографии) храмовую архитектуру разных периодов; различима владими́ро-суздальская школа, есть образец позднего пятикупольного храма с килевидными закомарами. Царь со скипетром и державой восседает на богато украшенном троне с раскинувшейся над ним панорамой деревянных теремных дворцов (ил. 10). Очень внимательно, тонко подходит мастер к работе над историческим материалом, продолжая традиции художников «Мира искусства» по реконструкции ушедших эпох.

¹⁴ Джон Милтон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель и мыслитель, автор политических памфлетов и религиозных трактатов.

¹⁵ Была издана на русском языке под заглавием «Московия Джона Мильтона» в 1875 г. с примечаниями Ю. В. Толстого.

Алексей Бродович не был вовлечен в художественную среду в юношеский санкт-петербургский период жизни. К концу 1920-х гг. его можно назвать частью небольшого эмигрантского мира, куда он вошел через чувство сопричастности общей исторической судьбе. Он присоединился к доминантной ностальгической интонации при работе с русскими темами и стал адептом традиции оформления эмигрантской книги. Мастер воспринял систему ценностей, которая бытовала среди русских художников еще до эмиграции и сохранилась в зарубежье. Речь идет об интенции художника к созданию собственной интонации в визуальном пересказе литературного сюжета, где иллюстрация не следует прямо за текстом, но рождается из личных переживаний мастера, Бродович перенял удивительное мастерство русских художников «расписывать» здание книги, чувствовать его архитектуру, упругость книжного листа, неразрывность каждого изобразительного элемента, иллюстрации, декоративной вставки с художественным организмом книги.

В ранних иллюстративных работах Бродович — послушный ученик и впечатлительный самоучка, увлеченный художественным оформлением книги. Часто его книжная иллюстрация оказывается в опасном положении вторичности, ведомая зрительным впечатлением автора от прежних достижений русских графиков: есть отсылки к образной системе Н. Гончаровой, слышатся отголоски стилистики А. Алексева, прослеживается линия второго поколения «мирискусников» Д. Митрохина, С. Чехонина и др. Однако нельзя выделить, за кем именно следует художник, нет прямых влияний и заимствований. Визуальная синтезирующая память мастера проявляется намеками, а их переработка остается творчески подвижной, ищущей. За короткий период работы в области искусства книги художник достиг высоких результатов. Гравюрная техника дисциплинировала мастера постоянной тренировкой точности композиции и выработкой чувства равновесия между белой поверхностью листа и ее графическим наполнением. Бродович самостоятельно выработал подходы к разному литературному материалу, бесстрашно брался за экзотические темы. Не впадая в историческую дотошность, он находил адекватный художественный язык, в котором стилизация не кажется чуждой. Разнообразие художественных решений указывает на творческую и кропотливую работу автора, сумевшего победить ремесленное начало гравюрной техники и пройти путь от ученичества до профессионализма.

Отношение к книге как к цельному ансамблю Бродович не поменял в последующие десятилетия. Во время художественного руководства нью-йоркским журналом «Harper's Bazaar» с 1934 по 1958 г. он совершил художественную революцию в журнальном издании (в чем-то приблизив журнал к «роскошной книге»). Каждая страница номера с дизайном, фотографией, текстом была органически «вшита» в образную структуру журнала. Книгу собственных фотографий «Балет» [см.: Brodovitch, 1945] он утрированно подает в этом же ключе¹⁶.

¹⁶ Для книги «Балет» Алексей Бродович сам отбирал фотографии, делал макет, подбирал шрифты и выбирал авторов текстов, создавая единое звучание книжного ансамбля. Сегодня это издание считается классическим. [см.: Parr, Badger].

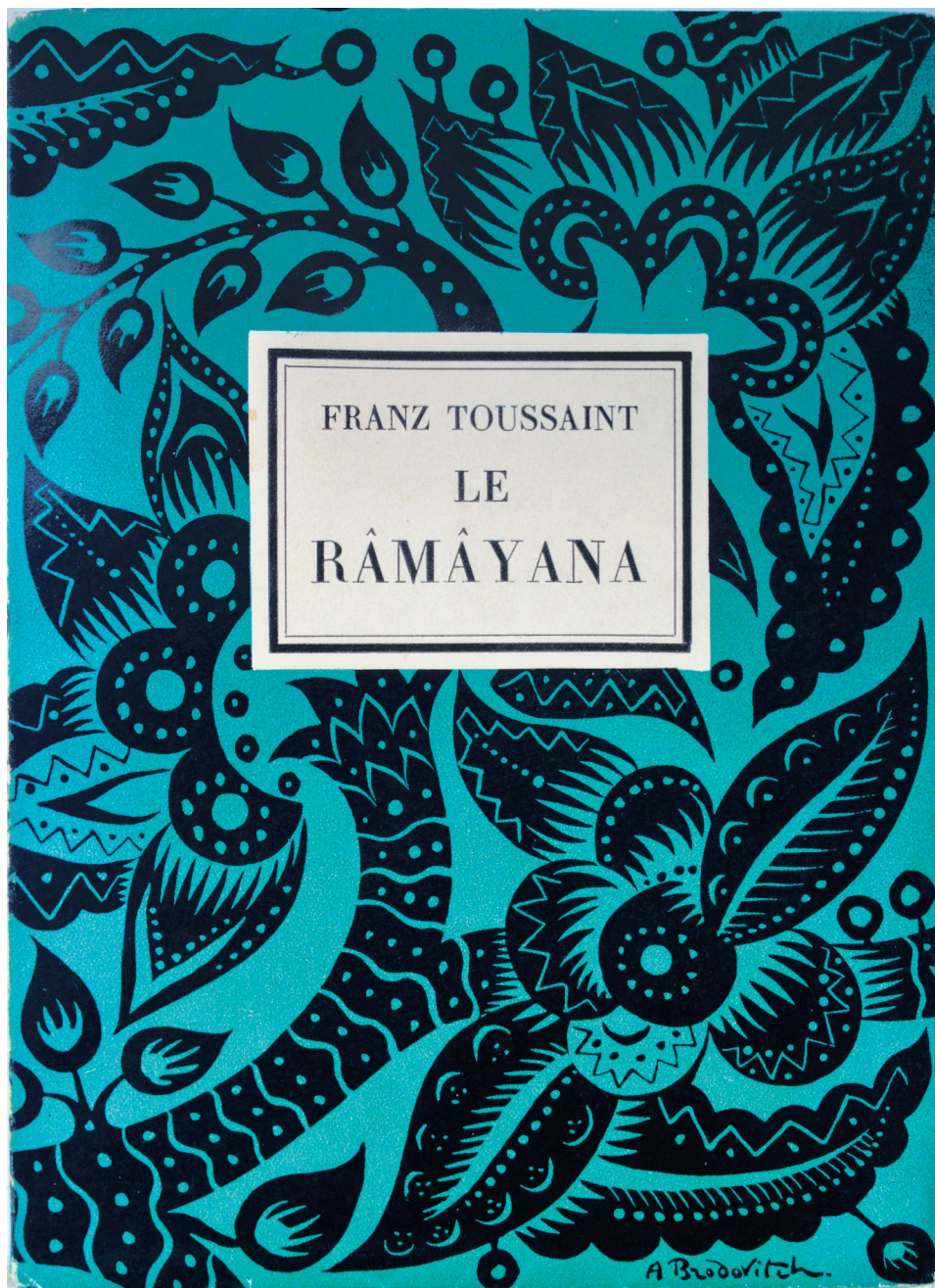
1. Корнет гусарского полка Алексей Бродович
Около 1917. Коллекция Ирены Васильес

2. Алексей Бродович (крайний справа) с семьей в Нице. Около 1920

3. А. Бродович. Иллюстрация к сказке Франца Туссена
«Любовь дочери султана». 1927

4. А. Бродович. Обложка книги «Рамаяна». 1927

A. Brodovitch

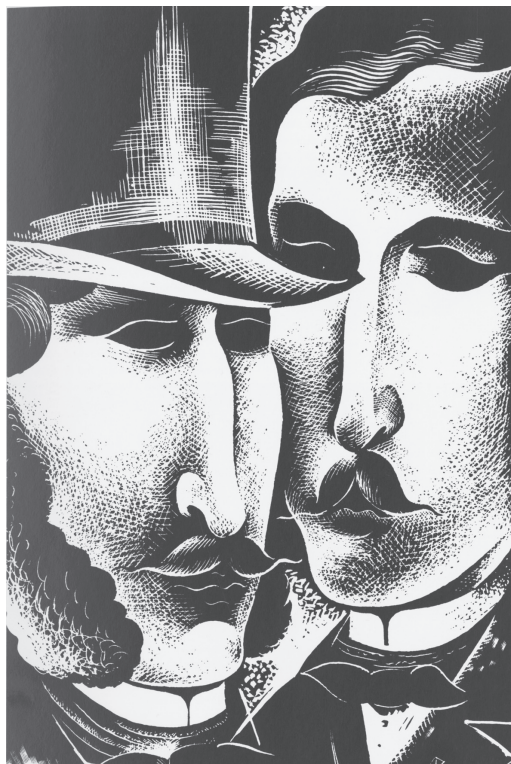
RĀMA

6. А. Бродович. Декоративные вставки из книги «Рамаяна». 1927

7. А. Бродович. Иллюстрация к рассказу Жана Лоррана «Месье де Бугрело». 1928

8. А. Бродович. Иллюстрация
к рассказу Жана Лоррана
«Местье де Бугрело». 1928

9. А. Бродович. Иллюстрация
к рассказу Жана Лоррана
«Месье де Бугрело». 1928

A BRIEF HISTORY OF MOSCOVIA

10. А. Бродович. Иллюстрации к книге Джона Милтона
«Краткая история Московии». 1930

Алексей Бродович стал примером для нескольких поколений западных графических дизайнеров середины и второй половины XX в.: они учились у него композиции, выстраиванию единства образной и текстовой составляющих книги и журнала. Основы мастерства в создании художественной системы издания и структуры книжного разворота были заложены в работе мастера над книгами для парижских издательств.

Александр Алексеев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artrz.ru/menu/1804657331/1804782068.html> (дата обращения: 14.02.2013). [Aleksandr Alekseev [Elektronnyj resurs]. Moskva 2011. URL: <http://www.artrz.ru/menu/1804657331/1804782068.html> (data obrascheniya: 14.02.2013).]

Александр Алексеев: материалы к выставке графики и ретроспективе фильмов в рамках XIX Московского международного кинофестиваля. М., 1995. [Aleksandr Alekseev: materialy k vystavke grafiki i retrospektive fil'mov v ramkakh XIX Moskovskogo mezhdunarodnogo kinofestivalya. M., 1995.]

Алексей Бродович. Папка художника. № 81537681 // Архив Музея современного искусства (Нью-Йорк, США). [Aleksej Brodovich. Papka khudozhnika. N 81537681 // Arkhiv Muzeya sovremennogo iskusstva. (N'yu-Jork, SSHA).]

Архив Алексея Бродовича. Коллекция Кэрри (Библиотека Уоллес Технологического университета Рочестера, штат Нью-Йорк, США). [Arkhiv Alekseya Brodovicha. Kolleksiya Kerri (Biblioteka Uolles Tekhnologicheskogo universitete Rochestera, shtat N'yu-Jork, SSHA).]

Бенуа А. Александр Бенуа размышляет... : статьи, письма, высказывания. М., 1968. [Benua A. Aleksandr Benua razmyshlyaet... : stat'i, pis'ma, vyskazyvaniya. M., 1968.]

Беспалова Е. Текстиль Бакста // Теория моды: одежда, тело, культура. 2012. № 25. С. 35–62. [Bespalova E. Tekstil' Baksta // Teoriya mody: odezhdha, telo, kul'tura. 2012. N 25. S. 35–62.)]

Лалеков Л. Искусство Древней Руси и Восток. М., 1978. [Lalekov L. Iskusstvo Drevnej Rusi i Vostok. M., 1978].

Лейкинд О., *Махров* К., *Северюхин* Д. Художники русского зарубежья, 1917–1939 : биогр. слов. СПб., 1999. [Lejkind O., Makhrov K., Severyukhin D. KHudozhniki russkogo zarubezh'ya, 1917–1939 : biogr. slov. SPb., 1999.]

Парижская школа : каталог выставки / сост. кат. Н. Автономова [и др.]. М., 2011. [Parizhskaya shkola : katalog vystavki / sost. kat. N. Avtonomova [i dr.]. M., 2011.]

Парижская школа : каталог выставки / сост. кат. Н. Автономова [и др.]. М., 2011. [Parizhskaya shkola : katalog vystavki / sost. kat. N. Avtonomova [i dr.]. – M.: Skanrus, 2011.]

Сеславинский М. Рандеву: русские художники во французском книгоиздании первой половины XIX века : альбом-каталог. М., 2009. [Seslavinskij M. Randevu: russkie khudozhniki vo frantsuzskom knigoizdanii pervoj poloviny XIX veka: al'bom-katalog. M., 2009.]

Сеславинский М. Французская книга в оформлении русских художников-эмигрантов (1920–1940-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. [Seslavinskij M. Frantsuzskaya kniga v oformlenii russkikh khudozhnikov-emigrantov (1920–1940-e gg.) : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2010.]

Толстой А. Художники русской эмиграции. М., 2005. [Tolstoj A. KHudozhniki russkoj emigratsii. M., 2005.]

Brodovitch A. Ballet. 104 Photographs by Alexey Brodovitch. N. Y., 1945.

Brodovitch A. Biographical Notes, p. 5. Nine pages, for the preparation of Allan Porter's article "Brodovitch on Brodovitch"// Camera. 1968. № 2.

Brodovitch A., and Galeries nationales du Grand Palais (France). Alexey, Brodovitch : [Exposition, Grand-Palais, Paris, 27 Octobre-29 Novembre 1982]. P., 1982.

Brodovitch A., and Philadelphia College of Art. Alexey Brodovitch and His Influence; Exhibition and Catalogue. Philadelphia, 1972.

Brodovitch A., Bauret. G. Alexey Brodovitch. P., 2005.

Cahiers d'Art, 1927. 8.

Dostoevsky F. Contes fantastiques / trad. de B. de Schloezer et J. Schiffrin ; ornem. de A. Brodovitch. P., 1929.

Droeu La Rochelle P., Le Marois J. L. Ode aux voiles du Nord / trad. de Stephen Vincent Benkt. P., 1928.

Duval P.-A.-M. Monsieur de Bougreton, par Jean Lorrain. P., 1928.

Essevaz-Roulet B. Fonds des éditions Henri Jonquières [Электронный ресурс] // Amsterdam, 2008. URL: <http://www.henrijonquieres.com/index.html> (дата обращения: 10.01.2013).

Images de Pouchkine. Portraits d'exil dans l'oeuvre des peintres russes emigres 1920—1970. Collection Rene Guerra / pref. de Henry Troyat, de l' Academie Franciase. P., 1999.

Meggs P. B., Alston W.P. Meggs' History of Graphic Design. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2012.

Milton J. A brief history of Moscovia. L., 1929.

Monsieur de Bougreton [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kb.nl/bc/koopman/1926-1930/c25-en.html> (дата обращения: 23.10.2012).

Parr M., Badger G. The Photobook : a History. Vol. 1. L., 2004.

Pouchkine, A. S. Nouvelles. [Le Coup de pistolet, le Maître de poste, le Chasse-neige, la Dame de pique] / trad. de André Gide et J. Schiffrin ; ornem. de Alexey Brodovitch. P., 1928.

Purcell K. W. Alexey Brodovitch. L., 2002.

Remington R. R. American Modernism: Graphic Design, 1920 to 1960. L., 2003.

Remington R. R., Hodik, B. Nine Pioneers in American Graphic Design. Cambridge, 1989.

Sednaoui K. Alexey Brodovitch, his work, his influence. Trent Polytechnic and Derby College of Art, 1974.

Soupault Ph. Alexey Brodovitch // The Bulletin, published monthly by the American Woman's Club of Paris, Inc. 1930. August. P. 908—910.

The Enduring Legacy of Alexey Brodovitch : Two Concurrent Exhibitions on Design and Photography : Brodovitch ... the Human Equation, the Herb Lubalin Study Center of Design and Typography... N. Y., 1994.

Toussaint F. La sultane de l'amour / [ill. de A. Brodovitch]. P., 1927a.

Toussaint F. Le Râmâyana : traduit du sanscrit / [ornem. de A. Brodovitch]. P., 1927b.

Статья поступила в редакцию 20.04.2013 г.

РОССИЙСКАЯ СУДЬБА
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ Д. ДИДРО
К 300-летию со дня рождения философа

УДК 94(470 + 571):343.41 + 94(470)“16/19”

К. Д. Бугров

**«ПЕТРОВСКАЯ» И «ЕКАТЕРИНИНСКАЯ» КОНЦЕПЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В РОССИИ 2-й половины XVIII в.***

Рассматриваются основные концепции политической свободы, базовые для политической мысли России второй половины XVIII в. «Петровская» концепция расценивала свободу как характеристику зрелости, дающую социальным группам право на условное освобождение от перманентного государственного принуждения. «Екатерининская» концепция предполагала безусловную свободу граждан империи, опираясь на концепт «фундаментальных законов». Однако обе концепции в равной мере поддерживали абсолютистскую политическую систему, несмотря на активное использования глоссария «законности».

Ключевые слова: Манифест о вольности дворянской; Екатерина II; просвещенный абсолютизм; фундаментальные законы; политическая свобода; политическая мысль России XVIII в.

Вольность во гражданине есть спокойство духа.

Екатерина II

Отправляясь в Россию в 1773 г., Дени Дидро понимал: его ожидает личная встреча с удивительным парадоксом XVIII в. — просвещенным деспотизмом. Амбивалентность этого феномена проявлялась в том, что просвещенный деспот одновременно и гарантировал модернизационный процесс приобщения России к Европе, и воплощал собой самую яркую (для европейских мыслителей!) черту, отличавшую Россию от европейских стран, — отсутствие свободы [см.: Рое, 2000]. Для европейских наблюдателей Россия по инерции

* Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ.

представлялась страной несвободы — правда, другой великий француз, Монтескье, с оптимизмом замечал: «Посмотрите, с каким усердием старается московское правительство освободиться от деспотизма, который тяготит его даже более, чем его народы» [Монтескье, кн. 5, гл. 14].

Пресловутая репутация России в конечном счете сыграла скверную шутку и с самим Дидро: так, сегодня по запросу в поисковых системах Интернета «Дидро в Петербурге» первым делом появляются многочисленные ссылки на... одноименный рассказ Леопольда фон Захер-Мазоха. Рассказ, который входил в сборник «Новеллы русского двора», наполнен клише: традиционный русский деспотизм, грубость нравов и распущенные (но одновременно прекрасные!) женщины у власти — элементы, из которых складывается гротескно-абсурдное повествование, замешанное на эротизме и насилии.

Визит философа — частный случай европейского влияния на Россию — лишь скользит по поверхности, развлекая, но вовсе не оказывая глубокого влияния на русских. (Интересно, что подобный взгляд на визит Дидро характерен не только для новеллиста XIX в., искавшего пикантных сюжетов, но и для вполне серьезных исследователей в России и за рубежом.) Политическая история России — это история «саботажа модернизации», осознанного, неосознанного или невольного.

Политическая свобода в России — следствие постепенного приобщения к европейскому Просвещению? Увы, простая, казалось бы, постановка вопроса на деле является исключительно сложной. Концепции свободы активно обсуждались и в России, причем в зависимости от того, как конкретные акторы — целые социальные группы — понимали политическую свободу, зависела и соответствующая картина российских реалий. Зададимся вопросом: как понималась политическая свобода там, куда отправился французский мыслитель в 1773 г., — в Российской империи второй половины XVIII в.?

Свобода — это отсутствие принуждения. Именно такое понимание свободы было актуализировано в ключевом для истории политической свободы в России документе — Манифесте о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству (1762). В Манифесте говорится о свободе дворян отказаться от обязательной службы; это — послабление в налагаемых властью обязанностях, облегчение от тяжелого бремени [ПСЗ, 1830, № 11444]. Позднее аналогичное понимание будет актуализировано и в екатерининской Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства: в статье 17 Грамоты лаконично зафиксировано: «Подтверждаем на вечныя времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу».

Согласно логике Манифеста, основанием для принуждения в свое время выступила потребность «показать, сколь есть велики преимущества просвещенных держав в благоденствии рода человеческого против бесчисленных народов, погруженных в глубине невежеств». Петровские установления, хоть вначале они и «казались тягостными и несносными для дворянства» и были «сопряжены с принуждением», в конечном счете принесли «неисчетные пользы», а «благородные мысли вкоренили в сердцах истинных России патриотов безпредельную к ним верность и любовь, великое усердие и отменную в службе нашей ревность»; сле-

довательно, более нет и «необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была» [ПСЗ, 1830, № 11444]. Таким образом, дворянство оказывалось «условно свободным» — свободным от государственного принуждения лишь при условии старательной работы на «общее благо».

Одновременно свобода — это еще и х а р а к т е р и с т и к а, присущая состоянию своеобразного социально-политического совершеннолетия, зрелости и сознательности. Именно «общее благо» выступает достойным поводом применить внешнее принуждение к тем индивидуумам (или социальным группам), которые не способны самостоятельно действовать во имя этой высшей ценности. Подобное понимание свободы зеркально отразилось и в позднейших дебатах Екатерининской эпохи о свободе крепостных крестьян. Так, А. П. Сумароков раздраженно замечал по поводу Наказа Екатерины II: «Иное быть господином, а иное тираном; а добрые господа все судьи слугам своим, и отдать это лучше на совесть господам, нежели на совесть слугам. Сделать русских крепостных людей вольными нельзя. <...> Все дворяне, а может быть, и крестьяне сами такой вольностью довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие. А это примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет» [Мнения о Наказе..., с. 85—86]. Следовательно, невозможно и освободить крестьян, которые — не имея, в отличие от дворян, «благородных чувствий», не смогут и трудиться на «общее благо». Сходную позицию в споре о крестьянской свободе занимал и М. М. Щербатов, полагавший, что без принуждения крепостные крестьяне начнут перебираться в более теплые и плодородные районы, подрывая экономические устои империи.

Итак, свобода — это поощрение, даруемое тем социальным группам, которые продемонстрировали свою способность и готовность к самостоятельным действиям во имя «общего блага». Мерой такой способности выступает степень приобщения социальных групп к модернизаторской, европеизаторской политике абсолютизма. Назовем эту концепцию петровской концепцией свободы.

Однако другим — одновременно и дополнительным, и альтернативным — аргументом в пользу отмены жесткого принуждения дворян к службе выступало признание за дворянством имманентных корпоративных прав. Подобная логика, воспринятая скорее всего через знакомство с идеями Монтескье, была характерна для придворной группировки М. Л. Воронцова, а впоследствии оказалась востребована членами Комиссии о вольности дворянской, созданной Екатериной II для дальнейшей работы над вопросом об отмене обязательной службы дворян. Члены Комиссии считали «вольность» дворянства, тесно связанную с набором корпоративных привилегий, универсальной характеристикой, свойственной дворянству вообще. Подобный взгляд нашел отражение в итоговых документах Комиссии [Доклад комиссии...; Омельченко].

Обширная литература, посвященная истории отечественного конституционализма, изобилует описаниями борьбы дворянских группировок за утверждение в России «фундаментальных законов», борьбы упорной и всегда неудачной. «Свободы вечное преддверье» — так озаглавил, например, яркое историко-

публицистическое сочинение о событиях 1730 г. Яков Гордин. Но пожалование дворянства «вольностью и свободой» в 1762 г., как и подтверждение этого пожалования в 1785 г., носило характер именно «фундаментального», «непременного закона»: права и привилегии дворянства провозглашались «на вечные времена». Аналогичный статус имел и установленный Павлом I порядок престолонаследия.

Что же такое «вольность» дворянства: поощрение за успехи в просвещении или исторически присущая характеристика? Использование языка «фундаментального закона» противоречит охарактеризованной выше концепции свободы как условного исключения социальной группы из системы всеобщего принуждения: дарованная «на вечные времена» свобода может считаться *б е з у с л о в н о й* (на всякий случай тех дворян, которые «в лености и праздности все время препровождать будут», Манифест 1762 г. предписывал «яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества» [ПСЗ, 1830, № 11444]).

Обращения к концепту «фундаментальных законов» обозначает рост популярности на российской почве идей Монтескье, представленных в его трактате «О духе законов». В 1766 г. Наказ Екатерины II зафиксировал такое определение «вольности»: «Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют». Согласно Наказу, «вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно», а «государственная вольность во гражданине есть спокойство духа происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностью» [Наказ..., с. 7–8]. Это определение, безусловно, заимствовано из Монтескье, который считал: «Политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть. Необходимо уяснить себе, что такое свобода и что такое независимость. Свобода есть право делать все, что дозволено законами. <...> Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина» [Монтескье, кн. 11, гл. 6].

Сходного взгляда придерживались и авторы «Энциклопедии». В статье «Политическая власть» Дидро определял свободу следующим образом: «От природы никто не получал права повелевать другими людьми. Свобода — это дар небес, и каждый индивид имеет право пользоваться ею, как только он начинает пользоваться разумом. Если природа и установила какую-то власть, то лишь родительскую, притом она имеет свои границы и в естественном состоянии прекращается, как только дети научатся руководить собой. Любая другая власть ведет свое происхождение не от природы. При внимательном изучении у нее всегда оказывается один из двух источников: либо насилие и жестокость того, кто ее себе присвоил, либо согласие тех, кто ей подчинился по заключенному или подразумеваемому договору между ними и тем, кому они вручили власть» [История в Энциклопедии...].

Не менее важно, что такой подход был частично повторен и в знаменитом «Рассуждении о непременных государственных законах» Н. И. Панина, записанном Д. И. Фонвизиным: «Истинное блаженство государя и подданных тогда совершенно, когда все находится в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удостоверения о своей безопасности. Вот прямая политическая вольность нации. Тогда всякий волей будет делать все то, чего позволено хотеть, и никто не будет принуждать делать того, чего хотеть не должно; а дабы нация имела сию вольность, надлежит правлению быть так устроено, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти; чтоб никто не мог быть игралищем насильств и прихотей; чтоб по одному произволу власти никто из последней степени не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю; чтоб в лишении имени, чести и жизни одного дан был отчет всем и чтоб, следственно, всякий беспрепятственно пользоваться мог своим имением и преимуществами своего состояния» [Фонвизин, с. 60].

Свобода в этой концепции определяется с помощью глоссария «законности»; это негативная свобода — та парадигма, которая впоследствии ляжет в основу европейского либерализма. Назовем ее *екатерининской концепцией свободы*.

Однако и екатерининская концепция свободы легко уживалась на российской почве с абсолютной монархией как в теории, так и на практике. Использование глоссария «фундаментального закона», превращавшего свободу из условного поощрения в безусловную сословную привилегию или даже базовую характеристику гражданина империи (как, например, в Наказе), вовсе не подразумевало системной трансформации абсолютизма. Ведь гарантирующий «вольность» подданных (граждан?) «фундаментальный закон» одновременно служит «непоколебимым утверждением самодержавного всероссийского престола» [ПСЗ, 1830, № 11444]. К примеру, братья Панины считали «союзное сопряжение Государя со всею Империею» гарантией того, чтобы «весь народ по внутреннему уверению каждого в себе не имел уже причины ожидать в новых переменах лучшего, но был бы всегда готов защищать жизнь своею того Государя, под владением которого сохраняются во всей целости государственные фундаментальные законы и форма правления, под сенью коих соблюдались общее благо, верность и безопасность каждого подданного» [Шумигорский, с. 20].

Итак, «фундаментальный закон» является основанием для консенсуса между правителями и подданными; на основании этого консенсуса правители управляют, а подданные повинуются. Факт нарушения «фундаментального закона» означает и нарушение консенсуса; эта истина в России XVIII в. стала практически прописной. Однако у подданных (граждан?) империи отсутствовали не только способы убедительно продемонстрировать, что консенсус находится под угрозой (разве что можно считать таковыми дворцовые перевороты), но даже и четкое понимание того, *кто* и *как* способен публично поднять вопрос о такой угрозе.

Во второй половине XVIII в. считалось, что Сенат был государственным органом политического баланса, способным делать «представления» государю на новые законы; такая переоценка роли Сената свершилась, очевидно, под влиянием европейской литературы (и заслуживает глубокого отдельного изучения!).

Но даже хорошо образованным, бывавшим за границей российским политикам и публицистам не было до конца ясно, *кого* и *как* представляет российский Сенат. Зачастую он воспринимался аналогом французских парламентов, но даже в теории (не говоря уже о практике!) механизм его самостоятельности перед лицом самодержавного государя был неясен.

К примеру, в знаменитых реформаторских проектах Н. И. Панина Сенат выступает эквивалентом *Depot des Lois* («хранилища законов»), которое, согласно трактату Монтескье, призвано служить противовесом абсолютистским устремлениям монарха. Однако процедурные и правовые основания такой деятельности Сената неясны: о выборности Сената говорится лишь однажды. Причиной этого, на наш взгляд, было не столько стремление российских императоров к сохранению в своих руках абсолютной власти, сколько отсутствие в российской традиции соответствующего опыта¹.

И раз за разом в текстах крупнейших сановников империи — образованнейших и искуснейших государственных деятелей — повторяется на разные лады одно и то же утверждение: «Россия есть самодержавное государство. Обширность ее, составление из разных языков и обычаев и многия другия... сей единый образ правления делают ей свойственными. Тщетны всякия вопреки того умствования, и малейшее ослабление самодержавной власти навлекло бы за собою отторжение многих провинций, ослабление государства и безчисленныя народныя бедствия», — так писал в конце XVIII в. канцлер Империи А. А. Безбородко, отмечавший вслед за констатацией абсолютной власти императора: — «Власть дана ему безпредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям, но чтоб держать в почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные» [Безбородко, с. 297]. Екатерининская концепция свободы предполагала сочетание «фундаментальных законов» и абсолютизма, доброжелательного по отношению к подданным. Соответственно и многочисленные дворцовые интриги, которые часто воспринимаются как борьба за «ограничение» самодержавия, на деле были схваткой за институциональное (а часто и попросту персональное) оформление конкретной конфигурации абсолютизма; упреки в «ограничении» власти императора играли роль риторического оружия в этой борьбе.

Поэтому вряд ли Н. И. Панин хитрил, отвечая на упреки А. П. Бестужева-Рюмина осенью 1762 г. в попытке спрятать ограничение самодержавия за формулировкой о сенатском праве представления: «Невозможно думать, чтоб Сенат зделал Государю представление на его имянной указ, не объясня тому законную причину. А исполнение по вторичному о том от Государя повелению само собою разумеется. Дальнее о том предписание имело б образ несовершенства или сумнительства о самодержавстве». Тот факт, что Панин не стал детально рассматривать процедурные аспекты «права представления», вряд ли можно считать «ловушкой» для императрицы. Напротив, это важнейшее свидетельство в пользу того, что Панин не ставил перед собой задачу формирования

¹ Подчеркнем: речь идет не о степени знакомства с европейскими идеями и даже не о «включенном наблюдении» за европейской практикой (Н. И. Панин отвечал обоим этим критериям в полной мере), а об отсутствии личного опыта участия в подобной практике.

жесткой, формализованной системы политического баланса, основанной на строгом разграничении прерогатив и полномочий.

Таким образом, подданные (или все-таки граждане?) Российской империи, обладая свободой в рамках «законности», реализовывали ее постольку поскольку, не имея не то что практического, но и теоретического механизма участия в определении характера самой этой законности. В анонимном сочинении «Антидот», написанном, по-видимому, Екатериной II и посвященном опровержению неблагоприятных по отношению к России рассуждений французского автора, аббата Жана Шапп д'Отроша («Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761»), параллель между *Parlements* и Сенатом проводилась напрямую: «Ненавистное название деспота, которое аббат смеет постоянно давать Русскому Государю, — вот другая черта, ясно доказывающая его зложелательство. Очень хотелось бы знать, г. аббат, что значит у вас слово Государь (*Souverain*)? Король, издающий законы? Наш Государь делает то же самое. Вы имеете Парламенты, отказывающиеся принимать дурные законы, но которых к тому принуждают после некоторых препираний: у нас есть Сенат, имеющий те же права; но наши Государы избегли протестов (разрядка наша. — К. Б.), издавая законы лишь по представлению этого Сената или воздерживаясь от того, что могло бы навлечь на них протест» [Антидот, с. 242]. Ситуации конфликтов исключены здесь в принципе.

Уклончивые ответы Екатерины на вопросы Дидро о «рабстве крестьян» в России проистекают именно из подобного взгляда на свободу в империи. Екатерининская концепция свободы указывала на угрозу для трона при нарушении фундаментальных законов; соответственно прочность трона могла интерпретироваться как однозначный признак сохранения законности. Свободны, потому что довольны, — к такому определению сводится концепция «законной» свободы в российском XVIII веке.

Своеобразный итог этой концепции подвел Н. М. Карамзин, обращаясь в «Историческом похвальном слове Екатерине II» к дворянству: «Каких выгод можем еще желать? Кому завидовать? Мы свободны! Судимы только равными себе! Боимся одних законов! Имеем голос в Империи, и Монарх внимает ему! Наша собственность неотъемлема; достоинство родов и право наследства сохранены, но мы по воле располагаем приобретениями. Земля, которою владеем, для нас отверзает недра свои и тайные сокровища; для нас текут воды в ее пространстве! И если некоторые особенные склонности влекут нас в климаты чуждые; если полезное любопытство наше требует себе новой пищи; если кроткое небо южной Европы обещает нам лучшее здравие — мы свободны! Дворянин Российский есть гражданин вселенной; нет преграды для путей его» [Историческое похвальное слово...].

Как мы видим, практические предложения в отношении процедурного, институционального и правового оформления системы политического баланса, который бы поддерживал гарантии «законной» свободы, были разработаны слабо (кажется, никто к этому и не стремился). Это вовсе не означает, будто идеи баланса были полностью чужды российским реформаторам и публицистам века Просвещения, но баланс, которого они искали, был специфическим.

Современный исследователь Д. Кристиан, говоря о «сенаторской партии» в истории российской монархии начала XIX в., отмечает по поводу предполагаемого конституционализма сенаторов: «Вместо того, чтобы стремиться к ограничению власти монарха, как это предполагали многие историки, проекты сенатской партии были нацелены на увеличение его власти через увеличение контроля за бюрократией, через которую эта власть передавалась» [Christian, p. 314]. Именно так обстоят дела с большинством исторических сюжетов, которые в отечественной истории считаются вехами конституционализма.

При этом к середине XVIII в. российская элита освоила основы лексикона тираноборчества (эпоха дворцовых переворотов предоставляла достаточно много практических возможностей для его использования), однако не выработала устойчивой системы его актуализации на практике. Концепция свободы нации как «политического тела», характерная для классического республиканизма, приходила в Россию сквозь бреши в традиционной легитимации монархии, пробитые петровским законом о престолонаследии. Источниками такой концепции служили европейские авторы, такие как Руссо, Ваттель или Монтескье. Республиканский политический язык стал инструментом осмысления феномена дворцовых переворотов и легитимации участия подданных в переворотах.

Но специфичным (для России — и, возможно, не только для нее) был тот факт, что даже принципиальное и однозначное признание за «нацией» права защищать свою «вольность» вместе с далеко идущими тираноборческими намеками не было связано с предложениями по кардинальному изменению институционально-политической системы Российской империи и не предусматривало необходимости активного участия «нации» в управлении через коллективные выборные органы и публичную дискуссию. На российской почве эта проблематика попросту не вызвала интереса, более того — дворцовые перевороты XVIII в. так и не породили по-настоящему оригинальной идеологии сопротивления «плохим» монархам, и вся эта идеология может быть сведена к рутинной мудрости: «Тот, кого свергли, и есть тиран». Даже когда речь заходила о «фундаментальных законах» и о том, что нарушение этих норм означает конфронтацию с государем, мы сталкиваемся с молчанием по поводу политического баланса. В конечном счете ни петровская (поощрение — принуждение), ни екатерининская (консенсус по поводу гарантий) концепции свободы не подразумевали вопроса о том, кто, кроме императора, на практике формирует политику достижения «общего блага».

Для многих европейских наблюдателей это означало, что под различными именами в Санкт-Петербурге сохраняется все та же «московитская» деспотия. Так, К. Рюльер отмечал: «Петр III начал свое царствование манифестом, в котором полную деспотическую властью дарил российское дворянство правами свободных народов... Но сия свобода, которую на первый раз понимали только по имени и которой права не способен был постановить подобный государь, была не что иное, как минутная мечта. Воля самодержца без всякой формы не переставала быть единственным законом, и народ, неосновательно мечтавший о каком-то благе, но его не понимавший, огорчился, видя себя обманутым» [Рюльер, с. 21–22].

Эта точка зрения может показаться весьма содержательной, но на деле она говорит лишь о поверхностном понимании проблемы. Петровская и екатерининская концепции свободы одновременно противоречили и дополняли друг друга. Карамзин, завершая свое «Похвальное слово» вымышленным обращением Екатерины II к россиянам, противопоставил «независимость» и «благополучие», причем сделал выбор в пользу последнего: «Если Мои (Карамзин говорит от лица Екатерины. — К. Б.) законы ограничивают природную вольность человека, то будьте уверены, что Я пожертвовала частью свободы только единой целостности гражданского порядка и предпочла независимости вашей одно ваше благополучие; не даровала вам тех одних прав, которые могли быть для вас вредными» [Историческое...]. Законы все-таки являются дарами, а свобода — следствием мудрости суперарбитра. Идея о том, что суперарбитр лучше подданных знает, в чем заключается «общее благо», и ведет их к этой цели, оставалась важной для обеих концепций и до некоторой степени объединяла их.

«Общее благо» и лояльность к государю оставались центром тяготения российского политического универсума. По нашему мнению, использование глоссария «законности» и «общего блага» в России XVIII в. вовсе не является индикатором близких институциональных перемен. Напротив, оба эти глоссария оказались удачно инкорпорированы в политическую систему абсолютной монархии эпохи дворцовых переворотов. Даже если социальные группы и были ответственны за проведение той или иной политики, включая гарантии «свобод», это не означало их приверженности институциональным изменениям. В этом смысле «фундаментальный закон» в российском политическом языке не выступал орудием ограничения власти монарха, напротив, он был важным элементом укрепления абсолютной монархии.

Согласимся с американской исследовательницей Э. Виртшафтер, считающей, что проблемы морального совершенствования и развития добродетелей для российской элиты оставались в центре внимания: «В России соединение языков Просвещения и абсолютной монархии привело не к политическому столкновению, как во Франции, а к размышлениям о морали, которое десятилетиями могло успешно примиряться с установленными иерархией и властью» [Wirtschafter, p. 175]. Но, на наш взгляд, отсутствие кардинальных институционально-правовых изменений в российском политическом поле (политическое столкновение, говоря словами Виртшафтер) сложно объяснить особой способностью российской элиты примиряться с реалиями, переходя от социально-политической повестки дня к вопросам персонального совершенствования. Это означает, кроме прочего, возвращение к политической истории как к истории постоянного «саботажа» модернизации.

В процессе модернизации европейские политические идеи были плодотворно восприняты на российской почве. В итоге возникли специфические концепции, вторичные по отношению к европейским образцам, но оригинальные в глубоком переосмыслении и, если так можно выразиться, *п е р е и з о б р е т е н и и* (*reinvention*) окружающих российских реалий. Д. Кристиан справедливо подчеркивает: «Одним из последствий вестернизации российских высших классов в восемнадцатом веке была постоянная тенденция к восприятию российской

политики через европейские аналогии. Однако очень часто такой подход скрывал специфически российские черты политической жизни России» [Christian, p. 298].

Ограничение власти монарха было возможным не в формально-юридической, а в моральной сфере. Как отмечает Е. Н. Марасинова, «самодержавие в России второй половины XVIII в. будет ограничено не “гражданином”, требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянства» [Марасинова, с. 306].

Безусловно, такая интеллектуальная трансформация предполагала иную концепцию свободы. И такая концепция возникает на российской почве в конце XVIII в., представляя собой союз между личной добродетелью и исторической традицией, реализуемый в зарождающемся публичном пространстве и вдохновляющийся такими мощными мотиваторами, как репутация и память.

Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II, или Разбор книги Шаппа д’Отероша о России // Оснадцатый век. Кн. 4. М., 1869. [Antidot (Protivoyadie). Polemicheskoe sochinenie Ekateriny II, ili Razbor knigi Shappa d’Oterosha o Rossii // Osmnadsatyy vek. Кн. 4. М., 1869.]

Безбородко А. А. Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Рус. архив. 1877. Кн. 1, вып. 3. [Bezborodko A. A. Zapiska knyazya Bezborodko o potrebnostyakh imperii Rossijskoj // Russkij arkhiv, 1877. Кн. 1. Вып. 3.]

Доклад комиссии о правах и преимуществах русского дворянства. 18 марта 1763 г. // Сб. Императ. Рус. ист. о-ва. СПб., 1871. Т. 7. [Doklad komissii o pravakh i preimuschestvakh russkogo dvoryanstva. 18 marta 1763 g. // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva. SPb., 1871. Т. 7.]

Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным. М., 1802. [Istoricheskoe pokhval’noe slovo Ekaterine Vtoroj, sochinennoe Nikolaem Karamzinym. М., 1802.]

История в Энциклопедии Дидро и д’Аламбера. Л., 1978. [Istoriya v Entsiklopedii Didro i d’Alambера. Л., 1978].

Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // ПСЗ. [СПб.], 1830. Т. 15, № 11444. [Manifest o darovanii vol’nosti i svobody vsemu Rossijskomu Dvoryanstvu. 18 fevralya 1762 g. // PSZ. [SPb.], 1830. Т. 15, N 11444].

Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. [Marasinova E. N. Vlast’ i lichnost’. Oчерki russkoj istorii XVIII veka. М., 2008].

Мнения о Наказе, сочиненном Екатериною II, Василья Баскакова и Александра Сумарокова, с собственноручными заметками государыни // Сб. Императ. Рус. ист. о-ва. СПб., 1872. Т. 10 : Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Т. 2 (1765–1771). [Mneniya o Nakaze, sochinennom Ekaterinoyu II, Vasil’ya Baskakova i Aleksandra Sumarokova, s sobstvennoruchnymi zametkami gosudaryni // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva. SPb., 1872. Т. 10. Bumagi im-peratritsy Ekateriny II, khranyaschiesya v Gosudarstvennom arkhive Ministerstva inostrannykh del. Tom II (1765–1771)].

Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. [Montesk’e SH. O dukhe zakonov // Montesk’e SH. Izbrannye proizvedeniya. М., 1955.]

Наказ Ея Императорскаго Величества императрицы Екатерины Вторья самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1770. С. 7–8.

[Nakaz Eya Imperatorskago Velichestva imperatritsy Ekateriny Vtoryyya samoderzhitsy vserossijskiya dannyj Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya. SPb., 1770. S. 7–8.]

Омельченко О. А. Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской) : ист. очерк. Документы. М., 2001. [Omel'chenko O. A. Imperatorskoe Sobranie 1763 g. (Komissiya o vol'nosti dvoryanskoj) : ist. ocherk. Dokumenty. M., 2001.]

ПСЗ. [СПб.], 1830. Т. 15. [PSZ. [SPb.], 1830. Т. 15.]

Рюльер К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908. [Ryul'er K. Istoriya i anekdoty revolyutsii v Rossii v 1762 g. // Perevorot 1762 goda. Sochineniya i perepiska uchastnikov i sovremennikov. M., 1908].

Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах // Фонвизин Д. И. Собр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1959. Т. 2. [Fonvizin D. I. Rassuzhdenie o nepremennykh gosudarstvennykh zakonakh // D. I. Fonvizin. Sbranie sochinenij : v 2 t. M. ; L., 1959. Т. 2].

Шумигорский Е. С. Приложение // Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. [Shumigorskij E. S. Prilozhenie // Shumigorskij E. S. Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie. SPb., 1907].

Christian D. The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801–1803 // Russian Review. 1979. Vol. 38, № 3.

Poe M. A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, N. Y., 2000.

Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003.

Статья поступила в редакцию 15.11.2012 г.

УДК 821.161.1-94 + 821.133.1-94 + 82(091) + 94(4)

Е. Е. Приказчикова

Д. ДИДРО И ИСКУШЕНИЕ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Рассматривается история взаимоотношений французского философа Д. Дидро и российской императрицы Екатерины II с точки зрения государственного утопизма эпохи Просвещения. Автор статьи приходит к выводу о невозможности даже в контексте «века философов» осуществить полноценный диалог между философом и правителем, утопией и политикой, что подтверждается анализом записок и эпистолярного наследия обоих участников данного диалога.

Ключевые слова: государственный утопизм; русское Просвещение; философ; эпистолярное наследие; эгодокументы.

«Государственный утопизм» (термин В. Гуминского) занимает особое место в культурном сознании русского Просвещения. Желание построить Новый мир по законам Разума выдвигало на первый план фигуру философа, уже постигшего эти законы и предлагающего свои абсолютные знания правящим монархам.

Подобное мировоззрение эпохи нашло свое отражение в знаменитой «Энциклопедии», где Д. Дидро, определяя сущность термина «философ», писал: «философ — это честный человек, который поступает всегда в согласии с разумом и соединяет в себе дух размышления и точности с нравственностью и

общежительностью. Соедините какого-нибудь государя с таким философом, и вы получите совершеннейшего государя» [Дидро, 1939, с. 278].

В эпоху Просвещения быть «философом» было не только престижно, но и необходимо, чтобы поддержать свой статус в свете, приблизиться к «высшим сферам» культуры, политики и литературы.

Как известно, сама императрица Екатерина II в своих «Записках» как «положительное качество отмечала в себе «философское расположение ума», проявившееся в ранней юности. Это выражалось в том, что она «покупала себе книги; и в 15 лет вела уединенную жизнь и была довольно углублена в себя» [Екатерина II, с. 200]. В юности Екатерина даже написала небольшую автобиографическую записку, назвав ее «Изображение Философа в 15 лет», к сожалению, впоследствии уничтоженную самим автором по политическим причинам.

Придя к власти, Екатерина II делает европейских философов своими собеседниками и корреспондентами. Она переписывается с Вольтером, Ж. Д'Аламбером, Ф. М. Гриммом и др., причем ее переписка с ними почти всегда носит «философический» характер. Особое место в истории русского Просвещения занял Д. Дидро — единственный из крупных европейских писателей-философов эпохи Просвещения, который не просто давал эпистолярные советы российской императрице, подобно Вольтеру, но приехал в Россию, чтобы помочь Екатерине II превратить «полуварварскую страну» в настоящую европейскую державу. Его общение с императрицей, а также произведения философа, навеянные русским путешествием, представляют собой поучительный пример «европейских миражей» русской государственной утопии.

Авторитет Дидро в России не только в XVIII столетии, но и в XIX в. был очень высок. Достаточно вспомнить, что Д. В. Давыдов начинает свою романтизированную автобиографию, написанную в 1832 г., сравнивая себя, ни много ни мало, именно с Дени Дидро и подчеркивая, что он родился в год смерти французского философа. Поэт-партизан писал: «Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Дениса обратили на себя внимание земляков своих бог знает за какие услуги на словесном поприще!» [Давыдов, с. 11].

Екатерина II буквально через несколько дней после своего вступления на престол завязывает переписку с Дидро; в 1765 г., узнав о тяжелом материальном положении философа, покупает за 15 тыс. ливров его библиотеку, оставив ее философу в пожизненное пользование и назначив ему ежегодное жалованье от русской казны как хранителю библиотеки в 1 тыс. ливров в год. Желая отблагодарить императрицу, Дидро осенью 1773 г. приезжает в Петербург, где встречается и ведет продолжительные беседы с русской императрицей¹.

¹ Проблема взаимоотношений Д. Дидро с русской императрицей не раз оказывалась в центре внимания не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Достаточно вспомнить монографию А. Lortholary «Le mirage russe en France au XVIII e siecle» (Paris, 1951), замечательную статью G. Dulac, посвященную рукописям Д. Дидро, хранящимся в СССР («Les manuscrits de Diderot en URSS»), которая была опубликована в Оксфорде в 1988 г. Среди отечественных исследователей следует назвать прежде всего С. Я. Карпа с его монографией «Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века» (М., 1998).

На первый взгляд Дидро был человеком совершенно иного склада, чем знаменитый собеседник Екатерины II Вольтер. А. Ф. Строев характеризовал его следующим образом: «Человек энциклопедических знаний, но увлекающийся, рассеянный, неловкий в практической жизни... Друзья и враги называли его неподражаемым оригиналом, шестидесятилетним ребенком, говорили, что он грезит наяву (вот он, утопизм, в действии! — Е. П.), не дорожит ни временем своим, ни славой» [Строев, с. 65]. Граф Л.-Ф. Сегюр, французский посланник при русском дворе Екатерины II, отзывался о нем так: «Этот философ... был... одарен пылкой душой и потому, казалось бы, не должен был сделаться материалистом. <...> Он лучше говорил, нежели писал; труд охлаждал его вдохновение... но пламенная речь... поражала, потому что была блестяща и картинна: это был гений на парадоксы» [Сегюр, с. 413].

Дидро искренне был очарован просвещенным абсолютизмом Екатерины II. Л. Вульф замечал по этому поводу: «Его воображение питала сама Екатерина, ее самодержавная власть над Россией и значение этой власти как средства практически применить философию в деле цивилизации — на расстоянии земного полудиаметра, в Восточной Европе» [Вульф, с. 332]. Кстати, еще до приезда в Россию Дидро удалось оказать императрице одну важную услугу, помешав публикации во Франции рукописи записок Клода де Рюльера, секретаря французского посольства в Петербурге, относительно «русской революции 1762 года», в которой Екатерина II была выставлена убийцей своего мужа императора Петра III. Дидро удалось взять обещание с дипломата не печатать рукопись при жизни императрицы. Это была очень серьезная услуга, за которую императрица, по его мнению, должна была отблагодарить философа.

Прием, оказанный Дидро в Петербурге, совершенно очаровал философа. В письме к своей приятельнице Софии Виллан он признавался: «Я сделал не только приятное, но и почетное путешествие, меня принимали как представителя честных и способных людей моей страны... двери кабинета государыни открыты для меня во все дни, я вижу ее с глазу на глаз, с трех часов пополудни до пяти, а порою и до шести. Я вхожу, меня просят сесть, и я беседую так же свободно, как с вами. А уходя, я вынужден сознаться самому себе, что в так называемой стране свободных людей у меня была душа раба и что я нашел в себе душу свободного человека здесь, в так называемой стране варваров» [цит. по: Бильбасов, с. 246—247].

По недоброжелательному свидетельству барона Ф. М. Гримма, бывшего в России одновременно с Дидро и ставшего впоследствии главным консультантом императрицы по вопросам европейской литературы и искусства, Дидро в России вовсе не играл во «встречу императрицы и философа». Напротив, он «берет руку императрицы, трясет ее, бьет кулаком по столу, он обходится с нею совершенно так же, как с нами», — так писал Гримм графу Нессельроде 2 ноября 1773 г. [Там же, с. 84]. Такое поведение философа, разумеется, не совсем нравилась императрице, которая в письме г-же Жоффрен, хозяйке известного Парижского салона, иронично писала: «Ваш Дидро человек совсем необыкновенный: после каждой беседы с ним у меня бока помяты и в синяках; уж я была

вынуждена поставить стол между ним и мною, чтобы защитить себя и свои члены от его жестикуляции» [Там же, с. 85].

Однако, несмотря на «синяки», полученные от «жестикуляции» философа, в письме к Вольтеру от 27 декабря 1773 г. Екатерина II восхищалась Дидро и выражала удовольствие от встречи с ним: «Я вижу с ним очень часто, и наши беседы нескончаемы. Не знаю, очень ли он скучает в Петербурге; что касается меня, то я беседовала бы с ним всю жизнь без скуки. Я нахожу у Дидро неистощимое воображение и отношу его к разряду самых необыкновенных людей, какие когда-либо существовали» [Там же, с. 132].

Сам Дидро на первый взгляд также был вполне доволен своими встречами с императрицей. Так, в письме к своей жене и дочери от 30 декабря 1773 г. он признавался: «Я не стану повторять своих похвал этой великой, доброй и очень любезной государыне — это будет предметом наших бесед, когда мы с вами свидимся. <...> Она безумно любит правду, и хотя мне часто приходилось говорить такую правду, которая почти не доходит до слуха королей, она ни разу не сочла себя задетой этим» [Дидро, 1940, с. 29].

Однако нельзя забывать, что все эти свидетельства принадлежат к первым месяцам пребывания Дидро в Петербурге, когда философу и императрице было о чем поговорить. Так что Дидро был вполне искренен, когда в это же время писал княгине Е. Р. Дашковой в Москву: «Могу уверить вас самым положительным образом, что ложь не входит в кабинет ее императорского величества, когда там бывает философ» [цит. по: Бальбасов, с. 86]. Мысленно обращаясь к императрице в своих «мечтаниях», Дидро писал: «Вы, Ваше величество, обладаете великим разумом, высокой душой и широкими взглядами. Вы умеете желать, и желать упорно, у Вас имеется определенный план, Вы призвали в свой совет всю нацию, и Вам помогают все просвещенные умы других наций. Для Вас, и только для Вас, я верю, писал свою работу Монтескье. Вас как будто только и ждали философы, мечтавшие о том времени, когда народится великий государь» [Дидро, 1947, с. 62].

Во время пребывания в России Дидро создал очень любопытное произведение, предназначенное лично для Екатерины II. Он озаглавил его «Философские, исторические и другие записки различного содержания (год 1773-й, с 5 октября по 3 декабря)» и сопроводил эпиграфом, который в переводе звучит следующим образом: «Философу, юношески чистому сердцем, Говорившему о важных делах с легкостью, Ваше величество некогда улыбнулись Благосклонно». В XIX в. хранитель произведения министр народного просвещения А. С. Норов сделал запись: «В этом томе, целиком написанном рукою Дидро, содержатся все записки, представленные им во время его пребывания в С.-Петербурге ее величеству императрице Екатерине II» [Там же, с. 41]².

² Кроме данного произведения, большой интерес исследователей представляет опросный лист Д. Дидро, адресованный Екатерине II под названием «Questions et Reponses». Впервые данное произведение было опубликовано русским историком и публицистом П. К. Щербальским в петербургском журнале «Заря» в 1870 г. Правда, Щербальский приписал авторство документа не Д. Дидро, а графу Л.-Ф. де Сегюру, выполнявшему функции посла в России в 1785–1789 гг. Только в 1880 г. издатель П. И. Бартенев опубликовал этот документ в «Русском архиве» на русском и французском языках, назвав имя подлинного автора — философа и писателя Д. Дидро.

Л. Вульф пронизательно замечает по поводу этого произведения: «Эти сочинения были записью не того, о чем Дидро говорил с Екатериной II (хотя их потом и опубликовали как «беседы», или «entretiens»), а того, о чем он хотел бы, но не мог говорить прямо» [Вульф, с. 332]. По сути дела, это признание того, что Дидро заносил в свою записную книжку утопический вариант своей беседы с Екатериной II, идеальный вариант взаимоотношений философа и монарха с точки зрения философа. Ведь если Дидро имел возможность очень часто видеть императрицу и беседовать с ней, то писать это произведение для императрицы ему не было особой нужды, если только он действительно не отражал в «Записках» свои мечты. Об этом, кстати, свидетельствует заглавие одного из самых известных произведений, входящих в состав «Записок», — «Мечтания Дени-философа наедине с самим собой».

С точки зрения Е. Шацкого, мечта — одно из наиболее ярких воплощений утопического сознания. И действительно, на первый взгляд Дидро говорит о своих мечтаниях, химерах на протяжении всего произведения, постоянно прося императрицу простить его за его смелость. Расставаясь с Екатериной II в «Записках», в гл. «Предпоследний листок» он заявляет: «Наконец-то, Ваше императорское величество, Вы не слышите больше болтовни смышленного ребенка (Дидро было в это время 60 лет. — Е. П.), который рассуждает о важных материях и мнит себя философом. И если случайно среди всех этих листков Вам попадет одна хорошая строчка и даже если вы не найдете ничего достойного Вашего внимания и я только напрасно отвлек ваше величество от важных дел и заставил наблюдать, как отвлеченный мыслитель тщится в ребяческих и нелепых усилиях направить своим малым умом дела великой империи, — все же я сочту себя вознагражденным сверх всякой меры за свои бдения и мечтания непостижимою снисходительностью Вашего императорского величества» [Дидро, 1947, с. 261]. Помимо традиционной позы самоуничтожения, в этом отрывке обращает на себя внимание одно обстоятельство. Прекрасно понимая, что все его «мечтания» вряд ли будут реализованы императрицей в полном объеме, он искренне надеялся на то, что Екатерина II заинтересуется хотя бы одной «хорошей строчкой» и воплотит хотя бы один проект философа в жизнь.

Что же касается обилия проектов, представленных в «Записках», то они просто потрясают своей грандиозностью. Читая их, веришь, что перед нами настоящий философ-энциклопедист, судьба которого более тридцати лет была связана с изданием «Энциклопедии», произведения, совершившего интеллектуальную и нравственную революцию во взглядах современников как в Европе, так и в России.

В 62 статьях-письмах, составляющих содержание его «Записок», философ говорит о необходимости превратить Комиссию по составлению нового законодательства в высшее представительное учреждение в России и о необходимости изучать анатомию в Смольном институте, о важности конкурса даже на первые, т. е. наиболее высокие, государственные должности и об устройстве улиц, дает советы императрице относительно принципов воспитания наследника престола и о кользе (сурепице) и табаке, которые выращивают в окрестностях Саратова на Волге и которые могут дать работу питомцам Воспитательного

дома. Кроме того, он последовательно рассуждает о театральных пьесах (например, дает разбор комедии Екатерины II «О время!»), о торговых домах, ростовщичестве, политической терпимости, которую должен проявлять монарх, переворотах, публичных школах, роскоши, монетах, разводе, кадетской школе, морали королей, игре государя, третьем сословии, фабриках и мануфактурах, литейных и железоделательных заводах и, наконец, об «Энциклопедии».

Однако наибольшая известность из всех глав «Записок» Дидро выпала на гл. «Мечты мои, философа Дени», имеющую подзаголовок «Политические мечтания». «Мечты» не случайно имеют эпистолярную форму, так как она была идеальной жанровой формой времени. Дидро обращается в них к императрице то вполне официально («Ваше Императорское Величество»), то интимно-доверительно («Мадам»). Но и при официальном, и при интимно-частном обращении французский философ создает настоящий культ императрицы Екатерины II. При этом он делает это так же тонко и обоснованно, как Вольтер, разве только с большей долей восторженности. Он находит для императрицы сравнение, которое потом неоднократно повторяет: у императрицы «душа римлянки и очарование Клеопатры» [Дидро, 1947, с. 89], «душа Цезаря соединилась в ней со всеми соблазнами Клеопатры» [Дидро, 1937, с. 484]. Кроме того, у нее есть «сила и мягкость; пренебрежение к опасности и смерти, пронизательность и здравый смысл; достоинство и приветливость; доброта Бенедикта XIV, который, снимая с себя тиару и указывая на нее, говорил: «Вот — папа!» [Дидро, 1947, с. 89].

Его восхищение Екатериной II было так велико, что он считает несправедливым, что такая императрица управляет всего лишь Россией, а не Францией. Мысленно обращаясь к своим французским друзьям, он патетически восклицает: «Ах! Друзья мои! Представьте себе эту женщину на престоле Франции. В какую империю, в какую грозную империю она могла бы превратить эту страну и притом в какое короткое время!» [Там же]. Но даже если этой политической утопии не суждено сбыться, он приглашает своих друзей-просветителей посетить Россию, чтобы воочию лицезреть великую законодательницу: «Приезжайте в Петербург чтобы провести здесь хотя бы один месяц. Приезжайте сюда, чтобы освободиться от давно унижающих вас оков; только тогда вы почувствуете себя теми, кто вы есть на самом деле!» [Там же]. Дело доходило до того, что французский энциклопедист на полном серьезе уверял своих оставшихся в Париже друзей: «Я никогда не чувствовал себя более свободным, чем с той минуты, когда я оказался в стране, которую вы называете страной рабов, и никогда не чувствовал себя более рабом, как в стране, которую вы называете страной свободных людей» [Там же, с. 90].

Воспевая Россию как страну свободы, философ совершенно естественно предается интернациональным утопическим мечтаниям, высказывая желание «видеть многих русских в Париже, и многих французов в Петербурге» [Там же]. Через тридцать лет после этих утопических мечтаний Дидро в 1814 г. Париж действительно увидит много русских, что касается французов, то за два года до этого их в большом количестве увидит Москва.

Однако самым интересным обстоятельством взаимоотношений Екатерины II и Дидро было то, что, подолгу беседа с императрицей, он, по-видимому, так

и не решился в личном общении на отстаивание прав философа по отношению к правителю. Лишь в одной из бесед он осмеливается дать императрице конкретный совет, предварительно рассыпавшись перед ней в тысячах извинений за свою самонадеянность. Речь шла о совете перенести столицу русской империи обратно в Москву как в исторический центр государства. Поданная императрице записка об этом была названа им таким образом: «О столице и о подлинном центре империи. Вашему величеству от слепца, вздумавшего рассуждать о свете». По мнению Дидро, Петербург слишком мало отражает национальный характер России, поскольку «вследствие смешанности наций, находящихся в нем убежище, всегда будет напоминать своими нравами нравы Арлекина» [Дидро, 1947, с. 194]. Кроме того, окраинное положение столицы не способствует распространению просвещения по всей империи. Дидро рассуждает, обращаясь к Екатерине II: «Очаг не устраивают в стороне от дома: если оттуда свет и тепло кое-как и распространяются, то во всяком случае с трудом и не полно» [Там же]. Разумеется, «очаг» надо ставить в центре, т. е. в Москве.

При этом глубоко закономерным для философа-утописта фактом было то, что Дидро, выдвигая Москву в качестве идеальной столицы империи, за 5 месяцев своего пребывания в России так и не удосужился в ней побывать. Его рассуждения о географическом преимуществе расположения Москвы, которая находится на пять градусов южнее Петербурга, опять же имеют чисто умозрительный характер, хотя нельзя не признать их общей рациональности, подтвержденной последующей историей России.

Тем не менее, дав императрице подобный «философский» совет, он сразу же умоляет ее извинить его «мечтания» (читай: утопии) и поздравляет с «освобождением» от «ребяческой болтовни» [Там же]. Более того, он сознательно противопоставляет свое скромное философствование явно нескромным мечтаниям «некоего» француза, «ездившего из Берлина в Москву, кстати сказать, человека честного и достойного, но мнившего себя — что было несколько смешно — лицом особо важным в силу своих знаний и прежних должностей» [Там же, с. 187]. Понятно, что речь в данном случае идет о М. де ла Ривьере, свое отличие от которого Дидро подчеркивает и дальше. Он пишет, что, «отнюдь не восклицал, подобно де Ривьеру:

«Сударыня, подождите! Только выслушав меня, вы можете сделать нечто стоящее; только я один знаю, как нужно управлять империей». Даже если он был прав, тон его обращения смешон. <...> Я сказал себе: «Я — ничто, просто ничто. Ее величество осыпала меня милостями, я обязан ей своим достатком, покоем и безопасностью. Я принесу ей благодарность и уважение всех тех добрых людей, на которых распространились благодеяния, оказанные мне. Наилучшей рекомендацией для меня послужат ее благодеяния. Поэтому она окажет мне хороший прием». И действительно, я встретил большее, чем то, на что я мог рассчитывать. Она отнеслась ко мне, как будто я был одним из ее детей, она позволяла мне, как разрешила бы своим детям, высказывать перед нею все наивные нелепости, приходящие мне в голову, и дай бог, чтобы я не злоупотребил ее снисходительностью. Если бы это случилось, то я бросился бы к ее ногам и стал умолять о прощении. Но теперь, как и подобает избалованному ребенку, продолжаю свой лепет [Там же, 187—188].

В этой пространной цитате Дидро обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, Дидро считает Ривьера человеком честным и достойным. Более того, вспоминая заявление Ривьера о том, что он один знает, как надо управлять империей, Дидро роняет: «Даже если он был прав», осуждая не само заявление как таковое, но лишь тон, которым оно было сделано. Во-вторых, опыт пятимесячного общения с императрицей научил философа, какой тон Екатерина II предпочитает слышать в беседе с ней, — тон наивного лепечущего ребенка, которому много позволяет. Именно этого тона философ, видимо, и придерживался при своих встречах с русской императрицей. Не случайно в «Предпоследнем листе» своих записок он пишет: «Я не лучше всех других философов, то есть, в сущности, смысленный ребенок, болтающий о важных материях. Это служит извинением для всех нас, философов» [Дидро, 1947, с. 261]. Однако, как мы увидим дальше, вряд ли этот тон его полностью устраивал. Тем не менее когда Екатерину II обвиняли впоследствии, что она смотрит на философов как на несмысленных детей, не надо забывать, что многое для создания этого мифа о философе-просветителе сделали сами философы, например тот же Дидро.

В любом случае столкновение утопии и действительности чаще всего оказывается очень болезненным для любого философа, начиная от Платона, проданного в рабство сицилийским тираном Дионисием за его утопические советы правителю, и кончая Вольтером, который не смог найти общего языка с «философом на троне» Фридрихом Великим.

Итак, судя по всему, в личной встрече философа и императрицы философ проиграл. Однако он попытался взять реванш позднее, уже уехав из России, в традициях привычной эпистолярной формы взаимоотношений философа и императрицы.

Подлинное столкновение утопии и реальности произошло уже после возвращения Дидро из России, когда он понял, что его шестимесячный труд в «полупросвещенной» стране окажется практически невознагражденным, как он того и просил императрицу Екатерину II, тем не менее рассчитывая на ее великодушие и щедрость.

В эпистолярном наследии Дидро сохранились две совершенно противоположные по тональности группы писем, посвященные итогам его поездки в Россию. В одной из этих групп, адресованных С. Воллан, его многолетней корреспондентке, дается официальная (утопическая) версия его поездки в Петербург и ее блестящих результатов. В этой версии философ, как ему и положено, бескорыстен и преисполнен стремления к общему благу, а императрица благодарна и щедра. Так, в письме из Гамбурга от 30 марта 1774 г. Дидро восторженно писал: «Я видел государыню, видел ежедневно, видел ее с глазу на глаз, видел ее от трех до пяти, а иногда до шести. Я был обласкан ею. Я мог бы черпать из ее казны, сколько душе угодно, однако деньгам предпочел право свободно высказывать свои мысли. Мне не хотелось, чтобы русские говорили, будто под предлогом благодарности за старые благодеяния я приехал просить о новых; а французы — что вместо правды они слышат глас подозрительной благодарности» [Дидро, 1937, с. 483].

Совсем иная тональность прослеживается в письмах Дидро, адресованных жене, в которых сквозит явное недоумение по поводу «щепетильности» Екатерины II относительно соблюдения условий договора Философа и Правителя. Для сравнения можно взять письмо, написанное 9 апреля из Гааги, в котором французский философ рассказывает жене подробности своих «материальных» взаимоотношениях с русской императрицей [Д. Дидро жене...]. Из этого письма становится ясно, что накануне отъезда Дидро из Петербурга «ее императорское величество прислала... три мешочка с тысячью рублей в каждом. <...> Если отнести на эту сумму стоимость эмалевой доски и двух картин, которые я поднес государыне, расходы на обратный путь и подарки, которые мы, как порядочные люди, должны были сделать Нарышкиным — они были так добры ко мне, обходились со мною, как с братом, поместили у себя, кормили и вообще содержали меня на всем готовом в течение пяти месяцев, — то нам остается пять или шесть тысяч франков, пожалуй, даже менее» [Там же, с. 412]. Правда, Дидро еще робко надеялся, что он не может «считать себя уверенным, что нам нечего более ожидать от государыни, которая есть сама щедрость, ради которой я, уже в довольно зрелом возрасте, совершил путешествие в 1500 лье, которая не пренебрегла принять подарок и для которой я трудился всячески день и ночь в течение пять месяцев. <...> Государыня знает, что ее дары не обогатили меня, и я убежден, она питает ко мне уважение, смею даже сказать — дружбу» [Там же].

Далее из письма вырисовывается еще один утопический проект, связанный с Россией. Речь идет о проекте издания в России «Энциклопедии». Причем Дидро преимущественно интересуется денежная сторона вопроса и те доходы, которые он сможет получить в результате этого предприятия. Философ писал, что «...средства эти будут весьма значительные: не менее сорока тысяч рублей или двухсот тысяч франков... все это было бы очень кстати в прибавку к нашим обычным доходам» [Там же, с. 413]. Надо ли говорить о том, что данный проект так и остался на бумаге.

Далее следует настоящий крик души человека, искренно рассчитывающего своим благородством побудить императрицу нарушить свое обещание относительно его отказа от вознаграждения. С одной стороны, нельзя не отметить предельной искренности Дидро, но, с другой стороны, сразу вспоминаются слова Д. И. Фонвизина относительно французских энциклопедистов, мечтающих получать подарки от русского двора. Дидро пишет жене: «Так как ты все теперь знаешь, скажи мне, что ты думаешь. Полагаешь ли ты, что ее императорское величество будет строго держаться нашего договора и ничего для меня не сделает?» [Д. Дидро жене...].

Письмо к жене свидетельствует только об одном: Дидро действительно не был абсолютно бескорыстным человеком, однако играть с императрицей в благородство оказалось для него очень накладно. Екатерина II буквально выполнила просьбу философа, без сомнения, рассказав при дворе о его «благородных хитростях», которые стали известны и Д. И. Фонвизину. В письме же к жене Дидро пытается доказать ей, а заодно и себе, что он не остался в накладе в результате шестимесячного путешествия в Россию, продолжая питать тайную

надежду на вознаграждение императрицы. Когда надежда разлетелась в прах, он начинает заниматься критикой Наказа Екатерины II. Так, история идеальных утопий оказывается тесно связанной с «прозой жизни», с правдой эгодокументов.

После возвращения из России, полностью отстранившись от российской действительности, в которой царствовала Екатерина II, Дидро осмелился (пока очень тактично!) покритиковать ее Наказ, заметив: «Я взял на себя дерзость перечитать его с пером в руке» [Дидро, 1947, с. 343]. На этом Дидро остановился, так и не высказав Екатерине при своей жизни тех критических замечаний, которые у него возникли, когда он перечитывал труд императрицы «с пером в руке».

Диалог императрицы и философа возобновился только после его смерти, когда Екатерина II наконец-то получила из Парижа купленные ею почти 20 лет назад книги и рукописи Дидро. Среди рукописей императрица обнаружила и «Замечания на наказ Императрицы Всероссийской», написанные, вероятно, сразу после возвращения Дидро из России. Прочитав замечания философа на свою собственную политическую утопию, Екатерина II осталась очень недовольной и высказала это недовольство в письме к Ф. М. Гримму, охарактеризовав сочинение Дидро как «настоящий детский лепет» [Письма императрицы..., с. 483].

Без всякого сомнения, российскую императрицу лично задело такое «признание» французского философа: «Если когда она читает только что написанную мною и прислушивается к своей совести, сердце ее трепещет от радости, тогда она более не желает обладать рабами; если же она дрожит и кровь ее стынет, если она бледнеет, тогда она думает о себе лучше, чем она есть на самом деле» [Дидро, 1947, с. 342].

Через три года, во время своего путешествия по югу России в окружении европейских дипломатов и среди утопического архитектурного антуража «потемкинских деревень», императрица вернулась к своей полемике с Дидро, высказав свои обиды на философа французскому послу в России графу Л.-Ф. Сегюру в присутствии ей ироническом стиле. Рассказ об этом был зафиксирован в «Записках» дипломата. Екатерина II так вспоминает события 14-летней давности: «Я долго с ним [Дидро] беседовала, но более из любопытства, чем с пользой. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовать всю мою империю, уничтожить законодательство, политику, финансы и заменить их несбыточными мечтами. Однако так как я больше слушала его, чем говорила, то со стороны он показался бы строгим наставником, а я — скромной его ученицей. Он, кажется, сам уверился в этом, потому что, заметив, наконец, что в государстве не приступают к преобразованиям по его советам, он с чувством обиженной гордости выразил мне свое удивление. Тогда я ему откровенно сказала: “Г. Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что вам внушал ваш блестящий ум. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы разных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит: она гладка, мягка и не представляет затруднений ни воображению, ни перу вашему,

между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы”. Я уверена, что после этого я ему показала жалка, а ум мой узким и обыкновенным. Он стал говорить со мною только о литературе, и политика была изгнана из наших бесед» [Сегюр, с. 413].

Эти высказывания Екатерины II о Дидро в 1787 г. великолепно комментируются Л. Вульфom, предположившим, что «Екатерина прочла эти строки лишь после его смерти и отомстила ему в разговоре с Сегюром, уверяя, что с самого начала раскусила его» [Вульф, с. 342]. Так, уже после смерти философа продолжался спор утопии и политики³, подтверждая справедливость слов того же Дидро, высказанных им в «Мечтах моих, философа Дени»: «Но глаз философа и глаз государя видят по-разному» [Дидро, 1947, с. 87]. В целом же, говоря о взаимоотношениях философии и власти, можно согласиться с мнением А. Ф. Строева: «Философы и власть стремились к сближению, но едва они переходили от слов к делу, то немедленно наступало взаимное разочарование» [Строев, с. 218]. Искушение русского Просвещения философом Д. Дидро — прямое этому доказательство.

Бильбасов В. А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884.325 с. [Bil'basov V. A. Didro v Peterburge. SPb., 1884.325 s.]

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с. [Vul'f L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu. Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosvescheniya. M., 2003. 560 s.]

Давыдов Д. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова // Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 11—21. [Davydov D. Nekotorye cherty iz zhizni Denisa Vasil'evicha Davydova // Davydov D. V. Voennye zapiski. M., 1982. S. 11—21.]

Д. Дидро жене от 9 апреля 1774 года // Ист. вестн. 1880. Т. 3, № 10. С.449—500. [D. Didro zhene ot 9 aprelya 1774 goda // Ist. vestn. 1880. T. 3, N 10. S.449—500.]

Дидро Д. Письма // Дидро Д. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9. М. ; Л., 1940. 581 с. [Didro D. Pis'ma // Didro D. Sobr. soch.: v 10 t. T. 9.M. ; L., 1940. 581 s.]

Дидро Д. Письма к Софи Волян // Дидро Д. Собр. соч. : в 10 т. Т. 8. М. ; Л., 1937. 534 с. [Didro D. Pis'ma k Sofi Volan // Didro D. Sobr. soch. : v 10 t. T. 8. M. ; L., 1937. 534 s.]

Дидро Д. Статьи из «Энциклопедии» // Дидро Д. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. М. ; Л., 1939. С. 41—359. [Didro D. Stat'i iz «Entsiklopedii» // Didro D. Sobr. soch. : v 10 t. T. 7. M. ; L., 1939. S. 41—359.]

Дидро Д. Философские, исторические и другие записки различного содержания (год 1773-й, с 5 октября по 3 декабря // Дидро Д. Собр. соч. : в 10 т. Т. 10. М., 1947. С. 41—263.

³ Надо сказать, что далеко не все зарубежные исследователи согласны с подобной постановкой вопроса. Например, Хисаяку Накагава в своей статье «Надлежало оставить бразды правления в руках прежнего государя...»: Дидро, защитник Нерона и Екатерины II» («Европейское Просвещение и цивилизация России», М., 2004), анализируя последнюю книгу Дидро «Опыт о жизни Сенеки-философа, о его сочинениях и о царствованиях Клавдия и Нерона», приходит к выводу, что в ней содержится скрытое одобрение поступка Екатерины II, свергнувшей, а затем убившей Петра III ради всеобщего блага наподобие того, как Нерон поступил со своей матерью Агриппиной. Правда, не надо забывать, что в данном случае речь идет о столкновении политики и политики — политики, ставящей во главу угла интересы всех подданных, и политики, заботящейся о сохранении образа идеального монарха, правящего в соответствии с этическими законами.

[Didro D. Filosofskie, istoricheskie i drugie zapiski razlichnogo so-derzhaniya (god 1773-j, s 5 oktyabrya po 3 dekabrya // Didro D. Sobr. soch. : v 10 t. T. 10. M., 1947. S. 41–263.]

Екатерина II. Мемуары // Памятник моему самолюбию, М., 2003. С. 171–541. [Ekaterina II. Mемуары // Pamyatnik moemu samolyubiyu, M., 2003. S. 171–541.]

Письма Императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796) // Сб. Императ. Рус. ист. о-ва. Вып. 23. СПб., 1878. С. 320–580. [Pis'ma Imperatritsy Ekateriny II baronu Mel'khioru Grimmu (gody s 1774 po 1796) // Sb. Imperat. Rus. ist. o-va. Вып. 23. SPb., 1878. S. 320–580.]

Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 313–457. [Segyur L.-F. Zapiski o prebyvanii v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II // Rossiya XVIII veka glazami inostrantsev. L., 1989. S. 313–457.]

Строев А. Ф. «Те, кто исправляет Фортуну» : Авантюристы Просвещения. М., 1998. 398 с. [Stroev A. F. «Te, kto ispravlyayet Fortunu» : Avanturyisty Prosvescheniya. M., 1998. 398 s.]

Статья поступила в редакцию 23.04.2013 г.

УДК 821.133.1 Дидро + 821.161.1-94 + 82(091)

В. С. Рабинович

НАШ СОВРЕМЕННОК ДЕНИ ДИДРО, ИЛИ ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Рассматривается популярность просветительских идей Д. Дидро в современной России. Анализируется злободневность его письма-трактата «О терпимости». По мнению автора, эпоха Просвещения для России еще не завершилась, и пока она продолжается, Дидро злободневен, а значит, современен.

Ключевые слова: Д. Дидро; просветительские идеи; русское Просвещение; современность.

Дени Дидро, знаменитый французский просветитель и энциклопедист, 300-летие со дня рождения которого отмечается в этом году, наверное, менее всего думал о вечности. Это был герой очень конкретного времени, и большая часть его работы — на злобу дня двух с половиной вековой давности. Он и не писал для вечности, будучи неопитом, проповедником, говоря по-современному — пропагандистом ценностей и идеалов эпохи Просвещения, которая по времени совпала с его жизнью. Эти идеалы и ценности он и проповедовал всеми возможными способами: и напрямую — в трактатах и в статьях, и образно — в художественных текстах. Художественное совершенство не было для него самоцелью, главное — убедительно донести идею. Иногда кажется, что и идеи эти в наше время — уже по большей части трюизмы. Что люди равноценны, что человечество едино, что терпимость — это хорошо, а нетерпимость — плохо и др. «Политкорректные» современные истины, кажущиеся самоочевидными. Тогда же, в XVIII в., все это казалось новым, неожиданным, спорным и даже опасным. Ведь это было так ясно и просто: благородный аристократ выше простолюдина, единоведец выше иноверца, единая для всех истина верна,

а «неправильные» точки зрения должны пресекаться и караться. Воля отца в доме, воля монарха в стране, как и воля Бога во вселенной, непререкаемы и сакральны. Просвещение поставило незыблемость этих истин под сомнение. Это стало открытием. И просветитель Дидро с упорством и методичностью отличного школьного учителя «вдалбливал» просветительские истины в головы своих современников, включая русскую императрицу Екатерину II, с которой он переписывался и непосредственно общался, искренне надеясь через ее «перевоспитание» сделать Россию просвещенной монархией.

Но что делает Дидро исключительно популярным сейчас, когда, казалось бы, его истины перестали быть открытиями и стали в каком-то смысле трюизмами? Ведь эпоха Просвещения давно позади.

А позади ли? Скорее нет. Начавшись чуть более двух с половиной веков назад, она продолжается по сей день. И будет продолжаться еще долго. И не только побеждать, но и отступать тоже, и вызывать разочарование, и много раз были, есть и еще будут откаты назад, в «допросветительские» века. В конце концов, что такое немецкий нацизм (да и любой нацизм вообще), как не декларативное, демонстративное анти-Просвещение?! Отрицание Просвещения. Бунт против Просвещения. По всем пунктам!

В свое время Дидро адресовал русской императрице Екатерине II письмо-трактат «О терпимости», где он подробно, по-преподавательски досконально перечисляет всевозможные негативные последствия «нетерпимости, в особенности у государя». Это сквозной рефрен — нетерпимость государя. Читаешь это письмо, и представляешь себе не далекий XVIII век, а весьма недавнее прошлое и настоящее:

Нетерпимость рождает злобные доносы и сеет ненависть среди подданных. Нетерпимость ограничивает умы и увековечивает предрассудки. Нетерпимость всегда враждебна истине и выгодна лишь лжи. Истина любит критику, от нее она только выигрывает, ложь боится критики, ибо проигрывает от нее. Нетерпимость была одним из страшных бичей моей родины. Она не только привела к кровопролитию и изгнанию бесчисленного множества превосходных людей всякого рода, обогативших соседние королевства, она привела, кроме того, к гибели многие превосходные умы.

Ведь все это о нас; точнее, и о нас тоже. О «злых доносах» со стороны коллег на генетиков и «космополитов» (борьба с которыми, похоже, возобновляется). О многочисленных «волнах» эмиграции, обогативших «соседние королевства» Буниным, Набоковым, Бродским, Ростроповичем и не только ими, покидавшими и поныне покидающими страну не в поисках пресловутой «колбасы» (на «колбасу» послушным, да еще и к тому же талантливым «инженерам человеческих душ» во всех видах искусств у нас не принято скупиться), а в поисках творческой да и просто человеческой свободы. О талантливых и мыслящих людях, уходивших в советское время и поныне уходящих в дворники, сторожа и операторы котельных — от все той же «безвоздушной» безысходности, о спившихся и спивающихся по этой же причине ученых, мыслителей, художников, об их безвозвратно погибших или погибающих «превосходных умах». И еще о многом.

Дидро — рационалист, он оценивал мир не в абсолютных величинах, для него всегда существовали мера и число. Что абсолютная свобода есть фантом, это он понимал. Но если общество, привыкшее к большим степеням свободы слова и мысли, вдруг загоняют в отчетливо меньшие размеры, — Дидро вполне убедительно и логично просчитывает последствия. Вначале — протест, повышенное «негодование и раздражение», повышенный интерес к запретным темам и авторам, всплеск всяческого свободомыслия (если при привычных степенях свободы таковой не очень и дорожили, — не дорожим же мы воздухом, когда можем вдыхать его полной грудью, — то когда эти степени свернулись и скукожились, потерянное и резко сокращенное враз обрело ценность).

Со временем дело меняется, и власть подавляет нацию.

Всякая вспышка энтузиазма проходяща. Он завладевает лишь современным поколением. Работа, остающаяся втайне, лишает славы и выгоды. Энтузиасты умирают, не оставив после себя потомства. Люди перестают мыслить, когда перестают читать. Перестают же читать, когда утрачивают интерес к чтению. Наступает период огрубения. Язык начинает вырождаться. Всегда язык считался показателем состояния умов в народе.

В самом деле, единомыслие неизбежно обрекает на огрубение и вырождение. Если нестандартная мысль опасна, то ее потенциальным генераторам остается либо обогащать «соседние королевства», либо биться живой (и к тому же умной) головой о железную стену, либо... Третье «либо», между прочим, самое простое. Падать — не подниматься. Мысль — это, между прочим, еще и серьезный, напряженный труд. А если этот труд не востребован, так без него даже проще. И если нет «мыслепорождающей» среды, если есть система готовых, заученных с младых ногтей истин, если есть незыблемый «краткий курс» (в любом варианте), то достаточно однажды «надстроить» над ними пару-тройку чуть-чуть «фрондерских» идей, подкрепить их более или менее убедительной аргументацией и периодически, по поводу и без повода, их высказывать — и тебе уже ничего не стоит раз и навсегда обрести репутацию «мудреца», «смельчака» и едва ли не «диссидента». Даже если эти мысли будут не глубже того, что в «кратком курсе». Зачем же дальше расти, подниматься, «собирать себя»? А уж остальным, тем, кто удовлетворился доступно понятным «кратким курсом», — и подавно. Наступает период огрубения. Все по Дидро. И по Дидро же — язык начинает вырождаться — за ненадобностью выражения более или менее сложных смыслов.

Современные студенты из числа программных текстов с особым интересом читают повесть Дидро «Монахиня», которую когда-то в советские времена массово издавали во всевозможных библиотечках атеистической литературы. Чем интересен этот далеко не совершенный по стилю, описывающий давнопрошедшие реалии текст в наше время «религиозного возрождения»? Наверное, все тем же именно просветительским (не атеистическим, а именно просветительским) истолкованием взаимоотношений между человеком и Богом, просветительским несогласием с архаичным клерикализмом.

В чем драма героини повести Дидро? Не в том, что она в монастыре, а в том, что она в монастыре именно по земным причинам, в том,

что ее фактически вынудили стать монахиней, решая сугубо земные проблемы, связанные с репутацией семьи, наследством и т. п.

Так получилось, что одна из дочерей в семье Симонен — фактически незаконнорожденная. И уже своим видом, своим присутствием постоянно напоминает собственной матери об ее грехе, вызывает подозрения у не знающего всей правды отца. А когда встанет вопрос о наследстве, «законные» дочери, чтобы увеличить свои доли, начнут «раскапывать» правду, а раскопав, решатся пожертвовать репутацией семьи. В общем, Сюзанна из повести Дидро одним своим присутствием мешает. И находится выход — вывести ее в пространство сакрального, в котором все земные связи и обязательства теряют смысл. Теперь ее нет рядом, теперь она не может претендовать на наследство, теперь ничто не угрожает репутации семьи. Вот только сама Сюзанна не испытывает внутренней потребности посвятить себя Богу, это решено за нее, ее посвятили Богу, решая земные, отчасти материального характера проблемы. И вот здесь обнаруживается с а к р а л ь н а я п о д м е н а. Ее актуализировало Просвещение, ее выявил Дидро, в «Монахине» ее осознала сама героиня повести: «Делая то, что другим приносит спасение, я ненавижу себя и гублю свою душу. Словом... я считаю истинными монахинями лишь тех... кто остался бы в монастыре даже и в том случае, если бы вокруг не было ни решеток, ни толстых стен... Истинное кощунство совершаю я, совершаю его ежедневно, оскверняя презрением священные одежды, которые ношу».

В «Монахине» довольно натуралистично описаны издевательства, которым подвергалась героиня в разных монастырях. Но это не выглядит смакованием жестокости. Здесь явный подтекст: в самом деле, разве стали бы настоящие монахини, по собственному выбору посвятившие себя Богу, издеваться над «монахиней поневоле», попавшей в монастырь в силу земных обстоятельств, страдающей в нем? Скорее, пожалели бы ее, попытались бы открыть ей то, что открылось им, что привело их в монастырь. А поведение благочестивых «сестер» из «Монахини» Дидро показывает: они сами в большинстве своем когда-то попали в монастырь поневоле, в силу земных обстоятельств, как и Сюзанна, только они уже смирились, а она — нет... Понятна ненависть: нам всем плохо, чем ты лучше нас? А дальше — уже законы замкнутого сообщества принудительно согнанных людей: тюрьмы, «зоны», призывной армии...

В современной России феномен монашества эксклюзивен и, как правило, базируется на добровольном решении. Но во многих других аспектах, увы, корыстная сакрализация земного, использование религиозной риторики для решения земных проблем, «идеологизация» религии и «клерикализация» государственных институтов, религиозная цензура по отношению к светской культуре (с апелляцией не к разуму и совести, а к «городовому», чиновнику или казакам с нагайками) — все это атрибуты нашей реальности. Эпоха Просвещения уже прикоснулась к этому проблемному полю во времена Вольтера и Дидро. Но эпоха Просвещения еще не завершилась. И пока эпоха Просвещения продолжается, злободневный Дидро современен. И еще долго будет современен.

Статья поступила в редакцию 07.03.2013 г.

К ЮБИЛЕЮ ТАТАРСКОЙ КНИЖНОСТИ

Уральский регион накопил определенный исторический опыт книгоиздания. Появление татарского книгоиздания в Екатеринбурге в 1917 г. связано с именем видного революционера Сахибгарея Саид-Галиева (1894–1939), который в 1917 г. привез сюда шапирограф и приступил к изданию газеты на татарском языке «Урал тавыши» («Голос Урала»). Вскоре появляется и наборная газета на татарском языке «Коммунист». После Октября 1917 г. Екатеринбург стал одним из центров татаро-башкирской культуры. В 1924 г. в виде приложения к газете «Коммунист» (затем «Сабан һәм чукеч») стал выходить журнал «Шапи агай».

Первая татарская книга вышла в 1918 г. объемом 30 страниц. В 1926–1929 гг. на татарском языке издается от одной до пяти книг изданий Уральского обкома ВКП(б), облисполкома, Уралобкома ВЛКСМ, Сельхозуправления. Издание книг с 1929 г. принимает более систематизированный характер.

Изучению истории татарской литературы Урала посвящены исследования, озвученные в докладах традиционной Всероссийской конференции по литературе Урала: «Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв.», «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)» (2007), «Литература Урала: история и современность» (2009), «Литература Урала: историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть» (2011). Большой вклад в изучение татарской литературы вносят Дергачевские чтения. В 2010 г. как всероссийская конференция прошли Гафурийские чтения, посвященные 130-летию со дня рождения Мажита Гафури.

УДК 811.512.145:025 + 811.411.21'02 + 39(=512.145)

Х. Ю. Миннегулов

ИЗ ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ КНИГИ*

Раскрываются предпосылки рождения татарского книгопечатания: развитие письменности, принятие ислама и арабской графики, распространение грамотности татар, появление рукописных книг. Дается обзор татарского книгопечатания с начала XVII в.

Ключевые слова: тюрки; арабографическая книга; Иероним Мегизер; Манифест Петра I; Д. Кантемир.

Книга — величайшее достижение интеллектуально-культурного развития человеческого общества, один из основных критериев определения уровня духовного состояния любого народа. Она уже в течение многих веков стала спутницей людей, сущностью человеческого бытия. Без нее мы даже не можем представить нашу жизнь. Вот поэтому о книге, о ее роли в личной и общественной жизни высказано множество интересных, поучительных мыслей, поэтических строк. Среди них особенно выделяется стихотворение Г. Тукая «Книга», написанное в 1909 г. (т. е. более 100 лет тому назад). Поэт говорит, что в «трудное», «тягостное время» он берет в руки книгу: «...Шул вакытта мин кулыма китап алам, Аның изге сәхифәләрен актарам; Рәхәтләнеп — китә шунда наным, тәнем, Шунда гына дәрәләремә дәрман табам...».

...Тогда я в книгу устремляю взгляд,
Нетленные страницы шелестят.
Я исцелен, я счастлив, я живу.
Я пью тебя, отрада из отрад.

И слово, мной прочтенное, тогда
Встает, как путеводная звезда,
Бесстрашно сердце, радостна душа,
И суета всedневная чужда.

И вновь, рожденный чистою мечтой,
«Спасибо» говорю я книге той.
И распрямленный верою в себя,
Я вдаль гляжу с надеждою святой.

Пер. М. Петровых [Тукай, с. 179]

Слово «книга» в татарском языке генетически связано с арабским словом «китаб». В древнетюркском языке это значение передавалось словом «битиг» (*bitig*). В основе всех этих слов лежит значение «письмо», «письменность».

* По материалам доклада на заседании круглого стола, посвященного 290-летию первой печатной татарской книги в России (Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 18–19 января 2013 г.).

Отметим, что в «Этимологическом словаре...» М. Фасмера слово «книга» в русском и некоторых славянских языках в генетическом плане трактуется в тесной связи с древнетюркском *küinig, küin-bitig* (каен язү? — Х. М.) и китайским *küen* (свиток) [Фасмер, с. 262—263].

Любая книга органически связана с письмом, письменностью. Письменное — графическое — оформление слов составляет суть книг. Как известно, исходя из объективных потребностей письменность возникает на определенном этапе развития общества, этносов, государств. В древних Китае, Египте, Индии письменность появилась за несколько тысячелетий до н. э. В частности, в Египте она зародилась в 3000 г. до н. э. В зарождении и распространении письма определяющую роль сыграли разделение труда, особенно физического и умственного, наличие городов, торгово-ремесленных центров, взаимосвязи между регионами, государствами и народами. В частности, такие условия имелись в античной Греции и Древнем Риме. Вот поэтому в них уже в VIII—VII вв. до н. э. зародилась письменность, получившая широкое распространение, на основе которой была создана литература, поражающая своим богатством и эстетическим совершенством даже нынешних читателей.

В образовании татарского народа принимали участие различные этнические элементы. Но главный, доминирующий, компонент — это тюрки и их предки (гунны, сунну), поэтому история татар рассматривается в органической связи с историей древних и средневековых тюрков.

Предки современных тюркских народов уже задолго до нашей эры имели свою письменность, в частности — туранскую (гуннскую). В V—VIII вв. были созданы так называемые рунические и уйгурские графики. Следует отметить, что немногие народы изобретали собственную графику, в большинстве случаев пользовались заимствованными. Кроме туранской, рунической, уйгурской график, древние тюрки в той или иной степени использовали санскрит, пехлевийский, латинский и другие алфавиты. В качестве писчего материала находили применение камень, металл, папирус, пергамент, береста («каен тузы») и др. Бумага в качестве писчего материала начала использоваться в Китае около 2 тысяч лет назад, точнее, со 105 г. Между прочим, уйгуры считаются вторым народом, производившим и употреблявшим бумагу. В 751 г., во время сражения у Таласа, арабы победили китайские и уйгурские войска, взяв множество пленных. Среди них были и уйгурские мастера по производству бумаги. С их помощью арабы начали изготавливать бумагу и использовать ее в качестве писчего материала. Через арабов бумага проникла и в западные страны [см.: Габен, с. 160—161].

В VII—VIII вв. среди тюрков начал распространяться ислам. Вместе с ним проникает и арабская графика, которая в течение более тысячи лет была основной графикой у тюрков-татар и официально использовалась в нашей стране до 30-х гг. прошлого столетия. Несмотря на существование рунической, уйгурской и других график, татарская книга — это в первую очередь арабская графика.

Любое сочинение, как правило, создается для других, с целью передачи знаний, опыта, информации другим. Книга своим возникновением, сутью, функциями носит общественно-воспитательный и образовательный характер. Эти

свойства присущи и тюрко-татарским книгам. Произведения, начиная от знаменитой книги Юсуфа Баласагуни (1069) до Исхаки, Гафури и Тукая, проникнуты идеями гуманизма, нравственности, возвеличивания разума, образованности; авторы призывают своих читателей жить по совести, справедливости, проводить данное Всевышним время так, чтобы после себя осталось «доброе имя» («игү ат»). В книгах критикуются антинравственные качества и действия, особенно безграмотность. Такая направленность тюрко-татарской письменности обусловлена реальными историческими факторами. Уже в IX—XI вв. в Поволжье и Приуралье, где проживали предки татар, также существовали учебные заведения, были ученые, писатели, поощрялось знание других языков, в первую очередь арабского и персидского. Даже после утери своей государственности, в период жесточайшего колониального гнета, наши предки открывали школы, обучали своих детей грамоте, не отрывались от книг. Уважительное отношение к книге, грамоте составляло одно из основных качеств ментальности татар. Известный ученый, профессор, ректор Казанского университета, основательно изучавший культуру, быт и этнографию татар, Карл Фукс (1776—1846) в своем знаменитом труде пишет: «Всякому заезжему, без сомнения, странно покажется найти в казанских татарах, говоря вообще, народ более образованный, нежели некоторые, даже европейские. Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и как гражданин не пользуется уважением других» [Фукс, с. 126]. Выражение К. Фукса «образованный» значило «встречающийся с книгой человек, имеющий с ней диалог».

Тюрко-татарская книга многие века существовала в рукописной форме, в которой основная часть нашего письменного духовного наследия и дошла до нас. Большое количество этих рукописных книг хранится в фондах Казанского университета, Республиканской национальной библиотеки, в Академии наук Татарстана, а также в библиотеках Санкт-Петербурга, Уфы, Хельсинки и других городов и стран. Выделение печатных книг из общей массы носит в известной степени условный характер, так как они и в содержательном, и в функциональном плане почти не отличаются друг от друга. И рукописные, и печатные книги, созданные нашими соплеменниками, в первую очередь служили интересам татар, удовлетворяли их духовные запросы.

Как известно, история книгопечатания начинается в Китае. К 868 г. выходит древнейшая из дошедших до нас печатных книг — Алмазная сутра, индийское религиозное сочинение в китайском переводе. В XI в. в Китае и в XIV в. в Корее в процессе печатания использовались подвижные литеры [см.: Краткая..., с. 610]. К середине XV в. относится изобретение И. Гутенбергом книгопечатания в Европе. С издания Апостола в Москве в 1564 г. Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем начинается книгопечатание в России. Хотя первая типография в Стамбуле появилась еще в XVI в., фактическое начало османотурецкого книгопечатания относится только к началу XVIII в. В 1735 г. в Крыму (Чуфут-Кале) отпечатан молитвенник на языке караимов [см.: Зайцев, с. 16]¹.

¹ Первыми печатными изданиями были в основном религиозные.

2012-й год явился юбилейным в истории татарской печатной книги. По данным сегодняшней науки первое тюрко-татарское печатное издание увидело свет в 1612 г. в Лейпциге [Төрки, с. 9–15]. Этим мы обязаны в первую очередь немецкому ученому Иерониму Мегизеру (1554–1619), который родился в Штутгарте, в 1571–1577 гг. учился в Тюбингене, изучал право в городе Падуа, много путешествовал по странам Европы. Мегизер изучал различные науки, в том числе историю, астрономию, медицину, филологию, картографию и др., учительствовал во многих учебных заведениях, был профессором Лейпцигского университета, знал множество языков. Ему принадлежит несколько трудов по гуманитарным наукам, он являлся также составителем словарей. Среди научных трудов Иеронима Мегизера для нас особенно важно его сочинение на латинском языке «Основные правила тюркского языка в четырех книгах», которое было опубликовано в 1612 г. (340 стр.). Данная грамматика составлена по образцу и структуре грамматики латинского языка. В ней описываются арабо-тюркский алфавит, фонетика, части речи тюркских языков Даны словари латинско-тюркский (2460 слов) и тюрко-латинский (2440 слов). Значительное место в грамматике занимают иллюстративные материалы: пословицы, поговорки, собственные имена, топонимика, термины по медицине, торговле, военному делу, а также названия растительного и животного мира.

Тюрко-латинская грамматика, выпущенная в Лейпциге 400 лет назад, хотя и не сыграла существенной роли в духовной жизни тюркских народов, как позитивный факт играет определенную роль в науке, особенно в тюркологии: в ней были предприняты первые попытки лингвистического осмысления тюркологического языкового материала, выявления некоторых особенностей тюрко-татарского языка. Представленные в данной грамматике иллюстративные материалы служат надежным источником не только для изучения языка, но и для исследования духовной жизни тюркских народов.

Прошедшие 2011–2012 гг. знаменательны еще и тем, что эти годы являются относительно круглыми датами в истории печатания татарских текстов в самой России. В 1711 г., т. е. более 300 лет назад, во время Прутского похода Петра I его манифест был переведен с русского на татарский язык и гравированным способом напечатан в арабской графике. А первое наборное издание татарского текста относится к 1722 г. (290 лет тому назад). Оно также связано с деятельностью Петра I, манифест которого был отпечатан 15 июля 1722 г. в Астрахани в походной (плавающей) типографии императора. Автором и переводчиком данного документа на татарский, персидский и османский языки считается известный деятель Д. К. Кантемир (1663–1723). Манифест написан в связи с Персидским (точнее, «Шемахинским») походом Петра I. В нем государь выступает как защитник интересов не только русских, но и других народов, как гарант справедливости. В то же время в содержании документа, если рассматривать его в историческом контексте, чувствуется дальновидная имперская политика царского самодержавия. Манифест Петра I в 2010 г. был отпечатан в Казани отдельной книгой [Первое..., 2010], в которой помещены факсимиле сохранившихся экземпляров документа 1722 г., его транслитерация, переложение на современный татарский и переводы на русский и английский языки.

Это добротное издание подготовлено к печати И. Хадиевым и И. Мустакимовым и снабжено обстоятельным предисловием М. Усманова, а также некоторыми справочными материалами по истории татарской книги.

Манифест 1722 г., в отличие от книги И. Мегизера, непосредственно связан с российской действительностью, жизнью татар и адресован в первую очередь нашим соплеменникам. 400-летие первого тюрко-татарского издания, а также 300-летие и 290-летие печатного татарского слова в России широко отмечались в нашей стране и за рубежом. Академия наук Татарстана 17–18 октября 2012 г. проводила международную научно-практическую конференцию, посвященную истории тюрко-татарского печатного слова с участием ученых России, Турции, Литвы, Украины, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и других стран. Материалы конференции выпущены отдельной книгой под названием «Тюркоязычная книга: наследие веков» [Төрки]. Примечательно, что к данной конференции репринтным способом издана грамматика Иеронима Мегизера [Мегизер]. В ней параллельно с оригинальным текстом (факсимиле) приводится перевод на татарский и русский языки. Данное издание подготовлено Ф. Ш. Нуриевой, М. М. Петровой и М. М. Сунгатуллиной. Вступительная статья к книге принадлежит народному поэту Республики Татарстан Разилю Валееву и заместителю председателя Российского комитета тюркологов, профессору Д. М. Насилову. Кроме того, в юбилейные дни Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова выпущена еще одна книга, отражающая многовековую историю татарской книги [Татар китабы].

Печатание татарских книг почти угасло в течение нескольких десятилетий. Лишь в последней четверти XVIII в. напечатаны на татарском языке несколько официальных документов, а также «Азбука татарского языка» С. Хальфина, а в 1778 г. — Коран в Петербурге.

Татарское печатное слово по-настоящему набирает силу лишь в XIX в. Как известно, в 1800 г. в Казани начинает действовать Азиатская типография, а с 1809 г. — типография при Казанском университете. В 1829 г. их объединяют. Типография Казанского университета становится центром издания татарских книг. Татарские книги издают и другие типографии Казани. Кроме того, они печатаются в Оренбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани и в других городах России. В 1801–1850 гг. в Казани была издана 401 татарская книга; каждая третья книга, выпущенная в российских провинциях, была татарской. Во 2-й половине XIX в. в России были изданы 3242 книги на татарском языке общим тиражом 26 млн 854 тыс. экземпляров (объем каждой книги в среднем составлял 6 печатных листов, тираж — 7600 экз.), из них в Казани вышли 3167 книг, в других городах — 80 книг [см.: Татарская энциклопедия, с. 538]. Начало XX в. — настоящий бум в издании татарских книг. В 1901–1917 гг., т. е. всего за 17 лет, было издано больше книг, чем в предыдущие 100 лет. По количеству изданий и по тиражу татарская книга уступала только русской. После революции 1905 г. во многих городах Российской империи, где проживали наши соплеменники, начали издаваться татарские газеты и журналы, включая издания по экономике, промышленности, торговле. В частности, в начале XX в., до Октябрьской революции, в Оренбурге было отпечатано около 400 татарских книг

тиражом около одного миллиона экземпляров, издавались такие газеты и журналы, как «Вақыт», «Шура», «Кармак», «Мөгаллим», «Чүкеч» «Яз», «Урал» и др. Следует отметить, что в Оренбургском крае проживало около 200 тыс. татар, действовало более 300 татарских школ [Каримуллин, с. 235–237]. До революции в Башкортостане, где до сих пор проживает более одного миллиона татар, было выпущена 260 татарских книг общим тиражом более 725 тыс. экземпляров [Каримуллин, с. 216]. Промышленные центры Урала — Екатеринбург, Челябинск, Пермь — также издавна являются родиной проживания сотен тысяч татар. В них, особенно в первой половине прошлого столетия, издавалось значительное количество татарских книг, газет и журналов, функционировали национальные учебно-образовательные и культурно-просветительные заведения, даже татарские театры. Периодические издания, а также книги на татарском языке в XX столетии печатались в Финляндии, Китае, Турции, Германии, Японии и других странах. Как известно, татары в Финляндии проживают уже в течение последних двух столетий. За это время там вышло более сотни книг, десятки периодических изданий («Мәғрифәт», «Белдереш», «Шимал очкыннары», «Ак юл»...). Например, Хасан Хамидулла (1900–1988), писатель, поэт, ученый, издатель и журналист, опубликовал около 50 книг. По подсчетам Л. Р. Усмановой, с 1930 по 1938 г. в издательстве Токийской мусульманской общины (Матбагаи исламия) на арабской графике было издано 38 книг на татарском языке [Төрки, с. 115–118б]. Среди них имеется и пятитомник произведений великого Тукая. Татарские книги, казанские периодические издания были широко известны не только среди татар, но и во всем мире, особенно среди тюркоязычных и мусульманских читателей. Необходимо иметь в виду и тот факт, что Казанский университет в XIX в. считался одним из крупных центров ориенталистики. Подготовленные казанскими учеными издания и по сей день широко пользуются учеными-востоковедами.

Переход от рукописных книг к печатным сыграл большую роль в распространении книг, повышении уровня образования, культуры, науки. Он был сродни переходу от езды на лошади к езде на автомобиле. Но абсолютизировать печатную форму нельзя: преимущества рукописных книг бесспорны. Как известно, в царское и советское время существовала жесточайшая цензура. Многие книги, да и вообще печатные издания выходили с сокращениями и изменениями. Официальная цензура вынуждала авторов к творческим самоограничениям. Издание книги требовало значительных материальных затрат, что было не под силу каждому пишущему. Их творения оставались и распространялись в рукописях. Не следует забывать, что рукописная форма книг продолжала существовать параллельно с печатной и в последующие десятилетия. Примечательно, что знаменитые «Моабитские тетради» М. Джалиля дошли до нас также в рукописной форме. Среди татарских рукописных книг имеются уникальные сочинения. В частности, объемная книга (почти 500 с.) золотоордынского писателя Махмуда Булгари (1297–1360) «Нахдж аль-фарадис» («Открытый путь в райские сады») дошла до нас в экземпляре, переписанном в 1360 г. в городе Сарай. Имеются рукописные экземпляры сочинений Кутба, Саифа Сарай, составленные в XIV в.

Благодаря неутомимой деятельности таких ученых как Ризаэддин Фахретдин, Абрар Каримуллин, Марсель Ахметзянов и др., мы имеем относительно полное представление об истории и особенностях татарской книги.

Татарские рукописные и печатные книги представляют собой различные сферы человеческого бытия и культуры: художественная литература, фольклор, история, медицина, экономика, педагогика, религия, этнография, политика, искусство и т. п. Создано множество словарей. Имеются и переводы с других языков. Но подавляющее большинство татарских книг носит оригинальный характер, авторами которых являются наши соплеменники. Значительную часть татарской книги составляет художественная литература, имеющая тысячелетнюю историю.

История татарской книги — это в первую очередь история нашего народа. В ней отражены радости и страдания, надежды и чаяния, жизненный опыт и философия татар. Татарская книга сыграла огромную роль в гуманистическом и нравственном воспитании нашего народа, в преемственности памяти, в сохранении и развитии национального менталитета. Татарин наедине со своей книгой оставался татарин. И в наше «электронное время» мы должны быть вместе с духовным богатством своего народа, только тогда мы сохранимся как самобытная нация.

Габен А. фон. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986. С. 159—190. [Gaben A. fon. Kul'tura pis'ma i pechataniya u drevnikh tyurkov // Zarubezhnaya tyurkologiya. Vyp. 1. M., 1986. S. 159—190.]

Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV—XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009. 304 с. [Zajtsev I. V. Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV—XIX vekov. Puti razvitiya. Rukopisi, teksty i istochniki. M., 2009. 304 s.]

Каримуллин А. Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917—1932). Казань, 1999. [Karimullin A. Tatarskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo i tatarskaya kniga Rossii (1917—1932). Kazan', 1999.]

Краткая литературная энциклопедия : в 3 т. Т. 3. М., 1966. 976 с. [Kratkaya literaturnaya entsiklopediya : v 3 t. T. 3. M., 1966. 976 s.]

Мегизер И. Основы тюркского языка. Казань, 2012. 288 с. (на лат., тат. и рус. яз.). [Megizer I. Osnovy tyurkskogo yazyka. Kazan', 2012. 288 s. (na lat., tat. i rus. yaz.).]

Первое тюрко-татарское печатное издание в России : Манифест Петра I 1722 г. / сост. И. Г. Хадиев, науч. ред. М. А. Усманов. Казань, 2010. 118 с. (на тат., рус. и англ. яз.). [Pervoe tyurko-tatarskoe pechatnoe izdanie v Rossii : Manifest Petra I 1722 g. / sost. I. G. KHadiev, nauch. red. M. A. Usmanov. Kazan', 2010. 118 s. (na tat., rus. i angl. yaz.).]

Татар китабы: тарихи сәхифәләр. Татарская книга: страницы истории. Казань, 2012. 304 с. [Tatarskaya kniga: stranitsy istorii. Kazan', 2012. 304 s.]

Татарская энциклопедия : в 6 т. Т. 5. Казань, 2010. 734 с. [Tatarskaya entsiklopediya : v 6 t. T. 5. Kazan', 2010. 734 s.]

Турки телле китап-гасырлар хазинәсе. Тюркоязычная книга — наследие веков // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. истории тюркоязычной книги (Казань, 17—18 октября 2012 г.). Казань, 2012. 355 с. [Tyurko-yazychnaya kniga — nasledie vekov // Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyasch. istorii tyurko-yazychnoj knigi (Kazan', 17—18 oktyabrya 2012 g.). Kazan', 2012. 355 s.]

Тукай Г. Избранное. Казань, 1969. 420 с. [Tukaj G. Izbrannoe. Kazan', 1969. 420 s.]

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. М., 1986. 672 с. [Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka : v 4 t. T. 2. M., 1986. 672 s.]

Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Репринт. изд. 1844 г. Казань, 1991. 210 с. [Fuks, K. Kazanskie tatary v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh. Reprint. izd. 1844 g. Kazan', 1991. 210 s.]

Статья поступила в редакцию 15.01.2013 г.

УДК 821.512.145:025 + 316.7 + 39:82 + 39(=512.145)

Р. Л. Исхаков

РОЛЬ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ УРАЛА

Татарская литература рассматривается как превращенная форма этнической картины мира, которая вслед за фазами этногенеза прошла младоэтнический, националистический и постэтнический этапы своего развития. На Урале татарская литература вырастает из журналистики и приходит через журналистику. Впервые приводятся архивные материалы из истории татарского книгопечатания на Большом Урале.

Ключевые слова: этнический мусульманин; социоестественная история; этническая картина мира; татарская литература; этапы развития литературы.

Татары Большого Урала неповторимы в своем этногенезе. Так, татарское население Свердловской области появилось в результате этнодемографических перемещений в длительный исторический период в результате территориального смешения. Их шежере (родословная) восходит к татарам северо-востока Казанского ханства (небольшой части Пермской губернии впоследствии), западной части сибирских (тобольских) татар и жителям северной части Ногайского ханства. В крови уральских татар — гены казанских и сибирских татар и башкир.

По численности народов Свердловской области татары занимают второе место после русских. Количество татарского населения Урала выросло в годы индустриализации страны. Так, если в 1929 г. в строительстве Урало-Кузбасского комбината участвовало примерно 50 тыс. нерусского населения, то в 1930 г. их число достигает уже более 100 тысяч человек, основную часть которых составляли рабочие, прибывшие со Среднего Поволжья [см.: Ибрагимов, Садыков]. Известно, что еще в 1921 г. в Екатеринбурге проживало более 150 тысяч татар [см.: ЦГАИПД РФ, ф. 17, оп. 60, д. 930, л. 152]. Всероссийская перепись населения 2002 г. показала, что в области проживает более 168 тыс. татар [см.: Национальный состав..., с. 7].

Нынешний состав татарского населения области иной. Для идентификации сегодня активно используется понятие этнического мусульманина. Запрос по маркеру «этнические мусульмане» в поисковой системе Yandex в но-

ябре 2012 г. принес 1 млн результатов. Идиоматическое понятие появилось в разговорном языке как реакция различения на феномен обращения в ислам представителей иных этносов, в т. ч. русских. Номинация пришла на смену вековой давности понятию «русские мусульмане». Еще в 1878 г. в статье «Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения» Исмаил Гаспринский сформулировал определение этого понятия. Понятие «этнические мусульмане» подразумевает доминирующую роль исламского религиозного компонента в жизни этноса, однако этническое и конфессиональное начала отнюдь не всегда полностью и однозначно совпадают.

Остается открытым вопрос о том, когда в структуре идентичности татар-мусульман начал брать верх этнический компонент. По мнению профессора Д. М. Исхакова (Казань), в становлении татарской нации выделяются три этапа: этап развития мусульманской нации (XVIII — середина XIX в.), этап формирования этнической (этнокультурной) нации (пореформенный период — начало XX в.) и этап складывания «политической» нации (первые два с половиной десятилетия XX в.) [Исхаков Д., с. 79—83]. Исследователь отмечает, что в 1914 г. казанский губернатор П. Боярский сделал важное наблюдение, заметив, что если «раньше на вопрос: какой ты нации, татарин отвечал — мусульманской», то теперь «в Казанской губернии тяготение мусульман к религиозному фанатизму ослабевает и крепнет стремление к поднятию народности, усвоению татарского национализма...» [Там же, с. 79].

В понимании татарской литературы как феномена этнической культуры мы исходим из примордиалистской парадигмы. Примордиализм (от лат. *primordial* — изначальный) является фундаментальным, самым распространенным, научно обоснованным подходом, в соответствии с которым этнос рассматривается как первозданная общность людей, заявляющая о себе в истории и реальной жизни в неповторимых конкретно-исторических формах. Каждая из этих форм, имея свои особые, неповторимые признаки, позволяет определить принадлежность человека к тому или иному этносу и отличить один этнос от другого.

Казахский критик Аскар Сулейменов так писал о поэтическом искусстве своего однофамильца, Олжаса Сулейменова, еще до 1962 г., когда поэт получил известность на страницах союзных советских изданий: «Сулейменов пишет свои стихи на русском языке. Несмотря на это, все его стихи своей природой дышат казахской землей, на которой он родился... Такое ощущение, что мы видим душу одаренного поэта, здравомыслящего, впитавшего в себя шепот ковыля, вершины Алатау, опоясанного майскими облаками, патетический ритм Махамбета, кюи Курмангазы...»

А что делает народы едиными в их генотипе? Этот вопрос интересовал Э. С. Кульпина. (Его дед — историк, первый татарский профессор Газиз Салихович Губайдуллин, псевдоним — А. Газиз [см.: Алишев, с. 18].) В 1992 г. в Институте философии РАН Эдуард Сальманович Кульпин защитил докторскую диссертацию по социоестественной истории. Он показал, что в социогенезе роль генов играют ценности. Известно, что процессы в обществе отличаются от поколения к поколению; иными словами, квантируются сменой поколений. Раньше

(к примеру, ибн Хальдун в Средневековье) в расчет брали срок активной жизни правителя при передаче власти прямым потомкам. Э. Кульпиным был взят интервал активной жизни среднестатистического человека. Этот интервал во все прошлые времена практически точно укладывался в сроки демографической смены поколений, а именно во временную разницу между рождением матери и ее первой дочери или отца и его сына-первенца. Срок демографической смены поколений — величина переменная. Он растет с улучшением уровня и качества жизни: с 15 лет в древности, 17 — в раннем Средневековье до 20 во второй половине XX в. В XXI в. этот интервал времени, по-видимому, вырос до 25 лет.

Этногенез и есть передача этнических ценностей и ценностных ориентаций. А литература суть превращенная форма этнической картины мира. Здесь можно применить семипоколенную периодизацию Э. С. Кульпина. Каждый мусульманин должен знать 7 колен своего рода (в пересчете на астрономическое время это 140—150 лет). Семь поколений соответствуют пределу передачи той информации, о которой прадед может сказать правнуку: «Мой прадед рассказывал мне то, что видел своими глазами». За пределом семи поколений нет возможности передачи прямой информации о жизни прошлых поколений, их представлений о мире и о себе. Востоковед В. Наумкин в декабре 2012 г. в Екатеринбурге приводил примеры того, что россияне чаще всего помнят всего два-три поколения своих предков, а жители стран Азии — 8—10, они знают, из какого района вышли их предки, с какими племенами находились в хороших или плохих отношениях, и т. д. [Наумкин].

Сегодня стало непреложным фактом, что Россия — не славянский, а с л а в я н о - т ю р к с к и й с у п е р э т н о с. Об этом кандидат политических наук А. Шатилов убедительно пишет в журнале «Родина» [Шатилов]. Деление истории России на семипоколенные циклы начиная с монгольского нашествия показало интересный результат.

Первый семипоколенный цикл жизни народов Восточной Европы после монгольского нашествия завершается Смутой — гражданской войной, в Золотой Орде — Великой замятней (1360). Второй — созданием Московского государства (1483). Третий — снова Смутой (1606). Четвертый завершается Петровскими реформами (1732) и созданием Российской империи. Пятый — преддверием Великих реформ (1862) (своеобразный аналог Смуты для своего времени). Шестой — становлением социальной системы, параметры которой еще не совсем определены (2002).

Для проверки можно изменить точку отсчета, приняв такую, которая явно не имеет отношения к тюркскому истоку. Например, от приглашения на княжение в Новгород Рюрика, Трувора и Синеуса (862) или от захвата Олегом Киева (882). От 882 г. семипоколенные циклы дают следующий ряд цифр: 882 — 1005 — 1128 — 1251 — 1374 — 1497 — 1620 — 1746 — 1876 — 2016. В их чередке можно найти какой-то смысл, но ясно, что в сравнении с началом отсчета от Батыева нашествия все даты, кроме одной (1497, принятие Судебника), событийно крайне невыразительны. От принятия христианства, в отличие от основания Киевской Руси, мы имеем другой ряд цифр: 989 — 1112 — 1235 — 1358 — 1481 — 1604 — 1730 — 1860 — 2000. С XIII в. даты настолько точно

совпадают с аналогичными при отсчете от монгольского нашествия и так же точно указывают на основные переломные моменты истории, что возникает ряд вопросов. Что же было определяющим для России? Наследие европейской идентичности, воплотившейся в христианстве? Или наследие Востока, слившееся с традициями ортодоксального христианства?

Обратный отсчет (по методике Кульпина) истории татарской литературы приводит нас к имени булгаро-татарского поэта Кул Гали и его поэме «Кысса-и Йусуф» (начало XIII в.). Поэтому не случайно многовековую татарскую литературу воспринимают как целостный феномен.

Характеристика «этнический мусульманин» — это выражение определенной группой людей своего мнения, их манифест. Следует отметить амбивалентную дихотомию манифеста. Манифест, во-первых, — это то, что манифестируют, т. е. делают явленным (таковым становится мусульманское происхождение); с другой стороны, манифест — это заявка.

«Явление» и «заявка» — две очень разные производные от «яви». Соответственно и у манифеста две задачи: проявить и заявить. Если в первом случае констатируется изменение, то во втором случае декларируется требование изменений, которые касаются признания этнической исключительности («мы»-образ).

Этническая картина мира представляет собой свод основных допущений и предположений, обычно не осознаваемых и не обсуждаемых, которые направляют и структурируют поведение представителей данной общности почти так же, как грамматические правила, не осознаваемые большинством людей, структурируют и направляют их лингвистическое поведение.

Эти рассуждения следует иметь в виду, когда рассматривается история татарской литературы и книгопечатания в целом и на Урале в частности. По данным А. Г. Каримуллина, в Екатеринбурге-Свердловске в 1918—1932 гг. было издано 106 книг на татарском языке общим тиражом 487 565 экземпляров [Каримуллин, с. 249]. Издатели Урала татарскими шрифтами (арабицей) снабжалась из Казани, уже в начале 1920 г. Екатеринбургский губком РКП(б) и Уральский губсовнархоз выписывают их. В 1921 г. Уральский областной СНОС выписывает 120 пудов этих шрифтов, затем Уралбюро — для газет «Коммунист», «Урал» [НА РТ, ф. 828, оп. 1, д. 55, л. 55; ф. 828, оп. 1, д. 158; л. 84; ЦГАИПД РФ, ф. 17, оп. 60, д. 884, л. 83].

Из литературного кружка при татаро-башкирском рабочем клубе в октябре 1927 г. организована Татаро-башкирская секция Уральской ассоциации пролетарских писателей (УралАПП). Еженедельно на занятия секции приходило 26 человек, привлекалось много посторонней публики. На занятиях секции основными были читка и критика произведений членов секции, проанализировано около 80 произведений 23 авторов. Было организовано два массовых выступления. В областной газете «На смену!» отмечалось, что в числе трудностей — отсутствие программы занятий секции, пособий на родном языке и собственной библиотеки [см.: На смену].

Писатели Татаро-башкирской секции УралАППа активно издавали в Свердловске произведения художественной литературы (5 сборников-альманахов

писателей Урала, пьеса Ягаля «Наданга суд» («Суд над неграмотным»), сборник стихов Ягаля «Жиңеучеләр» («Победители»), произведения З. Зайни).

В начале 1930-х гг. Уралоблгиз приступил к изданию серии книг на татарском языке «Библиотека для малограмотных», в которой, кроме учебной литературы, публиковались произведения общественно-политические и исторические. Издательская практика 1920-х — начала 1930-х гг. отражает основной пафос времен культурной революции — **п о в ы ш е н и е у р о в н я г р а м о т н о с т и**.

Татарская литература вырастает из журналистики [Исхаков Р., 2006, с. 126—133]. На всех тюркских языках литератор маркируется понятием **я з у ч и**. Так зовутся и писатели, и журналисты. Онтологически «язучи» — это «существо пишущее», *Homo scriptus*. Но существует различие по калибру — на «язучи» и «адип». Калибр увеличивается с ростом профессионального мастерства. **А д и п** — это профессиональный писатель, писатель с большой буквы, для которого участие в прессе не только проба пера.

Уралгосиздат стоял у истоков татарского книгопечатания на Среднем Урале, которое началось в Екатеринбурге 9 июля 1920 г. с издания газеты 1-й Трудовой армии «Коммунист» — органа татаро-башкирского коммунистического бюро при Екатеринбургском губкоме РКП(б) [см.: Каримуллин, с. 244]. В 1923 г. по решению Уральского обкома ВКП(б) газета передается в ведение издательства «Уралкнига», а в 1925 г. переименовывается в «Сабан һәм Чукеч» («Серп и молот»). Редакция газеты «Сабан һәм Чукеч» сама часто выступала и как издатель татарских книг. Уральское облоно само занималось подготовкой учебников для национальных школ, которые печатались в Москве [см.: ГАРФ, ф. 296, оп. 1, д. 749, л. 17, 19 и др.]. В штате Уралгосиздата состояли работники редакций этой газеты: редактор мусульманской газеты «Коммунист» Шакир Хабибуллин [см.: ГАСО, ф. Р-57, оп. 1, д. 2, л. 21] и литературный сотрудник этой газеты с 17 февраля 1921 г. Абдул Гатаулин [Там же, л. 4].

Теме развития татарской национальной литературы, актуализированной М. Горьким на I Всесоюзном съезде писателей, посвящалось выступление делегата Первого съезда писателей Свердловской, Челябинской и Обь-Иртышской областей, состоявшегося в Свердловске 18—22 июня 1934 г., Х. Аминова. Отмечалось, что общими недочетами национальной литературы были малая информированность населения о произведениях, медленное привлечение молодежи, отсутствие профессиональной критики, игнорирование со стороны руководства литдвижением. Правда, татарские писатели преуспели чуть больше. Если в УралАППе насчитывалось 5—6 татарских писателей, то теперь уже 50, возникло около 15 литкружков на предприятиях, с 1927 г. Татаро-башкирской секцией выпущено 7 альманахов и около 20 книг [см.: Аминов, с. 155].

Имена многих татарских авторов связаны с Большим Уралом. Здесь родились Мифтахетдин Акмулла (1831—1895), Мажит Гафури (1880—1934), Муса Джалиль (1906—1944). Некоторые литераторы переводили уральских авторов на татарский язык (Абдурахман Абсалямов, 1911—1979; Гумер Абдулла, 1906—1974). У отдельных писателей можно выделить уральский период их творчества. Более 40 имен литераторов в выбранных наугад двух томах шеститом-

ной «Татарской энциклопедии» имеют уральские корни. К примеру, Ризван Алуши (1883—1938) начал печататься в 1906 г., преподавал в Челябинске (1915—1917), в 1932—1934 гг. работал на рабфаке Свердловского педагогического техникума. Родившийся в курганском Зауралье Абдулла Ахмет (1905—1976) начал печататься в газете «Сабан һәм чукеч» (Свердловск) в 1925 г. Его пьесы ставились в Екатеринбурге. Поэт Дэрмэнд (Закир Рамиев, 1859—1921) владел золотыми приисками на Южном Урале. Газиз Иделле (наст. фамилия *Усманов*) (1905—1985) в 1923 г. поступил в Свердловский индустриальный техникум, но не окончил его и стал работать в газете «Сабан һәм чукеч», печатался в сатирическом журнале «Шапи агай», а с 1926 г. жил в Казани, в 1937 г. был репрессирован. Писатель Идрис Туктар (наст. имя *Туктаров Идрис Ильясович*, 1896—1982) работал литературным сотрудником татарской газеты «Коммунист» (Свердловск). Опубликовав первые стихи в 1924 г., стал автором 10 книг. Ижби Хагель (наст. имя *Ижбулатов Хаснулла Губаевич*, 1897—1938) в 1921 г. в порядке мобилизации московских коммунистов для укрепления партработы в провинции был откомандирован в распоряжение Уралбюро ЦК ВКП(б), где работал в качестве ответработника татарской секции и инструктора. Работал в редакциях татарских газет Уральской области «Коммунист» (Свердловск, 1923—1926), «Сабан һәм чукеч» («Серп и молот», заместитель редактора с 1929 г.). Был членом редколлегии УралОГИЗа.

Татарская литература, вслед за фазами тюркского этногенеза, прошла младоэтнический, националистический и постэтнический этапы своего развития.

Фаза этногенеза, определяемая направлением и скоростью развития, имеет временные рамки и пределы изменения уровня пассионарного напряжения в этнической системе. Для фазы этногенеза характерны прежде всего единые общественные императивы поведения. Акматическая фаза, в которой пассионарное напряжение достигает наивысших для данной системы уровней, в России, как исчислил Л. Н. Гумилев, наступает в Смутное время, у монголов — в период распада единого улуса, созданного Чингисханом. Для этого времени характерно предельной частотой этнических событий, наивысшим числом подсистем (субэтносов), господством пассионарных личностей жертвенного типа. Все это определяет общественный императив **быть самим собой**.

На акматическую фазу тюркского этногенеза приходится младоэтнический этап развития литературы, словесности и журналистики. В русском языке первая часть составных слов *младо-...* отнесена филологами преимущественно к книжной лексике. Однако младоэтничность — это не книжная абстракция, а объективно-историческая реальность. Младоэтничность как социальное новаторство есть формальное (внешнее) выражение динамического аспекта этничности.

М л а д о э т н и ч н о с т ь — характеристика объединяющихся по принципу комплиментарности людей; этап этногенеза, характерный при переходе от восприятия ландшафта как ареала расселения к восприятию его как историко-культурной области (родины). Императив поведения, подсознательно воспринимаемый всеми людьми как норма поведения, — **быть патриотом**.

Историки пришли к выводу, что для возникновения этноса нужно текстовое описание его идентичности. Не случайно с появлением словарей и грамматик

появляются этнонимы (самоназвания). Младоетничность продолжает текстовую самоидентификацию; в названиях групп, течений, направлений, движений, как правило, присутствует этноним. Текстовая (определенная замкнутая культурная данность) идентификация этноса продолжает институционализироваться в знаково-символических системах, выражающих одно посредством другого, — в словесности, театре.

Всеобщая история этнической эмансипации знает несколько модусов младоэтнической динамики. «Советская историческая энциклопедия» упоминает полтора десятка организаций, посвятивших себя делу национального освобождения: учрежденная писателем и философом Дж. Мадзини «Молодая Италия» (1831—1848); «Молодая Германия» (1843—1850) наиболее «опасных» писателей Гейне, Лаубе, Гуцкова, Мундта и Винбарга; «Молодая Польша» историка Иоахима Лелевеля (с 1834); «Молодая Англия» (1841—1848) романиста Бенджамина Дизраэли, «Молодая Ирландия» (1840—1848); В Европе, кроме того, известны литературное объединение «Молодая Бельгия» (*La Jeune Belgique*, 1881: Э. Верхарн, Ж. Экаут, Ж. Роденбах, К. Лемонье, М. Метерлинк, всего 14 членов), младочехи, (*mlady čechy*, 1874—1918), в Азии — младоафганцы под руководством издателя одной из первых афганских газет «Сирадж-уль-Ахбар» Махмуд Тарзи, «новые османы» (*eniosmanliler*, 1865—1878) вокруг газет «Хюрриет» («Свобода») и «Мухбир» («Корреспондент») и младотурки (*Jöntürkler*) во главе с поэтом и литературным переводчиком Абдуллой Джеветом Карлыдагом (1868—1932).

В Российской империи представителями младоэтнических движений были писатели С. Выспяньский, Я. Каспрович, К. Тетмайер и др. («Молодая Польша», *Młoda Polska*, 1834—1836), писатели Фридеберт Туглас, Виллем Грюнтхаль, Йоханнес Аавик, Антон Таммсааре из литературно-художественной группы «Молодая Эстония» («Noor-Eesti», 1905—1915), идеологи младолатышей поэт Юрис Алунанс, публицисты Кришьянис Валдемарс и Каспарс Биезбардис, собиратель «Калевалы» младофинн Элиас Лённрот, младобухарцы типа поэта и просветителя Абдурауфа Фитрата, младохивинцы во главе с идеологом Ахмед-Заки Валидовым.

Термин младотатары относят чаще всего к крымско-татарскому движению. Но в 1911—1912 гг. в ходе судебного процесса по «делу Буби» (д. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии) братьям Габдулле (1871—1922) и Губайдулле (1866—1936) Нигматуллиным-Буби было предъявлено обвинение в создании нелегального национального общества «Младотатары» [см.: Бертуган...].

Но подлинно младоэтническое и модернистское направление представляет собой просветительно-реформаторское движение джадидов (араб. д ж а д и д — новый) во второй половине XIX — начале XX в. Становление и формирование главных принципов д ж а д и д и з м а связывают с деятельностью Исмаил-бея Гаспринского (1851—1914), которого турки называли «улулг остаз» — великим учителем). В 1865—1967 гг. он жил в Москве в семье известного славянофила М. Н. Каткова В 1860-е гг. в кругу семьи редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова Исмаил-бей попадает в самый центр панславизма с его пробле-

мами будущности наций. В панславистской среде он не мог найти ответа на собственные вопросы, а потому разрешением их занялся сам. В 1871 г. Гаспринский учился в Сорбонне, был секретарем И. С. Тургенева. С апреля 1883 г. стал издавать первую в России тюркоязычную газету «Тарджеман», на страницах которой выдвинул идею культурного и национального единства тюркских народов России на основе «единства языка, мысли и действий» мусульман.

Младозтнический этап завершается моментом рождения внутри этноса и д е и г о с у д а р с т в е н н о с т и. В России она вызрела у населяющих ее народов в ходе Февральской революции 1917 г. Еще Ленин отмечал, что тенденцией всякого национального движения является образование национальных государств, типичное, нормальное явление для капиталистического периода. Символическим рубежом между младозтническим и националистическим этапами служит, пожалуй, стихотворение Габдуллы Тукая «Кто он?» («Кем ул?»), опубликованное на языке тюрки более века назад (25 мая 1907) [Эль-гасрель джадид]:

Кто он? Кто нашу нацию взрастил?
 Кто за юродивых молитву произнес?
 Нас от природных тварей отличил?
 От дикости пещерной оторвал?
 Кто нам врагов реальных образ дал?
 А в слезный час возрадовал нас кто?
 «Зарю» поднял во тьме ночной. Он кто?
 До слез нас доводил? Весельем уморил?
 О днях ушедших думать научил?
 «Исчезновения» страх припомнил кто?
 На чужеземцев глаз нам кто открыл?
 Держал кто с достоинством слово татар?
 Кто народу служил до судного дня?
 Скажите, кто он? Ну, спросите меня...

Пер. Р. Исхакова

Каждый просвещенный читатель начала XX в. уверенно знал, что стихотворение «Кто он?» посвящено Гаязу Исхаки. А потом стихотворение было надолго вычеркнуто из народной памяти. И лишь в 2001 г. стихотворение увидело свет во второй раз.

Так почему же стихотворение «Кто он?» не печатали в поздних сборниках Тукая [см.: Исхаков Р., 2012, с. 4]? Ведь с 1907 по 1917 г. произведения Тукая выходили отдельными сборниками 55 раз, а с 1917 г. — 108 раз, из них 79 изданий на татарском языке. Наверное, потому что и сам Габдулла Тукай долго мыкался по ведомству «реакционных» поэтов. Так, в 1927–1932 гг. не было издано ни одной книги дореволюционных татарских писателей, включая произведения самого Габдуллы Тукая. Да и контакты с Исхаки активно не приветствовались, о чем рассказывает статья С. Шариповой в архивном журнале «Гасьрлар авазы» (1998, № 3/4), которая так и называется «Исхакий исемен әйтеп сөйләшергә дә куркалар иде...» («Упомянуть имя Исхаки страшилось все...»).

Тюркская литература начала XX в. становилась этнонациональной по мере включенности в движение миллет. В современном татарском языке

«миллэт» — это нация, национальность. Политическая ценностная ориентация тюрков (тюркизм) может быть представлена идеей единого тюркского государства. Идею выпукло олицетворял известный татарский писатель и публицист Гаяз Исхаки (1878—1954)¹, который в 1902 г. преподавал в оренбургском медресе «Хусаиния».

Без преувеличения, весь татарский, и не только татарский мир в первой половине XX в. знал Гаяза Исхаки. Впервые его имя появилось на страницах русскоязычной газеты «Казанский телеграф» (15 января 1898) в статье «Из мусульманского мира» [Казанский телеграф]. Его сравнивают с писателями уровня Льва Толстого [см.: Ахунوف]. Максим Горький в переписке 1914 г. предложил ему как крупному знатоку написать очерк о состоянии татарской литературы (кстати, данный факт, приведенный в журнале «Вопросы литературы» в конце 1980-х гг., во многом способствовал творческой реабилитации писателя). Преследуемый большевиками, он в составе мирной делегации «Штата Идель-Урал» уехал в 1919 г. на Парижскую (Версальскую) мирную конференцию. Так и не вернувшись на родину, с 1939 г. до конца своей жизни он оставался в Турции. Все творческое наследие Гаяза Исхаки во второй половине XX в. было насильственно изъято из литературного и научного оборота.

В 1917 г. Гаяз Исхаки принимает Февральскую революцию. Не теряя времени, участвует в Первом (Московском) и Втором (Казанском) съездах российских мусульман, задает тон, выпускает газету «Иль» («Страна»), пишет одну статью за другой. 22 ноября 1917 г. он был избран членом уфимского национального меджлиса. В 1919 г. Гаяз Исхаки уезжает через Дальний Восток в Европу, на Версальскую мирную конференцию. Как мы уже отмечали, он никогда не вернется на родину. После расставания со своим народом Г. Исхаки вначале жил в Харбине (Китай), затем в Париже, Берлине, Варшаве и других европейских городах, в Турции — в Стамбуле и Анкаре. В эмиграции Г. Исхаки остается верен своим взглядам на общественно-политический строй в Советском Союзе. Г. Исхаки начинает активную работу как лидер движения независимости под знаменем «Идель-Урал». Участвует в конгрессах, съездах, выступает с докладами, печатает разнообразные газетно-журнальные статьи. В очерке «Идель-Урал» (1933) обосновывает тюрко-татарскую национальную государственность между Волгой и Уралом.

Иным было видение национально-государственного строительства у поэта Мажита Гафури [Исхаков Р., 2010, с. 29—37]. Великую Октябрьскую социалистическую революцию Мажит Гафури (1880—1934) встретил с большим подъемом и огромной радостью. Перед ним не стоял вопрос, принимать или не принимать революцию. Мажит Гафури становится певцом социалистической революции. Классика башкирской и татарской литератур Мажита Гафури называют «поэтом двух народов». Как и Мифтахетдин Акмулла, он считается сыном сразу двух, а то и трех народов, являющихся естественной общностью.

¹ Текущий (2013) год ознаменован двумя юбилейными датами, касающимися Гаяза Исхаки: 135-летие со дня рождения, а также 80-летие со дня выхода в свет его очерка «Идель-Урал».

Как и когда националистический этап истории литературы переходит в постэтнический? Ответ можно найти, к примеру, в творчестве Олжаса Сулейменова (Казахстан), который в 1975 г. издал на русском языке «националистическую» книгу «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя», получившую резко отрицательный отклик в Москве. 17 июня 1976 г. было принято постановление ЦК Коммунистической партии Казахстана, подвергшее обструкции эту книгу. Она была запрещена, автор восемь лет не издавался и практически перестал писать стихи. В чем заключался «национализм» Олжаса Сулейменова? Он говорил: «Я впервые заявил, что “Слово о полку Игореве” было написано для двуязычного читателя двуязычным автором. Допустим, русским, который владел и тюркскими языками. Значит, на Руси тогда существовал билингвизм. <...> Я же говорил о невидимых (выделено автором, разрядка наша. — Р. И.) тюркизмах, которые всегда считались русскими. Вот это и потрясло академиков. Я, как ни странно, оказался первым двуязычным читателем “Слова о полку Игореве”...»

Последовали характерные для того времени идеологические «проработки», основанные на советских политических обвинениях в национализме, пантюркизме, методологических ошибках и т. п. Только обращение Кунаева к генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу помогло автору отделаться «строгим выговором», и разбирательство по книге на литературную тему из ЦК КПСС передали в Академию наук СССР. Было проведено особое заседание Академии наук СССР по книге «Аз и Я». Сорок семь академиков, членов-корреспондентов и рядовых докторов наук обсуждали книгу без перерыва на обед. Открыл его академик Б. А. Рыбаков словами: «В Алма-Ате вышла яростно антирусская книга — “Аз и Я” стотысячным тиражом». Его поддержал виднейший специалист по «Слову» академик Д. С. Лихачев. Однако время расставило все по своим местам.

Постэтнический этап развития литературы открыл для нас имена татарских литераторов, пишущих на русском языке. Назовем, к примеру, имя Равиля Бухараева (1951—2012). Первые лирико-философские стихи Бухараев написал на русском языке в 1970-е гг. Он автор ряда поэтических сборников («Приметы века», 1974; «Яблоко, привязанное к ветке», 1977; «Знак Августа», 1981; «Время цветов», 1985; «Вокруг Тукая», 1989; «Трезвые пиры», 1990) в 1986 г. получил премию имени М. Джалиля за переводы на русский язык произведений Г. Тукая и М. Джалиля. Для творчества Бухараева характерны яркая образность, историчность, глубокая философичность. С 1991 г. жил в Лондоне.

Можно отметить также имена Николая Шамсутдинова (Тюмень), Рустама Валеева (Челябинск), Валерия Исхакова (Екатеринбург), Гани Зарифа (Екатеринбург) и др.

Валерий Исхаков (р. 1949) родился в Казани в семье служащих. Окончил завод-втуз при ЗИЛе и заочно Литературный институт. Работал электромонтером в Новоуральске, слесарем-сборщиком, мотористом-испытателем, инженером-исследователем на ЗИЛе в Москве, мастером, технологом на Уральском автомобильном заводе. С 1981 г. в журнале «Урал»: литсотрудник, заведующий отделом прозы, заведующий литературным отделом, заместитель главного редактора. Инициатор и один из редакторов журнала в журнале «Текст» («Урал»,

1990—1991). Печатается также под псевдонимом *Егор Годунов*, *Лев Европейцев*. Переводит прозу с английского языка. Член Союза российских писателей (1991). Живет в Екатеринбурге.

Поэт и писатель Гани Зариф (наст. имя *Зарипов Гандалиф Фатхуллович*, 1953—2003) окончил Свердловское военно-политическое танко-артиллерийское училище (1973), служил в войсках Дальневосточного военного округа, группе советских войск в Германии, Уральском военном округе. В 1993 г., в связи с выводом Западной группы войск с территории Германии и ее реорганизацией, уволился в запас. Печатался в журнале «Агидель», газетах «Красная звезда», «Советская Армия», «Красный боец», «Кызыл тан» («Красная заря»), «Ленин байрагы» («Ленинское знамя»), «Областная газета», «Уральский рабочий». Автор прозы и стихов на татарском и русском языках. Творческое наследие Гани Зарифа обсуждалось на научно-практической конференции «Литература Урала» (Екатеринбург, октябрь 2006).

Каковы перспективы татарского книгоиздания? На наш взгляд, оно связано со сменой ее «прописки». Для татарского мира, разбросанного по странам и континентам, важнейшую роль играют средства массовой информации, которые призваны создать единое информационное поле. Процессы ассимиляции, потери языка, культуры, духовности в регионах страны способствовали объединению татар вокруг местных национальных организаций в регионах компактного проживания, которые одна за другой начиная с 1980-х гг. учреждали свои газеты. По последним данным в 23 регионах России и 10 странах СНГ действуют 44 газеты, 6 журналов, 29 радио- и 30 телепередач на татарском языке. В настоящее время татарские газеты стабильно работают в таких регионах РФ, как Республика Башкортостан, Удмуртия, Марий Эл, Чувашия, в Кировской, Саратовской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Челябинской, Ульяновской, Свердловской, Тюменской, Новосибирской, Омской, Астраханской, Волгоградской, Нижегородской областях, в Красноярском крае, в Москве и Санкт-Петербурге, в Пензе.

Развитие Интернета приводит к тому, что большая часть образованного и активного населения уходит из традиционной сферы СМИ в социальные сети и Интернет. По аналогии с «яналиф» (единый тюркский алфавит на основе латиницы, существовавший в СССР в 1928—1938 гг.) в 2003 г. появилась версия татарской латиницы для Интернета, получившая неофициальное название «иналиф». Название возникло как аллюзия на «яналиф». Гибрид слов *Inalif* (от англ. *Internet* и тат. *алифба* — алфавит) — алфавит татарского языка на основе латинской графики для использования в Интернете. Алфавит использует латинские буквы и символы стандартной клавиатуры компьютера. Предлагаемый вариант татарского алфавита не требует от пользователей никаких дополнительных технических и технологических знаний. Новый алфавит рассматривается исключительно как общественная инициатива, направленная на широкое распространение татарского языка как средства общения в Интернете.

Представляется, что будущее татарской литературы как части информационной среды — именно за этим коммуникационным ресурсом.

Алишев С. Х. Газиз Губайдуллин как историк // Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978. [Alishev S. Kh. Gaziz Gubajdullin kak istorik // Issledovaniya po istoriografii Tatarii. Kazan', 1978.]

Аминов Х. Татарская литература // Штурм. 1934. № 7. [Aminov Kh. Tatarskaya literatura // Shturm. 1934. N 7.]

Ахунув А. Гаяз Исхаки «Кто он? Кто он, кто нашу нацию взрастил?» [Электронный ресурс]. URL: http://www.turklib.uz/?category=articles&altname=hayaz_ishaki_kto_on_kto_on_kto_nashu_naciyu_vzrastil. [Akhunov A. Gayaz Iskhaki «Kto on? Kto on, kto nashu natsiyu vzrastil?» [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.turklib.uz/?category=articles&altname=hayaz_ishaki_kto_on_kto_on_kto_nashu_naciyu_vzrastil.]

Бертуган Бубилар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе: Тарихи-документаль жьентык [Братья Буби и медресе д. Иж-Бобья : ист.-документ. сб.]. Казань, 1999 (на татар. яз). [Bertugan Bubilars һәм Izh-Bubyj mədrəsəse: Tarixhi-dokumental' jьentyk [Brat'ya Bubi i medrese d. Izh-Bob'ya : ist.-dokument. sb.]. Kazan', 1999 (na tatar. yaz).]

Ибраһимов А., Садыйков С. Уралда ленинчыл милли сәясәтенең уңышлары [Успехи ленинской национальной политики на Урале]. Свердловск : М., 1932. 35 б. (на татар. яз). [Ibrahimov A., Sadykov S. Uralda leninchyl milli säyasäteneң uñyşlary [Uspekhi leninskoj natsional'noj politiki na Urale]. Sverdlovsk : M., 1932. 35 b. (na tatar. yaz).]

Исхаков Д. М. От нации «мусульманской» — к нации татарской // Татарстан. 1995. № 9/10. С. 79—83. [Iskhakov D. M. Ot natsii «musul'manskoj» — k natsii tatarskoj // Tatar-stan. 1995. N 9/10. S. 79—83.]

Исхаков Р. Л. Мажит Гафури и Гаяз Исхаки // Творчество Мажита Гафури — источник идей справедливого общества и мира : сб. материалов. межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения Мажита Гафури (16 декабря 2010 г.). Уфа, 2010. С. 29—37. [Iskhakov R. L. Mazhit Gafuri i Gayaz Iskhaki // Tvorchestvo Mazhita Gafuri — istochnik idej spravedlivogo obschestva i mira : sb. materialov. mezhregion. nauch.-prakt. konf., posvyasch. 130-letiyu so dnya rozhdeniya Mazhita Gafuri (16 dekabrya 2010 g.). Ufa, 2010. S. 29—37.]

Исхаков Р. Л. Потерянное стихотворение Габдуллы Тукая // Саф чишма [Чистый источник]. 2012. № 8 (121). С. 4. [Iskhakov R. L. Poteryannoe stikhotvorenje Gabdully Tukaya // Saf chishma [Shtistyj istochnik]. 2012. N 8 (121). S. 4.]

Исхаков Р. Л. Татарская периодическая печать начала XX века и становление уральской тюрки-литературы // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С. 126—133. [Iskhakov R. L. Tatarskaya periodicheskaya pechat' nachala XX veka i stanovlenie ural'skoj tyurki-literatury // Literatura Urala: istoriya i sovremennost' : sb. st. Vyp. 2. Ekaterinburg, 2006. S. 126—133.]

Казанский телеграф. 1898. 15 января. [Kazanskij telegraf. 1898. 15 yanvarya.]

Каримуллин А. Г. Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917 — 1932). Казань, 1999. 244 с. [Karimullin A. G. Tatarskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo i tatarskaya kniga Rossii (1917 — 1932). Kazan', 1999. 244 s.]

НА РТ. Ф. 828, 88. [NA RT. F. 828, 88.]

На смену. 1928. 14 апреля (№ 45). [Na smenu. 1928. 14 aprelya (N 45).]

Насретдинова Д. Газиз Губайдуллин. Автобиография // Гасырлар авазы [Эхо веков]. 1997. № 1/2. [Nasretdinova D. Gaziz Gubajdullin. Avtobiografiya // Gasyrlar avazy [Ekho vekov]. 1997. N 1/2.]

Наумкин В. [Этнографические исследования] [Электронный ресурс]. URL <http://islamrf.ru/news/russia/rusnews/25532/> (дата обращения: 24.12.2012). [Naumkin V. [Etnograficheskie issledovaniya] [Elektronnyj resurs]. URL <http://islamrf.ru/news/russia/rusnews/25532/> (data obrascheniya: 24.12.2012).]

Национальный состав и владение языками, гражданство населения Свердловской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Екатеринбург, 2005. Л. 7. [Natsional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Sverdlovskoj oblasti. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 g. Ekaterinburg, 2005. L. 7.]

ЦГАИПД РФ. Ф. 17. [TSGAIPD RF. F. 17.]

Шатилов А. Пересвет и Челубей — братья навек // Родина. 1997. № 3—4. [SHatilov A. Peresvet i Shelubej — brat'ya navek // Rodina. 1997. N 3—4.]

Эль-гасрель джадид. 1907. № 5 [на татар. яз.]. [El'-gasrel' dzhadid. 1907. N 5 (na tatar. yaz.).]

Статья поступила в редакцию 25.01.2013 г.

ТАТАРСКАЯ КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Круглый стол, посвященный 290-летию первой печатной татарской книги в России

В произведении «возвращенного» на Родину в 1990-х гг. известного татарского писателя Гаяза Исхаки, написанном в начале XX в., автор задумывается о судьбе татарского народа через 200 лет — в XXII в. «Я был учителем “всех светских наук”: арифметики, геометрии, ботаники, русского языка и т. д., — писал Гаяз Исхаки в «Автобиографии» о работе в оренбургском медресе «Хусаиния». — Мое вольномыслие пришлось не по вкусу оренбургским “меценатам” купцам Хусаиновым, и меня через год уволили. В то время я опять сильно захворал и, вообразив, что это чахотка, что дни мои сочтены, стал торопиться окончить одну свою фантазию: “Ике йөз елдан соң инкыйраз” (“Вымирание через двести лет”)».

...Последние месяцы XXI века. В Оренбурге после смерти старика-болгарина на свете остаются последних два татарина: историк и писатель, Ягофар и его жена Сююмбика. Вскоре, при родах мертвого ребенка, скончалась и Сююмбика. Оглушенный горем Ягофар отправляется через Казань на руины древнего города Булгара. В один ветренный день в бредовом состоянии, будучи внутри минарета, Ягофар погиб, оставшись под камнями рухнувшего минарета. И вместе с ним вымер весь народ...

Повесть Исхаки встряхнула спящее татарское общество. Как отмечал в 1991 г. писатель Ибрагим Нуруллин, если говорить «по аналогии гоголевской “Шинели” в русской литературе, то татарская литература начала XX века вышла из повести “Вымирание через 200 лет” Гаяза Исхаки».

Уж не сбываются ли прогнозы Гаяза Исхаки сегодня, как с грустью отметил в своем приветственном слове директор департамента «Филологический факультет» Института гуманитарных наук и искусств УрФУ В. А. Гудов: «Странная юбилейная дата выбрана для проведения круглого стола: обычно выбирают 250 или 300 лет, а тут 290. (Искал цифры арабской вязи. Может, похожи?). Я поначалу не понял, а потом взглянул на итоги переписи 2010 г. и понял, что дата вполне своевременна. Дело в том, что согласно данным переписи населения численность татар падает, а доля указавших на русский язык в качестве родного увеличилась с 1989 г. на 44 %. Более 20 % респондентов-татар указали

на русский язык в качестве родного. Поэтому беспокойство за судьбу татарской литературы вполне обоснованно. Как говорится, дожить бы до 300-летнего юбилея».

Каждый народ уникален. Татары Урала неповторимы в своем этногенезе. Татарское население Свердловской области появилось в результате этнодемографических перемещений в длительный исторический период, в результате территориального смешения. Это татары северо-востока Казанского ханства (впоследствии небольшой части Пермской губернии), западная часть сибирских (тобольских) татар и турки северной части Ногайского ханства.

Урал нельзя считать близким месту рождения первого печатного татарского издания. Под предлогом ограбления русских купцов в Шемахе и Дербенте Петр I в 1722 г. предпринимает известный в истории Персидский поход. По прибытии в Астрахань русского войска по указанию Петра I под непосредственным наблюдением и при участии Д. Кантемира 15 июля 1722 г. был напечатан для 50 тысяч воинов-татар Манифест в 1 тыс. экземплярах на татарском языке.

Целью издания Манифеста, как рассказал заведующий кафедрой татарской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор филологических наук профессор Х. Ю. Миннегулов, было ознакомление местного населения с причинами похода.

С этого издания ведет отсчет история татарской печатной книги в России. В 2012 г. эта памятная дата широко отмечалась в татарском мире. В ознаменование этой даты Екатеринбургское региональное общество татарской и башкирской культуры имени Мажита Гафури (рук. *С. Л. Надыров*) при поддержке Екатеринбургского отделения Союза писателей России (*Е. П. Касимов*) и Екатеринбургского отделения Союза российских писателей (*А. Б. Титов*) внесли предложение о проведении в Свердловской области цикла историко-просветительных мероприятий. В течение 2012 г. при поддержке Министерства культуры Свердловской области, заместителя министра культуры *В. Г. Мантурова*, постоянного представительства Республики Татарстан в Уральском федеральном округе *Р. Р. Садриева* был проведен ряд мероприятий, посвященных этому событию.

Центром празднования стала Свердловская областная межнациональная библиотека (директор *И. В. Сатымова*). 11–12 октября 2012 г. здесь состоялась **конференция**, посвященная взаимодействию библиотек, издательских и книготорговых организаций, а также формированию единого информационного пространства. В рамках конференции прошла книжная ярмарка издательств и книготорговых организаций «Национальная книга России — 2012» и информационно-историческая программа к 400-летию первой печатной татарской книги в Германии и 290-летию первой печатной татарской книги в России. В начале информационно-исторической программы «Истоки татарской книги» состоялась встреча с редакцией газеты «Саф чишма» («Чистый источник»), на которой главный редактор газеты *Ф. А Сафиуллина* рассказала об истории создания газеты, ее развитии и современном состоянии. Продолжилась программа презентацией **книжной выставки** «Истоки татарской книги». Редакция газеты «Саф

чишма» при поддержке конгресса татар Свердловской области (*М. Ф. Салихов*) и Екатеринбургского правозащитного центра «Мемориал» (*А. Я. Пастухова*), продолжая традицию татарских газет Свердловской области, выпустила сборник произведений своих авторов.

Наконец, завершали праздничный цикл *Дни татарской культуры* и литературы в Свердловской области. К числу организаторов его проведения добавились Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (директор *Д. В. Бугров*) и сектор истории литературы Института истории и археологии УрО РАН (заведующая *Е. К. Созина*), организовавшие заседание *круглого стола*.

Участников встречи — историков литературы, писателей, журналистов, работников библиотек, всех, кто обеспокоен судьбой отечественной многонациональной литературы, — приветствовали почетный гражданин Екатеринбурга, советник ректора УрФУ, член-корреспондент РАН профессор *В. Е. Третьяков*, постоянный представитель Республики Татарстан в Свердловской области *Р. Р. Садриев* и заместитель директора Института гуманитарных наук и искусств УрФУ доцент *В. А. Гудов*. На заседании круглого стола обсудили исторический опыт татарского книгоиздания и проблемы современности. Повестка столь широкого вопроса предусматривала рассмотрение лишь нескольких аспектов темы. Это «История татарской книги» (докладчик — заведующий кафедрой татарской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета доктор филологических наук, профессор *Х. Ю. Миннегулов*); «V съезд Всемирного конгресса татар о роли и месте литературы в развитии национальной культуры» (докладчики — делегаты съезда доцент ИГНИ УрФУ, кандидат филологических наук *Р. Л. Исхаков*, редактор Свердловской областной татарской газеты «Саф чишма» *Ф. А. Сафиуллина*, председатель Екатеринбургского регионального общества татарской и башкирской культуры имени Мажита Гафури, заслуженный работник культуры Республики Татарстан *С. Л. Надыров*); «Литература народов Урала в контексте проекта академического издания «История литературы Урала»» (докладчик — заведующая сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН доктор филологических наук, профессор *Е. К. Созина*)

С конца 1980-х гг. наблюдаются процесс возрождения этнического самосознания татарского народа. Усилиями Всемирного конгресса татар и благодаря поддержке государственных органов Республики Татарстан созданы и активно действуют в рамках институтов механизмы сохранения и развития этнической идентичности татар. Это система национальной гуманитарной науки, образования, профессиональной культуры (музеи, театры, художественные и музыкальные творческие коллективы), татарские СМИ, фольклорные мероприятия, конкурсы, выставки, турниры, народные и религиозные праздники (Сабантуй, Курбан-байрам, Ураза-байрам и др.). Однако наряду с этим имеются и проблемы, связанные с качеством и эффективностью деятельности институтов и механизмов сохранения идентичности татарского народа, их адекватностью требованиям современной жизни, а также с возникающими новыми негативными тенденциями в татарской среде.

О задачах научно-просветительской общественности в свете решений V съезда ВКТ говорили редактор газеты «Саф чишма», заслуженный работник культуры Республики Татарстан *Ф. А. Сафиуллина* и председатель Екатеринбургского регионального общества татарской и башкирской культуры имени Мажита Гафури, заслуженный работник культуры Республики Татарстан *С. Л. Надиров*.

«На V съезде ВКТ отмечалось, что татарский язык, оставаясь главным маркером этнической идентичности татар, в последнее время теряет свои позиции, особенно за пределами Республики Татарстан, — сказала *Ф. А. Сафиуллина*, — снижаются уровень владения, мотивация к его изучению, сокращаются сферы использования, в том числе в процессе повседневного общения населения на работе и в быту. Наблюдается слабость современных форм информационной поддержки татарской культуры, что уводит ее на информационную периферию». *Ф. А. Сафиуллина* рассказала о 10-летней истории возглавляемой ею газеты. В газете «Саф чишма» публикуются, статьи, освещающие «белые пятна» истории татарской литературы, литературные произведения современных авторов — Фавии Сафиуллиной, Яны Куанбековой, Руслана Нурмаметова, Рафаила Исхакова, Хафиза Галиева, Суфхата Надырова, Махмутьяна Тимергалиева, Мадины Даутовой, Шамси Шахмаева, Даниса Бадретдинова. В октябре 2012 г. редакция подготовила коллективный сборник «Саф чишма», в который вошли опубликованные на страницах газеты произведения.

Актуальность темы встречи за круглым столом взволнованно подчеркивал председатель общества имени Мажита Гафури *С. Л. Надиров*: «В этих условиях происходит разрушение, особенно среди молодежи, многовековых традиций языка и культуры татарского народа».

Место и роль современного книгоиздания во многом определяют решения состоявшегося в декабре 2012 г. V съезда Всемирного конгресса татар, делегатами которого утверждена Концепция сохранения этнической идентичности татарского народа. Прошлое татарской литературы еще не достаточно изучено. Об этом рассказала заведующая сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН доктор филологических наук, профессор *Е. К. Созина*. Авторским коллективом под ее руководством в 2005 г. подготовлен и издан план-проспект «Истории литературы Урала», который представляет проект исследования литературы Урала, включающий как русскоязычную литературу региона, так и литературы народов Урала и сопредельных территорий (Башкирии, Коми, Удмуртии). План-проспект нацелен на координацию научных сил для создания академической истории литературы края. Докладчик отметила, что история татарской литературы Урала очень богата и требует глубокого изучения, однако основная проблема — небольшое количество исследователей, уделяющих внимание этому вопросу. Поэтому она призвала собравшихся за круглым столом активно включиться в работу по написанию статей на данную тему, чтобы татарская литература Уральского региона была достойно представлена в данном издании наряду с русской литературой. Ведь, как известно, без прошлого нет будущего, в том числе и у татарской литературы.

По переписи населения 2002 г. в Свердловской области проживают 168,1 тыс. татар и 37,3 тыс. башкир, которые на 99,0 % и на 99,4 % соответственно владеют русским языком. Поэтому здесь для употребления привычнее термин «россияне тюркского происхождения».

Билингвальная коммуникация составляет основу диалога культур народов Среднего Урала. Если говорить о татарах, по мнению Р. Л. Исхакова, то русскоязычие характерно для поэта Равиля Бухараева (1951–2012). Сегодня на русском языке пишет немало авторов татарского происхождения в Сибири и на Урале: Николай Шамсутдинов (Тюмень), Рустам Валеев (Челябинск), Гани Зариф и Валерий Исхаков (Екатеринбург). Этногенетическая память прошлого, несмотря на русскоязычие, делают произведения этих авторов частью единого литературного татарского поля.

На это замечание, впрочем, выступающему возразили гости из Казани — профессор *Хатип Миннегулов* и заместитель председателя Союза писателей Татарстана *Данил Салихов*. По их мнению, к татарской литературе следует все-таки относить произведения, написанные именно на татарском языке. Впрочем, очевидно, что в свете данных переписи населения 2010 г. оба подхода сегодня имеют право на существование.

Какой будет судьба татарской литературы, покажет будущее. Заслушав и обсудив доклады, посвященные анализу исторического опыта, современной практики и перспектив развития книгоиздательской практики татарской литературы на Урале, участники круглого стола, имея в виду перспективы создания академической истории литературы Урала, приняли следующие рекомендации:

- согласиться с оценками состояния и перспектив развития национальной культуры и татарской литературы, данной V Съездом Всемирного конгресса татар (Казань, декабрь 2012 г.);
- создать временный творческий коллектив для внесения в план-проспект «Истории литературы Урала» изменений и дополнений по истории татарской литературы;
- пригласить к сотрудничеству специалистов по истории татарской литературы;
- рекомендовать конгрессу татар («Татары Урала») Свердловской области (М. Ф. Салихов) провести мероприятия по объединению самодеятельных авторов, пишущих на татарском языке;
- рекомендовать редакции газеты «Саф чишма» создать литературную страницу;
- конгрессу татар («Татары Урала») Свердловской области активнее использовать Джалилевские и Тукаевские чтения для пропаганды литературных традиций татарского народа среди школьников и молодежи Урала;
- Свердловской областной организации Союза журналистов России (Д. П. Полянин) организовать первичную организацию при Национальном медиахолдинге;
- журналу «Культура Урала» (В. Б. Сумкина) организовать «журнал в журнале» о культуре народов Среднего Урала, в том числе и татар;

- конгрессу татар («Татары Урала») Свердловской области совместно с писательскими организациями проводить областной семинар молодых авторов;
- просить писательские организации Свердловской области организовать постоянно действующие литературные семинары во главе с опытными и авторитетными авторами;
- педагогическим коллективам муниципальных образовательных учреждений (МОУ СОШ) рекомендовать выпускников для обучения на филологическом факультете, факультете журналистики УрФУ, на творческих факультетах высших учебных заведений Башкортостана и Татарстана;
- ученым советам департаментов ИГНИ УрФУ (Д. В. Бугров, В. А. Гудов, Б. Н. Лозовский) ввести в программы обучения студентов курсы истории татарской журналистики и литературы.

Р. Исхаков

РЕЦЕНЗИИ

Е. Е. Приказчикова

К ЮБИЛЕЮ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Рец. на книги: *Ларкович, Д. В.* Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания / Д. В. Ларкович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 344 с.; *Маслова, А. Г.* Поэтическое творчество Г. Р. Державина в контексте литературно-эстетических исканий конца XVIII — начала XIX века / А. Г. Маслова. — Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. — 295 с.

Появление монографий, посвященных творчеству Державина, — закономерное явление в развитии отечественного державиноведения накануне важных дат, связанных с памятью великого русского поэта XVIII в., — 270-летием со дня его рождения (2013) и 200-летием со дня смерти (2016). В данных работах, по сути дела, подводятся итоги изучения державинского наследия в XIX—XX вв. и намечаются перспективы державиноведия XXI столетия.

• Монографию Д. В. Ларковича с полным основанием можно назвать знаковой не только для отечественной филологии XXI в., но и для гуманитарных наук в целом. Это тот случай, когда комплексный подход, провозглашенный автором в качестве базовой основы исследования, является не просто данью моде, когда требуется объяснить присутствие в работе различных методов анализа текста. В данной работе комплексный подход является основой мировидения исследователя, который позволяет Ларковичу органично (но не эклектично!) объединить в работе различные элементы, составляющие специфику культурной парадигмы русского XVIII в.: авторскую поэтологию, философию, живопись, музыкальную культуру, драматический театр. И надо признать, что этот анализ проводится на очень высоком уровне — не только филологическом, но и философском, музыковедческом, искусствоведческом и культурологическом.

По сути, автору монографии на примере творчества Г. Р. Державина удается разработать механизм анализа феномена авторского сознания, тесно связанного с основной линией развития русской художественной культуры в последние десятилетия XVIII — первое десятилетие XIX в. При этом авторское сознание понимается не только в качестве имплицитной модели творческого инобытия автора, но как феномен авторефлексии, предполагающей способность художника не только к осознанию своей органической причастности к системе культурных ценностей, генерируемых его переходной эпохой. В гораздо большей степени данная авторефлексия находит свое выражение в способности художника заявить о своей оригинальности и самостоятельности по отношению к системе этих культурных ценностей.

Тип авторского сознания, присущий Державину, не был абсолютным исключением в ряду русских поэтов XVIII в. Его формирование во многом было обусловлено важнейшими чертами, определяющими развитие русской художественной культуры 2-й половины XVIII в. как таковой. Это, во-первых, необыкновенно интенсивный путь ее развития, изначально предполагающий столкновение на культурном поле эпохи самых различных художественных моделей бытия и жанровых форм, что не могло не приводить к полисемантизму культурного языка эпохи, к «культурной полифонии» по сравнению с 1-й половиной XVIII столетия. Во-вторых, отчетливо проявляемое стремление к синтезу, не только жанровому, способствующему выработке автором своей персональной жанровой стратегии, но и синтезу отдельных видов искусств, что, в свою очередь, находило отражение в специфике жанровой системы эпохи. Достаточно вспомнить жанр комической оперы, где музыкальная составляющая зачастую оказывалась не менее важной, чем словесно-драматическая.

Монография состоит из четырех глав: 1) «Авторская поэтология Г. Р. Державина и литературная традиция», 2) «Философские идеи Нового времени в мировоззренческом тезаурусе Г. Р. Державина», 3) «Феномен синтеза искусств в поэтической системе Г. Р. Державина», 4) «Автор и Герой в эстетическом поле державинской поэзии». Сама структура работы служит доказательством теоретического положения, выдвинутого автором во введении к монографии. Суть положения автор формулирует следующим образом: «...державинская поэтическая система формируется в тот момент, когда вся мировая художественная культура переживала кардинальную перестройку самих категориальных принципов творческого мышления» (с. 6). С точки зрения исторической поэтики данный период (рубеж XVIII—XIX вв.) был переходным от эпохи эйдетической поэтики к эпохе поэтики художественной модальности, что выразилось в утверждении «автономной личности, обладающей высокой степенью творческого самосознания и претендующей на подлинно субъектную позицию в мире» (с. 6).

Анализируя специфику индивидуального авторского сознания, Ларкович выходит на полномасштабный диалог русской и европейской культур, вводя в поле философских интересов Державина Вольтера и И. Канта, И. Г. Гердера, Б. Паскаля и Э. Сведенборга. При этом, как это часто бывало в XVIII в., русский автор не просто выступает в роли благодарного ученика европейских мэтров, но активно перерабатывает их философские доктрины, приспособлявая

их к русскому культурному контексту. Достаточно сравнить философию Ф. Бэкона и «Мысли мои» Державина.

В целом, изучение философских интересов Державина помогает лучше понять пафос его поэзии, тех направлений, следуя которым, русский поэт в своем творчестве начинает «перерастать» европейские философские первоисточники: будь то философский трактат И. Г. Гердера «Человек сотворен для ожидания бессмертия», «Рассуждения о науке, политике и морали Бэкона» в переложении Делейра, «Мысли» Б. Паскаля, религиозно-философская доктрина Э. Сведенборга, нашедшая отражение в работах «О небесах, о мире духов и об аде», «Новый Иерусалим и его Небесное учение».

В монографии впечатляет широта научного кругозора Ларковича, позволяющая ему одинаково уверенно чувствовать себя не только в сфере исследования жанрово-поэтической традиции XVIII столетия и проблем жанрового синтеза, но и при анализе феномена экфрасиса, специфики «слухового воображения» Державина, или специфики манифестации авторского сознания Державина-драматурга в третьей главе книги. Последняя проблема в контексте всего исследовательского проекта выглядит настолько концептуальной и целостной, что вполне может стать основой самостоятельного монографического исследования. Это происходит в силу важности заявленных в ней проблем, касающихся глобального переосмысления роли театра в культурной жизни общества и создания нового национального театра, образцы которого Державин предлагал в своем творчестве, включая «Добрыню», «Пожарского, или Освобождение Москвы», «Ирода и Мариамну», «Евпраксию», «Темного», «Рудокопов». Именно театр, по мнению Державина, представляет исключительную возможность синтетического единства средств различных видов искусства для максимально эффективного выражения художественной идеи.

К безусловным достоинствам монографического исследования можно отнести предельно скрупулезное отношение автора к текстологическому материалу. Это относится не только к извечной проблеме корректности цитирования первоисточников или критических работ, но и к стремлению активно привлекать к исследованию еще не введенный в активный научный оборот архивный материал Российской национальной библиотеки и Института русской литературы, что значительно обогатило наше представление о мировоззренческом тезаурусе поэта Державина.

Несмотря на сложность поднимаемых в монографии проблем, опоре на труды не только специалистов по литературе XVIII в. (Л. В. Пумпянского, Г. А. Гурковского, И. З. Сермана, В. А. Западава, Ю. В. Стенника, Н. Ю. Алексеевой), но и видных теоретиков литературы и поэтологов, включая А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, Л. Я. Гинзбург, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, Б. О. Кормана, С. С. Аверинцева, Н. Л. Лейдермана, С. Н. Бройтмана, Н. Д. Тамарченко, О. В. Зырянова, книга Ларковича написана очень понятным, хорошим литературным языком, на который как будто бы оказала влияние философия русского и европейского Просвещения.

Если говорить о квинтэссенции авторского научного стиля, касающегося анализа литературных источников, то наиболее ярким его выражением является

первая глава. Именно в этой главе справедливо декларируемая, доказываемая (!) автором базовая идея жанрового синтеза в творчестве Державина, служащая одним из способов формирования представлений о многообразном и противоречивом единстве форм бытия, не просто иллюстрируется подбором текстов, но вырастает как некий универсальный концепт даже не из диалога, а полилога различных жанровых моделей мира. И изображение авторской поэтологии Державина в процессе этого полилога показано Ларковичем на уровне филигранного текстологического анализа, который сам по себе уже опровергает позицию нигилистического отношения поэта к предшествующим ему литературным традициям.

Механизм анализа авторского сознания, в том виде, в каком он был представлен в монографии Ларковича, может быть использован при исследовании творчества многих русских поэтов XVIII в. — Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Н. А. Львова, М. М. Хераскова. Совершенно очевидно, что без учета музыкальной составляющей творчества двух первых авторов, их музыкально-поэтического наследия наше представление об их поэзии оказывается совсем неполным. Без знания философской составляющей творчества М. М. Хераскова трудно понять специфику его поэм, того же «Владимира Возрожденного», не говоря уже о его масонских романах «Кадм и Гармония», «Полидор, сын Кадма и Гармонии». В этом отношении книга Ларковича могла бы послужить отправной точкой для многих исследований подобного рода, посвященных синестетической образности русской художественной культуры рубежа эпох.

• Монография А. Г. Маслова фактически представляет собой попытку осмыслить творчество Державина не только в хронологических рамках указанной литературной эпохи (конца XVIII — начала XIX в.), но и гораздо более позднего времени, включая современность. Созданию такого впечатления способствует специфика композиции книги, состоящей из двух глав.

В первой главе («Современное державиноведение: основные достижения, тенденции и перспективы», с. 9—128) Маслова анализирует этапы развития преимущественно отечественного державиноведения начиная с работ Я. Бердника, А. Ф. Мерзлякова, П. А. Плетнева и завершая монографиями последних десяти лет, посвященными творчеству Державина, вроде работ С. А. Саловой «Анакреонтические мифы Г. Р. Державина» (Уфа, 2005) и Т. Е. Абрамзон «Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин» (Магнитогорск, 2006).

Маслова справедливо обращает внимание на тот факт, что в XX в. практически все крупные отечественные литературоведы (В. А. Западов, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов, Г. А. Гуковский, Л. В. Пумпянский, Д. Д. Благой, И. З. Серман, Г. П. Макогоненко, Л. И. Кулакова, Г. В. Москвичева, П. Н. Берков и др.) обращались к творчеству Державина.

Этот факт объясняется исследователем тем, что державинская традиция поэтического творчества была не менее важной для развития отечественной словесности, чем традиция пушкинская. При этом Маслова полностью солидаризируется с точкой зрения Г. Н. Ионина, полагавшего, что Пушкин и Державин — художники принципиально разного типа [Ионин, с. 46]. Ясности и гармонии

Пушкина Державин противопоставляет стилевую полифоничность. Поэтому возвращение поэтов различных поколений к Державину знаменует собой потребность обновления лирики: «отталкиваясь от пушкинской гармоничности, поэты возвращаются к правде, идя от литературности к безыскусственности» (с. 121).

Первая глава монографии наглядно демонстрирует продуктивность историко-функционального метода при изучении библиографии работ, посвященных творчеству поэта. Их анализ показывает, что каждая литературно-историческая эпоха открывала для себя «своего» Державина.

Зачастую эти точки зрения на поэта оказываются практически взаимоисключающими. «Певец Екатерины» при своей жизни, Державин стал «гением» и «исполином» в эпоху романтизма, несущим на себе, по мнению Н. Полевого, «все отпечатки русского характера» [Полевой, с. 179]. «Народность» и национальная самобытность державинского творчества, о которой много писал В. Г. Белинский, не помешала уже в 60-е гг. XIX в. превратить поэта в «махрового реакционера» (В. Западов) в работах Н. Г. Чернышевского, увидевшего в его поэзии отражение «прадедовских нравов» [Современник]. Данная точка зрения вновь нашла свое отражение в традиции социологического анализа первых послереволюционных десятилетий (Д. П. Мирский, И. А. Виноградов), с которой впоследствии будет бороться Г. А. Гуковский.

Серебряный век открыл для себя Державина-«модерниста», чье творчество было созвучно постсимволистской эпохе своим интересом к индивидуальности каждого человека. Еще более созвучным оказывается творчество Державина для литературоведения конца XX — начала XXI в. Помимо антропологической проблематики в изучении творчества поэта это относится к углубленному исследованию философского содержания поэзии Державина, его духовных од, вниманию к поэтической мифологии поэта.

Именно современная филологическая наука, по мнению Масловой, в полной мере выявила в русском литературном процессе «державинские традиции»: дисгармоничность, усложнение, установка на эксперимент, живописность и пластичность образов, стремление к синтезу искусств, языковые «неправильности», космогоничность и мифология творческого мышления» (с. 125).

Недочетом первой главы монографии можно назвать недостаток авторской научной рефлексии по поводу исследований, составляющих основу отечественного державиноведения, кроме, пожалуй, критики исследований советской поры за излишний социологизм подачи материала. Совершенно правильно выделяя основные направления анализа творчества Г. Р. Державина на протяжении XVIII—XX вв., Маслова не всегда акцентирует внимание на недостатках того или иного исследования, в результате чего общий анализ работ, составляющих ядро отечественного державиноведения, начинает носить в большей степени информативный характер. Особенно когда автор «представляет» читателю крупнейших исследователей творчества Державина XX в. — Д. Благого, Г. Макогоненко, Г. Гуковского, В. Западова. Не всегда объективно автор представляет вклад того или иного исследователя в разработку основных тем отечественного державиноведения. Так, очень скромно представлен вклад Т. Е. Абрамзон,

являющейся в настоящее время одним из главных разработчиков направления «поэтической мифологии» в русской литературе XVIII в. Называя и анализируя работы, в которых Державин и его творчество являются одной из многих заявленных тем, например монографию В. А. Лукина «Предромантизм», автор почему-то забывает упомянуть многие «знаковые» работы, посвященные творчеству поэта, с которых, собственно, начиналось изучение творчества Державина в данной проекции, например статью К. А. Афанасьевой «Державин и предромантизм» [см.: Афанасьева]. Практически совсем не упоминаются в книге работы современного талантливой исследователя творчества Державина — Д. В. Ларковича, рецензия на монографию которого была предложена выше.

Говоря о зарубежных исследователях творчества Державина, необходимо отметить, что Маслова в основном акцентирует внимание на творчестве тех зарубежных авторов, чьи работы были переведены на русский язык. Большинство работ этих авторов были включены в четвертый том «Норвичских симпозиумов по русской литературе и культуре» (Нортфилд, Вермонт, 1995). Однако автор монографии не назвала ни одной (!) работы, написанной иностранным ученым, которая не переведена на русский язык, но тем не менее отражает состояние зарубежного державиноведения. Можно назвать в этой связи статью Luba Golburt «Derzhavin's Monuments: Sculpture, Poetry, and the Materiality of History» (Toronto Slavic Quarterly, № 3, Summer 2005) и монографию Crone Anna Lisa «The Laring of Derzhavin: The Moral and Aesthetic independence of the Poet in Russia» (Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2001).

Название второй главы книги («Поэтическая картина мира Г. Р. Державина в контексте мировоззренческих представлений и эстетических систем эпохи конца XVIII — начала XIX века») нельзя признать абсолютно удачным, так как оно фактически дублирует общее название монографии, за исключением того, что вместо термина «поэтическое творчество» Маслова использует термин «поэтическая картина мира». Под данным термином исследователь понимает, ссылаясь на точку зрения С. Н. Ениколопова [см.: Ениколопов], систему представлений, состоящую из трех базовых компонентов: 1) пространственно-временные отношения, 2) человек и его место в мироздании, 3) предметы и явления окружающего мира. Ориентируясь на данную концепцию, Маслова выделяет следующие базовые проблемы, дающие, по ее мнению, целостное представление о поэтической картине мира Державина: «Система представлений о пространстве и времени в поэтической картине мира Г. Р. Державина», «Человек и его место в мироздании, одухотворенном Божественным присутствием», «Поэтическое восприятие окружающего мира». Каждая из данных подглав, в свою очередь, состоит из ряда параграфов, в которых автор рассматривает наиболее значимые, с точки зрения державинского мировидения, аспекты, связанные с моделированием поэтической картины мира.

Так, рубрика, посвященная хронотопу державинского творчества, состоит из параграфов, описывающих особенности пространственно-временной организации торжественных од Державина к царствующим монархам, трансформацию художественного хронотопа героико-патриотической оды, время как

объект поэтической рефлексии. Анализируя антропоцентризм державинского творчества, автор знакомит читателей с поэтическими размышлениями о земном человеческом бытии и создании поэтического автопортрета в жанре анакреонтической оды. Исследуя поэтическое восприятие Державиным окружающего мира, Маслова рассматривает образы птиц и времена года в его поэзии.

Создавая свою концепцию «поэтической картины мира» Державина, автор монографии в полной мере учитывает опыт литературоведческих исследований, в которых поднимались сходные проблемы. Это относится к работам Т. Е. Абрамзон, А. В. Азбукиной, А. В. Алексеевой, А. М. Зотова, Н. Д. Кочетковой, О. А. Крашенинниковой, С. А. Саловой, М. В. Чередниченко, И. Ю. Фоменко и др. В силу этого нельзя сказать, что темы, которые поднимает в своей монографии Маслова, являются абсолютно новаторскими в отечественном державиноведении, что, разумеется, не отменяет их актуальности. Хотя, безусловно, хотелось бы найти в монографии более определенный ответ, чем обусловлен авторский выбор именно данных аспектов державиноведения для монографического исследования. Особенно это касается проблемы изучения поэтического мира Державина, в котором орнитологическая тема хотя и является существенной, но далеко не основной.

Кроме того, нельзя сказать, что автору в полной мере удалось создать тот контекст литературно-эстетических исканий конца XVIII — начала XIX в., на фоне которых дается анализ поэтического творчества Державина. Абсолютное большинство параграфов второй части монографии представляет собой вполне монологическое рассмотрение творчества великого русского поэта, при котором литературный контекст поэзии М. Н. Муравьева, М. М. Хераскова, Н. М. Карамзина, В. В. Капниста, А. А. Ржевского, А. П. Сумарокова привлекается лишь по необходимости и достаточно скромно.

Безусловной авторской удачей при написании данной книги надо признать умение Масловой выразить о б щ и й п о л ф о н и з м державинского творчества. Именно этот аспект, независимо от специфики историко-функционального подхода к изучению поэтического наследия Державина, не позволял на протяжении почти 200 лет исследований дать однозначные оценки творчеству поэта, будь то жанровая природа «смешанных» од, принадлежность Державина к тому или иному литературному направлению или магистральные темы его поэзии. В результате выводы, к которым приходит автор книги, в полной мере отражают сложность и многогранность державинского творчества, не укладывающегося в рамки своего столетия, но дающего импульсы для дальнейшего развития русской поэзии на протяжении XIX—XX вв.

Например, для пространственно-временной картины мира высокой оды у Державина характерно введение в одическое пространство фигуры автора, чье «субъективное время начинает вторгаться в до этого неизменную картину вечно настоящего, однородно текущего "золотого века"» (с. 139). В результате мифологема «золотого века» «теряет пространственно-временную закреплённость "здесь и сейчас", обретает черты сказочного пространства, недостижимого в реальности и возможного лишь в воображении» (с. 260). Мы бы назвали данный аспект одического хронотопа утопическим.

Рассматривая время как объект поэтической рефлексии, Маслова справедливо отмечает присутствие в поэзии Державина различных мировоззренческих концепций, касающихся переживания темпоральной парадигмы эпохи Просвещения. Они варьируются от эсхатологической темы времени как «реки времен», поглощающей все человеческие достижения в бездне забвения, до двухпланового толкования бессмертия в онтологическом (бессмертие в вечности) и антропологическом (бессмертие на земле, в памяти потомков) планах.

Самостоятельную ценность представляет анализ орнитологических образов. Именно этот параграф книги ярче всего иллюстрирует принцип полифонизма в поэзии Державина, когда данные образы можно рассмотреть и через аллегорическую традицию эпохи, и через призму поэтической мифологии XVIII в., увидеть в орнитологических образах (ласточки, снегиря, синички) отображение реальной красоты русской природы. Это позволяет Масловой сделать вывод, что в поэзии Державина происходит преодоление условных пейзажных зарисовок, присущих классицизму, а орнитологические образы оказываются способны «передавать самые различные смыслы и настроения: от чувства величия и восторга до иронии и сатиры» (с. 240).

В параграфе, посвященном временам года, автор монографии отмечает склонность Державина к разрушению стройного мира классицистической оды, когда в противовес ее обычному весенне-летнему хроносу Державин одним из первых русских поэтов делает попытку вписать зиму «в комплекс концептов, составляющих основу русского национального характера и русского образа жизни» (с. 249). Достаточно вспомнить «Желание зимы» (1787) или «Тончию» (1801).

В целом, несмотря на высказанные в рецензии замечания в адрес книги Масловой и наличие в ней досадных фактических ошибок (по крайней мере, в двух местах — на с. 190 и 229 — Гораций называется древнегреческим (?) автором), надо признать, что ее появление — закономерный шаг в развитии отечественного державиноведения, намечающий дальнейшие перспективы изучения творчества великого русского поэта XVIII столетия.

Афанасьева К. А. Державин и предромантизм // Филол. науки. 1994. № 3. С. 88–98. [Afanas'eva K. A. Derzhavin i predromantizm // Filol. nauki. 1994. N 3. S. 88–98.]

Ениколопов С. Н. Три образующие картины мира // Модели мира. М., 1997. С. 25–40. [Enikolopov S. N. Tri obrazuyuschie kartiny mira // Modeli mira. M., 1997. S. 25–40.]

Ионин Г. Р. Державин-лирик // Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 2002. С. 5–48. [Ionin G. R. Derzhavin-lirik // Derzhavin G. R. Sochineniya. SPb., 2002. S. 5–48.]

Полевой Н. А. Сочинения Державина // Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика : статьи, рецензии, 1825–1942. Л., 1990. С. 136–194. [Polevoj N. A. Sochineniya Derzhavina // Polevoj N. A., Polevoj Ks. A. Literaturnaya kritika : stat'i, retsenzii, 1825–1942. L., 1990. S. 136–194.]

Современник. 1860. № 7, 8. [Sovremennik. 1860. N 7, 8.]

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 8. М., 1950. [Chernyshevskij N. G. Polnoje sobranije sochinenij : v 16 t. T. 8. M., 1950.]

Рецензия поступила в редакцию 25.01.2013 г.

А. Э. Бедель

ГРАНИЦЫ БЕЗОПАСНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАНИЦ

Рец. на кн.: *Кокшаров, В. А. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию* / В. А. Кокшаров, Е. В. Тиханова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 259 с.

В монографии активно используется недостаточно развитый в российской исторической науке политико-географический подход к изучению обозначенных проблем, что позволяет увидеть тесную взаимосвязь истории границы с территориальной структурой хозяйства и социальной географией страны.

Концептуально книга сконцентрирована на следующих вопросах:

— Как формировалась и эволюционировала российско-казахстанская граница с 1917 г. до наших дней?

— Какие подходы и противоречия заложены в основу этого многомерного экономико-географического и культурного феномена, определяемого авторами как *Russian Southeast Borderland* (юго-восточное пограничье России)?

— Насколько эти «подходы и противоречия» определяют логику современных трансграничных взаимодействий?

С первых страниц книги авторы утверждают, что рассматриваемые проблемы имеют прямое отношение к исторической мотивации в условиях формирования на постсоветском пространстве интеграционных объединений, прежде всего Единого экономического пространства. Иными словами, рецензируемое издание — это попытка удовлетворить политическую потребность в исторической идеологии интеграционного процесса с упором на его экономико-географические детерминанты. В ходе исследования много внимания уделяется важной проблеме региональной (местной) активности в приграничных вопросах — дискуссиям, спорам, переговорам.

Для авторов не вызывает сомнений, что национально-государственная политика РСФСР привела к появлению рубежей самоопределившихся национальностей и оказала решающее влияние на этнополитическую и территориальную историю России и Казахстана.

С одной стороны, история возникновения российско-казахстанской границы после 1917 г. соотносится со стратегией большевистского руководства по «собиранию земель» бывшей империи, усмирению стихии национализма и сепаратизма на азиатских окраинах и постановке территориальных «перекроек» под контроль центральной власти. В этой же логике рассматривается и административно-территориальное размежевание Средней Азии 1924 г., позволившее взять под контроль местные национальные движения.

С другой, внимание читателя концентрируется на том, что главные вопросы истории границы связаны с разработкой территориальной реформы Советского государства на основе экономического районирования. Реализация этой реформы в 1920-е гг., необходимость которой назрела уже в конце XIX — начале

XX в., была начата на Урале и обнажила мощный конфликтный потенциал между этнонациональными и экономическими принципами формирования границ Уральского и Казахского регионов. К концу 1930-х гг. конфликтность была преодолена путем кардинального изменения логики территориальной реорганизации страны — создания жестко централизованной системы управления для экономических целей форсированной индустриализации народного хозяйства. Разногласия, таким образом, были переведены в плоскость межрегионального взаимодействия.

Основное содержание книги — это достаточно подробное изложение исторических событий, связанных с разработкой и практической реализацией экономического районирования и административно-территориальных разграничений регионов Южного Урала и Западной Сибири с Казахской автономией в период 1917—1936 гг. Авторы не обходят практически ни один из эпизодов, посвященных спорам и дискуссиям по поводу состава границы. В отличие от западных исследователей, они считают, что истоки постсоветских приграничных конфликтов 1990-х гг. следует искать в событиях экономической истории, которые обеспечили появление единого народнохозяйственного комплекса СССР и условных «ненациональных» границ между союзными республиками.

Завершает книгу раздел, посвященный постсоветскому периоду пограничья, и прежде всего этапам налаживания активного трансграничного взаимодействия. Авторы касаются споров, которые «взорвали» юго-восточную границу после распада союзного пространства в 1991 г., показывая, что причиной «эскалации межгосударственной напряженности» являлось получение административного доступа к сырьевым и производственным ресурсам приграничных районов. Далее авторы выделяют этап стабилизации трансграничных связей России и Казахстана, направленный на обсуждение форм интеграции на различных уровнях, который завершился в 2000 г. договором об ЕвразЭС. Дальнейшие российско-казахстанские взаимодействия рассматриваются в логике углубления транспортного, производственного, торгово-экономического приграничного сотрудничества, в первую очередь на межрегиональном уровне. Авторы подводят читателя к тому, что осознанная странами и регионами необходимость преодоления барьеров и создания единого экономического пространства с общим рынком товаров, услуг, труда и капитала может эффективно реализоваться только путем концентрации усилий на глубоком анализе интеграционных задач и согласовании экономических условий сотрудничества.

Кроме несомненной геополитической ценности данной книги, которая предлагает удовлетворительное обоснование обусловленности Евразийского экономического пространства и освещает историю российско-казахстанской границы под экономическим углом зрения, нужно отметить также, что авторы задействовали обширный фактический материал, используя максимально доступные источники на русском и европейском языках. Достаточно сложные и «сухие» административно-территориальные данные изложены легко и доступно. Авторам удалось сделать книгу яркой и оригинальной во многом благодаря использованию редких картографических материалов и не использованных ранее архивных данных. При этом авторы не навязывают свою концепцию, а логически

подводят к ней. В этом несомненная ценность рецензируемой книги, которую мы охотно рекомендуем всем, кому интересна не только история Казахстана, России, но и Евразии в целом.

Рецензия поступила в редакцию 20.04.2013 г.

**К. Д. Бугров
М. А. Киселев
С. В. Соколов**

НОРМАТИВНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVII – 1-й половины XIX в.*

Рец. на кн.: Соколова, Е. С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, купечество, духовенство) / Е. С. Соколова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. академии, 2011. – 344 с.

«Во второй половине XVIII в. в социально-экономической жизни России наблюдаются весьма существенные изменения, определявшие в конечном счете формирование основных направлений политической и правовой мысли. <...> Важное значение приобретает промышленность в форме мануфактуры». Именно такими словами начиналась изданная в 1984 г. работа П. С. Грацианского «Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в.» [Грацианский, с. 3]. Таким образом, еще совсем недавно исследование политической и правовой мысли, в том числе и сословной проблематики, было немислимо без изучения системы социально-экономических отношений.

За последние десятилетия ситуация в изучении истории сословий в России кардинально поменялась: экономический базис уже не является ключевым параметром в исследованиях по сословной истории.

Как показывает рецензируемая работа Е. С. Соколовой, институт сословных прав в России Нового времени можно изучать без какого-либо обращения к экономическим процессам. Данная монография охватывает обширный временной промежуток – от Соборного уложения 1649 г. до кодификации законодательства 30-х гг. XIX в. Это концептуальная работа, предлагающая целостный взгляд на развитие института сословных прав в Российском государстве на примере привилегированных и полупривилегированных сословий. Автор исхо-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0691 «Права, обязанности и статус дворянства в государственной политике, социальных представлениях и концепциях историко-политической мысли России XVIII в.».

дит из принципа самоценности законодательной системы как объекта исследования, и в работе не рассматриваются проблемы правоприменения.

В то же время это и не история идеологий, правовой мысли или представлений о праве. Автор фокусирует внимание на системе сословных прав, выраженной в законодательстве. Е. С. Соколова использует «нормативно-юридический подход», методологическое значение которого определяется тем, что «с его помощью можно выявить степень логической упорядоченности и формальной опосредованности важнейших законодательных инициатив власти в сфере конструирования идеальной модели социума» (с. 13). Вместе с тем автор декларирует понимание особенностей использования нормативного подхода. «Общеизвестно, что “дух и буква” закона, — пишет Е. С. Соколова, — не всегда полностью соответствуют реальному социокультурному контексту, в рамках которого создается нормативный акт: законодатель нередко моделирует не столько сущее, сколько должное» (с. 13). Хотя идея сама по себе не нова, сам факт ее возрождения и реализации в научных исследованиях важен и может служить прологом к плодотворной научной дискуссии.

Соответственно и структура работы задается *н о р м а т и в н о - ю р и д и ч е с к и м* подходом. В гл. 1 ставятся ключевые проблемы, детализируется методология исследования, а также даются характеристика источников и краткий историографический обзор; гл. 2 посвящена реконструкции теоретической модели — «сословной парадигмы» российского абсолютизма и концепции «законной монархии»; гл. 3 посвящена непосредственно правовому статусу российского дворянства, а последняя глава — положению «полупривилегированных» сословий, купечества и духовенства.

Логика работы следует от изучения теоретической модели — «законной монархии» и ее составной части, «сословной парадигмы», — к анализу ее практической реализации, законодательному закреплению прав сословий.

Вектор развития политико-правовой формы Российского государства, по Соколовой, вполне укладывается в представления советской исторической науки о движении от сословно-представительной монархии к абсолютизму. При этом законченной политико-правовой формой абсолютной монархии для Соколовой является «з а к о н н а я м о н а р х и я», где закон играет роль инструмента управления в руках монарха-демиурга, который ничем не ограничен в его использовании. Абсолютизм начал складываться при Петре I; в Екатерининскую же эпоху «принцип законности» приобрел «значение ведущего фактора укрепления социального авторитета монарха, полностью свободного от любых форм контроля со стороны сословий» (с. 102).

Интересен структурирующий подход автора к теоретико-правовому оформлению абсолютизма: абсолютная монархия имела собственную теоретическую доктрину — доктрину «законной монархии», в рамках которой было отведено место и для сословной «парадигмы». По мнению Е. С. Соколовой, «впервые идея законности в западноевропейском варианте получила теоретическое обоснование при Петре I под влиянием правоведческого тезиса эпохи Просвещения о том, что суверенитет власти может быть обеспечен только в рамках подзаконного управления» (с. 95).

Разработчиком этого «теоретического обоснования» выступил при Петре I Феофан Прокопович в трактате «Правда воли монаршей», где обосновались притязания «монарха на совмещение всех прав верховной власти в одном лице» (с. 96), а также «необходимость сохранения сословного строя» (с. 126). По заданию Петра I именно Прокопович выступил творцом как доктрины «законной монархии» вообще, так и ее конкретного аспекта — с о с л о в н о й п а р а д и г м ы. Деятельность Прокоповича была продолжена (и, в определенной степени, завершена) Екатериной II и М. М. Сперанским: «Теоретическая модель сословной парадигмы, разработанная Феофаном Прокоповичем и нашедшая завершение в политико-правовых сочинениях Екатерины II и в трудах Сперанского, была реализована в ходе кодификации законодательства первой трети XIX в.» (с. 334).

Реализуя «сословную парадигму» доктрины «законной монархии» и упорядочивая социальные границы, абсолютная монархия стремилась к созданию относительно подвижной сословной структуры, гарантирующей расширение социальной базы самодержавия. По мнению автора, «юридическое неравенство подданных российского императора тщательно охранялось законодателем с целью сохранения социальной опоры неограниченной монархии».

Подытоживая, автор выделяет три этапа становления сословной концепции «законной монархии»: начало юридического формирования сословий (40-е гг. XVII — первая четверть XVIII в.), оформление института условных привилегий имущественного и личного характера (2-я пол. 20-х гг. XVIII — начало 90-х гг. XIX в.), наконец, завершение разработки единого механизма правового регулирования, направленного на создание устойчивого взаимодействия между верховной властью и подданными (конец 90-х гг. XVIII — середина XIX в.). Важнейшим итогом этого процесса являлась бюрократизация дворянства (с. 333).

Таким образом, перед читателем предстает крайне упорядоченный процесс правового строительства, и именно эта чрезмерная упорядоченность, по нашему мнению, является наиболее спорной в работе Соколовой. Прежде всего это касается концепции существования единой (и при этом сложносоставной, включавшей несколько «парадигм») политической доктрины российской монархии на протяжении XVIII—XIX вв. Создателями доктрины выступают Феофан Прокопович, Екатерина II и М. М. Сперанский. Возникает вопрос: можно ли проследить связь между столь разными мыслителями, даже если допустить, что все они действительно обращались к одной и той же проблематике? Да и можно ли говорить о наличии целостной, последовательной и непротиворечивой политической доктрины у государства данного исторического времени? Ведь трактат Прокоповича был посвящен главным образом проблеме престолонаследия и не преследовал цели создания цельной «доктрины» петровского самодержавия, не говоря уже об обосновании сословной стратификации.

Такая упорядоченность, непротиворечивость, предсказуемость и заданность процесса проявляются в исследовании на уровне научно-понятийного аппарата. Так, Соколова часто пользуется понятием «законодатель», которое является важной частью юридического научного инструментария. Законодателю присущ исключительный рационализм, он обладает планом и стремится к определенной

цели — закреплению правового статуса отдельных слоев населения Российской империи. В преследовании этой цели законодатель независим и игнорирует какие бы то ни было устремления элит. Безусловно, существование у отдельных государственных деятелей XVIII в. планов политических и социальных преобразований не вызывает сомнений, более того, можно допустить и существование общих представлений, которые могли оказывать влияние на такие планы (например, представления о «законе» и «совете» [см.: Бугров, Киселев]).

В то же время возможность их сведения в целостную, непротиворечивую доктрину также является крайне дискуссионной и требует весьма детального обоснования. К сожалению, в работе такое обоснование отсутствует. Например, параграф «Сословная парадигма российского абсолютизма XVIII — первой трети XIX в.» на деле оказывается посвящен тщательному разбору политико-правовой концепции М. М. Сперанского, тогда как авторам XVIII в. практически не уделяется места. При этом выбор Сперанского в качестве глашатая «сословной парадигмы» оказывается спорным, так как его главный проект «Введение к уложению государственных законов» так никогда и не был реализован, а сам Сперанский вскоре после его написания был отправлен в ссылку. В то же время «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина (который обладал при дворе Александра I значительным влиянием) вовсе проигнорирована, несмотря на то, что «Записка» напрямую затрагивает проблематику сословных прав дворянства.

В итоге в работе Е. С. Соколовой Россия Нового времени предстает как формально упорядоченный универсум, ведомый волей «законодателя» к «общему благу», где представителям дворянского сословия, в том числе и занимавшим ключевые государственные посты и причастным к определению государственной политики, оставалось лишь выражать свои «чаяния».

Следует отметить, что такой генерализирующий и «доктринизирующий» подход присущ в современной историографии не только Е. С. Соколовой. Так, в 2011 г. Е. Н. Марасинова представила свою реконструкцию «имперской доктрины российского самодержавия в XVIII в.» [см.: Марасинова]. Собственно, авторы рецензии не намерены ставить под вопрос возможность таких генерализаций. Скорее, проблема заключается в том, как реконструировать целостности, доказывать их (не)прерывность, а также соотносить с действиями акторов. Традиционно это делается с помощью неких «мифических персонификаций», когда «слова, обозначающие институты и коллективы, — Государство, Буржуазия, Патронат, Церковь» и т. д. конституируются «в исторические субъекты, способные формулировать и реализовывать собственные цели» [Бурдые, с. 122]. В случае таких «персонификаций» всегда существует опасность навязать действующим субъектам внешне заданную логику обобщения. При таком подходе зависимость от Государства ничем не лучше зависимости от Мануфактуры.

Более сложный путь предполагает понимание политических, правовых и иных текстов не как манифестации некоей коллективной сущности (государства, дворянства и т. д.), а как действия определенных акторов. Исходя из этого строятся стратегии исследования, включающие контекстуализацию действий, в том числе и речевых актов (актов мысли), выявления их прагматической

цели, реконструкцию интеллектуального инструментария (идей, представлений, понятий) таких действий. Конечно, в этом случае едва ли удастся полностью избежать упрощений при обобщении, подчас это неизбежно. Тем не менее это позволяет уйти от чрезмерной заданности исторического процесса и лучше понять, как люди сами творят свою историю.

Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. 33. М., 2010. С. 110–139. [Bugrov K. D., Kiselev M. A. «Zakon» i «Sovet»: Kontseptual'noe pole proektov politicheskikh reform rossijskoj byurokraticheskoi elity (rubezh 50–60-kh gg. XVIII v.) // Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noj istorii. 33. M., 2010. S. 110–139.]

Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005. 288 с. [Gratsianskij P. S. Politicheskaya i pravovaya mysl' Rossii vtoroj poloviny XVIII v. M., 1984. 253 s.]

Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. 253 с. [Gratsianskij P. S. Politicheskaya i pravovaya mysl' Rossii vtoroj poloviny XVIII v. M., 1984. 253 s.]

Марасинова Е. Н. Имперская доктрина российского самодержавия в XVIII веке // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 657–744. [Marasinoва E. N. Imperskaya doktrina rossijskogo samoderzhaviya v XVIII veke // Rossijskaya imperiya: ot istokov do nachala XIX veka. Oчерki sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi istorii. M., 2011. S. 657–744.]

Рецензия поступила в редакцию 20.05.2013 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАБОТА ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д. 212.285.22 В 2012 г.

Диссертационный совет по филологическим наукам Д. 212.285.22 при Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина принимает к защите диссертации по специальностям 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература)» и 10.02.19 «Теория языка».

В 2012 г. на заседаниях совета были рассмотрены восемь кандидатских диссертаций. Из них пять по специальности «Литература народов стран зарубежья» и три по специальности «Теория языка».

Работы по специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»

- В кандидатской диссертации **Ольги Харитоновны Васевой** «**Романы У. М. Теккеря “История Генри Эмонда” и “Виргинцы”: особенности функционирования межкультурной коммуникации**» (науч. руководитель — канд. филол. наук, проф. С. Н. Кожевникова, Магнитогорск) разработана новая идея изучения романного творчества У. Теккеря, основанная на определении особенностей функционирования межкультурной коммуникации в его произведениях. Анализ романов «История Генри Эмонда» и «Виргинцы» осуществляется на междисциплинарном уровне, с учетом философских, культурологических и лингвистических методов исследования.

Автором предложена оригинальная научная гипотеза о возможности рассмотрения межкультурной коммуникации как художественного приема и художественной проблемы. Подобный подход к изучению литературного произведения способствует преодолению инерционности традиционного историко-литературного мышления. Доказана перспективность использования описанного выше подхода, позволяющая «вписывать» художественные тексты в культурную среду эпохи и обнаруживать в них скрытые коды.

В диссертации показано наличие в романах У. Теккеря трех коммуникативных кодов («Честь», «Истина», «Любовь»), что позволяет установить связь, идущую от автора через произведение к читателю, и по-новому раскрыть идейную проблематику романов. Кроме того, в текст диссертационного сочинения введены

такие продуктивные применительно к анализу поздних произведений У. Теккерея понятия, как «культурный шок», «обрыв коммуникации», «коммуникативный код», «коммуникативный шум», «национальная идентичность», «сепарация», «ассимиляция», «интеграция». Внимание к особенностям их функционирования в ткани художественного повествования значительно расширяет читательское восприятие произведений У. Теккерея.

• Кандидатская диссертация *Светланы Сергеевны Фалалеевой* «**Антропологические основы творчества О. Хаксли: миметический аспект**» (науч. руководитель — докт. филол. наук, проф. В. С. Рабинович, Екатеринбург) посвящена общей концепции творчества О. Хаксли, основанной на выделении миметических уровней в произведениях данного писателя и определении их специфики с учетом общей установки автора на рационализацию телесного. Автор работы предлагает нетрадиционный подход к рассмотрению антропологической проблематики творчества О. Хаксли в контексте репрезентативного (связанного с авторской идеей рационализации) и нерепрезентативного (связанного с миметической конструкцией произведения) аспектов.

В диссертации отмечено наличие двух родов зависимостей, формирующих художественный облик произведений О. Хаксли: обусловленность структуры текстов авторскими интенциями познания и «исправления» внетекстовой реальности, а также детерминированность миметической конструкции произведений телесными переживаниями автора, среди которых ключевую роль играют несформированность авторского образа тела, полуслепота автора, его компенсаторные визуальные практики.

При анализе конкретных романов Хаксли С. С. Фалалеева активно опирается на такие понятия, как «ситуация эксперимента», «герой-экспериментатор», «герой-спикер», «дискурсивность повествования». Доказательный анализ творчества О. Хаксли заставляет по-иному (полемично по отношению к устоявшемуся в зарубежном и отечественном литературоведении взгляду на Хаксли исключительно как на писателя-рационалиста) интерпретировать авторское понимание человека и структурную организацию текстов английского художника. Выявленный иррациональный фундамент его творчества существенно обогащает и уточняет представление о Хаксли — художнике и мыслителе.

Исследование, проведенное диссертанткой, расширяет границы современных филологических представлений об антропологии литературного произведения, обогащает традицию изучения литературы в русле современных миметических концепций, увеличивает диапазон приложения теории аналитической антропологии литературы к художественному материалу.

• Кандидатская диссертация *Влады Сергеевны Дарененковой* «**Символика цвета в “Маленькой черной книге рассказов” А. С. Байетт**» (науч. руководитель — докт. филол. наук, проф. Н. С. Бочкарева, Пермь) представляет собой системное прочтение последнего на сегодняшний день сборника рассказов современной британской писательницы А. С. Байетт «Маленькая черная книга рассказов» сквозь призму эксплицитного и имплицитного присутствия в нем цвета, его символики и связанных с ним мотивов и образов.

В работе находят свое подтверждение начальные гипотезы о том, что ориентация на древнюю триаду «белый — красный — черный» определяет эволюцию поздней новеллистики Байетт через смену цветовой парадигмы от красного и белого в сборнике «Элементалы: история огня и льда» к черному и его трансформации

в сборнике «Маленькая черная книга рассказов», что колористическая символика А. Байетт как часть ее поэтики представляет собой динамический компонент эстетической системы писательницы, отражающей авторское своеобразие, культурную традицию и современный литературный процесс.

Предложен ряд оригинальных идей по анализу и интерпретации цвета в литературе на разных уровнях художественного целого — уровня героя, конфликта, сюжета, хронотопа, композиции и стиля.

Разработана и апробирована комплексная методика изучения символики цвета, соединяющая приемы историко-поэтологического, мифопоэтического и интермедиального анализов литературного произведения. Исследование колористики в аспекте мифопоэтики дает ключ к пониманию образной системы писательницы и способов ее передачи в переводах на другие языки.

• Кандидатская диссертация *Алексея Владимировича Бороненко «Специфика юмора в ирландской литературе 30–40-х годов XX века»*, (науч. руководитель — канд. филол. наук, доц. Л. А. Назарова, Екатеринбург) предлагает важную для истории зарубежной литературы концепцию ирландского литературного юмора применительно к национальной романистике 1930–1940-х гг. — периода, когда происходит интенсивное пробуждение ирландского менталитета. Важнейшим результатом проведенного исследования становится доказанность идеи о возможности рассмотрения ирландского литературного юмора в качестве маркера ирландской идентичности в силу его особой востребованности в романах ведущих ирландских писателей XX в. Сэмюэля Беккета и Флэнна О’Брайена, созданных в один из переломных моментов истории ирландского общества. Сопоставление раннего творчества С. Беккета с творчеством Ф. О’Брайена позволяет предложить новую, оригинальную трактовку писательской деятельности первого из указанных авторов, а также уточнить проблему «ирландскости», специфику комического у знаменитого модерниста и в конечном итоге убедительно показать его связь с ирландской традицией.

В ходе работы ее автором активно используются такие актуальные и перспективные для изучения комического категории, как «фантастический юмор», «макабрический юмор», «гротескный юмор». Данные термины вводятся и уточняются применительно к изучению форм и функций комического в ирландской литературе.

Предложенная автором модель анализа ирландского национального юмора может быть использована и применительно к прочим произведениям и эпохам других национальных литератур.

Теоретические обобщения и выводы базируются на обобщении и расширении отечественного и зарубежного научного опыта, связанного с изучением юмора, комического и смеха, ирландской национальной идентичности и менталитета. Использование традиционных методов литературоведения в сочетании с достижениями психологии, философии, антропологии и других гуманитарных наук позволяет дать объективную и всестороннюю оценку изучаемого явления.

• В кандидатской диссертации *Елены Геннадиевны Сатюковой «Феномен “английскость” в творчестве Г. Свифта»*, (науч. руководитель — докт. филол. наук, проф. М. Г. Меркулова, Астрахань) последовательно и всесторонне рассмотрена концепция английскости как квинтэссенции национальной идентичности в литературных произведениях современного британского писателя Г. Свифта. Описывая особенности ее проявления в современном мультикультурном контексте, автор предлагает рассматривать данную категорию не только как культурологическую, но и

как собственно литературоведческую, исследуемую в аспекте феноменальности (типичности и исключительности одновременно).

Анализ произведений Г. Свифта осуществляется в историческом и географическом аспектах, а также в аспекте «структур повседневности», включающих интерьер, архитектуру, моду. Исследование малой прозы британского писателя ведется с точки зрения диалектического совмещения категорий «свое» и «чужое», разрешения философских проблем свободы, толерантности, вины, одиночества.

Теоретическая значимость проведенного исследования обоснована тем, что в ходе анализа автор исследования (на примере наиболее показательных произведений Г. Свифта) обогащает представление о системном подходе к исследованию английскости, результативно, применительно к проблематике диссертации, интегрируя типологический и культурно-исторический методы с методом концептуального анализа. Осуществленный комплексный разбор такой важной художественной проблемы, как «английскость», вносит определенный вклад и в развитие теории концептосферы.

Работы по специальности 10.02.19 «Теория языка»

- В кандидатской диссертации **Юрия Сергеевича Костылева «Лексические средства создания образа врага (на примере текстов советской массовой печати 1919–1953 гг., освещающих локальные и региональные конфликты)»** (науч. руководитель — докт. филол. наук, проф. М. Э. Рут, Екатеринбург) разработана важная для политической лингвистики концепция значимости особенностей номинации и характеристики врагов в текстах официальной массовой печати для манипуляции общественным сознанием, предложен алгоритм описания лексических средств создания образа врага в советской прессе как образце идеологически ориентированных массмедиа, убедительно и ярко доказано, что в официальной печати наличествуют элементы целенаправленного административного вмешательства в систему языка.

В научный оборот введен значительный массив документов, содержащих новые сведения по истории отечественной политической коммуникации, ее исторической динамике и зависимости от изменений в политической теории и практике. Автором исследования выявлены механизмы коммуникативной манипуляции, при помощи которых советские пропагандисты стремились представить межгосударственные конфликты как классовые столкновения, спровоцированные уголовными преступниками, а также политические факторы, предопределяющие изменения в обозначении военных столкновений и их участников, и обусловленная ими динамика лексических номинаций.

Основные научные результаты, полученные Ю. С. Костылевым, основаны на использовании оригинальной методики описания динамики номинации в исследуемой сфере. Впервые максимально детально рассмотрены лексические средства создания образа врага в текстах, освещающих локальные и региональные вооруженные конфликты, изложены основные подходы и принципы формирования образов различных врагов. Установлено, что ключевые понятия и лексические средства, связанные с ними в советской массовой печати, представляются устойчивыми и присущими разным историческим эпизодам, однако в наборе лексических средств на протяжении периода, рассматриваемого в диссертации, прослеживается определенная эволюция, а сами принципы могут корректироваться в зависимости от конкретной обстановки.

• Кандидатская диссертация *Марии Нуриахметовны Гафуровой* «**Номинативная личность как реализация языковой личности (опыт экспериментального исследования)**» (науч. руководитель — докт. филол. наук, проф. М. Э. Рут, Екатеринбург) вводит в научный оборот категорию «номинативная личность» как один из аспектуальных форматов языковой личности. В тексте диссертационного исследования разработана методика анализа экспериментального номинативного материала и принципы типологизации номинативной личности, предложена оригинальная экспериментальная методика для диагностики личности, позволяющая получить достоверный материал для выявления особенностей сознания номинатора. По ряду как лингвистических, так и экстралингвистических параметров построена типология номинативных личностей, даны портретные характеристики нескольких номинативных личностей, показывающие возможности продуктивного использования выявленных параметров и позволяющие сделать вывод об их системной взаимосвязи. Доказана возможность номинативной диагностики языковой личности с помощью ономаσιологического эксперимента, а также параметризации и структурного моделирования.

Предложен новый подход к анализу субъекта, проявляющего себя в лингвистической деятельности, в соответствии с которым введено и разработано понятие номинативной личности. На основе анализа факторов, обуславливающих номинацию и определяющих позицию субъекта, выделены элементарные классификационные номинативные типы обоих уровней предложенной модельной структуры номинативной личности; установлен доминантный характер параметров, проявляющих особенности восприятия и мышления при характеристике номинативной личности; определена значимость когнитивной стратегии и прагматической установки для представления языковой личности, реализующей себя в номинации, в частности для применения моделирования и классификации в отношении данного научного концепта.

• Кандидатская диссертация *Татьяны Вячеславовны Таратыновой* «**Метафорическое моделирование российских и американских президентских выборов в немецких СМИ (2008 г.)**» (науч. руководитель — докт. филол. наук, проф. А. П. Чудинов, Екатеринбург) реализует научную идею, в соответствии с которой доказано: сравнение того, как политические события в двух различных государствах моделируются в СМИ третьей страны, позволяет точнее разграничить факторы, связанные с языком, и факторы, определяемые политической ситуацией.

Предложенные методики исследования метафорических моделей, представляющих политические кампании в США и России, на основе анализа политического дискурса «третьей» страны (Германии) доказали в работе свою эффективность. Они подтвердили вывод о значительном расширении воздействия на метафорическое моделирование таких факторов, как язык публикации, национальная культура страны, где создается текст, и политические ситуации в странах, о которых говорится в тексте. Реализуемые в работе методики сопоставления доминантных и национально специфичных метафорических моделей позволили получить новые данные о восприятии США и России в немецкой национальной массмедийной картине мира.

Применительно к проблематике диссертации результативно изложены аргументы в пользу исследования реализаций метафорических моделей в иноязычном политическом дискурсе, представляющем избирательную ситуацию в России и США, выявлены связанные с немецкой общей и политической культурой важные факты, которые определяют особенности метафорического моделирования в немецких СМИ выборов, состоявшихся в США и России; раскрыты закономерности

функционирования доминантных метафорических моделей, характеризующих ситуацию выборов президентов США и России при освещении соответствующих кампаний в немецких массмедиа; изучены особенности функционирования универсальных и специфических метафорических моделей, являющихся доминантными в репрезентации выборов президента в США и России в немецком политическом дискурсе.

Л. А. Назарова

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Вепрева, И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении : Типология критериев коммуникативного и концептуального речевого напряжения в постсоветском дискурсе / Ирина Вепрева. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2012. — 434 с.

Разрабатываются проблемы языковой рефлексии. В качестве основной единицы исследования метаязыкового дискурса предлагается рефлексив, который является маркером толерантного когнитивно-речевого взаимодействия. Для понимания природы гетерогенного корпуса метаязыковых высказываний разработана типология критериев коммуникативного и концептуального напряжения. Коммуникативные и концептуальные рефлексивы в современной речи выступают как чуткие индикаторы социальных и языковых процессов, происходящих в постсоветской России. Они позволяют сделать лингвоментальный срез современной эпохи. Феномен языковой рефлексии объясняет причины интенсивной метаязыковой деятельности говорящего в постсоветскую эпоху. Материал исследования включает яркие свидетельства амбивалентности русского самосознания в переломные годы истории России, документирует эмоциональное состояние общества на рубеже веков, обновление концептосферы русской языковой личности, изменения в ее мировоззрении и поиски национально-государственной идентичности. Книга представляет интерес для широкого круга лингвистов, культурологов, социологов и всех читателей, интересующихся проблемами языка, общества, культуры.

Вопросы ономастики. — 2012. — № 1(12). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 192 с.

Журнал содержит статьи по топонимии, полевой ономастике, ономастической лексикографии, антропонимии. Раздел «Статьи» открывает исследование *П. Ракхонена*, посвященное определению границ распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки. Финно-угорская проблематика продолжается в статье *О. В. Смирнова* «Субстратная мансийская топонимия на территории бывшего проживания манси». В нескольких публикациях затрагиваются вопросы полевых исследований в ономастике. Статья *Т. Н. Дмитриевой* представляет собой обзор ответов на проведенной редколлегией журнала анкетирование, цель которого — выявить основные направления и результаты полевых ономастических сборов в России. Статья *И. И. Муллонен* посвящена полевым исследованиям по топонимике Карелии. В следующей за ней статье *Г. Б. Секея* рассказывается о 150-летней истории полевого изучения языка и культуры одной из групп северных манси, проживающей на территории современного Ивдельского района Свердловской области. Завершает раздел статья *Н. М. Ивашовой* по топонимической лексикографии и методикам полевого сбора материала (1900—1920). В рубрике «Трибуна ономастолога» можно ознакомиться с откликом *Р. А. Агеевой* на статью *Р. Ю. Намитоковой* «Склонять или не склонять — вот в чем вопрос...», а в разделе «Зарубежная ономастика» — со статьей *К. Бромберже* «К антропологическому анализу антропонимов». Кроме того, в журнале содержится информация о нескольких ономастических конференциях, состоявшихся в 2012 г., рецензии и краткие сведения о новой ономастической литературе, а также библиография работ *А. К. Матвеева*.

Вопросы ономастики. — 2012. — № 2(13). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 172 с.

В очередном номере журнала «Вопросы ономастики» опубликованы статьи, сообщения, рецензии и обзоры, посвященные самым разным проблемам ономастической науки. В разделе «Статьи» можно ознакомиться с исследованиями по топонимии севера России: «Структурно-слово-образовательная типология гидронимов Русского Северо-Запада» В. Л. Васильева, «Топонимия верхнего течения реки Лозьва и прилегающих территорий на рукописном плане карты Антала Регули (Karte Nro I. 1844)» Г. Б. Секея. Здесь же опубликована статья С. И. Гарагули «К вопросу об антропонимической идентичности (на материале английских личных имен)» и польского исследователя П. Томасика, посвященная выяснению вопроса об ономастическом статусе названий маршрутов городского транспорта. Проблемы литературной ономастики затрагиваются А. А. Фоминым в статье «Квадратура круга семьи Карениных: об ассоциативном потенциале двух фамилий главной героини романа Л. Н. Толстого». Завершается раздел работой французских ученых Э. Дюпраз и С. Леруа «Имя собственное и языковой перенос: апеллятивные производные античных имен собственных в словаре Trésor de la Langue Française», а также дополняющей ее статьей Д. В. Спиридонова о путях лексикализации фр. *îrîgone* 'последователь, подражатель'. Раздел «Сообщения» представлен работой Ю. Ю. Гордовой «Ономастическая картография». В номере содержится также информация о состоявшихся ономастических конференциях, рецензии и аннотации на новинки ономастической литературы, а также список новых диссертаций по ономастике (2010–2012) и очерк, посвященный памяти Э. Эйхлера, основателя и председателя Немецкого ономастического общества.

Данилов, С. Речевой жанр проработки в тоталитарной культуре : очерк коммуникации / С. Данилов. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2012. — 170 с.

Монография посвящена изучению коммуникативных практик советской культуры. Речевой жанр проработки наследует основные свойства и реализует основные функции тоталитарной культуры: обеспечивает идеологический контроль за членами группы; формируясь на основе директивы, поддерживает специфическую директивно-ситуативную норму, распространяющуюся как на выбор ярлыков и тематику проработки, так и на приспособление субжанров вопроса и молчания к проработочному контексту. Процедура проработки, построенная с учетом идеологической композиции, стимулирует процесс идеологического «заражения» коммуникативной ситуации. Масочность и театрализованность тоталитарной культуры в проработке проявляется в наличии правил игры, в механизмах мены ролей, а также в вытеснении статусных характеристик коммуникантов позиционными. В проработке основные свойства тоталитарной культуры не только отражаются, но и активно воссоздаются. Это мощный инструмент воздействия тоталитарной культуры на носителей языка и на общество в целом. Книга адресована филологам, культурологам, специалистам по коммуникативистике и теории речевых жанров.

Дергачевские чтения — 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. И. А. Дергачева, Екатеринбург, 6–7 окт. 2011 г. : в 3 т. / [сост. А. В. Подчиненов]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012.

Т. 1. — 352 с.

Т. 2. — 416 с.

Т. 3. — 360 с.

Первый том содержит три раздела: «In memòriam», «Стратегии творческого поведения» и «Художественное мышление Ф. М. Достоевского». В первом разделе помещены неопубликованные тексты И. А. Дергачева и материалы, посвященные его архиву, родословной, а также становлению уральской школы жанрологии. Во втором разделе сквозь призму стратегий творческого поведения рассматривается поэтика литературного произведения. В завершающем разделе акцент сделан на метафизических, мифологических и фольклорных особенностях мышления Достоевского. В статьях второго тома исследуются проблемы, связанные с современным функционированием художественных жанровых систем. Анализируются как классические, так и модернистские и постмодернистские художественные парадигмы в отношении к сюжету и жанру, механизмы повествовательной стратегии в организации пространственных образов, хронотопа и

композиции, вариативность и динамика жанровых форм, их стилевые законы. Третий том содержит три раздела: «Фольклор и литература Урала», «Литературный музей и регион: стратегии развития» и «Феномен театральности в зарубежной литературе». В первом разделе акцент сделан на проблемах, связанных с региональным литературным ландшафтом. Во втором вопросы регионального литературного развития рассмотрены с позиции современного музееведения. Завершающий раздел посвящен исследованию специфических аспектов, создающих художественный эффект театральности и театрализации.

Енина, Л. *Акции протеста в России конца XX века: лозунги как свертхтекст* / Л. Енина. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing. — 2012. — 178 с.

Рассматриваются лозунги, зафиксированные на акциях протеста в России 90-х гг. XX в. Анализ лозунгов в рамках свертхтекста — цельного речевого и культурного образования — дает основу для объяснения отдельных речевых и жанровых закономерностей изучаемых текстов. Кроме того, понятие свертхтекста позволяет выявить скрытые ценностные предпочтения части общества, поддерживающей данные лозунги. Особой приметой корпуса лозунгов указанного периода является речевая агрессия; на основе предложенной методики анализа выделяются три степени ее проявления в лозунгах. Особую значимость для самостоятельных исследователей имеет приложение, в котором содержится уникальная коллекция (более 1 тыс.) лозунгов с акций протеста. Книга представляет интерес и для лингвиста, так как в речевой ткани лозунга отражаются изменения жанра, и для социолога, так как в лозунгах отражаются проблемы социальных групп и общества в целом, и для культуролога: в них фиксируется отбор и комбинация культурных ценностей конца XX в. в России.

История литературы Урала, конец XIV—XVIII в. / гл. ред. В. В. Блажес, Е. К. Софина. — М. : Языки славянских культур, 2012. — 608 с. : ил.

Издание является первым томом четырехтомной академической «Истории литературы Урала» и поистине не имеет аналогов в отечественной науке. В нем впервые осуществлен систематический анализ исторического развития литературы крупнейшего региона России, причем древнего, наименее известного нам периода его истории. С конца XIV в., наряду с политическим и хозяйственным освоением Урала, начинается активная христианизация коренных народов Урала, и здесь немалую роль сыграла литература. Именно благодаря ей происходило культурное «оживление» территории региона и его позиционирование на общероссийской арене. Уникальность издания связана еще и с тем, что русская литература рассматривается в нем в единстве с национальными художественными традициями народов, проживающих на Урале, — башкир, коми, удмуртов. Впервые в системе и целостности анализируются основные книжные собрания региона — церковно-монастырские, крестьянские, частные библиотеки. Особое место занимает анализ житийной традиции и памятников старообрядческой письменности, поскольку именно старообрядцы сыграли чрезвычайно важную роль в освоении северо-восточных регионов страны. Исследуются образы Урала в национальном сознании России и Запада, прослеживается формирование просветительской литературы, замыкающей XVIII столетие. Привлекаются материалы первых урало-сибирских журналов, издававшихся в Тобольске («Иртыш, превращающийся в Ипокрену» и др.), дается анализ творческой деятельности первых авторских индивидуальностей региона, многие из которых также впервые вводятся в научный оборот.

В коллективном исследовании приняли участие известные ученые Урало-Сибирского региона и других научных центров России: Екатеринбург, Новосибирска, Красноярска, Сургута, Оренбурга, Сыктывкара, Уфы, Ижевска, С.-Петербурга. Книга органично соединяет научность и доступность изложения, написана увлекательно, содержит поистине уникальные сведения по истории культуры региона и его словесности, а поэтому может быть интересна самому широкому кругу читателей, использована в процессе преподавания истории литературы и культуры в школах и вузах, в геобрендинге как Свердловской области, так и входящих в Уральский регион территорий. Исследование призвано служить созданию толерантного цивилизованного общества, в котором развитые регионы есть условие и залог успешного развития всей страны.

Ицкович, Т. Православная проповедь как тип текста (на материале проповедей авторитетных священнослужителей Русской православной церкви) / Т. Ицкович. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing. — 2011. — 160 с.

Монография посвящена категориально-текстовому анализу православной проповеди. На материале образцовых текстов, принадлежащих авторитетным в религиозной среде авторам, исследуется экспликация категорий темы, композиции, времени, пространства и тональности. Православная проповедь как текстотип характеризуется специфической реализацией и системными отношениями текстовых категорий. Эта специфика обусловлена исходной для религиозного стиля оппозицией «земное — небесное», своеобразием композиционно-тематического и хронологического решения, а также закрепленным набором тональностей.

Ицкович, Т. Категории времени и пространства в религиозном стиле (на материале православной проповеди) / Т. Ицкович. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing. — 2011. — 77 с.

Монография посвящена анализу категорий времени и пространства в религиозном стиле русского литературного языка (на материале православной проповеди). Автор полагает, что экспликация указанных категорий в текстах религиозного стиля основывается на христианской идее двомирия, проецирует ее на дихотомию понятий объективного и концептуального времени и пространства. Тексты религиозного стиля отражают христианскую картину мира, в основе которой лежит оппозиция земного и небесного, определяющая своеобразие текстовых категорий времени и пространства: концептуальное время/пространство соотносимо с христианской трактовкой мира; объективное время/пространство соотносимо с реальной действительностью.

Культ-товары — XXI: ревизия ценностей (масскультура и ее потребители) / под общ. ред. И. Л. Савкиной, М. А. Черняк, Л. А. Назаровой. — Екатеринбург : Ажур, 2012. — 272 с.

Рассматриваются произошедшие в начале XXI в. социокультурные трансформации, инициировавшие появление новых форм, жанров и тем в отечественной и зарубежной массовой культуре, анализируются проблемы репрезентации в ней прошлого и настоящего, ожидания и поведение ее потребителей и другие актуальные вопросы, связанные с изучением современной поп-культуры. Издание осуществлено в рамках исследования при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» Министерства образования и науки Российской Федерации, грант № NK-643P-50.

Купина, Н. А. Стилистика современного русского языка : учеб. для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. — М. : Юрайт, 2013. — 415 с. — (Сер. Бакалавр. Углубленный курс).

В учебнике на обширном материале русской словесности рассматриваются теоретические проблемы стилистики современного русского языка. Их изложение основано на базовой триаде языкознания: язык — речь — текст. Представлена классификация стилистически отмеченных единиц языка. Характеристика функционирования современного русского языка как системы стилей включает в себя описание типичного отбора и комбинаторики языковых средств, функционально-смысловых типов речи, текстовых категорий. Специальные разделы посвящены системному описанию научного, официально-делового, религиозного, публицистического, разговорного стилей. Особое внимание уделено вопросам эстетики языка и речи, интерпретации результатов креативной речевой деятельности. Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения. Для студентов-филологов, а также студентов, магистрантов, аспирантов других гуманитарных специальностей.

Массовая зарубежная литература: инокультурный текст в рецептивном аспекте : сб. науч. тр. — Екатеринбург : Ажур, 2012. — 116 с.

Сборник включает в себя собственно теоретические статьи, посвященные актуальным проблемам восприятия инокультурного художественного текста, и работы, разноаспектно затрагивающие вопросы функционирования текстов массовой литературы в современной зарубежной

прозе, произведения Я. Вишневого, А. Каргер, П. Зюскинда, Д. Пеннака и др. Издание осуществлено при грантовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № НК-643Р-50).

Новые подходы к изучению семантики. XVIII Кузнецовские чтения : материалы межвуз. науч. конф., 6 марта 2012 г., Екатеринбург / [сост. Т. М. Воронина, А. М. Плотникова]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 170 с.

Основу сборника составили материалы участников проблемной группы «Русский глагол». В центре внимания авторов настоящего сборника оказываются различные объекты: языковая система, отдельные лексические единицы и классы слов, высказывания, речевые жанры, художественные тексты, однако объединяет предлагаемые статьи общий когнитивно-дискурсивный подход и обращение к данным идеографических словарей, в которых находит отображение языковая картина мира. В статьях рассматривается широкий круг проблем, касающихся семантики слова, предложения и текста. Сборник предназначен для специалистов-филологов и может быть интересен аспирантам, студентам, а также всем, кого интересуют проблемы языка.

Пикулева, Ю. Семиотика телевизионной рекламы: прецедентные доминанты / Ю. Пикулева. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing. — 2012. — 259 с.

Монография посвящена многоаспектному описанию функционирования прецедентных культурных знаков в текстах телевизионной рекламы конца XX — начала XXI в. Автором уточнено понятие «прецедентный культурный знак»; описаны характерные для телевизионной рекламы прецедентные культурные знаки (вербальной, невербальной и смешанной природы); в парадигматическом и синтагматическом аспектах исследованы прецедентные имена собственные, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и сюжеты; установлены источники прецедентных культурных знаков; доказано, что рекламный текст выступает новейшим источником прецедентных культурных знаков; выявлены особенности функционирования прецедентных культурных знаков в контекстной среде — вербальной и невербальной; отмечены тенденции использования прецедентных единиц в региональной рекламе. Полученные автором результаты могут быть использованы в научной и педагогической практике для чтения курсов по семиотике, лингвокультурологии, лингвопрагматике и в практике составления рекламных текстов.

Попкова, Н. Доминанты идиостиля современного поэта-ирониста (на материале произведений Игоря Иртеньева) / Н. Попкова. — Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing. — 2011. — 206 с.

Монография посвящена изучению феномена иронии — одного из средств и приемов комического эффекта, актуализированных в российском медиапространстве XX–XXI вв. В центре работы анализ идиостиля поэта Игоря Иртеньева. Доминантными признаками поэтики Иртеньева при этом становятся средства и приемы, основанные на иронии и комизме: масочность «я»-субъекта, трансформация прецедентных текстов, языковая игра и т. п. Подобный арсенал приемов выбран поэтом не случайно: карнавализация, трансформация мыслительных стереотипов и штампов, намек, подтекст — все это следствия иронического отношения писателя к действительности. Автор работы доказывает, что публицистическая составляющая и критический взгляд на страну и мир не подавляют художественность текста.

Пращерук, Н. В. Диалоги с классикой: о прозе И. А. Бунина / Н. В. Пращерук. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2012. — 144 с.

Исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философов-коммуникаторов XX в. — М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX в. На материале произведений 1910–1940-х гг. исследуются конкретные межтекстовые связи, «механизмы» взаимодействия художников, специфика и «предмет» диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать собеседника. Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

Пращерук, Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен : учеб.-метод. пособие / Н. В. Пращерук ; [науч. ред. О. В. Зырянов]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 232 с.

Учебное пособие предназначено студентам, изучающим специальные дисциплины по творчеству И. А. Бунина, по русской литературе рубежа XIX–XX вв. и начала XX в. Оно также связано с общими учебными курсами «История отечественной литературы» и «Теория литературы», так как предполагает углубленное изучение целого ряда разделов этих курсов.

Рабинович, В. С. Наедине с собой и людьми : Литература в жизни и жизнь в литературе / В. С. Рабинович. — Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2012. — 448 с.

Книга представляет собой сборник авторских эссе, посвященных отдельным авторам, произведениям и проблемам зарубежной литературы. Литература для автора — квинтэссенция жизни, со времен Античности обтачивающая, как волна камень, одни и те же экзистенциалы.

Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2012. — 864 с.

Словарь-тезаурус русских прилагательных (идеографический словарь прилагательных) — принципиальное новое лексикографическое издание. Впервые русские прилагательные даются в нем не по алфавиту, а по смысловым (идеографическим) группам, внутри которых они соотносятся с общим для них понятием (например, «время», «интеллект», «эмоции» и др.). В словаре описано более 15 тыс. значений прилагательных различных стилевых пластов: нейтральные, книжные, разговорные, разговорно-сниженные, жаргонные и др. Все прилагательные с учетом отображаемых понятий распределены по 15 семантическим сферам, 103 классам, 278 группам и 358 подгруппам. Для удобства к словарю прилагается диск, содержащий алфавитный указатель, который поможет быстро найти слово и определить по имеющемуся при нем индексу название группы, в состав которой оно входит. В алфавитной части словаря указывается количество значений того или иного прилагательного и приводится его типовая сочетаемость. Для каждого слова впервые последовательно даны примеры употребления, что особенно важно при описании переносных, образных значений. В словаре содержится информация о прилагательных разных семантических групп, которые могут употребляться в качестве эпитетов. Адресован самому широкому кругу читателей: филологам, специалистам в области русского языка и общего языкознания, преподавателям русского языка как родного и как иностранного, журналистам, писателям, работникам СМИ, редакторам, а также всем, кто любит русский язык и стремится использовать его неисчерпаемые богатства.

Соболева, Л. С. Уральский текст в рукописях XVII–XX веков : исследование и публикации : (монография) / Л. С. Соболева. — Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2012. — 460 с.

Первый очерк монографии посвящен старообрядческим рукописям из собраний Екатеринбург, Перми, Новосибирска. Привлекаются разножанровые памятники, поэтике которых присущ синтез литературных и фольклорных черт (заговоры, апокрифы, духовные стихи), а также самобытные исторические сочинения — «родословия», в которых созданы образы лидеров староверия XVIII в. Второй очерк раскрывает духовное богатство Строгановского культурного региона. Благодаря бурному развитию хозяйства и благотворительной деятельности Строгановых в Прикамье были сформированы «культурные гнезда», в которых появились высокохудожественные памятники словесного искусства (сборник проповедей XVII в. «Статир», крестьянская рукописная библиотека XVIII в., сборник пословиц 1869 г. и т. п.). Рукописные памятники опубликованы в приложении. Очерки, составляющие книгу, предназначены всем, кто интересуется историей русской словесности и культуры.

Универсалии культуры. Вып. 4 : Эстетическая и массовая коммуникация: вопросы теории и практики / под ред. Н. В. Ковтун, Е. Е. Анисимова ; Сибир. федерал. ун-т, Ин-т филологии и языковой коммуникации. — Красноярск : Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2012. — 225 с. : ил.

Очередной выпуск серии «Универсалии культуры» посвящен русской литературе, публицистике, литературной критике, а также языку художественных произведений, переводов и периоди-

ческой печати в эстетическом, историческом, религиозном и философском контекстах. Издание подготовлено учеными Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Сибирского федерального университета, Уральского федерального университета, Томского государственного университета, Челябинского государственного педагогического университета. Адресовано филологам, историкам и всем интересующимся российской словесностью.

Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. : в 2 ч. / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 232 с. (ч. 1) ; 116 с. (ч. 2).

В первой части сборника в работах исследователей из России и стран ближнего и дальнего зарубежья рассматривается широкий спектр актуальных проблем этнолингвистики, ономастики, этимологии как общего, так и частного порядка. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия указанных областей языкознания — лингвокультурологическим аспектам ономастики, диалектологии и контактологии, этимологизации и семантической реконструкции нарицательных и собственных имен с опорой на этнолингвистическую информацию и др. Материалом для публикаций послужили факты различных языков, в первую очередь русского и других славянских, а также романо-германских, финно-угорских, тюркских и др.

Во вторую часть сборника материалов конференции вошли публикации, объединенные задачей выявления особенностей социо- и этнолингвистических процессов, характеризующих современную русскую деревню. Эта задача становится реальной благодаря широте охвата языкового материала, включающего в себя не только данные диалектных словарей, полевых сборов местной лексики, этнографические и фольклорные источники, но и традиционный русский ономастикон — топонимию, антропонимию, хрононимию.

Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. [посвящ.] памяти проф. А. К. Матвеева / [отв. ред. проф. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 514 с.

В сборнике опубликованы работы коллег и учеников чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Статьи объединены в несколько разделов, представляющих основные направления научных изысканий ученого и вместе с тем отражающих широту и разнообразие его научных интересов: «Ономастология», «Этимология», «Финно-угроведение» и «Varia». Им предшествует очерк научной и педагогической деятельности А. К. Матвеева, в котором прослеживается путь становления неутомимого исследователя и знатока субстратной топонимии Русского Севера, основателя Уральской топонимической школы. Завершает книгу впервые публикуемый полный перечень его научных трудов.

Сведения об авторах

Бедель, Александр Эммануилович. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Кандидат исторических наук (1990), старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (620026, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56; 251-65-25). Сфера научных интересов — экономическая история, историческая регионалистика.

Берчатова, Инна Сергеевна (Berchatova.inna@gmail.com). Магистрант департамента филологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-22). Сфера научных интересов — лексикология и словообразование английского языка.

Бугров, Константин Дмитриевич (Konstantin.Bugrov@usu.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-27-08). Сфера научных интересов — история общественно-политической и политико-правовой мысли России XVIII—XIX вв., компаративная история конституционализма, республиканизма, просвещенного абсолютизма.

Бугрова, Екатерина Дмитриевна (beethoviana@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (2010), специалист по учебно-методической работе кафедры социально-культурного сервиса и туризма УрФУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-23). Сфера научных интересов — жанры, речевой жанр аннотации; массовая литература.

Ванюшев, Василий Михайлович (vorjavaj@e-izhevsk.ru). Доктор филологических наук, профессор кафедры удмуртской литературы и литератур народов России Удмуртского государственного университета (426034, Ижевск, ул. Университетская, 1; (3412)68-20.61), главный научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Сфера научных интересов — сравнительно-типологическое изучение национальных литератур, история литератур народов Урало-Поволжья, научная биография творческой личности, национальное и общечеловеческое в художественном образе, книжные (авторские) формы национального эпоса, литературоведческий анализ художественного текста.

Галян, Софья Витальевна (sofiavit@mail.ru). Выпускница Челябинского государственного университета (1985). Старший преподаватель кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета (628401, Тюменская обл., ХМАО-Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; ru_language@surgpu.ru). Сфера научных интересов — литературная традиция, проблемы творческой преемственности в русской лирике.

Ганиев, Рустам Талгатович (rusthist@gmail.com). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2002). Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-27-08; doc_office@usu.ru). Сфера научных интересов — история Центральной Азии, восточных тюрков, Тюркских каганатов, политики России в отношении Центральной Азии.

Григорьев, Георгий Алексеевич (muzezbazhova@yandex.ru). Выпускник филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2010). Заведующий Мемориального дома-музея П. П. Бажова (620142, Екатеринбург, Чапаева, 11; (343)257-06-92; muzezbazhova@yandex.ru). Сфера научных интересов — жизнь и творчество П. П. Бажова, эпистолярное наследие, русская литература и литература Урала.

Зиятдинова, Диана Дамировна (diana-ziyatdinova@yandex.ru). Выпускница Казанского федерального университета (2001). Магистрант второго года обучения (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18. Тел. (843) 233-71-09). Сфера научных интересов — творчество Д. Рубиной, нациомоделирование.

Иордан, Агата Станиславовна (agataiordan@gmail.com). Выпускница факультета искусствознания и культурологии Уральского государственного университета им. М. Горького (2010). Аспирант кафедры истории искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51; (343) 3507449; arthist@usu.ru). Сфера научных интересов — искусство русского зарубежья, современное искусство, художественные практики Урала, искусство и дизайн.

Исхаков, Рафаиль Лутфуллович (rafa-iskhakov@yandex.ru). Выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1976). Кандидат филологических наук (1994), доцент кафедры периодической печати Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-05). Сфера научных интересов — история печати народов России, постмодернистские концепции этнических наук.

Киселев, Михаил Александрович (mihail.a.kiselev@gmail.com). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2007). Кандидат исторических наук (2010), научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620000, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; istor@uran.ru). Сфера научных интересов — государственное регулирование промышленной деятельности в России XVII—XVIII вв., история российских политических и социальных понятий.

Коновалов, Николай Александрович (nikalekko@yandex.ru). Выпускник Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (2011). Сфера научных интересов — речной транспорт бассейна реки Белой во второй половине XIX — начале XX в.

Конторских, Алёна Игоревна (kontorskikh.alena@yandex.ru). Магистрант департамента филологии ИГНИ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-22). Сфера научных интересов — когнитивная лингвистика, сравнительное языкознание.

Купина, Наталия Александровна (natalia_kupina@mail.ru). Выпускница филологического факультета Одесского государственного университета (1962). Доктор филологических наук (1985), профессор кафедры риторики и стилистики русского языка (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94; kafedraris@yandex.ru). Сфера научных интересов — стилистика, современный русский язык, культура речи, риторика.

Миннегулов, Хатип Юсупович (tatlit1103@mail.ru). Выпускник отделения татарской филологии историко-филологического факультета Казанского государственного университета (1964). Доктор филологических наук (1999), зав. кафедрой татарской литературы КГУ (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; (8432) 31-51-56; tatafak@yandex.ru). Сфера научных интересов — древняя и средневековая татарская литература и ее взаимосвязи с восточной (арабской, персидской, турецкой) литературой, труды и по литературе XIX—XX вв., а также по татарской литературе и печати зарубежья (в том числе и по творчеству Г. Исхаки), методике и теории словесности.

Поршнева, Ольга Сергеевна (porshneva@yandex.ru). Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4; (343)350-27-08).

Приказчикова, Елена Евгеньевна (miegata-logos@yandex.ru). Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1991). Доктор филологических наук (2010), профессор кафедры фольклора и древней литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; izvestia_2@usu.ru). Сфера научных интересов — история русской литературы XVIII в., русская мемуаристика XVIII—XX вв., мифология.

Пяткин, Сергей Николаевич (nikolas_pyat@mail.ru). Выпускник Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара (1991). Доктор филологических наук (2008), заместитель директора по научной работе, профессор кафедры литературы Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета (607220, Нижегородская область, Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36; Тел/факс: (83147)4-15-53). Сфера научных интересов — мифопоэтика русской литературы, проблемы культурного диалога в русской классике.

Рабинович, Валерий Самуилович (izvestia_2@usu.ru). Выпускник филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы ИГНИ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-02). Сфера научных интересов — английская литература первой половины XX в.

Сидорова, Ольга Григорьевна (ogs531@mail.ru). Выпускница филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1981). Доктор филологических наук (2005), зав. кафедрой германской филологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-22). Сфера научных интересов — современный британский роман, англоязычная мультикультурная и постколониальная проза, имагология, история перевода.

Соколов, Сергей Васильевич (srg.sokolov@gmail.com). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2008). Кандидат исторических наук (2011), доцент кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4 (343)350-27-08). Сфера научных интересов — историография, история Древней Руси, интеллектуальная история, история понятий.

Суровень, Дмитрий Александрович (Yamato.ur@mail.ru). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1989). Кандидат исторических наук (1997), доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, к. 315; (343)245-35-98; sea003@usla.ru, igp@usla). Сфера научных интересов — история общества, государства и права древней и раннесредневековой Японии, история Восточной Азии в период древности и раннего Средневековья, процессы формирования классового общества и государства, варварские общества и государства.

Упоров, Артём Андреевич (uartyom@yandex.ru). Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (2011). Аспирант кафедры современного русского языка ИГНИ УРФУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92); учитель филологии Специализированной школы-интерната (СУНИ) Уральского федерального университета (Екатеринбург, ул. Д. Зверева, 30, к. 113). Сфера научных интересов — лексикология, семантика, лингвистический анализ текста.

Харлов, Игорь Евгеньевич (igorkharlov@rambler.ru). Магистрант департамента филологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-22). Сфера научных интересов — когнитивная лингвистика, компаративистика, психолингвистика; методика преподавания иностранных языков, межкультурные системы оценивания языковых навыков.

Хоруженко, Татьяна Игоревна (tkhoruzhenko@mail.ru). Выпускница филологического факультета Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (2012). Аспирантка УрФУ (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92; izvestia_2@usu.ru). Сфера научных интересов — фольклор и мифология, фэнтези, массовая литература, теория жанров.

Чернышова, Надежда Константиновна (knigoved@spsl.nsc.ru). Выпускница Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1971). Доктор исторических наук (2012), старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (630200, Новосибирск, ул. Восход, 15). Сфера научных интересов — история Русской православной церкви, книжная культура Сибири XIX — начала XX в.

Эркинов, Афтандил Садирханович (erkinov@yahoo.com). Выпускник Ташкентского государственного университета (1986). Доктор филологических наук (2000), доцент Ташкентского государственного института востоковедения. Сфера научных интересов — литература Средней Азии на тюркских и персидском языках (XV — начало XX в.); история интеллектуальной жизни Средней Азии, история Средней Азии в период российской колонизации (1867—1917).

SUMMARY

PHILOLOGY

Literary Criticism

Galyan, S. V.

Surgut State Pedagogical University
sofiavit@mail.ru

Uncollected Lyric Poetry Cycles of G. R. Derzhavin and F. I. Tyutchev

The author considers the new (experimental) forms of collecting poems into poetic cycles in the late 18th – early 19th century, when individual creative thinking substituted for genre thinking. The first attempts to overcome the boundaries were made by Derzhavin, some of whose works were collected into miscellaneous series, as it draws a context conditioned by a universal theme or/and lyrical plot, characterized by an intertextual nature. A comparative analysis of miscellaneous series of Derzhavin and Tyutchev enables the author to conclude about the fact that Tyutchev's collecting his lyric poems into cycles continued Derzhavin's tradition.

Key words: G. R. Derzhavin, F. N. Tyutchev, miscellaneous lyric poetry cycles, cyclization in lyrical poetry collections.

Pyatkin, S. N.

Arzamas, N. Novgorod State University
nikolas_pyat@mail.ru

Wheat and Weed by B. A. Sadovskoy: Lermontov's Mythological Biography

The article analyzes the novel of the 1st S of the 20th century writer B.A. Sadovskoy (1881–1952) within the context of the author's artistic mythology, his Orthodox Christian view of the world and a man's place and role therein, who actualizes the meanings of the gospel parable of the weeds and creates a mythological biography of M.Yu. Lermontov, making it conceptually different from the canonical literary account of the poet's life and personality.

Key words: Sadovskoy, Lermontov, parable, gospel text, mythological time and space, biography.

Ziyatdinova, D. D.

Kazan Federal University
diana-ziyatdinova@yandex.ru

The Concept of Russia: Evolution in Dina Rubina's Works of the 1990s

The article considers the peculiarities of the *Russian text* representation in Dina Rubina's post-soviet creative work, analyzing the shift from the author's own to the other's perception and evaluation of Russia and revealing the reflection of the process in the literary works in question through the peculiarities of auto- and hetero-stereotypes, the transformation of the Russian cultural conceptual sphere into cultural stereotypization.

Key words: intelligentsial discourse, self-identification, chosen identity, auto- and hetero-stereotypes, cultural stereotypes, author's mask.

Vanyushev, M. V.

Izhevsk, Udmurt State University
vorjavaj@e-izhevsk.ru

Udmurt Prosaic Genres Formation in G. E. Vereshchagin's Works

The author studies the formation process of prosaic genres in Udmurt literature, which is – to a considerable extent – based on the folklore and ethnographic works of the first Udmurt scholar and writer G. E. Vereshchagin, which combine scientific and artistic narration.

Key words: G. E. Vereshchagin, scientific research.

Grigoryev, G. A.

Yekaterinburg, Bazhov Museum
muzeybzhova@yandex.ru

P. P. Bazhov's Epistolary Legacy

The author explores the history of P.P. Bazhov's epistolary legacy publication and study, outlining the dominating research direction in the sphere in question along with the research prospects thereof.

Key words: P. P. Bazhov, epistolary legacy, research discourse, Ural literature.

Khoruzhenko, T. I.

Yekaterinburg, Ural Federal University
tkhoruzhenko@mail.ru

Female Fantasy: a Contemporary Russian Literary Genre

The article analyzes the connection of Russian fantasy literature with women's novels, thus revealing the distinctive features of female fantasy, balancing between women's novels with elements of detective stories and fantasy.

Key words: fantasy, women's novel, female fantasy, adventure novel.

Linguistics

Kupina, N. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
natalia_kupina@mail.ru

Multilingualism and Multidialectalism in Russia's Socio-cultural Space

The article distinguishes between the two differential indicators of Russian multicultural society, i. e. multilingualism and multidialectalism. The author systematizes the problems of multidialectalism study in the light of the category of identity and tolerance.

Key words: discourse, identity, multidialectalism, multicultural society, multilingualism, speech communication, Russian language, sublanguage, tolerance.

Uporov, A. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
uartyom@yandex.ru

Word Classes with Modal Semantics in the Russian Lexical System

The article explores the semantic classes of words conveying modal meanings and determines their place within the ideographic pattern of a dictionary. The author studies binary oppositions making up such classes of words as possibility-impossibility, obligation-optionality, etc. In the article, closer attention is paid to the commonness-exceptionality class, illustrating the combined and interpretational semantics of the words comprising the word-class in question, as well as relations of gradation between them.

Key words: semantics, lexicography, ideography, word classes.

Bugrova, E. D.

Yekaterinburg, Ural Federal University
beethoviana@yandex.ru

The Evolution of Blurbs for Translated Mass Literature

The author analyzes the changes in the blurb genre with reference to blurbs for books of translated mass literature, paying special attention to the characteristics of the modern blurb as well as the role of its introductory part as a key means to attract the reader's attention. The analysis enables to determine the general tendencies in the development of the blurb genre and the augmentation of speech effect, as well as set further directions of the study.

Key words: speech genre, abstract, secondary text, mass literature.

Sidorova, O. G.

Yekaterinburg, Ural Federal University
Berchatova.inna@gmail.com

Berchatova, I. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
Berchatova.inna@gmail.com

Kontorskikh, A. I.

Yekaterinburg, Ural Federal University
kontorskikh.alena@yandex.ru

Kharlov, I. E.

Yekaterinburg, Ural Federal University
igorkharlov@rambler.ru

Foreign Elements in the Outdoor Advertising of a Ural City

The authors explore foreign words in the advertising space of Yekaterinburg, studying the linguistic and extra-linguistic reasons for the appearance of foreign elements in the city. Foreign-language inscriptions on signs, plates, and hoardings are analyzed as to their distribution within the city space, the means of their representation and the target audience. The analysis of the language form, mainly English, testifies to the low level and arbitrary use thereof.

Key words: globalization, intercultural contacts, foreign language, modern Russian language.

HISTORY

Chernyshova, N. K.

Novosibirsk, The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
knigoved@spsl.nsc.ru

The Life of St. Innocent of Irkutsk in the Hagiographic Tradition (2nd S of the 19th Century)

The article considers an episode of the history of the Russian hagiography of the Early Modern period demonstrating the shift from hand-written to bookish tradition and analyzing the problem of combination of the traditional hagiographic methods employed when writing about saints' lives, with the attempt in scientific criticism of the sources.

Key words: St. Innocent of Irkutsk, life of a saint, hagiographic tradition, source criticism.

Ganiev, R. T.

Yekaterinburg, Ural Federal University
rusthist@gmail.com

The Khivan Problem of the Russian Empire in the 1st S of the 19th Century: Ambitions and Reality

The author analyzes the Russian Empire's foreign policy as related to the Khanate of Khiva, the key factor in Russia's central Asian policy in the 1st half of the 19th century. The author studies the causes of the English-Russian rivalry of the 2nd half of the 19th century (the Great Game) in Central Asia, which first manifested itself in the Khivan question. Materials of the Orenburg Military Governor Office of the State Archive of Orenburg Region serve as sources of the research, many of them never published previously.

Key words: Khanate of Khiva, Central Asia, Russian Empire, English-Russian rivalry.

Erkinov, A. S.

Tashkent State Institute of Oriental Studies
erkinov@yahoo.com

Russian Empire's Religious Policy in Turkestan: An Essay on Khutbahs for the Russian Emperor by N. P. Ostroumov

Written by N. P. Ostroumov in 1930 Essay is now kept in the Central State Archives of the Republic of Uzbekistan and is hardly accessible for Russian researchers. In the work in question N. P. Ostroumov describes the history of prayer practice which eulogized the Russian Emperor and was widespread in Tashkent mosques and mixed schools of Turkestan, and analyzes the Muslims' attitude towards the abovementioned practice. N. P. Ostroumov's Essay is an important work focusing on Islam in Turkestan and revealing the ways of Russian influence on the Islam and Muslim community of the region.

Key words: prayer, khutbah, Muslims, Russian Emperor, Turkestan.

Konovalev N. A.

nikalekko@yandex.ru
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

The Work of the Druzhina Steamship Company (1850-1860s)

The article analyzes the work of the Druzhina steamship company in the basin of the Belaya River at the turn of the 1850s and 1860s. Considering the successes and failures of the company which was the first to launch passenger and cargo shipping in the abovementioned waterway, the author makes an attempt to evaluate the Druzhina's contribution to the development of steamship traffic in the region.

Key words: Druzhina company, Samolet company, Kama and Volga shipping company, cargo shipping operations, company's infrastructure.

Porshneva, O. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
porshneva@yandex.ru

Western Historiography on the Authorities-Workers' Relations during the Russian Civil War

The article deals with the evolution of the interpretation of authorities-workers' relations in the context of Civil War in western historiography. The author analyzes perspective and controversial ideas concerning social and political processes in the Eastern Front territory of the Civil War, including relations between Bolshevik/ anti-Bolshevik regimes and workers.

Key words: Civil War, Western Historiography, power, workers, Bolsheviks, anti-Bolshevik regimes, Whites.

Suroven' D. A.

Yekaterinburg, Ural State Law Academy
Yamato.ur@mail.ru

Japanese Sources on Empress Jingy's Preparations for the Invasion of Korean Silla in AD 346

The author compares the materials of the local south-western Japanese and ancient Japanese sources on the preparation of Empress Jingy's invasion of Korean Silla in AD 346.

Key words: Ancient Japan, Yamato, Чьyai, Jingy, Okinagatarashi-hime, Shiragi, Silla, Samhan, AD 346 invasion, Kojiki, Nihon Shoki, Hizen-fudoki, Sumiyoshi-kai, Sendai Kuji Hongi, Samguk sagi.

ARTS AND CULTURAL STUDIES

Jordan A. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
agataiordan@gmail.com

Book Illustration Experience of Alexey Brodovitch

The article deals with the book graphics by Alexey Brodovitch, a Russian illustrator and emigrant, for the most part unknown to Russian readers. He became a model for several generations of western graphic designers of the mid- and late 20th century who learnt from him the art of composition, the mastery of combination of images and texts, and the craftsmanship of constructing an artistic system for every book he illustrated.

Key words: Alexey Brodovitch, book illustrations, Paris publishing houses

D. DIDEROT AND THE RUSSIAN FATE OF HIS ENLIGHTENMENT IDEAS.

Towards the 300th anniversary of the philosopher

Bugrov, K. D.

Yekaterinburg, Ural Federal University
Konstantin.Bugrov@usu.ru

Petrine and Catherinean Concepts of Political Liberty in Late 18th Century Russia

The article considers the basic concepts of political freedom fundamental for Russia's political thought in the 2nd half of the 18th century. The Petrine concept regarded freedom as a characteristic of maturity, granting conditional release from permanent coercion from the side of the state to certain social groups, while the Catherinean concept meant complete freedom for the citizens of the Empire, and was founded on the concept of the Fundamental Laws. However, both concepts equally supported absolutist political power, regardless of the extensive use the vocabulary of legitimacy.

Key words: Manifesto on the Freedom of the Nobility, Catherine II, enlightened absolutism, Fundamental Laws, political freedom, political thought in 18th century Russia.

Prikazchikova, E. E.

Yekaterinburg, Ural Federal University
miegata-logos@yandex.ru

Diderot and the Temptation of the Russian Enlightenment

The author considers the story of the French philosopher D. Diderot and Empress Catherine II's relationship as viewed upon through the prism of state utopianism of the Enlightenment era. The author concludes that even in the era of philosophers it was impossible to establish a comprehensive dialogue between a philosopher and a ruler, utopia and politics, which is proven by the analysis of writings and epistolary legacy of either side of the dialogue in question.

Key words: state utopianism, Russian Enlightenment, philosopher, epistolary legacy, ego-documents.

Rabinovich, V. S.

Yekaterinburg, Ural Federal University
izvestia_2@usu.ru

Our Modern Denis Diderot, or Enlightenment Continued

The article studies the popularity of D. Diderot's enlightenment ideas in contemporary Russia, analyzing the topicality of his *Sur la tolerance*. The author maintains that the Enlightenment era in Russia is still to finish, and while it continues, Diderot's philosophy corresponds to the present day and is, thus, modern.

Key words: D. Diderot, enlightenment ideas, Russian Enlightenment, contemporaneity.

TOWARDS THE ANNIVERSARY OF TARTAR BOOK CULTURE

Minnegulov, Kh. Yu.

Kazan State University
tatlit1103@mail.ru

On Tartar Book History

The article explains the prerequisites for the appearance of Tartar book printing, i.e. the development of writing, the adoption of Islam and Arabic alphabet, the dissemination of literacy among Tartars, and the appearance of printed books. The author reviews Tartar book printing as of the 17th century.

Key words: y words: Turks, arabographic book, Hieronymus Megiser, Peter I's Manifest, D. Kantemir.

Iskhakov R. L.

Yekaterinburg, Ural Federal University
rafa-iskhakov@yandex.ru

Book Printing in Ural Tatar Culture

The author considers Tatar literature as a form of the ethnic world view which passed, following the phases of ethnogenesis, from the neoethnic, through the nationalist to the postethnic stage of development. In the Ural region the Tatar literature grew up from journalism and passes throughout journalism. The article presents some new archival materials on the history of Tatar book printing in the region in question.

Key words: ethnic Muslim, socionatural history, ethnic world view, Tatar literature, stages of literary development.

Tatar book culture: a contemporary view. A round table of Izvestia's Editorial Board for the 290th anniversary of the first printed Tartar book in Russia (R. L. Iskhakov)

REVIEWS

Prikazchikova, E. E.

Yekaterinburg, Ural Federal University
miegata-logos@yandex.ru

Towards the Anniversary of G. R. Derzhavin

Review of *G. R. Derzhavin and the Artistic Culture of His Time: On the Formation of the Individual Author's Consciousness* by D. V. Larkovich

Review of *G. R. Derzhavin's Poetic Work in the Context of the Late 18th – Early 19th Centuries Literary Aesthetics* by A. G. Maslova

Bedel, A. E.

Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, Russian Academy of Sciences (Ural Branch)

The Limits of Safety and the Safety of Limits

Bugrov, K. D.

Yekaterinburg, Ural Federal University
Konstantin.Bugrov@usu.ru

Kiselev, M. A.

Yekaterinburg, Ural Federal University
mihail.a.kiselev@gmail.com

Sokolov, S. V.

Yekaterinburg, Ural Federal University

A Normative Legal Approach towards the Study of Russia's Nobility of mid-18th – 1st ½ of the 19th Centuries

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2013. № 2 (114)

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

Р. Н. Кислых
Л. А. Хухаревой

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.10.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 17.06.2013. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 22,1. Усл. печ. л. 21,9. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 385.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (4 номера в год). Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 82412. Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранному сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, резюме на русском и английском языках (тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, не более 700 знаков), перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес).
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского государственного университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Анонимное рецензирование статей осуществляется ведущими российскими и зарубежными учеными.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).

- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы обязательны** (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е., т. п., т. д., т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*. **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: «*Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления*», — говорил Маршак¹.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой *е/Е* за исключением важных для смыслового различия контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008, введенным с 1 января 2009 г., с обязательным указанием общего объема или конкретных страниц цитируемого источника.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1—3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с 285]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2009).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.